

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ПАМЯТИ А.Ю. ГАЛУШКИНА

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЖИЗНЬ**
Статьи. Публикации. Мемуары
Памяти А.Ю. Галушкина

БИБЛИОТЕКА
«ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»
Новая серия. Выпуск 1

Александр Юрьевич Галушкин
(01.03.1960 – 22.07.2014)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЖИЗНЬ**
Статьи. Публикации. Мемуары
Памяти А.Ю. Галушкина

Москва
ИМЛИ РАН
2017

**БИБЛИОТЕКА
«ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»**

Новая серия. Выпуск 1

Редактор серии
О.А. Коростелев

Редакторы выпуска
М.П. Одесский, М.Л. Спивак, М.А. Фролов

Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А.Ю. Галушкина / Ответственный редактор В.В. Полонский: Составители М.П. Одесский, М.Л. Спивак. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 400 с. + 16 с. илл.

Сборник посвящен памяти А.Ю. Галушкина (1960–2014), филолога, публикатора, издателя, сотрудника ИМЛИ РАН, возглавлявшего в последние годы жизни отдел «Литературное наследство». Научные интересы А.Ю. Галушкина были связаны прежде всего с историей русской литературы 1920–1930-х гг. Этому периоду отечественной культуры посвящено и большинство статей, вошедших в книгу. Авторы сборника, ученые из России, Германии, Израиля, Италии, Норвегии, Франции, были друзьями, коллегами, единомышленниками А.Ю. Галушкина. Их работы отличает общность взглядов на литературный процесс, внимание к фактам и деталям. Все они принадлежат к той научной школе, выдающимся представителем которой был А.Ю. Галушкин. Именно он задумал возобновить серию книг «Библиотека «Литературного наследства»», начинавшуюся еще в 1930-е гг., но, к сожалению, не успевший осуществить этот замысел. Сборник памяти А.Ю. Галушкина открывает новую серию.

© ИМЛИ РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© М.П. Одесский, М.Л. Спивак,
составление, редакция, 2017

© А. и Д. Бернштейн, оформление, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	6
<i>В.В. Нехотин</i> Хранимое не всё.....	9
I.	
<i>Н.А. Богомолов</i> К изучению песенного фольклора современного города.....	16
<i>М. Вендитти</i> «Автобиография» К.Ф. Юона в контексте теории художественной формы ГАХН.....	23
<i>С. Гардзонио</i> Никита Бутырский — сочинитель сонетов.....	33
<i>Э. Гаретто</i> «...спешу принести Вам свою сердечную благодарность...». Письмо П.А. Сорокина А.В. Амфитеатрову от 11 апреля 1928 г.	43
<i>Д.П. Ивинский</i> «Мастерство Гоголя» и Рудольф Штейнер. 1–2.....	47
<i>Л.Ф. Кацис</i> Из комментариев к недописанному письму Н.Я. Мандельштам Е.Б. Пастернаку 1960 г.	65
<i>О.И. Киянская, Д.М. Фельдман</i> Гибель Авессалома Изнуренкова. Из материалов уголовного дела М.А. Глушкова.....	76
<i>О.А. Коростелев</i> Эмигрантская периодика сквозь призму дневника А.П. Ладинского.....	99
<i>А.В. Лавров</i> Невозобновленная «Ирида» (Из редакционного портфеля литературного издания).....	114
Письма Ноки <i>Статья, подготовка текста и комментарии В.В. Нехотина</i> .	141

М.П. Одесский

Тайна 1937 года. Идеологемы десталинизации
в советской периодике 1938 г. 149

М.М. Павлова

К вопросу об авторстве статьи «Вынужденный ответ»
(Отечество. 1914. № 7) 162

В. Познер

Растраченное наследство формализма:
«Конец барокко» В.Б. Шкловского и советская
кинокритика 1930-х гг. 175

Ф. Поляков

Евгений Замятин и Николай Зарецкий:
к истории пражской «невстречи» 1932 г. 189

А. Рогачевский

If You Had a Tough Time Yesterday, Read On.
Финансовые вопросы в переписке И.А. Бунина
и А.В. Амфитеатрова 199

А.Л. Соболев

Общество «Artifex» в кольце врагов 212

«Ничего, ничего, молчание!...»: о том, как поссорились

Андрей Белый с Ивановым-Разумником.

Неизвестное письмо Андрея Белого Иванову-Разумнику

Статья, подготовка текста и комментарии М.Л. Спивак ... 251

Р. Тименчик

Виктор Шкловский, филолог: из Именного указателя
к «Записным книжкам» Ахматовой 271

Из истории отечественной пушкинистики 1910-х годов.

Неизвестная работа Г.В. Маслова из архива редакции
журнала «Голос минувшего»

Статья, подготовка текста и комментарии М.А. Фролова ... 285

М. Шруба

Об адъективных псевдонимах. По поводу одного
фельетона Гулливера (В.Ф. Ходасевича) 304

<i>А.Л. Юрганов</i> «Мещанство» и «пошлость» в литературно-философских спорах модернистов и позитивистов начала XX в.	315

II.

Из писем А.Ю. Галушкина М.Ю. Любимовой (1996–2014 гг.) <i>Вступительная заметка, подготовка текста</i> <i>и комментарии М.Ю. Любимовой</i>	316

III.

<i>Е.Ю. Литвин</i> Мой ученый друг	363
<i>А. Моторов</i> Барабанщик старого состава	379

IV.

Библиографический список печатных трудов А.Ю. Галушкина (1981–2014 гг.) <i>Составитель М.А. Фролов</i>	389

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ: ПАМЯТИ А.Ю. ГАЛУШКИНА

Александр Юрьевич Галушкин (01.03.1960 — 22.07.2014), Саша Галушкин, был выдающимся знатоком русской литературы и журналистики первых десятилетий XX в., ученым с большой буквы. Его безвременная смерть потрясла близких ему людей и коллег-специалистов. В различных журналах и газетах были опубликованы некрологи, журнал «Новое литературное обозрение» поместил блок материалов, посвященный его памяти (2015. № 131. С. 208–244). Участники предлагаемого сборника «Литературная жизнь» так же стремились почтить память ученого и друга.

В 1982 г. Галушкин окончил факультет журналистики Московского Университета; в 1983–1984 гг. был литературным секретарём В. Шкловского; с 1988 г. и до самой смерти работал в академическом Институте мировой литературы (ИМЛИ РАН), с 2009 г. — заведующий Отделом ИМЛИ «Литературное наследие». В 1997 г. защитил в Российском государственном гуманитарном университете кандидатскую диссертацию «Дискуссия о Б. Пильняке и Е. Замятине в контексте литературной политики конца 1920-х — начала 1930-х гг.». Кроме того, в 1992–1994 гг. — главный редактор независимого журнала истории литературы и библиографии «De Visu». Получал престижные гранты (в 2000 г. стипендиат программы «Fulbright Senior Scholar Program», Visiting Scholar в Колумбийском университете, Нью-Йорк). В качестве филолога публиковался с 1981 г., автор более 100 научных работ, в том числе выступил публикатором, составителем и редактором 11 книг.

Галушкин пользовался высоким профессиональным авторитетом, и его филологическая репутация была действительно безукоризненной. Что интересно: с детства Саша мечтал о журналистике, начал публиковаться еще школьником — газетные заметки, статейки, очерки «на злобу дня». Однако Сашин случай оказался неординарным: из университета он вышел «анти-журналистом», не приемлющим и «злобу дня», и «срочно в номер», и «легкость в мыслях», столь востребованные в журналистской профессии.

Его позиция как ученого — строгость и установка на факты. Галушкин ответственно, взвешенно относился к слову, в своих текстах избегал эмоциональности и демонстрировал беспристрастность (хотя

симпатии или антипатии к тем авторам, о которых он пишет, всегда ясны, да и трудно избавиться от впечатления, что культурно-исторический метод синтезируется у Галушкина — при всем его анти-журнализме — с приемами журналистского расследования).

Любимый научный жанр Галушкина — публикация и комментарий. Жанр «скромный»: публикатор, комментатор неизбежно остается в тени. Галушкин долго не мог собраться защитить кандидатскую диссертацию, докторскую так и не защитил. Не выпустил монографию (хотя материала было достаточно). Однако в интеллектуальном пространстве активно присутствуют подготовленные им книги, без постоянного обращения к которым немислимо заниматься советской литературой.

Самый фундаментальный труд Галушкина — летопись «Литературная жизнь России 1920-х годов». Два тома летописи, опубликованные в 2005 г., охватывают 1917–1922 гг. Это — чтение не развлекательное, но, если нужно проследить какой-нибудь научный сюжет, — чтение незаменимое. И снова Саша оказывается в тени: его личный вклад обозначен минимально, в то время как фактически именно Галушкин был не просто редактором, но и вообще «мотором» этого грандиозного проекта.

Любимые «герои» — Евгений Замятин и Виктор Шкловский. Именно благодаря посвященным им работам, Саша получил общее (в рамках славистики можно сказать — мировое) признание (в 1998 г. парижское издательство «L'Esprit des Peninsules» выпустило на французском языке подготовленный Галушкиным сборник текстов Шкловского). Важнейшей вехой в изучении Замятина стала книга «Новое о Замятине» (редактор Леонид Геллер, 1997 г.): из 324 страниц 122 страницы занимают работы Галушкина — материалы к библиографии Замятина 1986–1995 гг. и пространная (60 страниц) статья «“Дело Пильняка и Замятина”. Предварительные итоги расследования (так!)». Вопреки скромному подзаголовку, это, скорее, не статья, а мини-монография, в которой реализуется свойственная Галушкину методология. Громкий литературный скандал «расследуется» в мельчайших подробностях, с привлечением уникальных сведений о гонимых и гонителях, о культурном и политическом контекстах, причем «по ходу» восстанавливаются биографии людей, история литературных групп и институций. В итоге обнаруживается, что Пильняк и Замятин стали жертвами готовящегося нового партийного постановления о литературе, которое так и не было принято, но, как доказывает Галушкин, определило многие повороты «дела».

Галушкин публиковал также тексты Ф. Сологуба, Б. Пастернака, И. Бабеля, М. Булгакова и других славных русских писателей. Но параллельно он питал слабость к филологической экзотике — к редким периодическим изданиям и к таким авторам, о которых (заостря мысль) никто и никогда бы не вспомнил. С другом и коллегой Владимиром Нехотиным в 1997 г. Галушкин издал собрание стихотворений Хабиас (Нины Оболенской). А чуть ранее (1996) выпустил подробный аннотированный указатель к «Вестнику литературы» и другим интеллигентским журналам 1919–1922 гг.

Наконец, от научной деятельности Галушкина неотделима деятельность организаторская. Это, прежде всего, два его проекта: журнал «De visu» (1992–1994) — бесспорный шедевр научной периодики, и знаменитое «Литературное наследство» (он успел подготовить и в 2012 г. издать том 104-й — справочный).

Сборник «Литературная жизнь» открывается проникновенным мемуарным эссе В. Нехотина и состоит из четырех разделов. I раздел включает статьи и публикации неизвестных материалов, связанные с русской литературой и культурой XIX–XX вв., II раздел содержит письма А. Галушкина, адресованные петербургскому филологу, специалисту по творчеству Е. Замятина М. Любимовой (подготовлены самим корреспондентом), III раздел — воспоминания Е. Литвин и А. Моторова, которые в разное время общались с Сашей, наконец, венчает книгу IV раздел — библиографический список печатных трудов А. Галушкина (составитель М. Фролов).

Составляя сборник «Литературная жизнь», мы — апеллируя к заглавию эссе В. Нехотина — хотели бы верить: Deus conservat omnia. Бог сохраняет все.

М. Стивак, М. Одесский

ХРАНИМОЕ НЕ ВСЁ

Началось наше без малого 37-летнее знакомство с АЮ в сентябре 1977-го, когда традиционная в те времена для первокурсников журфака МГУ барщина по уборке опавших листьев в соседнем Александровском саду столь же традиционно перетекла в коллективное (человек 25–30, включая дам) распитие. Уже не вспомнить, где этот процесс начался: то ли с перголы «Ветерка» на Арбатской площади (вправо и вглубь от фонтана «Мальчик с рыбкой»), давно сгнувшего под новым зданием Генштаба, а тогда исправно посещаемого насельниками его же старого здания, в силу чего милиция там возникала крайне редко и заведение заслуженно слыло оазисом вседозволенности; то ли с кафе-мороженого между книжными «Искусством» и «Плакатами» в начале старого Арбата (обе точки не раз навещались и позднее, так что неуверенность здесь простительна). Завершилось же массовое празднество «ценичными» «компотами» (то есть дорогими коктейлями; характерные словечки тех лет) в новоарбатском «Лабиринте». А по пути из начального пункта в конечный и состоялась наша первая с Сашей длительная и уже хорошо разогретая беседа. Ведущую ее тему помню хорошо: что считать высшей и предельной (далее которой ничего интересного и не предвидится) точкой развития современной музыки, «King Crimson» (к чему склонялся я) или же «The Mahavishnu Orchestra»: «хотя и нудновато», — оговаривался Саша. Впрочем, вскоре он надолго отдаст свое ухо «Yes», затем круг его вкусов естественно расширится, но и последние свои годы он слушал преимущественно музыку первой половины 1970-х (посредством редко умолкавшей в его доме ROCK FM), не считая долговечной и достойной внимания продукцией всех тех, «кто не успел заявить о себе в роке до 1975-го», как Саша любил повторять. Та общая для нашего поколения тинейджерская меломания позднее достаточно ожидаемым (как видно сейчас) образом скажется на ученых интересах АЮ. Например, обнаружив однажды среди многообразных и занимательных студенческих граффити обширную и компетентную, но не лишенную лакун дискографию «Deep Purple», Саша не удержался и не без моего участия дополнил ее несколькими упущенными

анонимным составителем синглами и компиляциями. Спустя неделю на той же поверхности аудиторного стола появился восторженный отзыв с приглашением выйти на связь, — которое мы предпочли проигнорировать, опасаясь заслуженных кар за порчу университетской мебели (и лишь пару месяцев спустя познакомимся с составителем, как сейчас выражаются, «в реале»). Собственно, это и было одной из манифестаций Сашиной страсти к «библиографиям всего» и «указателям всего» (его излюбленные присловья).

Первая по номеру группа газетного отделения журфака комплектовалась по преимуществу из выпускников английских спецшкол, что по идее позволяло оптимизировать стратегии преподавательниц «англичанок». Но на деле и школы, и уровни владения оказывались очень разными, и в результате происшедшего отсева с переводом недостаточно владевших в другие группы мы с Сашей достаточно быстро остались двумя единственными представителями мужского пола в нашей 101-й (тогда, на первом курсе) группе.

Со школьных лет Саша пописывал в стол что-то беллетристическое (чего мне никогда не показывал, но давал понять; окончательно он бросил это дело к началу 1980-х) и, похоже, ожидал увидеть в журфаке некую light-версию литинститута. Я же, лет с тринадцати собиравшийся учиться на искусствоведа, на журфаке оказался достаточно случайно — приемные экзамены туда были на месяц раньше, чем на другие факультеты, и по настоятельным советам «попрактиковаться в сдаче вступительных» попробовал и сразу прошел. От добра добра не ищут, тем более что вскоре обнаружилась приятная особенность журфака — возможность заниматься лишь тем, что нравится, относительно легко «просачковывая» прочее. Позднее, с того курса, студентов которого уже допускали в научный зал Горьковки (кажется, с третьего), мы с Сашей повадились прогуливать там наименее привлекательные «пары», заказывая и читая все, что душе угодно, — благо тогда университетская библиотека располагалась в одном дворе с журфаком. Однажды, правда, неожиданно встретили в читальном зале инспектора нашего курса, среди прочего призванную контролировать посещаемость путем сбора записок на выходе с лекций, — но та пришла поработать над своей кандидатской и лишь ласково погрозила пальцем. С тех пор нам стало ясно, что все дозволено. Конечно, бывали и не столь вольготные периоды — таким запомнился, например, третий курс, когда приходилось освоить горы многословной беллетристики XIX века, отечественной и зарубежной параллельно, и читать что-либо еще помимо программы казалось просто физически непосильным.

Но на первом-втором курсах предписанное программами предлагалось в учебной библиотеке преимущественно в изданиях «Academia», хоть и нещадно «запыленных», но приятных на вид и ощупь, что Саша не преминул отметить, хотя библиофильством в чистом виде никогда не увлекался, неизменно предпочитая полноту издания степени его редкости и красоты. Совместные походы по букинистам мы в студенческие годы предпринимали довольно часто, как правило, совмещая их с «веселием Руси». Закупку не самых влекущих, но входящих в джентльменский набор гуманитария изданий и авторов Саша сопровождал стоическим «надо любить» (подразумевалось — это нужно иметь, хотя можно и не читать); возбуждающих редкостей, переиздания которых тогда ждать не приходилось — ехидно-эротическим «у тебя на это встает» (парижские Ремизовы, Вагинов, Ботаник X — последний был запрещен к приему в городских букинистах и мог попасться только в «Военной книге», до которой соответствующие главлитовские инструкции не доходили). Те же непосильные для бюджета приобретения, удержаться от которых было все же невозможно, Саша обычно ксерокопировал, возвращая оригинал волнам того книжного моря, из которого он на миг показывался. Из безвозвратно таким образом упущенного запомнились, например, все три сразу выпуска беленсоновского «Стрельца» или альманах «Часы. Час первый» (с тем самым фрагментом из «Сентиментального путешествия», где фигурируют почти одноименные Горбенко и Горбань, позднее попортившие немало комментаторской крови) — последний достаточно долго не удавалось пристроить обратно, так что само словосочетание «час первый» вызывало у нас нездоровый смех.

Хорошо помню, как поразило Сашу место из таким же путем пришедших и ушедших, еще в конце 1970-х, «Опавших листьев»: «Что значит, когда «я умру»? Освободится квартира на Коломенской, и хозяин сдаст ее новому жильцу. Еще что? Библиографы будут разбирать мои книги. А я сам? Сам? — *ничего*».

Коломенское, где Саша прожил со своих раннешкольных годов вплоть до женитьбы, особенной его любовью не пользовалось; где-то неподалеку от его дома располагался кооператив Союза журналистов, слышанная от обитателей которого фраза «гранки — верстки — главный зарезал» стала одной из постоянных Сашиних присказок, и вправду уместной на все случаи жизни и на все времена.

Столь же знаковой стала еще одна фраза, своим появлением обаянная чьему-то майскому дню рождения, намечавшемуся как официальное торжество в стенах родительского дома, по случаю чего «заводные девчонки» (тоже одно из речевых клише и украшений

нашей юности, примерно как «bad girls» из «Good girls go to heaven, bad girls go everywhere») даже прибыли в длинных платьях. Но что-то не сложилось, и в последний момент празднество пришлось перенести в прижелезнодорожный бурьян на Бутырском валу, что ничуть не повредило всеобщему и искреннему веселью. Саша, впрочем, решил слишком долго не задерживаться, поскольку имел какие-то не самые важные газетные дела в соседнем издательском комплексе, и сообщил присутствующим, что не сразу, конечно, но через час-другой досрочно их покинет. Однако последним, что он запомнил в тот день, были листья бурьяна высоко над головой и чья-то, позднее не раз воспроизводимая им то с издевательскими, то с участливыми интонациями — в зависимости от контекста и настроения — фраза «Ну что, Саша, поедем в “Комсомольскую правду”?»

В его изображении и в значении «а оно нам надо?» это и был тот символический рубеж, после которого Саша окончательно решил, чем и как ему в жизни заниматься. Первые два-три года после университета (выпустились мы оттуда в 1982-м) пришлось на времена совершенно безнадежные и беспросветные, — чего мы, однако, по молодости совершенно не замечали, перенеся наше общение в стены ГБЛ, до которой дорвались как уже дипломированные специалисты, по роду работы нуждающиеся в постоянном к фондам данной библиотеки обращении (примерно так писалось в полулиповых туда отношениях), и в почти ежедневный многочасовой телефонный треп. Затем вдруг нечаянною радостью пошел процесс. Сейчас, задним числом, те годы вспоминаются как один сплошной весенний солнечный день. Конечно, тогда и трава была зеленее. Но, пожалуй, еще и потому, что ожидания были поначалу невысокими, а результаты оказывались неожиданно успешными. Разность потенциалов между двумя этими точками-планками и вызывала неподдельное ощущение драйва, куража и прочего кайфа, без которого, как мы знали, нет и лайфа. При том, что затеянный Сашей в совершенно безнадежном 1982-м совписовский Замятин шел долго и тяжело, потеряв уже прямо перед выходом шесть лет готовившиеся комментарии: *«Дорогому другу и верному спутнику Владимиру Владимировичу Нехотину от составителя. Комментарии излишни. 27.6.1989»*, гласит лапидарный Сашин инскрипт.

Истоки его интереса к Замятину — совсем отдельная тема, здесь приведу только его давнее сравнение: «Если отжать, дистиллировать Тургенева, получится Бунин, а если Лескова — то Замятин». Бунина Саша любил и хорошо знал еще с детства, по коричневому девяти-томнику, но, видимо, считал, что на этом филологическом поле про-

фессионально делать уже нечего. Из относительно современных прозаиков ставил в один ряд с ним только Ю. Казакова — пожалуй, единственного автора среди тех, кто по возрасту уже не мог иметь никакой «досовписовской» литературной биографии, кого Саша воспринимал всерьез, по «гамбургскому счету».

Согласно дарственной на одноименном сборнике Шкловского, более благополучном по издательской судьбе, юность уже миновала (так оно и было): *«Дорогому Володе Нехотину, другу моей юности, который любит “бомбочки”, “фенечки” и т.п. 20.3.1990»*. «Бомбочки» (как и отсутствующие, но подразумеваемые здесь в пандан «броневички»; тоже из обычных Сашиних присказок) — не только из «Сентиментального путешествия», но и вообще из того леворадикального дискурса, к которому принадлежали и «фенечки», и прочий «Woodstock peace and love», уходивший вместе с юностью.

Параллельно обнаружился уже большой и серьезный издательский спрос на наши разыскания, сперва позднеперестроечный, затем раннепостсоветский: переменялось всё под зодиаком не в один момент, и блаженная ситуация, когда издатель бежал за потенциальным публикатором, инерционно длилась еще несколько лет. Так родился долгоиграющий проект с дневниками Эйхенбаума, успев пилотно быть представленным в «De visu», затем даже кому-то удачно проданный, но так и не доведенный нами до комментированной публикации; сам их текст давно общедоступен в интернете. Зато звезда воедино собранного корпуса мемуаров Шкловского оказалась счастливой: бесчисленные их реалии и персонажи, как те же бомбочки и броневички, эсеры и айсоры, биографии офицеров Персидской казачьей бригады или she-007 Феррари оставались предметом наших все более принимавших электронный формат разговоров и после выхода «Еще ничего не кончилось».

Достаточно случайно возникла совместная работа по Хабиас: поначалу я собирался всего лишь написать рецензию на полурепринтную «Антологию авангардной эпохи» (1995), где среди прочих представлена и славнейшая всех поэтессин, о чем мимоходом сообщил Саше. Два или три дня вслед за этим разговором идея о чем-то большем вызрела у него, видимо, подспудно, но затем последовал звонок с категоричным «рецензию не пиши, давай делать книгу». В итоге Саша взял на себя почти всю текстологию-археографию (не менее 90 ее процентов), мне досталась биография, вдвоем сочиняемые комментарии даже не писались, а импровизированно набивались еще даже, кажется, не в ворде, а в импортзамещавшем его тогда «Лексиконе». Подобных темпов совместной работы и подобных объемов выдава-

емого за день текста ни до, ни после у нас не было. С учетом специфических орфографии и синтаксиса Н.П. Оболенской, мы солидарно решили корректора к этой книге вовсе не подпускать; заслуженным бумерангом вернулся «почтамт» на самом видном месте, да навверное и еще нечто в том же роде.

«Новое о Хабиас» (как интертекстуально значится на корешке) делалось уже на Миусской; домашним компьютером с «колхозными форточками» 3.1 (тогда орудием невиданной мощи) Саша обзавелся одним из первых в моем окружении, еще на Октябрьской улице, где жил года полтора в начале 1990-х. И точно первым оснастил его дисководом для оптических «блинов» — которых, впрочем, еще сравнительно долго ни у кого не было, никаких. Что не останавливало запомнившийся мне (1993? 1994?) поток любопытствующих взглянуть на многообещающее (и не обманувшее ожиданий) gismo. От тех времен у Саши сохранялось уверенное владение DOS'ом (которого я, севший за клавиши года на два позже, так и не успел выучить). А главное, что казавшиеся в конце 1970-х несбыточными мечтания о «библиографии всего» под его руками стали чем дальше, тем больше становиться реальностью, хотя бы и цифровой. Пожалуй, это был последний рубеж в становлении того Галушкина, каким он оставался уже до конца своих дней.

...Согласно приснобдительной гугловской locationhistory, в последний раз мы виделись — оффлайне 4 июля 2014 г. В 16.12.37 зафиксирована встреча в районе метро «Сокол» — по случаю жаркого дня в местном «Ароматном мире» закуплено шесть («чтоб потом не бегать [за добавкой]») мерло «Prato del Faggio» производителя Tinazzi Ca'de'Rocchi (это из человеческой памяти, подобных деталей телефоны пока не отслеживают). Далее движемся дворами на Ленинградский рынок (16.39.47), затем достигаем Шибашевского проезда (16.55.35) и начинаем неторопливо веселиться.

К лету 2014-го те давние студенческие ксероксы давно оцифрованы, их бумажные оригиналы сплавлены на дачи, бессчетное число не самых нужных из некогда приобретенных книг Саша давно и не без труда раздал по библиотекам (отчего его собственная не становилась меньше). Забаву начала 1980-х — подсовывать в библиотечные читательские каталоги самодельные карточки на книги хотя и не спецхрановские, но в силу малой актуальности в каталогах не отражаемые — сменило цифровое копилефтерство (наш общий дроббоксовский ящик для обмена добычей существует до сих пор). Уже много лет мы не говорили по телефону больше чем секунд по тридцать за раз, все обсуждения ушли в электронную почту, и много реже видимся в оффлайне.

Тем приятнее «посидеть как люди» (тоже из Сашиного лексикона, как и почти все здесь закавыченное). «Устал за год, хочу осенью съездить в Париж как бы в командировку». Немедленно начинаю грузить его соответствующими биобиблиографическими поручениями (которые, потом окажется, почти непосильны и франкофонам). «Нет, я хочу отдохнуть, но вот вернусь, и осенью начинаем делать переписку формалистов (трехсторонняя корреспонденция Тынянова, Эйхенбаума и Шкловского), я наконец договорился».

Не в первый раз (частая тема разговоров последних месяцев) — о затеянном еще в довоенном «ЛН» проекте «создать бригаду, просмотреть всю белую печать, собрать из нее том по художественной литературе той стороны Гражданской войны» (воспроизводит стилистику соответствующих записок Зильберштейна в инстанции).

Незаметно, но верно наступает «ракорд»: «а потом пошел ракорд», — из жаргона смежной телегруппы аналоговых студенческих времен: когда бобина еще крутится, но на конце ленты уже ничего не записывается. 4 июля 2014 г., 22.55.27: зафиксировано движение в сторону метро «Аэропорт».

Deus conservat omnia.

I.

Н.А. Богомолов (*Россия, Москва*)

К ИЗУЧЕНИЮ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Нижеследующее сочинение довольно хорошо известно как в печатном виде, так и в песенном. В годы перестройки и более поздние оно не раз публиковалось. Приводим его в том виде, в каком его исполнял и напечатал один из авторов:

О графе Толстом — мужике не простом

Жил-был великий писатель
Лев Николаич Толстой,
Мяса и рыбы не кушал,
Ходил по имению босой.

Он очень удачно родился
В деревне наследной своей,
Впоследствии мир удивился,
Узнав, что он графских кровей.

Граф юность провел очень бурно,
На фронте в Крыму воевал,
А в старости очень культурно
В имении своем проживал.

В имении, в Ясной Поляне,
Любых принимал он гостей,
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.

Вступал он с правительством в трения,
Но был он народа кумир,
Закончил граф «Анну Каренину»,
А также «Войну и мир».

Но Софья Андреевна Толстая,
Совсем не такая была,
И, рукопись мужа листая,
Говядины много жрала.

Да, Софья Андреевна Толстая,
Напротив, любила поесть,
Она не ходила босая,
Спасая фамильную честь.

Великие потрясения
Писатель в быту перенес,
И роман его «Воскресение»
Читать невозможно без слез...

Легко нам понять-догадаться,
Ведь мы все живем на земле,
Что так не могло продолжаться
В старинной дворянской семье.

Наскучило графу все это,
Решил он душой отдохнуть —
Велел заложить он карету
И в дальний отправился путь.

В дороге, увы, простудился,
И на станционном одре
Со всеми беззлбно простился
И милостью Божьей помре.

На этом примере учиться
Мы все, его дети, должны —
Не надо поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены.

Не надо, ребята, поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены,
Нельзя под венец или в загс торопиться —
Последствия будут грустны!..⁴

К этому тексту есть небольшой авторский комментарий: «А первая песня, написанная вместе нами, была “О Льве Николаевиче Толстом”. Сергей как-то пришел и говорит: “Я начал песню писать, вот, про незаконнорожденного сына... незаконнорожденного сына Льва Николаевич Толстого”. Там, значит, были такие... хорошие были слова:

Я с роскошью с детства спознался,
Средь мебели, фарфора жил,
Как вдруг меня, бедного крошку,
Этапом угнали в Сибирь.

Ну, мы, значит, с Володей похвалили за это, но решили, что надо песню написать, собственно, не о вымышленном незаконнорожденном сыне, а о самом Льве Николаевиче. И так появилась, вот... сложена была, вернее, песня “Жил-был великий писатель”².

Сергей здесь — Сергей Михайлович Кристи (1921–1986), журналист, участник Великой отечественной войны, а Володя — Владимир Федорович Шрейберг (1924–1979), участник войны, впоследствии — сценарист. По крайней мере, двое из авторов принадлежали к кругу «золотой молодежи» большевистской элиты. Михаил Павлович Кристи (1875–1956) был старым большевиком, уполномоченным Наркомпроса в Петрограде (сохранились воспоминания, как он был обижен на Блока за то, что тот во время известного празднования Пушкинского юбилея, произнося гневные слова в адрес виновников, все время смотрел на Кристи), потом заместитель заведующего Главнаукой, директор Третьяковской галереи. Петр Федорович Охрименко (1888–1975) — переводчик, сотрудничал в «Правде», работал в Коминтерне, сохранилась своеобразная охранная грамота — записка Ленина к нему. Имя Охрименко старшего попало в «Краткую литературную энциклопедию», что было не так просто. А его брат (дядя А.П.) был зам. наркома заготовок.

В те годы, когда автор этой заметки начал собирать неофициальные городские песни послевоенного периода (конец 1960-х — начало 1970-х годов), текст был ему известен в сокращенном и дефектном виде, но уже тогда было очевидно, что он связан со знаменитым «Я был батальонный разведчик...», а также фрагментарно услышанными и запомненными «Венецианский мавр Отелло...» и «Ходит Гамлет с пистолетом...» Затем откуда-то стали известны фамилии (даже без имен) авторов и подтвердилась гипотеза о том, что все эти песни сочинены одним и тем же кругом. Однако лишь с появлением записи концерта А. Охрименко и впоследствии его книжки (тиражом в 100 экземпляров), а также после распространения различных сбор-

ников «дворовых» песен стало возможно более или менее объективно проследить, как ветвился сюжет, уже ушедший «в народ». Ставим последние слова в кавычки, поскольку очевидно, что изменения вносили конкретные и весьма образованные люди.

Наибольшую популярность получил вариант, исполнявшийся известным музыкантом А. Козловым. В нем исключены строфы 2 и 3, вместо второй идет строфа 7, а третья заменена неавторской:

Из этого в ихнем семействе
Был вечный и тяжкий разлад:
Его упрекали в злодействе —
Он не был ни в чем виноват.

Далее идут строфы 5, 8, 4, а заканчивается песня тремя строфами, возвращающими нас к первоначальному замыслу С. Кристи: у Толстого появляется незаконнорожденный сын, в конце концов оказывающийся исполнителем песни³. Еще три варианта опубликованы в двух различных сборниках дворовых песен⁴.

Мы могли бы пойти и далее, действуя по образцам, заданным С.Ю. Неклюдовым⁵, но вряд ли этот путь был бы плодотворен, поскольку имеется первоисточник, восходящий к авторскому тексту⁶. Но зато у нас есть возможность представить себе (хотя бы гипотетически) процесс трансформации начального текста.

Нетрудно заметить, что в авторском тексте, при всех его замечательных достоинствах, не нуждающихся в специальных описаниях, есть и ряд недостатков. Прежде всего — это длина песни, 52 строки. Строфы 6 и 7 практически дублируют друг друга, а их место нарушает естественную последовательность строф 5 и 8. Такой текст вряд ли мог стать реально исполняемым в народной среде (оставляем в стороне вопрос, насколько жизнь и творчество Льва Толстого вообще были актуальны для наивного певца) и нуждался в изменении.

В архиве И.Н. Розанова, посвятившего много усилий судьбам литературных песен и их фольклорным трансформациям, сохранился лист и записью варианта этой песни. Перед текстом стоит: «Дорогому Ивану Никаноровичу / На память / Запись песни слепого в поезде. / Записал аспирант ИМЛИ Ковалев»⁷. Сам же этот текст таков:

Великий наш русский писатель
Граф Лев Николаич Толстой
Не кушал ни рыбы, ни мяса,
Ходил по аллее босой.

Жена его Софья Андревна,
Напротив, любила поестъ.
Она не ходила босая:
Хранила дворянскую честь.
Хоть был он с правительством в тренях,
Но у народа — кумир
И за «Анну Каренину»
И за «Войну и мир».
В своих незабвенных твореньях
Поставил он жгучий вопрос
И роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

Именно этот вариант без строк 9–10 автор этой статьи узнал в начале 1970-х годов, и далее на протяжении длительного времени слышал только эти 4 строфы (естественно, с лексическими изменениями). Надо сказать, что исходный текст сокращен и выстроен артистически: по внутренней логике, с выделением общеизвестных подробностей, знакомых любому, и в то же время с той дозой иронии, которая более чем уместна в сочинении про писателя, обладающего колоссальным талантом, где, однако, восторженные и наивные читатели видят очевидную глупость и плоскость. Как нам представляется, печатаемый вариант — совсем другое произведение, лишь отчасти совпадающее с песней трех авторов.

И здесь следует обратить внимание на предшествующие тексту строки. Мы хотели бы высказать предположение (конечно, нуждающееся в серьезной проверке всеми имеющимися способами), что перед нами не запись реальной песни, а ее обработка, исполненная «аспирантом ИМЛИ Ковалевым». Нам не удалось отыскать аспиранта ИМЛИ того времени с этой фамилией, кроме Владислава Антоновича Ковалева (1922–1991), впоследствии профессора факультета журналистики МГУ, специалиста по творчеству Л.Н. Толстого. Он был аспирантом до 1948 года (что может оказаться небесполезным для выяснения хронологии), после чего защитил диссертацию и активно занялся преподавательской деятельностью, с 1952 — в МГУ.

Практически все, знавшие В.А. Ковалева фиксируют его незаурядный артистизм и некоторую эксцентричность. Так, популярен рассказ, который приведем в недавней записи: «Как-то Ковалев пришел на лекцию и лег на кафедру. И лежит. Он старенький был, все испугались: может, ему плохо сделалось. Лежит. Мало ли что случилось. И когда уже собрались идти в учебную часть, он встал, подошел

к микрофону и говорит: «Так Илья Ильич Обломов проводил всю свою жизнь»⁸. Ср., впрочем, у другого мемуариста: «Не знаю, так ли это. А 1973 г., когда мне довелось слушать лекции Владислава Антоновича Ковалева, я этого не видела»⁹. Впрочем, и во вторых мемуарах говорится об оригинальности и эксцентричности солидного профессора. К тому же, как там, так и у других авторов речь нередко идет об интересе и любви проф. Ковалева к авторской песне — творчеству А. Вертинского, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, С. Никитина. А Е.И. Орлова вспоминает, как при случае он спел ей стихи Н. Гумилева на мелодию известной песни «Разлука ты, разлука...». Кажется, такой склад характера обличает человека иронического и неравнодушного к песенной культуре современного города, к тому же специалиста по творчеству Л.Н. Толстого.

Особый вопрос (также нуждающийся в выяснении, пока еще есть люди, помнящие послевоенные пригородные поезда) — об исполнении. Честно говоря, у тех слепых, которых доводилось слышать автору данной заметки в конце 1950 — начале 1960-х годов, трудно себе представить ее реальное существование. Для тогдашней публики эта песня выглядела слишком интеллектуальной. Если «Я был батальонный разведчик...» был рассчитан на практически любого, то преобразованная история Льва Николаевича Толстого могла заинтересовать слишком немногих, а природа вагонной песни состоит как раз в том, что она призвана затронуть чувства как можно большего количества слушателей, принося тем самым доход певцу. Нам доводилось слушать песню исключительно в среде студентов-филологов. Правда, существует стихотворение Евгения Евтушенко «Мои университеты», где читаем: «Больше, чем у Толстого, учился я с детства толково / У слепцов, по вагонам хрипевшим про графа Толстого», — однако это поэтическое свидетельство 1980-х годов нуждается в верификации. До проведения соответствующих исследований мы продолжаем полагать, что слова про слепцов — часть общей легенды, сопровождающей как эту песню, так и другие сочинения трех авторов.

Попутно следует заметить, что еще одна авторская пародийная песня про Льва Толстого — «Зеркальце» Юза Алешковского — не получила никакой известности в широкой публике: ее нет ни в цитируемых нами выше сборниках песен, ни в обсуждениях «О графе Толстом...», где упоминаются и другие сочинения такого же рода, ни разу нам не пришлось ее слышать в живом неавторском исполнении. Очевидно, есть какие-то причины, позволявшие песне Кристи, Шрейберга и Охрименко войти в песенный репертуар 1950–1960-х годов, а песню Алешковского оставить за его пределами¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Охрименко Алексей. Я был батальонный разведчик... М., 1999. С. 24–26. Алексей Петрович Охрименко (1923–1993) — журналист. Аудиозапись его исполнения песни см.: http://bard.ru.com/php/frameset.php?kind=tracks&name=%CE%F5%F0%E8%EC%E5%ED%EA%EE_%C0. Все интернет-записи просмотрены 22.02.2016.

² Там же. С. 24. По некоторым сведениям, этот куплет был написан С.М. Кристи еще в школьные годы.

³ http://www.avtorskingolosom.ru/opus.php?author=Ohrimenko&opus=O_grafe_Tolstom&part=bards&type=songs

⁴ См.: Сиреневый туман: Песенник / Сост. А. Денисенко. Новосибирск, 2001. С. 43–45 (ср. там же другие песни на «толстовские» сюжеты); А я не уберу чемоданчик! Песни студенческие, школьные, дворовые / Сост. Марина Баранова. М., 2006. С. 280–281. При поиске использована запись в «Живом журнале»: <http://ksenya-in-past.livejournal.com/100709.html>

⁵ См., напр.: Неклюдов Сергей. «Все кирпичики, да кирпичики...» // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М., 2005. С. 271–303; Неклюдов С.Ю. «Гоп-со-смыком» — это всем известно... // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб., 2006. С. 65–85; Архипова Александра, Неклюдов Сергей. Два героя / два уркана: привал на пути // Natales grate numeras? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008. С. 25–73.

⁶ Мы намеренно говорим с некоторой осторожностью, поскольку не знаем, сохранился ли действительно адекватный текст конца 1940-х — начала 1950-х годов. См. в воспоминаниях Охрименко: «Они <песни> долгое время нигде не были записаны, пока, наконец, Володя не хватился и говорит: “Слушай, давай все-таки запишем, перепечатаем их, все же на памяти на нашей — так не должно быть”. И несколько, правда, песен, удалось перепечатать — у меня была машинка — но далеко не все. Все осталось на памяти, потом, к сожалению, наша троица расстроилась» (Охрименко А. Указ. соч. С. 21). Далее говорится о том, что осталась машинопись «Гамлета» (Там же. С. 34), — и все.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 48. Ед. хр. 25.

⁸ Григорий Прутков: о журналистике, интригах и неверующих студентах / Интервью взяла Анна Данилова // Православие и мир. 2012. 5 апреля. <http://www.pravmir.ru/grigorij-pruckov-o-tserkovnoj-zhurnalistike-i-neveruyushh/>. Согласно другому рассказу, на лекцию об «Обломове» Ковалев приходил в халате.

⁹ Орлова Е.И. Чему учил профессор Ковалев (записки бывшей студентки) // Ковалев Вл.А. Воспоминания «Рядом с талантами». М., 2014. С. 427.

¹⁰ Согласно нашим наблюдениям, вообще из всей песенной продукции Алешковского в достаточно широкий репертуар вошли только «Товарищ Сталин» и «Окурочек». Остальные нам слышать «в народе» не доводилось.

**«АВТОБИОГРАФИЯ» К.Ф. ЮОНА
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ ГАХН**

В 1926 г. в издательстве ГАХН по случаю юбилея известного художника Константина Федоровича Юона (1875–1958) вышла его «Автобиография»¹. Эта тонкая книжка, объемом всего лишь в 55 страниц, состоит из предисловия А.А. Сидорова, самой автобиографии художника, нескольких его картин и одной страницы с биографическими данными автора. Юон еще с 1921 г. был действительным членом РАХН (впоследствии ГАХН). Поскольку его автобиография представляет собой некий образец теории личности, сформулированной в дискуссиях и исследованиях Академии, не лишним будет описать вкратце фон и контекст, в рамках которых она родилась.

Деятельность Государственной Академии Художественных Наук под руководством Густава Густавовича Шпета принципиально основывалась на сотрудничестве разных секций, под управлением Философского отделения. Такая тесная связь провозглашается в основных задачах Академии, соответствует ее структуре и многократно подчеркивается в работах самих гахновцев. Когда в 1922 г. Г.Г. Шпет стал президентом Философского Отделения ГАХН, он четко указал на главную цель Отделения:

<...> в задачи философского отделения входит принципиальное обоснование самой науки об эстетике, вопросы методологического искусствоведения и истории искусства. Значение философского отделения — в совместной работе теоретиков искусств с художниками².

Философское Отделение, в особенности, должно исследовать принципиальные и методологические вопросы художественных наук вообще и, в частности, эстетики, как основной науки по отношению к эмпирическим художественным наукам³. Секции Литературная, Театральная, Музыкальная и т. д. занимаются «вертикально» различными видами искусства в их специфичности. Философское Отделение имеет целью определить теоретические основы главных понятий,

которыми оперируют литературоведение и поэтика, и применять их в отдельных эмпирических исследованиях.

Руководящая роль Г.Г. Шпета как главного философа и вдохновителя теоретической работы Академии давно признана; существенным в его философии являются разыскания в области внутренней формы слова⁴ как основы для уяснения смысла.

В тридцатые годы центральной для Шпета (и, следовательно, гахновцев) стала проблема «личности». Феноменология Э. Гуссерля оставляла открытым вопрос о субъекте, понимаемом лишь как предпосылка акта сознания или как «некое формальное единство, соединяющее поток переживаний»⁵. Шпет и гахновцы искали решение проблемы субъекта в различных тогдашних учениях о «философии жизни» (В. Дильтея, Г. Зиммеля и других), стремясь определить место субъекта в историко-социальном контексте. Не будем подробно рассматривать философские дискуссии по данному вопросу, но ограничимся указанием на главные понятия, с помощью которых в ГАХН пытались решить вопрос об определении личности и особенно о способе ее описания.

Работы, опубликованные под эгидой Академии, всегда являлись результатом интенсивной деятельности различных комиссий и свидетельствуют об особенном внимании, уделявшемся указанной теме. Если высказывания Шпета в «Эстетических фрагментах» (1922–1923 г.) и «Внутренней форме слова» (1927 г.) об «экспрессии» и экспрессивности устанавливают теоретическую основу, то гахновские работы Г.О. Винокура о биографии (тезисы «Биография как научная проблема» 1924 г. и «Биография и культура» 1926 г.)⁶ и сборник «Искусство портрета» 1927 г. представляют собой их применение в литературе и в искусстве. Можно сразу отметить, что и «Автобиография» Юона хорошо вписывается в этот контекст.

В своем определении акта коммуникации, то есть в определении структуры слова, Шпет указывает и на те признаки, которые выражают личность при коммуникации: это такие черты языка, как интонация, произношение т. п., прямо не касающиеся референции, смысла слова, но неизбежно сопровождающие его. В трактовке понятия «экспрессии» Шпет колеблется между метафорой («в восприятии слова как целого — экспрессия есть его окраска, паренье над ним»), научным определением (сфера субъективности проявляется в экспрессии, в тех паралингвистических чертах, где личность выступает как «аналогон» слова и имеет свои определенные формы выражения) и снова метафорой:

Объективная структура слова, как атмосферой земля, окутывается субъективно-персональным, биографическим, авторским дыханием⁷.

Более развернутую аргументацию получает вопрос о месте и определении субъекта в книге Шпета «Внутренняя форма слова» 1927 г. Данная работа представляет собой резюме исследований автора, проведенных во время работы в ГАХН, результат многочисленных дискуссий с другими гахновцами не только Философского Отделения, но и различных секций и подкомиссий. В этой работе Шпет уточняет свое учение о внутренней форме и иллюстрирует более подробно, на основе философской критики, учение В. Гумбольдта о языке. Здесь субъект трактуется как культурно-социальное явление, как «вещь» социальная среди других вещей:

Все акции и реакции субъекта рассматриваются как культурно-социальные акты его переживаний, отпечатлевающихся на продуктах его труда и творчества, объективирующихся в них. <...> Психофизический аппарат превращается в социально-культурный знак⁸.

Выражение личности через особый способ передачи значения, через экспрессивные признаки имеет отношение к коммуникации. Шпет переходит от субъективности произведения к «объективации его творца», от экспрессии субъективности через жесты, мимику, интонацию, манеру, стиль, к способам выражения самого субъекта как части целого. Отказываясь от всяких эмпирико-психологических объяснений личности, он указывает на «сферу автора, как социального феномена», то есть на его жизнь и биографию. Субъект не существует вне социума, но только в отношении к другим субъектам:

Правильнее и осторожнее здесь было бы говорить о социально-культурной *относительности самого субъекта*, как специфического объекта, отнюдь не определяемой по экспрессии его слова, а устанавливаемой объективно на основании объективных данных биографии лица, материальной бытовой и культурной истории коллектива⁹.

Шпет здесь ссылается на книгу Винокура «Биография и культура» как на «интересную попытку вскрыть проблематику биографии»¹⁰. Связь между данными работами очевидна, и сам Винокур

многократно ссылается на более ранние работы Шпета. «Биография и культура» представляет собой в основном развертывание шпетовского учения о субъекте¹¹. Основой является понятие внутренней формы: личная жизнь — это то внутреннее, которое проявляет себя в каждом поступке как внешнем знаке и таким образом выражает свой смысл. «Особа» становится «социо-культурным знаком», писал Шпет. Винокур повторяет даже некоторые шпетовские замечания об экспрессии, как, например, «окраска» или «авторское дыхание». Так, у Шпета определяется субъект как «представитель, иллюстрация, знак общего смыслового содержания, слово (как архетип всякого культурного явления) со своим смыслом»¹². Винокур разъясняет эту мысль, утверждая, что личная жизнь должна пониматься «структурно».

Вообще, необходимо взглянуть на работу Винокура как производство, родившееся в гахновском контексте вообще и в связи с учением Шпета в особенности. Винокур, вслед за Дильтеем, рассматривает «живую связь» между субъектом и социумом; форма проявления субъекта — его деятельность как участие «лица в той социальной жизни, которая его окружает»¹³. Понятиями, которые, по Шпету, характеризуют экспрессию, являются: «жест» или «поступок» лица, «манера», стиль его действия. Те же самые понятия мы находим в сборнике под редакцией А.Г. Габричевского «Искусство портрета»¹⁴, представляющем исследование комиссии по изучению философии искусств. А.Г. Габричевский, Н.И. Жинкин, А.Г. Цирес и другие авторы сборника рассматривают особый тип художественного произведения — портрет. Портрет отождествляется с личностью и биографией, а автопортрет — с автобиографией.

Личность понимается из соотношения конкретных структур и форм <...> и отношение между которыми есть совершенно особое специфическое отношение фундирования. <Она> является прежде всего как составная форма, так что в каждом конкретном отрезке личности эта форма дана, и через нее мы узнаем личность¹⁵.

Рассмотрим теперь, как «сделана» автобиография художника Юона 1926 г. Текст состоит из шести частей. В первой части автор теоретически определяет «жанр» и значимость своих высказываний; во второй части описывает историко-художественный контекст, в рамках которого сформировалось его творчество; в третьей указывает на самые важные «элементы» своего творчества; четвертая часть — иллюстрации, несколько образцовых картин, которые при том не

упоминаются в самом тексте; пятая часть — краткие биографические данные, на одной странице. А вводит в текст автобиографии — на правах шестой его части — предисловие Сидорова.

Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978) — искусствовед, активный деятель ГАХН, ученый секретарь и член ученого совета Академии; в 1926 г. по его инициативе был создан кабинет по изучению рисунков в Секции пространственных искусств. Среди многочисленных его работ можно упомянуть статьи о гравюре, графике, портрете, танце, о русских художниках. Он был также редактором журнала «Гравюра и книга».

Представляя «Автобиографию» Юона, Сидоров пишет:

Автобиография крупного художника будет всегда представлять исключительный интерес. *Ее значение идентично роли автопортрета* (курсив мой — М.В.); как на последнем художник всегда, бессознательно или нет, строит свой идеальный образ, себя рисует, каким бы ему хотелось быть (С. 7).

С одной стороны, Сидоров утверждает, что заслуга автобиографии художника в том, что она помогает зрителю понять творчество автора, но, с другой стороны, «автобиография» художника не может претендовать на «объективную оценку». Это, по Сидорову, не уменьшает ценность автобиографии, которая всегда остается «документом художественной воли» автора. Целью самого введения является «истолкование» материала, представляемого автором автобиографии, то есть включение этого материала «в историю по отношению к теме и личности». Юон, пишет Сидоров, означает целую эпоху и трудно дать ему какой-либо ярлык. Сидоров выступает именно в качестве «истолкователя» слов автора о себе, опровергая или утверждая его суждения о связях с другими художниками.

Юон начинает свою автобиографию с теоретической апологии жанра: важны не факты внешней жизни личности, пишет он, но «мотивы использования этих фактов в определенном направлении, сознание тех внутренних побуждений, которые направляют художественную мысль; а также и сплетение различного характера идей, подпиравших друг друга при работе над избранным предметом» (С. 14).

Понятно, следовательно, почему факты личной жизни художника даны только в конце книги, почти вне текста самой автобиографии: главное в том, как он сам относится к окружающей действительности, какие «поступки» связывают его с социальной средой, каким образом он становится социальным субъектом в отношении к другим.

Автор автобиографии как будто утверждает «относительность» своей личности: его позиция не может существовать сама по себе, чтобы получить смысл, она должна быть слита с «мировым коллективом художников»; художник участвует в «мировом искусстве в целом», где и сами художники и искусство «воплощают в себе всю сумму добытого интуитивными путями оформленного художественного опыта до последнего дня» (С. 15).

В первой части автобиографии Юон оправдывает свой выбор — почему он решил писать автобиографию: автор редко пишет о себе в первом лице, как «я», он всегда представляет себя как «часть одного целого», он выражает себя и обретает свой смысл только внутри социума. Но, с другой стороны, только он — «носитель», знак своей личной биографии:

Цепи обстоятельств личной жизни, часто связанных с тысячью случайностей, отпечатываются на индивидууме, как на фотографической пластинке; нужна длительная, большая и упорная работа над своим сознанием для того, чтобы побороть влияние случайного и выйти на путь принципиальных убеждений и желаний (С. 16).

Юон повествует о себе не эмпирически, не о том, что характеризует его как такового, а наоборот, о себе как результате взаимодействия с эпохой, с современным художественным движением:

<...> в таком кольце конкретных обстоятельств прошла и моя работа. <...> Эта красочная рамка действительной жизни со всеми сторонами которой, всеми нитями и фибрами был связан и я сам, побеждала вновь и вновь, дальше и дальше силой своей реальной подлинности и живого трепета (С. 17).

Некоторые его высказывания являются почти цитатами из Винокура: когда Юон говорит о том, что собирается опираться лишь на «факты» своей жизни (то есть на свои «поступки»), он утверждает: «<...> попытаюсь рассказать о тех внутренних и внешних мотивах, которые меня заставляли делать *то, что я делал и так именно, как я делал* (курсив мой — М.В.)» (С. 17). Его слова перекликаются со словами Винокура: важно «не что́ сказано, а кем и как»¹⁶.

К этим размышлениям примыкает вторая часть: подробное описание «общих условий художественной жизни, с которыми совпало время моего воспитания и развития» (С. 17). Юон перечисляет все

артистические течения, характеризующие его эпоху, но опять с ограничительной оговоркой:

<...> но каковы бы общие условия ни были, каковы бы ни было скопление случайных фактов и обстоятельств жизни, — их закономерное воздействие неизменно, и то мое искусство, к которому они в результате привели, единственная вещественная действительность, с которой надо считаться (С. 18).

Акцент ставится на творчество как объективное проявление «я». Вместе с тем художник пишет о своих переживаниях, каким образом он «прожил» свой художественный контекст, что и какие художники были «значимы» для него. Характер изложения Юона оказывается почти иллюстрацией слов Винокура:

Переживания и есть та новая форма, в которую отливается анализируемое нами отношение между историей и личностью: становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл. Переживание есть внутренняя форма биографической структуры и в этом качестве — носитель специфически биографического значения и содержания (С. 45).

Заметна в автобиографии Юона тесная связь с работами ГАХН, установка на создание некоего образца «автобиографии» как таковой. Понятия, которые он употребляет, лексика, сама аргументация отражают высказывания его коллег-гахновцев. Например:

<...> прорывалось тяготение к выражению напивавших изнутри общих идей в соответствующих художественных формах (С. 22).

Или:

<...> весь мой образ мыслей, вся система и структура моего художественного миропонимания теснейшим образом связаны с теми методами, с теми «возможностями» и с той культурой, которые были открыты и как бы «пущены в ход» импрессионистским движением (С. 24).

Или:

<...> но важно сознание существующей неразрывной связи между ощущением живописцем свойств своих материалов и

орудий в отношении к тем объектам и предметам своего искусства, которые свободно им избираются из общего калейдоскопа впечатлений и переживаний (С. 46).

После описание художественного движения своего времени автор переходит к тем художникам, которые оказали влияние на его искусство.

Автор пытается, с одной стороны, доказать применимость гахновского понятия «личности и его биографии», а с другой стороны, показывает всю невозможность выразить себя «свободно». Он сам ограничивает и ставит под сомнение свою оценку, почти отвечая на слова Сидорова (во введении) о его объективности, доходя даже до отрицания собственного таланта:

Поскольку возможно правдивое суждение о самом себе и поскольку возможно приведение в систему и сознательное, критическое освещение собственного пройденного пути, я могу сказать, что достигнутые результаты являются в меньшей степени следствием дарования, чем следствием систематического своего соприкосновения с художественной культурой старого и нового времени (С. 33).

Только в самом конце автобиографии автор переходит к определению сущности своей работы, к описанию условий своей деятельности, к перечислению «любимейших и главнейших элементов его живописи». В данном контексте автор позволяет себе также замечания о своей жизненной ситуации, о том, что не всегда хватает времени для творческой работы:

<...> три четверти всего своего времени пришлось отдать педагогике и общественным делам; большая часть времени отдана служению театру, и лишь самую малую часть жизни поглотила личная живопись, т. е. как раз самая дорогая, самая важная и наиболее осязательная по результатам область (С. 52–53).

Юон продолжает рассказ, подробно описывая различные области своей деятельности и указывая на разнообразные достижения. В то же время, дойдя до финала краткой автобиографии, мы обнаруживаем, что автор, который себя определяет как художника, на самом деле посвящает творчеству лишь небольшую часть своего времени.

Автор изображает себя и как конкретного субъекта определенной культурно-социальной действительности, и себя в «живой связи» с историей. Разные элементы современного искусства, пишет Юон, позволяли ему «вдвойне переживать современные мне факты и впечатления: во-первых, как живописцу, как очевидцу живой жизни и живого света, во-вторых воочию видя продолжающуюся в современной жизни и обстановке историческую инерцию (С. 41).

Финал автобиографического сочинения содержит пожелания на будущее и подводит итоги всего сказанного в соответствии с гахновской терминологией и гахновской системой понятий:

Мои личные пути направлены сейчас на то, чтобы отыскать художественную формулу такого рода, которая давала бы возможность прямым путем вплотную подойти к решению тех специфически-художественных задач, о которых говорил выше, т.е. чтобы не косвенными и иносказательными путями выразить свои идеи, а найти язык и знаки способные дать их непосредственное выражение.

Но живопись есть «песнь без слов», — и остается лишь терпеливо ждать «фактов» во времени (С. 54).

Результаты плодотворной и живой деятельности Академии не были полностью опубликованы, но все работы, которые вышли в свет, тесно связаны между собой. Здесь самые главные черты «автобиографии» художника Юона как образцового текста данного жанра были показаны с точки зрения теорий, разрабатывавшихся в ГАХН. Внимание было направлено на структуру текста как выражение личности в ее экспрессивных проявлениях. Автобиография художника оказалась, на наш взгляд, своеобразным дидаскалическим жанровым экспериментом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юон К.Ф. Автобиография / Предисл. А.А. Сидорова. М.: ГАХН, 1926. Далее ссылки на это издание даются в скобках в тексте статьи.

² РГАЛИ. Ф. 941. ГАХН. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 7.

³ Искусство. 1922. № 1. С. 419.

⁴ См.: Вендитти М. Внутренняя форма слова у Г. Шпета и у А. Марти // Густав Шпет и его философское наследие: У истоков семиотики и структурализма. М.: РОССПЕН, 2010. С. 266–273; Venditti M. Philosophische Grundlagen der Literaturtheorie and der GACHN // Kunst als Sprache – Sprachen der Kunst: Russische Ästhetik und

Kunsttheorie der 1920er Jahre in der europäischen Diskussion / Hrsg. N. Plotnikov. Hamburg: Felix Mainer, 2014. С. 349–370; Пильщиков И.А. «Внутренняя форма слова» в теориях поэтического языка // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 54–76.

⁵ Гидини М.К. «Формы жизни» – поступок, портрет, жест – в теоретических размышлениях ученых ГАХН // Логос. 2010. № 2 (75). С. 54.

⁶ Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997.

⁷ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 464.

⁸ Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М.: ГАХН, 1927. С.186, 189.

⁹ Там же. С.199.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Гидини М.К. Проблема личности между феноменологией и историей: влияние Густава Шпета на работы Григория Винокура двадцатых годов // Г.Г. Шпет / Comprehensio: Третьи Шпетовские чтения. Томск: Водолей, 1999. С. 163–173.

¹² Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. С. 200.

¹³ Винокур Г.О. Биография и культура. С. 50–51.

¹⁴ Искусство портрета: Сборник статей / Под. ред. А.Г. Габрического. М.: ГАХН, 1927.

¹⁵ Там же. С. 21–22.

¹⁶ Винокур Г.О. Биография и культура. С. 83.

НИКИТА БУТЫРСКИЙ – СОЧИНИТЕЛЬ СОНЕТОВ

Среди полузабытых стихотворцев начала XIX в. эпигон классицизма Никита Иванович Бутырский (1783–1848) известен, главным образом, своим вкладом в историю русского сонета и обычно специалисты упоминают его сборник «И моя доля в сонетах» (1837). Правда, о нем существует довольно обширная статья С.А. Кибальника (См.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь¹), где приводятся данные о его преподавательской деятельности, о его эстетической критике (разборы *Энеиды* Вергилия, элегий Овидия, трагедий В.А. Озерова), о его переводах (в частности «Истории тридцатилетней войны» Ф. Шиллера), и очень кратко о его литературном творчестве (он переводил древнегреческие эпиграммы, сонеты Петрарки, сочинял оды и т.д.). О Бутырском писал в своем «Дневнике» А.В. Никитенко, который слушал его лекции по словесности². У Бутырского занималась русским языком дочь Федора Толстого (Американца) Сарра Толстая³.

Бутырским занимались также историки русской цензуры, в том числе о нем писали Н. Гриненко, Н. Патрушева и И. Фут в работе «Цензоры Санкт-Петербурга (1804/1917). Аннотированный список». В частности, они кратко записали:

Бутырский Никита Иванович (4.09.1783 – 26.06.1848) – критик, поэт. Из духовного сословия. Образование получил в Коломенской и Тульской семинариях и СПб. педагогическом ин-те. С 1807 состоял учителем в гимназии при ин-те. С 1812 – адъюнкт-профессор эстетики и российской словесности СПб. педагогического ин-та. С 1817 – экстраординарный, с 1826 по 1835 – ординарный профессор СПб. ун-та. Затем преподавал российскую словесность в Ин-те Корпуса инженеров путей сообщения и в Военной академии. С 28 февраля 1830 по 14 апреля 1833 – цензор СПб. ЦК от ун-та⁴.

О Бутырском также известно, что именно он был цензором восьмой главы «Евгения Онегина». На титульном листе хранящегося теперь в Перми цензорского экземпляра рукою цензора орешковы-

ми чернилами сделана запись: «Билет выдать. Н. Бутырский. N. 76. 19 Генваря 1832 года»⁵.

Книгу «И моя доля в сонетах», состоящую из 101 сонета, Бутырский посвятил императору Николаю Павловичу. В предисловии он кратко излагает историю сонета, от Петрарки до Буало, упоминает мнения Гравины и Бодмера, приводит известные высказывания Беттинелли и определение видов сонета у Антонио да Темпо. Дальше Бутырский пишет: «Сонет, в нынешнем виде, имеет одну форму: он состоит из четырнадцати стихов, большею частию коротких, какие употребляются в Лирической поэзии...»⁶.

О своих сонетах Бутырский сообщает, что все они были написаны осенью 1834 г. и частично напечатаны в «Сыне отечества». А также — что на эту публикацию положительно откликнулся критик Я.М. Неверов, который на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» отметил, что сонеты Бутырского «исторического, описательного и философического-поэтического содержания замечательны счастливыми мыслями и сближениями»⁷.

Дальше Бутырский пишет, что был он намерен «стихотворствовать <...> в самой искусственной и труднейшей на нашем языке форме» и что «таилась и еще мысль в глубине души — *horrenda refexo* — осуществить собственную теорию во всех родах сочинений».

Бутырский сам подчеркивает особенность своих сонетов: ощущая невозможность уместить тему в одном сонете, автор ее развивает в серии сонетов, так что в результате создается «небольшая поэма», которую он назвал «Очерки русской славы». Это и есть заглавие первой книги сборника «И моя доля в сонетах», в то время как вторая часть озаглавлена «Тимпан». Интересно отметить, что книгу открывают эпиграфы из А.С. Пушкина и И.И. Дмитриева.

Поэт выбирает Поклонную гору близ Парголова, там он — с весны и до осени 1834 г. — предстает сидящим и сочиняющим весь свой цикл⁸. После сонета, посвященного Парголовским озерам, следует группа из 18 сонетов — картины России от сотворения мира. Первобытный хаос поэт отождествляет с наводнением 1824 г., которому посвящен второй сонет, а вслед за ним идет сонет о сотворении мира — нового мира, созданного Николаем I. Изображение сотворения мира и появления человека соотносено с концепцией Ж.Л. Кювье (сонет «Трапеза природы») и так называемой теории катастроф, что придает царствованию Николая особый символический характер.

Концепция природы и жизни у Бутырского глубоко пронизана религиозностью, что и подтверждают сонеты «Падение человека», «Первая молитва» и «Преестественная жизнь». Далее следуют обра-

зы, намекающие на библейский рассказ («Падение человека», «Идолопоклонство», «Искушение»), основной же сюжет «небольшой поэмы» в сонетах сосредоточен на русской истории — начиная прямо от Рюрика.

Довольно занимателен XV сонет «Торжество христианской веры в Ингерманландии и Корелии»:

Кудесников умолк язык,
И там, где Финн оледенелый
Звериный слышать рев привык,
Псалмы Давида возгремели.

Из стран, где витязи цвели,
Кротчайшие дохнувшие нравы,
Любовь в святыню облекли.

Ливонцы, Руссы, Скандинавы,
Не крови алча, в битву шли,
За дам, за веру и для славы.

Бутырский явно имеет в виду идею о первой христианизации руссов еще во времена князей Рюрика и Игоря. В то же время он актуализирует исконную связь земель, где позднее возникнет Петербург, с Россией и христианской верой, тем самым придавая символический характер роли Петра Великого и его наследников.

В отдельном сонете Бутырский прославляет подвиги Александра Невского, освящая их описанием видения Пельгуя, которое свидетельствовало о небесной помощи князю в Невской битве.

После Александра Невского следующий герой — царь Иван Грозный. Затем Бутырский описывает разные исторические события («Година самозванцев», «Основание С. Петербурга», «Монумент Петру Великому»), воспекает деяния Екатерины Великой («Отражение шведского флота от столицы в 1790 году», «Фелица и певец ея») и Александра I — вплоть до завоевания Финляндии и наполеоновских войн. История борьбы с Наполеоном описывается в целом ряде сонетов и завершается взятием Парижа. Интересно, что сонет «К певцу во стане русских воинов» содержит не только очевидную аллюзию на славное стихотворение В.А. Жуковского, но и в строках «Как дуб в могучей красоте, / Твои раскинулись речи. / Вняв гласу твоему Тиртей», — на популярную песню А.Ф. Мерзлякова «Среди долины ровныя»⁹.

Венчают «небольшую поэму» сонеты, посвященные памяти Александра I, прославлению Николая I и подвигам русской армии на Кавказе, которые выдержаны в откровенно панегирическом тоне. Как известно, в те же годы Бутырский занимался сочинением од в классицистическом духе, которые были напечатаны в журнале «Маяк» в 1842 г.

Вторая часть, «Тимпан», открывается эпитафиями из стихов П.Г. Ободовского и Дж. Б. Марино (знаменитый сонет о жизни человека «Arre l'Uomo infelice, allor che nasce...»).

Эпитафия из Платона Григорьевича Ободовского (1803–1864) имеет прямое отношение к названию цикла:

На бреге Евфрата, в цепях, молчаливы,
Мы, дочери Сиона, сидели в тоске;
Тимпаны повеса на ветви оливы,
Душею летели к родимой реке.

Это — начало кантаты «Песнь плененных Израильтянов», которая впервые появилась на страницах журнала «Сын отечества» (1823. Ч. 89. С. 208–210) и содержала образы, восходящие к 136 псалму «На реках вавилонских». Что касается сонета Марино, его принято считать самой короткой поэмой в литературе: целое жизнеописание, вмещенное в один классический сонет. Итак, эпитафии как бы определяют характер второй части книги Бутырского: с точки зрения формы — поэма в сонете; с точки зрения содержания — темы плача и изгнания.

Вторую часть открывает сонет-иносказание (челнок как жизненная радость) и посвящение ученицам и ученикам поэта. В следующем сонете «Черты из автобиографии» приводятся интересные данные о пребывании Бутырского за рубежом. Стоит привести сонет полностью:

С берегов, Сукромна где с Сукромной
Бегут, сливаясь, в ближний Дон,
Из хижины отца укромной,
Какой-то жаждой увлечен,

Блуждал я по свету, бездомной,
И слышал только лирный звон.
Увы! мне выпал жребий скромный
Указывать на Геликон.

Я пил из Шпре, я пил из Сены
Но жажда пуще душу жжет —
Пил с Гельти, с Бюргером изъ Лейны.
Попробую, хоть в осень лет,
Не суждено ли за сонет
Напиться мне изъ Иппокрены?

Первая строфа содержит ценные сведения о месте рождения или происхождения поэта. В статье С.А. Кибальника место рождения Бутырского не указано, а просто говорится: «Происходил из духовного звания; учился в коломенской и тульской духовных семинариях, а затем в Главном педагогическом институте (1803–1807), откуда в 1808 был послан за границу» (С. 378). В Брокгаузе (Т. V. Стб. 93) мы читаем:

В 1808 г. послан был для приготовления к профессуре за границу, где должен был изучать словесность вообще и в частности эстетику. По возвращении в 1812 г. из чужих краев, Б. определен был в институт адъюнкт-профессором эстетики, в 1819 году при преобразовании института в университет назначен был экстраординарным профессором поэзии; в 1826 году утвержден был ординарным профессором.

Но в стихотворении, очевидно, имеется в виду село Бутырки Тульской губернии, где река Большая Сукромка (Сукромна) впадает в Дон. Из этого понятно, откуда взялась сама фамилия «Бутырский».

Мы также узнаем из сонета, что Бутырский побывал в Берлине и в Париже («Я пил из Шпре, я пил из Сены») и, конечно, в Геттингене (река Leine), где жили немецкий поэт-анакреонтик Л.Г.Х. Гельти (Hoelty; 1748–1776) и знаменитый Г.А. Бюргер (1747–1794). Здесь Бутырский учился или бывал в 1808–1812 гг.

Далее следуют сонеты о природе и размышления о жизни и смерти, о Боге, написанные в медитативно-философском духе, порой — мифологического содержания («Прометей», «Пандора»). В сонете «Певец коломяжской рощи» Коломяжская роща возвращает нас опять к Парголовским образам, а тема соловья вводит в «петрарковый» цикл.

Соловиная тематика развивается в сонете «Воспоминание соловья о Воклюзском источнике». Соловей повторяет на свой лад стоны «Петраркиной души от любовной муки». Бутырский пишет в сноске: «Один из естествоиспытателей уверяет, что соловьи в Кашемирской

долине только прислушиваются к гармонии в природе и искусствах, которую передают они потом на севере в лучшем виде. *Se non è vero, è ben trovato*. Я верю по крайней мере тому, что надобно сперва послушаться хороших певцов, и тогда уже петь во услышание всех»¹⁰. Аналогично и поэт словно бы повторяет и передает «на севере» стихи Петрарки. Это и есть идея, реализованная в последующих сонетах: «Подслушанный у соловья отголосок 14-той Петраркиной канцоны *Chiare, fresche e dolci acque* и проч., Петрарк (так!) оплакивает потерю Лауры у Воклюзского источника, Тщетное усилие Петрарки осуществить идеал красоты».

Первый сонет — это просто подражание началу знаменитой канцоны¹¹. До Бутырского данную канцону переводил в 1796 г. Е.П. Люценко (1776–1854). Как показывают сноски, Бутырский сочинил свои подражания Петрарке, ориентируясь на первый том книги Ф. Бутервека «*Geschichte der neueren Poesie und Beredsamkeit*» (Геттинген, 1801; в частности, текст 14 канцоны приведен на с. 162–163 данного издания). Как тогда было принято, Бутырский предпочитает французский вариант имени «Лаура» — «Лора». Сонет, «подслушанный у соловья», кратко излагает содержание канцоны. В конце цикла Бутырский приводит в сноске почерпнутую у Бутервека информацию о Петрарке и Лауре (здесь он применяет итальянскую форму имени) и утверждает, что «мечтатель, под именем Лауры, желал только осуществить идею красоты»¹². И заключает:

Теперь же тщетны все усилия:
Мой слепок бы равно страдал
От недостатка, от обилья.

Лауре что-бъ Петрарк ни дал,
Мадоны лик, безплотных крылья,
Не сотворился б идеал.

Стоит отметить, что Бутырский переводил Петрарку еще в юные годы и всегда употреблял форму «Лаура». Первый опыт — «Красота Лауры» — вольное переложение сонета ССХХ, относится к 1806 г. В 1819 г. Бутырский опубликовал еще два перевода: «Голос Лауры» — вольный перевод сонета CLXVII, и «Смерть Лауры» — фрагмент из «Триумфа смерти»¹³.

Кстати, интерес Бутырского к итальянской словесности не ограничивался творчеством Петрарки. Он также переводил и

«Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо: нам известны три фрагменты, в которых использован шестистопный ямб с парной рифмовкой¹⁴.

Затем Бутырский включает в книгу рассказ в пяти сонетах «Все к лучшему (Марево)», посвященный приключениям в пустыне некоего английского рыцаря-крестоносца; затем — сонеты, вдохновленные образом Дон Кихота, притчами Л. Козегартена (1758–1818), астрономическими воззрениями У. Гершеля (1738–1822), жизнью Климента Лампедузского (сонет, основанный на записках И.Е. Гебештейта, повествует о французском пустынноике Клименте, который стал первым обитателем острова Лампедуза в 1712 г.¹⁵), путешествиям шотландского исследователя Центральной Африки Мунго Парка (1771–1806). Наконец, в функции своего рода эпилога выступает цикл из 12 философско-медитативных сонетов о Парголовском кладбище. Книга завершается пространными примечаниями к циклу о Петрарке¹⁶ и другим сонетам.

Бутырский применяет в сонете исключительно четырехстопный ямб, пользуясь схемой рифмовки: AbAb AbAb cDc DcD. Стиховед О.И. Федотов пишет, что Бутырский «сформулировал принципы <...> циклизации» сонетов и что в первой части сборника «доминирует эпическое начало. Сонет выступает у него в роли строфы, более или менее равномерно сегментирующей текст». Сюжетность, по мнению ученого, «находит опору <...> в системе прозаических комментариев»¹⁷. Наконец, касаясь «петраркового» цикла, Федотов подчеркивает:

Особого внимания заслуживают несколько сонетов, объединенных темой Петрарки и Воклюзского источника: в этой связи понятным становится несоответствие теоретического канона французской конфигурации рифмовки в терцетах практическому предпочтению итальянской¹⁸.

Среди современных рецензий на книгу Бутырского стоит упомянуть отзыв анонимного рецензента в журнале «Библиотека для Чтения», иронический и заканчивающийся издевательским сонетом:

СОНЕТ

Почтенному сочинителю сонетов,
по прочтении его сонетов
Кто сто одиннадцать сонетов
В едино лето сочинил,

И силой мерною куплетов
Вкус с звучной рифмой съединил,

Тот средь лирических атлетов
Путь в храм бессмертия открыл,
И от критических наветов
Себя на веки оградил.

Ликуй, сонетов создатель!
Ты наш прославил чудом век,
Ты тайн таких стал толкователь,
Каких не ведал человек.
Сонетов дивных возглашатель,
Себя бессмертью ты обрек!.....¹⁹

Гораздо благожелательней отзыв газеты «Русский инвалид», где подчеркиваются в сонетах Бутырского «счастливые мысли и сближения»²⁰.

В итоге можно сказать, что стихотворное наследие Н.И. Бутырского вписывается в рамки эпигонской поэзии позднего классицизма и одновременно религиозной поэзии Жуковского и его школы. Однако книга «И моя доля в сонетах», несмотря на неуклюжесть и педантизм, в то же время оказывается своеобразным жанровым уникамом: это — попытка создать комплекс тематико-поэтических циклов и объединить их общей повествовательной тональностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кибальник С.А. Никита Бутырский // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 378–379.

² В записи от 10 февраля 1826 г. мы читаем: «Был у профессора словесности Бутырского. В его теории словесности много истин, особенно полезных в настоящее время, когда у нас стали появляться писатели, отвергающие правила здравого смысла и думающие, что вместо изучения языка и всяких других знаний довольно обладать фантазией и сомнительным остроумием, чтобы заслужить право на бессмертие» (Никитенко А.В. Записки и дневник. М.: Захаров, 2005. Т. 1. С. 185).

³ «Она начала изучать русский язык только за год до смерти, летом 1837 года, под руководством профессора и стихотворца Никиты Ивановича Бутырского (1783–1848). Ранее Бутырский преподавал поэзию и эстетику в Петербургском университете, но ко времени занятий с Саррой он читал лекции по российской словесности уже в Военной академии. Ревностный поклонник творчества Василия Жуковского (что

передалось и его воспитаннице), он по произведениям этого поэта обучал ее русско-му языку» (Бердников Л. О чем молчал автограф... К 175-летию со дня смерти Сарры Толстой // Новый берег. 2013. № 42; электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/bereg/2013/42/15b.html>).

⁴ Новое литературное обозрение. 2004. № 69. ****?

⁵ Ширинкин В.И. Восьмая глава Евгения Онегина в Перми // Русская литература. ра. 2000. № 4. С. 112.

⁶ Бутырский Н.И. И моя доля в сонетах. СПб., 1837. Т. I. С. III.

⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. VII. С. 186.

⁸ Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения» шутливо заявляет, что Бутырский написал все свои 101 сонет за лето 1834 г. и иронизирует: «Никита Иванович написал эти сто одиннадцать сонетов? Пока жил в Паргалове, летом, 1834 года. Петербургское лето, по календарю академии, продолжается слишком двадцать дней: положим двадцать пять. Таким образом приходится по четыре сонета с четвертью на каждые сутки. У другого голова бы закружилась; но Никита Иванович, напротив, уверяет, что сочиняя свои сонеты, он «не чувствовал большой тяжести, и с препятствиями более и более одушевлялся, и пел, потому что пелось», как иные поют, потому что у них хороший голос» (1837. Т. 23. Отд. 6. С. 36).

⁹ В примечании он пишет: «Намек на картину дуба в известной песне Мерзлякова» (С. 45).

¹⁰ Бутырский Н.И. И моя доля в сонетах. Т. II. С. 12.

¹¹ Текст впервые опубликован в журнале «Библиотека для чтения» (1834. Т. 4. Отд. VII. С. 114–115).

¹² Бутырский Н.И. И моя доля в сонетах. Т. II. С. 16.

¹³ Тексты появились в следующих изданиях: Лицей. 1806. Ч. 1. Кн.1; Сын Отечества. 1819. Ч. 54. № 21. Переизданы в кн.: Петрарка в русской литературе. М.: Изд-во Рудомино, 2006. Кн. 1. С. 75–76. См. также: Garzonio S. La poesia italiana in Russia: Materiali bibliografici. Firenze: Centro 2P, 1984. P. 58 e ss.

¹⁴ «Над персями ее сорвалось одеяло» (Освобожденный Иерусалим. XVI. 18–19) // Сын Отечества. 1819. Ч. 56. № 34. С. 32; «Со вкусной пищею трапеза у ручья» (Освобожденный Иерусалим. XV. 58–60) // Сын Отечества. 1819. Ч. 56. № 34. С. 32 (переизд.: Сирены: Из поэмы Освобожденный Иерусалим // Новости литературы. 1825. Ноябрь. Кн. 14. С. 137); Смерть Клоринды (Освобожденный Иерусалим. XII. 66–68) // Новости литературы. 1825. Ноябрь. Кн. 14. С. 139–140. См.: Garzonio S. La poesia italiana in Russia: Materiali bibliografici (по указателю).

¹⁵ Сонет Бутырского основан на свидетельстве И.Е. Гебештейта, профессора медицины в Лейпцигском университете (в письме от 5 сентября 1752 г.), который совершил путешествие в Алжир, Тунис и Триполи, «на иждивении и по повелению Фридриха-Августа, короля Польского, 1752 года». Письмо было опубликовано в «Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques...» (Avril 1830).

¹⁶ О некоторых неточностях у Бутырского см. комментарии И.А. Пильщикова в кн.: Петрарка в русской литературе. Кн. 1. С. 233.

¹⁷ Федотов О.И. Основы русского стихосложения: Теория и история русского стиха. М.: Флинта, 2002. Т. 2: Строфика. С. 410.

¹⁸ Там же. С. 411.

¹⁹ Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. Отд. 6. С. 40.

²⁰ Русский инвалид. 1837. 9 мая.

**«...СПЕШУ ПРИНЕСТИ ВАМ
СВОЮ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ...»**

Письмо П.А. Сорокина к А.В. Амфитеатрову от 11 апреля 1928 г.

Публикуемое письмо П.А. Сорокина¹ к А.В. Амфитеатрову² — важный источник информации об истории отношений представителей российской эмиграции первой волны и их политических взглядах.

Сорокин, высланный по ленинскому декрету в сентябре 1922 г., в октябре того же года прибыл в Прагу, где начал активно участвовать в жизни русской общины, был назначен председателем местного Союза русских писателей и журналистов и печатался в местной периодике.

В Праге Сорокин продолжал научную работу и издал ряд статей и социологических исследований³. Его высказывания о социально-психологических последствиях большевистской революции и о роли русской интеллигенции вызвали бурную полемику в эмигрантской среде, особенно со стороны сменовеховцев. Они опровергали результаты исследований Сорокина и обвиняли его в преувеличении тревожных социологических данных и в измене России. В числе критиков выступали также Михаил Осоргин, Виктор Чернов и Екатерина Кускова⁴. Полемика нашла отражение в первую очередь на страницах пражской газеты «Воля России», где появилась острая статья Кусковой⁵.

Полемика вновь разразилась в 1928 г. на страницах парижской газеты «Возрождение». После информационной статьи о новых публикациях Сорокина⁶, который в то время уже окончательно покинул Прагу и Европу и жил и преподавал в штате Висконсин, в апреле появилась новая полемическая статья Кусковой⁷, в сущности обвинявшая Сорокина в примиренческом поведении по отношению к большевикам в первые годы советской власти и в хамелеонстве.

Сорокин ответил открытым письмом в редакцию газеты «Дни», резко опровергая обвинения Кусковой⁸.

На полемику живо отреагировал А.В. Амфитеатров на страницах той же газеты «Возрождение».

Я очень мало знаю г. Питирима Сорокина лично, хотя не скрою, питаю к нему симпатию, как к ученику, другу и доверенному лицу покойного Максима Максимовича Ковалевского⁹, чья память для меня священна. Не скажу, чтобы и за деятельностью Питирима Сорокина в 1917–1921 гг. я следил с пристальным вниманием и мог бы сказать о ней много. Знаю только, что репутация Сорокина, как отъявленного и непримиримого врага большевиков, которого только политический такт его спасает от репрессий, держалась прочно, распространенно, и влекла к нему симпатии самых разнообразных кругов общества¹⁰.

В подкрепление своих доводов Амфитеатров приводил хорошо известный эпизод, происшедший в 1920 г. в Петрограде, когда Сорокин осмелился высказаться официально против большевиков. Речь идет об известном обеде в честь английского писателя Герберта Уэллса, состоявшемся осенью 1920 г. в Доме искусств¹¹.

Обед, организованный М. Горьким, должен был показать почетному гостю, что литературная жизнь процветает при новом социальном строе и что литераторы ни в чем не нуждаются, а наоборот, наслаждаются пищевым изобилием. На столах красовались редкие деликатесы, которые жители Петрограда не видели годами. Но «потемкинский» обед обернулся скандалом, как впоследствии вспоминали многие из присутствующих, особенно из-за вызывающей речи Амфитеатрова, который призвал именитого гостя не поддаваться внешнему обманчивому виду, за которым скрывается нищета и глубокий упадок. Все очевидцы, каждый на свой лад, приводят эту речь и вспоминают намек на грязное рваное белье, скрывающееся под приличной одеждой¹².

В статье 1928 г. Амфитеатров вспоминает, что на обеде первый голос, выбившийся из общего хвалебного хора, принадлежал не кому иному, как Сорокину:

<...> я был свидетелем его яркого противобольшевистского выступления, обращенного, с совершенною публичностью не только к русскому обществу, но и к Европе, — в лице первого большевистского гостя из нее — Уэллса¹³.

Питирим Сорокин не замедлил выразить благодарность Амфитеатрову, в свою очередь припомнив эпизод 1920 г., и высказать ему свое уважение.

Письмо печатается по оригиналу, хранящемуся: Amfiteatrov Mss., folder Sorokin P., Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN, USA.

Письмо П.А. Сорокина к А.В. Амфитеатрову¹⁴

Глубокоуважаемый Александр Валентинович! (Если наврал Ваше отчество, великодушно простите).

Только что прочел Вашу статью, касающуюся моей деятельности в Петербурге, и спешу принести Вам свою сердечную благодарность за Ваше, как всегда, прямое и честное слово. Не говоря уже о том, что Ваша статья написана в мою защиту, ее рассказ о вечере «в честь Уэллса» живо напомнил мне «то, что скоро забывается» — подневольное и недостойное поведение многих «светил интеллигенции». Кстати, не знаю, известно ли Вам, что эту сцену я также описал в моей книге «Leaves from a Russian Diary», вышедшей здесь в 1924 г., и описал там, как Вы, после того, как прохвост Горький прервал меня, на иной манер, но с необычайным мужеством попытались — и успешно — сказать правду и открыть глаза «толстолобому» Уэллсу (стр. 243–245 книги) (о немых рубашках или отсутствии белья под тужуркой у писателей, о голоде, о зверствах и т.д. — вот эти Ваши слова я очень живо помню). Сличение Вашего рассказа с моим обнаруживает полную тождественность, а следовательно, историческую правду. Если Вы защитили меня, со своей стороны я рад, что в моей книге я описал Ваше мужественное выступление на том же вечере.

Еще раз большое Вам спасибо.

Дай Вам Бог здоровья и сил продолжать Ваше подлинное служение России и культуре.

С глубоким уважением,

П. Сорокин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Питирим Александрович Сорокин (Вологодская губерния, 1889 — Массачусетс, США, 1968) — российско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. Организовал первый в России социологический факультет и стал его деканом. В 1923 г. переехал в США, где основал социологический факультет Гарвардского университета.

² Александр Валентинович Амфитеатров (Калуга, 1862 — Леванто, 1938) — прозаик, литературный и театральный критик, сотрудник многочисленных газет и в России, и в эмиграции. Уехал окончательно из России в 1921 г. и жил в Италии до конца жизни.

³ Подробно о пражском периоде биографии Сорокина см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин: Человек вне сезона: Биография. Архангельск, 2009. Т. 2. С. 6–27.

⁴ Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) — политический и общественный деятель, издатель. В 1921 г. вместе с мужем С.Н. Прокоповичем возглавляла Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол). Выслана из Советской России в 1922 г. Жила в Праге, затем в Женеве.

⁵ См.: *Сорокин П.* Нравственное и умственное состояние России // Воля России. 1922. № 4. С. 25–33; №5. С. 21–33; *Кускова Е.Д.* А что внутри? // Воля России. 1922. № 7. С. 31; а также: *Сорокин П.* Еще раз о моральном состоянии России (ответ Е.Д. Кусковой) // Воля России. 1923. № 1. С. 32–39.

⁶ Новые работы П.А. Сорокина // Возрождение. 1938. 12 января.

⁷ *Кускова Е.Д.* Бывший и настоящий Питирим Сорокин // Дни. 1928. 5 марта. С. 2.

⁸ *Сорокин П.А.* Ложные утверждения Е.Д. Кусковой // Возрождение. 1928. 6 марта. Письмо полностью приводится в публикации Ю. Дойкова (С. 215–221).

⁹ Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) — историк, социолог, профессор государственного права. Амфитеатров учился у Ковалевского и во время своей первой эмиграции в Париже в 1905 г. был приглашен читать лекции в его Высшей школе общественных наук (см.: *Гаретто Э.* Первая русская революция: взгляд из Парижа: К биографии А.В. Амфитеатрова (1904–1907) // Минувшее: Исторический альманах. М., 1997. Вып. 22. С. 349–350. См. также статью-воспоминание: *Амфитеатров А.В.* Мое масонство // Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Под ред. А.И. Рейтблат. М., 2004. Т. 2. С. 146–152; впервые: Сегодня. 1930. 15 июля (№ 164).

¹⁰ *Амфитеатров А.В.* Листки // Возрождение. 1928. 16 марта.

¹¹ Даты проведения мероприятия расходятся в разных источниках (в одних фигурирует 30 сентября, в других 30 октября, 18 сентября, 20 сентября.)

¹² Амфитеатров впоследствии изложил собственную версию происходившего в очерке «Уэллс в Петрограде». Впервые статья опубликована без названия в составе цикла «Горестные заметы» в гельсингфорсской газете «Новая русская жизнь» (1922. 27 и 28 сентября). В этом тексте имя Сорокина не упоминается. В статье «Империя большевиков» (За свободу! (Варшава.) 1922, 23 ноября) Амфитеатров заново кратко вспоминал эпизод в Доме Искусств, ссылаясь на «сдержанные, дельные, горькие, смелые слова» Сорокина. Обе статьи воспроизведены в кн.: *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. С. 360–370, 402–409.

¹³ *Амфитеатров А.В.* Листки. По словам Н.К. Чуковского, Питирим Сорокин произнёс «длинную, полную намёков речь о том, что большевики притесняют великую русскую интеллигенцию» (*Чуковский Н.К.* О том, что видел: Воспоминания. Письма. М., 2005. С. 59).

¹⁴ На бланке: University of Minnesota, College of Science, Literature, and the Arts. Minneapolis. Department of Sociology and the Training Course for Social and Civil Work.

«МАСТЕРСТВО ГОГОЛЯ» АНДРЕЯ БЕЛОГО
И РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР. 1–2¹.

Тема Штейнера, штейнерианства, «антропософии» давно осмыслена как центральная в жизни и творчестве Андрея Белого², который если и не оставался до конца своих дней ортодоксальным приверженцем «учителя», то во всяком случае мыслил в категориях, образах, сюжетах, прямо или косвенно (кажется, как правило, именно прямо) соотносимых с «учением» даже в тех случаях, когда по тем или иным причинам пытался от него дистанцироваться³. Книга о Гоголе⁴, разумеется, не стала исключением из общего правила.

Когда впервые и как именно Гоголь и Штейнер оказались связаны друг с другом в сознании Белого, нам точно не известно. Но само существование этой связи не подлежит сомнению: она недвусмысленно обозначена самим Белым в воспоминаниях о Штейнере:

«Две темы Дорнаха — Шуберт и Шуман: весенний, легкий и горный романтический идеализм и трагическая до безумия романтика реализма дорнахской действительности вызывающая к “герою” в нас в самых трезвых обстоятельствах жизни; стиль Новалиса и стиль... Гоголя, небесное видение и вылезание *рож* и *морд*: из всех углов. Две темы, встречаясь, вызвали сложнейшие, может быть, небывалые контрапункты, в которых про двойственные лики леонардовского символического анатомизма можно было сказать: «Это — что: это — цветочки!»⁵.

Двойственность, о которой говорит Белый, интерпретировалась как следствие борьбы Люцифера и Аримана; последний, с которым ассоциировались гоголевские *рожи* и *морды*, признавался подлинным врагом:

Все необычайно люциферизировались в Дорнахе; но прививка люциферизма, опять-таки, — прививка: для одоления и приобретения *стойкости* в борьбе: с настоящим врагом.

И этим врагом был Ариман. <...>

Не Люцифер, а Ариман шел на Дорнах⁶.

1. «Одна девятая», Штейнер и Каменев

В первой главе своей книги Белый ведет игру с числом девять, смысл которой, быть может, не вполне очевиден:

Задача этого исследования узка: исследование — введение к «исследованию-собственно»; оно — разгляд формосодержания, содержания, явленных в форме; второй частью его был бы разгляд формы, формосодержания, содержания в ориентации к содержанию; и наконец третьей частью явился бы выявленный в таком двояком разгляде сам формосодержательный процесс. Мы могли бы тогда лишь составить правильное суждение о творчестве Гоголя, если бы форма, содержание, формосодержание были бы девятижды рассмотрены во всех аспектах их отношения друг к другу.

Как одна девятая полного исследования, и притом одна девятая, обращенная к стилю, мое исследование <...> вынуждено отказаться от целого ряда проблем, связанных с тенденцией содержания <...>

(С. 42).

Ближайший контекст этого фрагмента, конечно, более ранние тексты самого Белого, и в первую очередь его статья «Смысл искусства» (1907)⁷, которой он придавал особое значение и которую энергично пересказывал в книге «Между двух революций», опровергая обвинения в «формализме»⁸. В этой статье раскрывалось понятие *формосодержания* в связи с трехчленной (отсюда тема необходимости трехчастного строения полного «исследования-собственно»⁹) формулой «формы искусства» (в других местах статьи: «образа искусства», «творчества», «образа художника» и др.), порождающей восемь «комбинаций символов», с которыми, видимо, и ассоциируется в книге о Гоголе это полное исследование, «введением» к которому является его книга (отсюда упоминание о *девяти* частях):

Последние цели искусства совпадают <...> с <...> целями человечества; <...> цели индивидуального роста диктуются <...> этикой, но еще более религией <...>. Искусство, образуя с религией и этикой однородную группу ценностей, <...> ближе к религии, чем к этике, поэтому в глубине целей, воздвигаемых искусством, таятся религиозные цели: <...> преобразование человечества, создание новых форм <...> искусства <...>.

Но что такое форма искусства?

Искусство есть творческая деятельность <...> особого рода <...>: <...> соединение действительности с видимостью в художественной форме; верность действительности осуществляется здесь в свободной группировке элементов видимости, входящих в форму художественного образа; видимость сохраняется благодаря самим элементам видимости, т.е. материалу звуков, красок, слов и т.д. <...>

Дух и материя, по Геффдингу, — «несводимая к единству двоица»...

Но можно сказать и обратно: несводимая к единству двоица есть результат созерцания некоторого единства то внешних, то во внешних, то во внутренних терминах, где связь явлений (а) есть то функциональная их зависимость (b), то субъективная активная мотивация (с).

Творчество предопределяет созерцание в учении о творческом примате функций сознания: художественный символ всегда есть символ того, что единство (а) предопределяет дуализм между «b» и «с». И художественный символ всегда триада «abc», где «b» — функциональная зависимость элементов формы «с» — субъективная (переживаемая) причинность, «a» — образ творчества. В зависимости от того, является ли для художника «a» *prīus*'ом творчества (Платонова идея) или *post-factum*'ом (продукт деятельности), разное осознание художественного символизма. При «bc — a» художник есть творец этого единства; при «a — bc» единство осуществляется в образе посредством деятельности художника (как медиума). Кроме того, самый образ художника может быть рассмотрен как действительное воплощение в форме (материал + переживание) некоторого единства и как символ этого единства; в последнем случае «a» в образе есть только параллелизм между «b» и «с»; в последнем случае символ-образ есть эмблема единства, образ есть символ символа. Триада изобразима так: bc(a) (где «a» в скобках есть не данный в форме — постулат соответствия между «b» и «с»). Кроме того, соответствие может быть установлено, исходя и от «b», т.е. видимости созерцаний, и от «с», т.е. действительности переживаний.

Получаем следующие комбинации символов:

1) a-bc, 2) a-cb, 3) bc-a, 4) cb-a, 5) (a) bc, 6) (a)cb, 7) bc (a), 8) cb (a)⁴⁰.

Далее бегло рассматривается каждая из этих восьми комбинаций¹¹.

Разумеется, данный текст, всегда сохранявший для Белого свое значение, присутствовал в его сознании во время работы над книгой о Гоголе в сложном переплетении со смыслами этой книги, отнюдь не враждебными, пусть и не тождественными прежним (этот вопрос мы здесь не рассматриваем), и со смыслами других текстов, чуть сложнее обнаруживаемых.

В длинном ряду этих других текстов выделяются тексты Штейнера, в которых с числом девять связаны темы (само)познания и развития личности (см., в частности, книги «Theosophie: Einführung in übersinnliche Welterkenntnis und Menschenbestimmung» [1904] и «Die Theosophie des Rosenkreuzers» [1907]). Еще более для нас здесь существенно, что, Белый, в своей полемике с Э.К. Метнером, обсуждая штейнеровское прочтение «световой теории Гете» (эта проблематика оказала прямое воздействие на те страницы «Мастерства Гоголя», где говорится о гоголевской цветовой гамме; поэтому не будет преувеличением утверждение, что в подтексте книги Белого угадывается не только Штейнер, но и Гете в соответствующей интерпретации¹²), приходил к числу девять, причем именно там, где описывал структуру и пределы возможностей «метафизики», имеющей, с его точки зрения, универсальное значение:

Так какое же знание есть знание о всеобщем в явлении?

Д-р Штейнер нам отвечает: —

— **Знание о всеобщем в явлении для Гете есть метафизика** <...>. Световая теория Гете, определяемая в терминах характеристики, данной нам д-ром Штейнером: —

- 1) в ядре — оккультна;
- 2) в градации, то есть круге понятий, — эзотерична;
- 3) в *universalia* градации — **метафизична**;
- 4) внутри каждого из градационных рядов — **методична, рассудочна**.

То есть она: плюралистична (градационна), дуалистична (эзо- и экзотерична); теоретически метафизична (монистична) и символична, конкретна (антропо-софична).

Плюро-дуо-монизм¹³ отмечает ее.

Она методична: —

— *девять методов* ее одевают и из нее высекают: девять типов несоизмеримых друг с другом понятий, выявляемых из этого

облечения (Хроматический праксис).

Она метафизична: —

— *девять типов понятий собираются монистическим девятикружьем системы* (Архитектоника).

Она эзотерична: —

— *девятикружие*, вращаясь друг в друге, каждое из своих понятий проводит по всем понятиям всех в движении данных кругов; и новые высекаются смыслы; в каждом понятии происходит непрерывное нарастание смысла: метаморфоза понятий (Хроматософия).

Она оккультична: —

— нарастание, превращение и взаимное преломление смыслов соединяется в центре: центр этот — «духовное око». (Антропософия)¹⁴.

* * *

Пассаж об «одной девятой» с нескрываемым раздражением прокомментировал Л.Б. Каменев, вероятно почувствовавший скрытый подтекст: «Белый рассматривает свою книгу как «одну девятую полного исследования». <...> Нам, следовательно, если серьезно отнестись к словам автора <а отчего бы не отнестись к ним серьезно? — Д.И.>, следует подождать еще восьми томов <...>, для того чтобы составить «Правильное <прописная буква здесь, видимо, имеет иронический характер, и ирония эта подчеркивает невысокие, по мнению Каменева, умственные способности Белого — Д.И.> суждение» о Гоголе. Но заранее можно сказать, что этих восьми томов никогда не будет написано <отчего же никогда? — Д.И.>, а если бы они и были написаны <т.е. все же это *никогда* не столь категорично, как могло бы показаться — Д.И.>, для них не нашлось бы читателей <откуда такая уверенность? — Д.И.>. <...> Думается, что <...> Белый влечется к «деяти аспектам» только потому, что ему не удалось справиться с основными методологическими вопросами той сферы знаний, которой он посвятил свой труд» (С. VII). Последнее замечание звучит успокаивающе: не справился, более глубоких причин нет. Впрочем, чуть ниже, Каменев уже прямо затрагивает существо дела: Белый «не говорит <...> прямо» о своей «общей концепции художественного творчества», и «мы не станем спорить здесь <т.е. в другом месте, может быть, и поспорим? — Д.И.> с Белым по существу его концепции художественного творчества: говоря откровенно, эта

отрыжка мистико-идеалистических представлений не заслуживает в наше время серьезного оспаривания <т.е. и в другом месте спорить не будем, по крайней мере, серьезно — Д.И.>» (С. VII–VIII).

О том, как Белый воспринимал тексты Каменева, которые должны были ему казаться почти непереносимыми даже в том случае, если бы он был способен хладнокровно учитывать его интеллектуальные возможности и обстоятельства времени, но при этом открывали писателю-мистiku дорогу к советскому читателю, свидетельствует, в частности, письмо Н.И. Гаген-Торн к Р.В. Иванову-Разумнику: «Всю осень были мучительные головные боли, а лечили от невроза. Очень сильно повлияло на него предисловие Каменева ко II т<ому> воспоминаний («Начало века»). Б.Н. был взбешен и выведен из себя. Случилось вторичное кровоизлияние 3/XII. 8-ого декабря его отправили в больницу, а 8-ого января — он умер»¹⁵.

Острота ситуации была дополнительно подчеркнута тем обстоятельством, что Штейнер в свое время оставил развернутый отзыв о Каменеве, не просто нелицеприятный, но откровенно презрительный и, так сказать, фиксирующий принципиально необратимый характер того нравственного падения, которое избрал для себя Каменев, представший лицемером и предателем, не знающим, что такое достоинство, воля, ответственность, совесть:

Man liest jetzt von den sogenannten Friedensverhandlungen von Brest-Litowsk. Sie wissen, daß verschiedene Leute daran beteiligt sind. Als hauptsächlichste Leute von Rußland sind beteiligt, um das herauszugreifen: Lenin, Trotzki, ein gewisser Herr Joffe und ein gewisser Herr Kamenew, der eigentlich Rosenfeld heißt. Trotzki heißt Bronstein; Joffe ist ein reicher Händler aus Cherson. Das sind die hauptsächlichsten Unterhändler. Nicht uninteressant ist es, sondern vielleicht sogar wichtig, doch auch die Aufmerksamkeit darauf hinzuwenden, daß bei Herrn Rosenfeld-Kamenew es eigentlich nur das ist, was die äußere Welt, die exoterische Welt den reinen Zufall nennt, daß sein Kopf noch immer auf seinen Schultern darauf sitzt; denn der Kopf könnte längst von den Schultern hinuntergefallen sein. Denn sehen Sie, im November 1914 wurden in Rußland allerlei Abgeordnete verhaftet. Man las es dazumal, erfuhr auch sonst davon. Diese Abgeordneten wurden namentlich deshalb verhaftet, weil sie angeklagt waren, Freundschaft zu halten mit dem im Auslande, nicht weit von hier, im Auslande befindlichen *Lenin*. Namentlich war ja die Auffassung im damaligen Rußland, daß Lenin gesagt hat: Von allen Übeln,

die Rußland passieren können in diesem Kriege, ist der Sturz des Zarentums das allergeringste Übel. — Da hat man eine Anzahl von Abgeordneten angeklagt, von denen man wußte, sie haben durch Briefe und dergleichen Beziehungen mit Lenin. Aber dazumal konnte man ihnen noch nicht beikommen. Man hat zwar allerlei patriotische, russisch-patriotische Worte gesprochen; Worte sind gefallen wie die: Über die Köpfe und die zerstückten Leiber unserer Krieger hinweg haben sich solche Verräter gefunden, die mit dem schändlichen Lenin in der Schweiz in irgendeinem Zusammenhange stehen — und dergleichen.

Einen weiteren Prozeß gab es dann im Februar 1915. Da war wiederum eine Anzahl von Leuten angeklagt, und zu den Angeklagten gehörte ein gewisser Petrowski, zu den Angeklagten gehörte aber auch ein gewisser Kamenew alias Rosenfeld. Insbesondere Kamenew galt dazumal unter jenen Angeklagten als der eigentliche russische Verräbertypus, als ein ganz besonders abscheulicher Bursche, und als der Prozeß losging, da glaubte man eigentlich allgemein, daß es nun nicht lange dauern würde, bis der Kopf — eben von den Schultern weg sein würde. Aber Kamenew-Rosenfeld, der konnte dazumal nachweisen, den Beweis liefern, daß er sich stets in allen Kriegsfragen anders verhalten habe als Lenin; ebenso Petrowski, daß sie keine wirklich ernsthaft gemeinte Gemeinschaft mit Lenin haben. Insbesondere konnte dazumal Kamenew-Rosenfeld beweisen, daß er niemals den Sieg Deutschlands gewünscht habe, daß den Sieg Deutschlands nur unrusische, nach dem Ausland verschlagene Genossen wie Lenin wünschen können, die — weil sie selbst zu schwach oder zu faul sich fühlen — den Sieg der Freiheit von dem Schwert deutscher Generale erwarten.

Das sind die Worte, die dazumal bei jenem Prozesse gesprochen worden sind. Und als Rechtsanwalt, als Advokat, war diesen Herren Petrowski und Kamenew noch beigegeben ein gewisser Kerenskij, der später eine noch andere Rolle gespielt hat; er war der Verteidiger von Kamenew in dem damaligen Prozeß. Und er redete ihn heraus. Die Anklage lautete ja auf Hoch- und Landesverrat dazumal sowohl für Petrowski wie auch für Kamenew-Rosenfeld. Aber Kerenskij konnte sie herausreden, und in seiner Rede befinden sich die schönen Worte: Die Angeklagten wären sehr fern von dem Plan, denen, die zum Tod fürs Vaterland bereit sind, den Dolch in den Rücken zu stoßen; sie sträubten sich gegen keine andere Anzettelung so sehr, wie gegen diejenige, die von dem Leninschen Geheimbunde ausging. Dadurch, daß Kerenskij's Beredsamkeit und

die ändern Dinge, die vorgebracht werden konnten, den Beweis lieferten, daß Petrowski und Kamenew nichts gemeinschaftlich haben mit den Ideen von Lenin, dadurch kamen sie mit so ziemlich heiler Haut dazumal davon. — Petrowski ist ja jetzt der Minister des Innern in der Regierung des Lenin, und Kamenew ist neben Herrn Joffe der wichtigste Unterhändler von Brest-Litowsk¹⁶.

Мы не знаем, был ли этот текст Штейнера известен Белому; разумеется, ничего невероятного в этом предположении нет, и если был, он, конечно, не раз припомнился Белому во время его общения с Каменевым. Другое дело, что Каменев и его соратники до поры вообще вряд ли попадали в кругозор Белого (ср.: «Лет двадцать тому назад какой-нибудь Каменев печатал свои марксистские статейки в никому не известных листках. В те времена Андрей Белый, всего вероятнее, даже о существовании Каменева не знал хорошенько»¹⁷). Так или иначе, в начале 1930-х гг. судьба книг Белого зависела от человека, чья духовная смерть была много лет назад констатирована Штейнером, и этот человек писал предисловия к книгам Белого, в той или иной мере ориентированных на Штейнера, разъясняя их методологическую и идеологическую ограниченность, но вместе с тем отыскивал в них нечто допустимое и даже нужное советскому читателю, а потому разрешал их печатать; по мнению некоторых современников, эта разрешительная снисходительность фактически граничила с травлей¹⁸.

2. «Галерея помещиков»

Один из самых известных, спорных и обсуждаемых вопросов описания композиции первого тома гоголевской поэмы — последовательность образов помещиков, у которых Чичиков торгует «души»: Манилов, Коробочка, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин¹⁹. При этом, как правило, цитируется хрестоматийно известное замечание Гоголя, допускающее некоторый разброс трактовок (по-разному комментируется гоголевское понимание пошлости, его слова о читательском восприятии первого тома «Мертвых душ» и др.):

«Мертвые души» не потому так испугали многих и произвели такой шум, чтобы они раскрыли какие-нибудь раны общества или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи;

прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю и что по прочтении всей книги кажется, как бы точно вышел из какого-то душного погребца на Божий свет²⁰.

Андрей Белый, также придававший некоторое значение данному рассуждению, использовал его в своих целях, существенно переосмыслив: «Посещение помещиков — стадии падения в грязь; поместья — круги ада; владелец каждого — более мертв, чем предыдущий; последний, Плюшкин, — мертвец мертвецов <...>» (С. 103; ср.: «И рельеф пути по помещикам — спуск без подъемов; <...> путь — спуск: в яму с грязью <...>. От торжественного выезда — к яме, грязи <...>» [С. 99]).

Постараемся понять, что стоит за фразой Белого, что он увидел в этой гоголевской галерее, и почему он увидел именно это: *градацию смерти*.

Один из наиболее важных аспектов «учения» Штейнера, которые очень хорошо усвоил Белый, — описание способностей души, подлежащих развитию: их пять, они образуют иерархию и характеризуются движением от низшего к высшему; при условии адекватного развития каждой из них, они образуют гармоническое единство, в котором открывается подлинная жизнь. К этой проблематике Штейнер обращался многократно; едва ли не наиболее обстоятельно — в книге «Die Geheimwissenschaft im Umriss» (1909): здесь описано восхождение «обычного» «я» к «я» «высшему», обретающему гармонию сверхспособностей, и в этом восхождении отмечено пять этапов и соответствующих им качеств²¹.

Прежде всего следует обуздать свои страсти, стремления, мысли и мыслеобразы, т.к. сверх-«я», отделяясь от обычного «я», может оставить ему только те способности мышления, которые приобрело, будучи слито с ним, и если этих способностей окажется слишком мало, то оставляемое «я» будет обречено на неспособность мыслить ясно и отчетливо, на путаницу в мыслях и суждениях, а обретаемое сверх-«я» окажется слабым, т.к. ему придется поддерживать обычное «я», а потому неспособным открыть сверхчувственное:

Von einer sachgemäßen Schulung werden gewisse Eigenschaften genannt, welche sich durch Übung derjenige erwerben soll,

welcher den Weg in die höheren Welten finden will. Es sind dies vor allem: Herrschaft der Seele über ihre Gedankenführung, über ihren Willen und ihre Gefühle. <...>

Was dem Denken des Menschen für die Geistes Schulung vor allem notwendig ist, das ist Sachlichkeit. <...> Die Seele muß entsprechend dem Verlauf der Tatsachen des Lebens denken. Wenn nun der Mensch die Aufmerksamkeit von der physisch-sinnlichen Welt ablenkt, so fehlt ihm die Zwangskorrektur der letzteren. Ist dann sein Denken nicht imstande, sein eigener Korrektor zu sein, so muß es ins Irrlichtelierende kommen. Deshalb muß das Denken des Geistes schülers sich so üben, daß es sich selber Richtung und Ziel geben kann. Innere Festigkeit und die Fähigkeit, streng bei einem Gegenstande zu bleiben, das ist, was das Denken in sich selbst heranziehen muß. Deshalb sollen entsprechende «Denkübungen» nicht an fernliegenden und komplizierten Gegenständen vorgenommen werden, sondern an einfachen und naheliegenden. <...> Und man gewöhnt es sich ab, unsachgemäß die Gedanken schwärmen zu lassen²².

Второй этап — развитие воли, которая понимается как способность точно исполнять задуманное, а для этого необходимо отчетливо представлять желаемое; неопределенность представлений и неудовлетворенность желаний приводят душу в беспорядок:

Für die höhere Schulung muß sich der Mensch daran gewöhnen, seinen eigenen Befehlen streng zu gehorchen. Wer sich an solches gewöhnt, dem wird es immer weniger und weniger beifallen, Wesenloses zu begehren. Das Unbefriedigende, Haltlose im Willensleben rührt aber von dem Begehren solcher Dinge her, von deren Verwirklichung man sich keinen deutlichen Begriff macht. Solche Unbefriedigend kann das ganze Gemütsleben in Unordnung bringen, wenn ein höheres Ich aus der Seele hervorgehen will. Eine gute Übung ist es, durch Monate hindurch sich zu einer bestimmten Tageszeit den Befehl zu geben: Heute «um diese bestimmte Zeit» wirst du «dieses» ausführen. Man gelangt dann allmählich dazu, sich die Zeit der Ausführung und die Art des auszuführenden Dinges so zu befehlen, daß die Ausführung ganz genau möglich ist. So erhebt man sich über das verderbliche: «ich möchte dies; ich will jenes», wobei man gar nicht an die Ausführbarkeit denkt. Eine große Persönlichkeit läßt eine Seherin sagen: «Den lieb' ich, der Unmögliches begehrt». (Goethe, Faust II.) Und diese Persönlich-

keit (Goethe) selbst sagt: «In der Idee leben heißt, das Unmögliche behandeln, als wenn es möglich wäre». (Goethe, Sprüche in Prosa.) Solche Aussprüche dürfen aber nicht als Einwände gegen das hier Dargestellte gebraucht werden. Denn die Forderung, die Goethe und seine Seherin (Manko) stellen, kann nur derjenige erfüllen, welcher sich an dem Begehren dessen, was möglich ist, erst herangebildet hat, um dann durch sein starkes Wollen eben das «Unmögliche» so behandeln zu können, daß es sich durch sein Wollen in ein Mögliches verwandelt²³.

Далее следует обрести уравновешенность и спокойствие, только в этом случае душа может возвыситься над страстями:

In bezug auf die Gefühlswelt soll es die Seele für die Geistes-
schulung zu einer gewissen Gelassenheit bringen. Dazu ist nötig,
daß diese Seele Beherrscherin werde über den Ausdruck von Lust
und Leid, Freude und Schmerz. Gerade gegenüber der Erwerbung
dieser Eigenschaft kann sich manches Vorurteil ergeben. Man könn-
te meinen, man werde stumpf und teilnahmslos gegenüber seiner
Mitwelt, wenn man über das «Erfreuliche sich nicht erfreuen, über
das Schmerzhafte nicht Schmerz empfinden soll». Doch darum han-
delt es sich nicht. Ein Erfreuliches *soll* die Seele erfreuen, ein Trauri-
ges *soll* sie schmerzen. Sie soll nur dazu gelangen, den *Ausdruck* von
Freude und Schmerz, von Lust und Unlust zu beherrschen. Strebt
man *dieses* an, so wird man alsbald bemerken, daß man nicht stumpf-
fer, sondern im Gegenteil empfänglicher wird für alles Erfreuliche
und Schmerzhafte der Umgebung, als man früher war. Es erfordert
allerdings ein genaues Achtgeben auf sich selbst durch längere Zeit,
wenn man sich die Eigenschaft aneignen will, um die es sich hier
handelt. Man muß darauf sehen, daß man Lust und Leid voll miter-
leben kann, ohne sich dabei so zu verlieren, daß man dem, was man
empfindet, einen unwillkürlichen Ausdruck gibt. Nicht den berech-
tigten Schmerz soll man unterdrücken, sondern das unwillkürliche
Weinen; nicht den Abscheu vor einer schlechten Handlung, son-
dern das blinde Wüten des Zorns; nicht das Achten auf eine Gefahr,
sondern das fruchtlose «sich fürchten» und so weiter. — Nur durch
eine solche Übung gelangt der Geistesschüler dazu, jene Ruhe in
seinem Gemüt zu haben, welche notwendig ist, damit nicht beim
Geborenwerden und namentlich bei der Betätigung des höheren
Ich die Seele wie eine Art Doppelgänger neben diesem höheren Ich
ein zweites ungesundes Leben führt²⁴.

Этап четвертый: становящаяся личность обязана развить в себе способность видеть позитивное даже в несовершенном, безобразное не должно привлекать, удерживать, поработать:

Für das Denken und Fühlen ist ein weiteres Bildungsmittel die Erwerbung der Eigenschaft, welche man Positivität nennen kann. Es gibt eine schöne Legende, die besagt von dem Christus Jesus, daß er mit einigen andern Personen an einem toten Hund vorübergeht. Die andern wenden sich ab von dem häßlichen Anblick. Der Christus Jesus spricht bewundernd von den schönen Zähnen des Tieres. Man kann sich darin üben, gegenüber der Welt eine solche Seelenverfassung zu erhalten, wie sie im Sinne dieser Legende ist. Das Irrtümliche, Schlechte, Häßliche soll die Seele nicht abhalten, das Wahre, Gute und Schöne überall zu finden, wo es vorhanden ist. Nicht verwechseln soll man diese Positivität mit Kritiklosigkeit, mit dem willkürlichen Verschließen der Augen gegenüber dem Schlechten, Falschen und Minderwertigen. Wer die «schönen Zähne» eines toten Tieres bewundert, der sieht *auch* den verwesenden Leichnam. Aber dieser Leichnam hält ihn nicht davon ab, die schönen Zähne zu sehen. Man kann das Schlechte nicht gut, den Irrtum nicht wahr finden; aber man kann es dahin bringen, daß man durch das Schlechte nicht abgehalten werde, das Gute, durch den Irrtum nicht, das Wahre zu sehen²⁵.

И этап пятый обретение способности видеть новое даже в том, что представляется давно и хорошо знакомым, привычным, понятным и быть готовым к коррекции прежних представлений:

Das Denken in Verbindung mit dem Willen erfährt eine gewisse Reifung, wenn man versucht, sich niemals durch etwas, was man erlebt oder erfahren hat, die unbefangene Empfänglichkeit für neue Erlebnisse rauben zu lassen. Für den Geistesschüler soll der Gedanke seine Bedeutung ganz verlieren: «Das habe ich noch nie gehört, das glaube ich nicht.» Er soll während einer gewissen Zeit geradezu überall darauf ausgehen, sich bei jeder Gelegenheit von einem jeglichen Dinge und Wesen Neues sagen zu lassen. Von jedem Luftzug, von jedem Baumblatt, von jeglichem Lallen eines Kindes kann man lernen, wenn man bereit ist, einen Gesichtspunkt in Anwendung zu bringen, den man bisher nicht in Anwendung gebracht hat. Es wird allerdings leicht möglich sein, in bezug auf eine solche Fähigkeit zu weit zu gehen. Man soll ja nicht etwa

in einem gewissen Lebensalter die Erfahrungen, die man über die Dinge gemacht hat, außer acht lassen. Man soll, was man in der Gegenwart erlebt, nach den Erfahrungen der Vergangenheit beurteilen. Das kommt auf die eine Waagschale; auf die andere aber muß für den Geistesschüler die Geneigtheit kommen, immer Neues zu erfahren. Und vor allem der Glaube an die Möglichkeit, daß neue Erlebnisse den alten widersprechen können²⁶.

Взятые вместе, эти способности души — дисциплина мысли, управление волей, спокойствие, позитивность и непредвзятость — должны составить единое гармоничное целое, способное обеспечить восприятие сверхчувственного:

Damit sind fünf Eigenschaften der Seele genannt, welche sich in regelrechter Schulung der Geistesschüler anzueignen hat: die Herrschaft über die Gedankenführung, die Herrschaft über die Willensimpulse, die Gelassenheit gegenüber Lust und Leid, die Positivität im Beurteilen der Welt, die Unbefangenheit in der Auffassung des Lebens. Wer gewisse Zeiten aufeinanderfolgend dazu verwendet hat, um sich in der Erwerbung dieser Eigenschaften zu üben, der wird dann noch nötig haben, in der Seele diese Eigenschaften zum harmonischen Zusammenstimmen zu bringen. Er wird sie gewissermaßen je zwei und zwei, drei und eine und so weiter gleichzeitig üben müssen, um Harmonie zu bewirken²⁷.

Белый, воспринимавший все это как духовную основу развития способностей собственной личности (и вместе с тем как единственно возможный и единственно верный путь, указанный всем, кто хочет и может понимать Штейнера), как универсальную истину, не знающую временных или пространственных ограничений, усвоил ее и как универсальную меру и критерий оценки человека, текста, литературных героев с их многообразными связями с теми смысловыми пространствами, в которые они включались наряду с их создателями как часть их ментальности, их видения реальности явленной и угадываемой, скрытой, таинственной и иногда открывающейся тем, кто подготовил себя к этому.

Мир Гоголя, конечно, не был исключением из общего правила, но мир этот воспринимался как искаженный, перевернутый, ариманический, вобравший в себя не только стремление к жизни, но и осознано-неосознанное движение к смерти, небытию, к обращению в прах и в ничто.

В этой специфической перспективе Белый и рассматривал гоголевских героев (ср.: «инвентарь <...> фикций есть прах» [С. 85]), в том числе героев «Мертвых душ», а среди этих последних прежде всего тех, кто вошел в «галерею». Пять ступеней штейнеровского восхождения в охваченном тлением мире Аримана²⁸ обернулись пятью «стадиями падения в грязь», пробуждение души — ее гибелью, свет — тьмою ада.

Манилов: мечтания, не знающие ни умственного контроля, ни силы, ни ясности выражения, ни, конечно, ощутимой опоры в его сверхслабом «я»: «Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол <...> и остался с разинутым ртом <...>. Как ни придумывал Манилов, как ему быть <...>, но ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым <...>. <...> Манилов совершенно растерялся» и т.д.»²⁹.

Коробочка: беспорядок души, внешним выражением которой является бессмысленная суэта, неопределенность суждений как следствие неспособности мыслить («Эк ее дубинно-головая какая!»³⁰) и отсутствие волевого начала (не хотели пускать Чичикова на ночлег — пустили, не хотела продавать ему души или по крайней мере, не хотела продавать, не узнав их настоящей цены — продала).

Ноздрев: ни душевного равновесия, ни спокойствия, безобразная стихия страстей: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории»³¹ и т.д.

Собакевич: вместо «позитивности» спокойное, убежденное, откровенное признание власти «негатива»: «Я их знаю всех: это все мошенники <...>: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один <...> только и есть порядочный человек <...>, да и тот <...> свинья»³².

Плюшкин: вместо «непредвзятости» одна мысль — об «упущениях» и «издержках» — и одно чувство — подозрительность; на лице — мелькает на мгновение «бледное отражение чувства», постоянно же — «поверхность безответной стихии»³³.

«Гармония» в этом контексте, разумеется, проблематична; обратимость процесса умирания души сомнительна; *выдвинутость в ничто*³⁴ в кругозоре персонажей «галереи» отнюдь не подразумевает ни возможности, ни желанности спасения, которое оказывается необходимым лишь на уровне мировосприятия автора (и, по-видимому, той читательской группы, которая способна улавливать обращенные к ней смыслы).

* * *

Если способность и готовность Белого читать Гоголя в штейнерианской перспективе вряд ли может кого-то удивить, то специфическая включенность гоголевского текста в эту перспективу выглядит менее тривиальной. Между тем и она представляется глубоко неслучайной и даже закономерной: не только Белый и Штейнер, но и Гоголь, при всех его колебаниях, противоречиях, дву- и многосмысленностях, тесно соприкоснулся с гностической традицией, отразившейся в целом ряде масонских, мартинистских, розенкрейцерских и иных сочинений, составивших один из наиболее существенных контекстов русской литературы имперского периода³⁵. Естественно предположить, что именно заинтересованно-внимательное отношение Гоголя к этой традиции привлекло к нему внимание Белого, который не только соединил его имя с именем Штейнером, но и, до известной степени, отождествил себя с Гоголем — по крайней мере настолько, чтобы заявить о себе как о едва ли не последнем представителе гоголевской «школы», «возобновившем» ее в XX веке (С. 309).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некоторые материалы, вошедшие в настоящую работу, ранее обсуждались в моем докладе «Антропософия как прием: «Мастерство Гоголя» Андрея Белого и Рудольф Штейнер», прочитанном на Международном конгрессе к 100-летию русской формальной школы в гуманитарных науках «Русский формализм: 1913–2013» 25–29 августа 2013; краткие тезисы: Ивинский Д.П. Русский формализм (1913–2013): Международный конгресс к 100-летию русской формальной школы: Тезисы докладов. М., 2013 (Институт славяноведения РАН). С. 185). Заметки, часть которых здесь публикуется, отнюдь не претендуют ни на полноту, ни на систематичность, ни на сколько-нибудь полное прочтение каких бы то ни было тонких смыслов, просвечивающих в «советском» гоголевском тексте Белого: их задача состоит в том, чтобы предельно лаконично обозначить их присутствие, и только в той мере, в какой они позволяют уяснить кажущиеся скрытыми, но на самом деле, не исключено, лежащие на поверхности возможности интерпретации некоторых темных мест книги Белого.

² См., в частности: Kozlik Frédéric C. L'influence de l'anthroposophie sur l'œuvre d'André Biély: V. 1–3. Frankfurt, 1981; см. также: Elsworth J.D. *Andrey Bely: A Critical Study of the Novels*. Cambridge; London; New York, 1983.

³ Ср.: Мочульский К.В. Андрей Белый. Париж, 1955. С. 173, 189, 237.

⁴ Белый Андрей. *Мастерство Гоголя: Исследование*. М., 1934. Далее — с указанием страницы в тексте.

⁵ Belyj Andrej. Mémoires sur Steiner (= Воспоминания о Штейнере) / [Подгот. текста, предисл. и примеч. Ф. Козлика]. Paris, 1982. P. 231. То же, по другому источнику: Белый Андрей. Собр. соч. [Т. 7]: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В.М. Пискунова; сост., коммент., послесл. И.Н. Лагутиной. М., 2000. С. 441.

⁶ Belyj Andrej. Mémoires sur Steiner. P. 232; Белый Андрей. Собр. соч. [Т. 7]. С. 442. Отдельная тема — как именно, по мнению Белого, «ариманизм» у Гоголя сочетался с «люциферизмом» и в каком отношении к «действительности» оказывался Гоголь, см., напр.: «Гоголь оторвался от того, что мы называем действительностью. Кто-то из-под ног его выдернул землю; осталась в нем память о земле: земля человечества разложилась для него в эфир и навоз; а существа, населяющие землю, превратились в бестелесные души, ищущие себе новые тела: их тела — не тела: облачный туман, пронизанный месяцем; или они стали человекообразными *редьками*, вырастающими в навозе» (Белый Андрей. Луг зеленый: Книга статей. М., 1910. С. 101). Такое понимание Гоголя, до некоторой степени, — осуществленная Белым проекция собственной духовной биографии в аспекте ее *люцифурически-ариманической* двойственности (о ней см., в частности, в письме Белого к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: Nivat Georges. Trois documents importants pour l'étude d'Andrej Belyj // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1974. Vol. 15. № 1/2. P. 72; то же: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. статья и коммент. А.В. Лаврова и Джона Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998. С. 501; о Белом и Гоголе см. также: Сугай Л.А. Андрей Белый в работе над гоголевской темой // Русский символизм и мировая культура: Сборник научных трудов. Вып. 1. М., 2001. С. 131–162; Сугай Л.А. «Всю жизнь я живу Гоголем...»: (Андрей Белый — исследователь Гоголя) // Белый Андрей. Собр. соч. [Т. 9]: Мастерство Гоголя: Исследование. М., 2013. С. 395–440; Делекторская И.Б. Андрей Белый и Гоголь: до «Истории становления самосознующей души», в «Истории становления самосознующей души» и после // Russian Literature. 2011. № 1/2. P. 109–119; Делекторская И.Б. Гибель Блока в «Мастерстве Гоголя» Андрея Белого // Toronto Slavic Quaterly. 2011. № 38. P. 17–26; Делекторская И.Б. «Имея план, нужно уметь отвлекаться, где надо...»: (Андрей Белый в работе над «Мастерством Гоголя») // Toronto Slavic Quaterly. 2012. № 41. P. 21–34.

⁷ Белый Андрей. Символизм: Книга статей. М., 1910. С. 195–230.

⁸ Белый Андрей. Между двух революций. Л., 1934. С. 212–214.

⁹ О «принципе трюиственности» в «концепции символизма» Белого см.: Одесский М.П. Стратегия «символизаций» в «Истории становления самосознующей души» // Russian Literature. 2011. № 1/2. P. 49–52.

¹⁰ Белый Андрей. Символизм. С. 212–213.

¹¹ Там же. С. 213–217.

¹² Разумеется, русские и европейские контексты гетеанства Белого должны обсуждаться отдельно; во всяком случае, на его восприятие Гете оказала влияние не только изящная словесность (напр., Блок и Жуковский (Топоров В.Н. О «блоковском слое» в

романе Андрея Белого «Серебряный голубь» // *Russian Literature*. 1996. № 2. P. 125–126) и символисты, в том числе Э.К. Метнер (Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 449–450), а также, конечно, В.С. Соловьев), но, вполне вероятно, и музыка, во всяком случае Р. Вагнер (Wells David. *The Symbolic Structure of Andrei Bely's «Pervoe svidanie»: Echoes of Wagner and Steiner* // *Slavonic and East European Review*. 2003. № 2. 201–216).

¹³ Об этом понятии в связи с книгой Белого о Штейнере, Гете и Метнере см.: Шталь Хенрике. Генезис понятия самосознающей души и «История становления самосознающей души» Андрея Белого // *Russian Literature*. 2011. № 1/2. P. 27–29 (здесь же предпринята попытка поставить вопрос об «отличии» концепции Белого от «учения Штейнера»).

¹⁴ Белый Андрей. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности: Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете». М., 1917. С. 67 (курсив мой).

¹⁵ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 23. Ср. более подробное изложение этой истории в письме П.Н. Зайцева к Л.В. Каликиной от 18 декабря 1833 г.: Смерть Андрея Белого (1880–1934): Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М. Спивак, Е. Наседкина. М., 2013. С. 280 (публ. М.Л. Спивак); ср., еще, напр.: «Старую злобу за свое литературное ничтожество перед Андреем Белым Каменев прикрывает поддельной суровостью историка. Эта хамская наглость еще усугубляется тем, что Каменев ее себе разрешил как раз в те месяцы, когда Андрей Белый был поражен смертельной болезнью» (Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 томах. Т. 2: Записная книжка; Статьи о русской поэзии; Литературная критика: 1922–1939. М., 1996. С. 316). Ср. замечание Иванова-Разумника о «наглом тоне» предисловий Каменева к книгам Белого «Начало века» и «Мастерство Гоголя» (Иванов-Разумник Р.В. Тюремы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С. 209). Впрочем, насколько известно, на предисловие Каменева к «Мастерству Гоголя» Белый отреагировал спокойно-иронически.

¹⁶ Steiner Rudolf. *Mysterienwahrheiten und Weihnachtsimpulse: Alte Mythen und ihre Bedeutung: Sechzehn Vorträge, gehalten in Basel am 23. Dezember 1917 und in Dornach vom 24. Dezember 1917 bis 17. Januar 1918. Dornach / Schweiz, 1980. S. 204–205.* Здесь и далее ограничиваемся цитированием оригинального текста; переводы текстов Штейнера на русский язык (различного качества) см.: http://www.bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Rus. (просмотрено 22. 03. 2016).

¹⁷ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 томах. Т. 2. С. 316.

¹⁸ Тургенева А.А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // *Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. № 13/14. 1968. С. 250.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Ивинский Д.П. Композиция первого тома поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и «фигура фикции» // Н.В. Гоголь и русская литература: К 200-летию со дня рождения великого писателя: Девятые гоголевские чтения: Сборник докладов международной научной конференции. М., 2010. С. 231–238.

²⁰ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 1847. С. 142.

²¹ Эта книга и, в частности, интересующий нас здесь фрагмент ее уже включены в контекст духовной биографии Белого, см.: Спивак М.Л. Публицистика Андрея Белого в биографическом и историко-культурном контексте (1916–1934): Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2012. С. 94.

²² Steiner Rudolf. Die Geheimwissenschaft im Umriss. Dornach, 1962. S. 329-330.

²³ Там же. С. 331-332.

²⁴ Там же. С. 332-333.

²⁵ Там же. С. 334.

²⁶ Там же. С. 335.

²⁷ Там же. С. 336.

²⁸ С темой падшего ариманического мира связано все то, что Белый пишет о гоголевских «фикциях» («фигуре фикции»); штейнеровские контексты этой темы чрезвычайно выразительны, см., в частности, его рассуждения об Аримане и *иллюзорности / фикциональности* восприятия реальности не просветленным «духовной наукой» сознанием (Steiner Rudolf. Der innere Aspekt des sozialen Rätsels Luziferische Vergangenheit und ahrimanische Zukunft Zehn Vorträge, gehalten in Zürich, Bern, Heidenheim und Berlin zwischen dem 4. Februar und 4. November 1919. Dornach / Schweiz, 1989. S. 160–179) и мн. др.

²⁹ Гоголь Н.В. Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма. Изд. 2-е. М., 1846. С. 56–58.

³⁰ Там же. С. 93.

³¹ Там же. С. 130.

³² Там же. С. 180.

³³ Там же. С. 232, 237.

³⁴ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 20.

³⁵ О «пяти гоголевских помещиках» как аллегории пяти «стадий падения Софии» см.: Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология; Идеология; Контекст. М., 2002. С. 517–521; здесь, в частности, показано, что эта внятная Гоголю тема была вполне актуальна как для европейских (Карл фон Эккартсгаузен, Иоганн-Генрих Юнг-Штиллинг), так и для русских (М.М. Херасков, И.В. Лопухин, С.Н. Гамалея, Ф.Н. Глинка и др.) авторов; см. также: Вайскопф М.Я. Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 106–119; о розенкрейцерских контекстах русской софиологии см.: Вайскопф М.Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. С. 137–138.

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К НЕДОПИСАННОМУ ПИСЬМУ Н.Я. МАНДЕЛЬШТАМ Е.Б. ПАСТЕРНАКУ 1960 г.

Одной из самых ярких работ А.Ю. Галушкина была сенсационная публикация подлинного текста выступления Бориса Пастернака на дискуссии о «Формализме и натурализме» с пометами И.В. Сталина из Президентского архива¹. Эта публикация вызвала полемический отклик Л.С. Флейшмана, который был помещен в том же томе «В кругу Живаго»² *Stanford Slavic Studies*, где была напечатана стенограмма с комментарием, и потом перепечатан в сборнике работ «От Пушкина к Пастернаку»³. Саша Галушкин републиковал пересмотренный вариант своей статьи в «Текстологическом временнике»⁴.

Не исключено, что захватывающая дискуссия двух замечательных филологов еще не раз даст свои плоды. Нам также посчастливилось воспользоваться этой работой А.Ю. Галушкина⁵. Нам показалось важным, что пометки Сталина на стенограмме выделяют именно те места, которые соотносятся со стихами Б.Л. Пастернака, обращенными к Сталину и связанными так или иначе с разговором поэта с вождем об О.Э. Мандельштаме⁶.

В частности, А.Ю. Галушкин писал: «“Взаимоотношения” Сталина и Пастернака давно стали предметом не только научных исследований, но и многочисленных околонучных спекуляций, а телефонный звонок Сталина Пастернаку прочно вошел в интеллигентский фольклор», — и чуть ниже: «Едва ли не главным ферментом в формировании пастернаковского мифа о Сталине стал телефонный звонок вождя в конце июня 1934 г. Некоторыми исследователями сам факт такого обращения Сталина к поэту воспринимается как экстраординарное событие <...>. Между тем, факты таких звонков Сталина были не единичны (известно, что Сталин звонил М. Шолохову, И. Эренбургу, А. Фадееву, С. Михалкову, К. Симонову и др. — не говоря уже о военачальниках и хозяйственных деятелях)» (С. 38).

В дальнейшем оба автора, и А.Ю. Галушкин, и Л.С. Флейшман, используют записи А.К. Gladkova 1936 г., в которых упоминается «разговор». Речь у Gladkova идет об обсуждении в доме В.Э. Мейерхольда предложения «товарища П.<оскребышева>», обращенного к режиссеру, позвонить т. Сталину.

Нас интересует реакция Пастернака, сохраненная в записях Гладкова:

Многословно и сложно, как всегда со множеством всевозможных отступлений в длинных придаточных предложениях, но очень решительно, тем не менее он советовал не искать встречи со Сталиным, потому что ничего хорошего из этого все равно получиться не может. Он рассказал о печальном опыте своего телефонного разговора со Сталиным после ареста поэта О. Мандельштама, когда Сталин, не дослушав его, повесил трубку. Он горячо и красноречиво доказывал Мейерхольду, что недостойно его, Мейерхольда, являться к Сталину просителем, а в ином положении он сейчас быть не может, что такие люди должны или говорить на равных, или совсем не встречаться, и так далее, и тому подобное...⁷

А.Ю. Галушкин, присоединяясь к мнению Л.С. Флейшмана о том, что «разговор» вовсе не был широко известен, пишет:

В недавно обнародованном донесении секретного осведомителя НКВД от начала июня 1934 г. (т.е. вскоре после звонка Сталина) приводятся следующие слова Пастернака: «Оказывается теперь в моде героические поступки. Я не вовремя сделался советским. Мне надо было оставаться таким, каким я был 2 года тому назад. В то время я кипел и бушевал, способен был на всякие жесты... Один разговор с человеком, стоящим на вершине, — я не буду называть его фамилии, — убедил меня в том, что теперь, как я сказал, мода на другой тип писателя. Когда я говорил с этим человеком, в обычном советском тоне, он вдруг заявляет мне, что так разговаривать нельзя, что это приспособленчество. Я чувствую, что теперь многим на вершине нравилось бы больше, если бы я был таким, как прежде, до перестройки»⁸ (С. 43);

«Как видно из приведенной цитаты, Пастернак по-своему интерпретировал сталинский упрек в том, что он недостаточно хлопочет за Мандельштама. Сталину, как показалось поэту, «строптивый нор» был «по душе». К сталинскому упреку Пастернак возвращается и в письме вождю от 1 ноября 1935 г. (сопровождавшем письмо А. Ахматовой к Сталину), в котором он просил за арестованных Л. Гумилева и Н. Пунина: «Однажды Вы упрекнули меня в безразличии к судьбе товарища».

Таким образом, это письмо Пастернака можно расценить и как своего рода компенсацию за свое поведение в случае с Мандельштамом, которое, видимо, Пастернак воспринимал как недостаточно последовательное» (С. 55–56).

Поразительным комментарием к словам Пастернака, записанным и Гладковым, и неким сексотом, подтверждающим их подлинность, является неизвестная до самых последних лет дневниковая запись М.М. Пришвина о том же разговоре, записанная на фоне прослушивания доклада о Конституции 1936 г. (запись от 25 ноября 1936 г. после прослушивания речи Сталина о новой Конституции, заметим, «бухаринской»):

Он (Сталин — *Л.К.*) беспрерывно «прижимает человека к стене», ловит с поличным его блажи и, одного, отпустив, делает своим человеком навсегда, другого, когда надо, без колебания уничтожает (слышал я, будто он позвонил к Пастернаку и спросил: не нуждается ли он в чем-нибудь, и после долгих намеков спросил о сосланном Мандельштаме; а когда Пастернак отказался, сказал ему: — Эх вы, — писатели! — Таким образом он привязал к себе навсегда Пастернака). Не дай Бог попасть в такой нравственный плен!⁹

Вообще говоря, само содержание разговора и подлинность произнесенных собеседниками реплик, идущее из круга Пастернака, долгое время не подвергалась сомнению, несмотря на наличие мемуаров единственного человека, слышавшего реплики Пастернака непосредственно в коридоре: речь идет о Н.Н. Вильям-Вильмонте. Мы сами анализировали максимально большое количество доступных нам вариаций на эту тему от самого Пастернака до Л.К. Чуковской, А.А. Ахматовой, Н.Я. Мандельштам и З.Н. Пастернак и т.д. — до мемуаров скульптора З.А. Масленниковой¹⁰. Лишь воспоминания Вильям-Вильмонта¹¹ выпадали из этого плотного «текста разговора» (по выражению В.Н. Топорова). Однако в последние десять лет мы получили только подтверждения «краткой» версии Вильям-Вильмонта, а не «пространной» и общепринятой, и оказались вынуждены опубликовать их сравнительное исследование, где источниковедчески более убедительной оказалась как раз «краткая» версия¹². На этом фоне огромный интерес представляют названные А.Ю. Галушкиным «интеллигентский фольклор» и «формирование пастернаковского мифа о Сталине». Нам представляется, что сейчас появляется возможность начать подобное

исследование, которое менее всего будет похоже на «чтение в сердцах», с чем всегда, и в цитируемой публикации, боролся Саша.

Разумеется, сама по себе задача анализа становления той или иной мифологии требует очень четкой методологии, иначе можно создать только очередной миф, который будет противостоять прежнему мифу. Но существовать они будут в одном, опять же мифологическом, пространстве. Поэтому основная задача нашей работы состоит в том, чтобы никакого заранее заданного ответа на поставленный вопрос не было вообще. А возможно это только в том случае, если мы сумеем обнаружить соответствующий сравнительный материал, который позволяет поставить интересующий нас эпизод в соответствующий исторический контекст.

Похоже, что один такой случай имеет место. В 2002 г. в книге А.К. Гладкова «Встречи с Пастернаком» было напечатано письмо Н.Я. Мандельштам, обращенное к Е.Б. Пастернаку. Сам адресат и опубликовал это письмо в сопровождении обширной и важной статьи обо всех обстоятельствах, известных ему на тот момент¹³. Это письмо исключительно важно и требует подробного комментария во всех своих частях: от отношений Н.Я. Мандельштам и Э.Н. Пастернак до обсуждения все еще достаточно табуированной темы «Пастернак и еврейство». Но мы сейчас выберем лишь то, что касается интересующего нас «разговора».

Цитирует Е.Б. Пастернак недописанное и неотправленное письмо вдовы Мандельштама¹⁴:

В те тяжелые дни, когда дошла весть о смерти О.М., ваш отец был единственным писателем, который ко мне пришел.

Ночью, на следующий день после ареста О.М., в тридцать четвертом году, его довез к нашему дому Демьян Бедный, и мы втроем (с А.А.) долго сидели и говорили «о жизни и смерти».

К этому месту Е.Б. Пастернак дает комментарий: «На словах Пастернака о желании поговорить со Сталиным «о жизни и смерти» Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) повесил трубку».

Это замечание абсолютно верно, однако носит в письме чисто метафорический характер, ведь до этих слов (не важно, произнесенных, как в «пространной» версии, или произнесенных вообще) Пастернак еще должен был обратиться к Н.И. Бухарину, а Сталин позвонить Борису Леонидовичу по этому поводу.

Следующий абзац в чем-то параллелен приведенному, однако для его однозначного приурочения к «разговору» могут понадобиться

дополнительные сведения. Вот он: «Были у нас трудные разговоры (у меня с ним), и он их помнил, и я их помню. С О.М. этого не бывало. О.М. считал, что Борис Леонидович «всегда прав»».

Здесь следует тонкое и очень двусмысленное примечание самой Н.Я. Мандельштам: «Это о «правоте» поэта». А далее она пишет уже о себе, а не об Осипе Эмилиевиче: «Речь у меня с ним шла о нашей жизни и о поэте в ней. Я рада, что под конец этого спора *бы* (выделено нами — Л.К.) не было: поэт всегда прав».

Разберем эту фразу подробно. Начнем с конца, ведь письмо пишется после трагической кончины Пастернака, после оказавшейся самоубийственной истории с «Доктором Живаго». В этом случае возникает параллелизм: тогда, когда самоубийственно вел себя Мандельштам в связи с «Мы живем, под собою не чуя страны...», а Пастернак оказался не совсем на высоте, — одно дело. Теперь он совершил нечто подобное Мандельштаму, то есть «поэт всегда прав», но частица «бы» в письме Н.Я. Мандельштам означает слишком много.

«Посмертных» разговоров не «в царстве теней» не бывает. Если они и идут там, то именно сейчас... Но для анализа этой фразы Н.Я. Мандельштам у нас есть важная параллель. Не так давно появилась публикация Р.Д. Тименчика писем Н.Я. Мандельштам к мужу. В одном из них от 2 января 1936 г. читаем:

Радуюсь, что не вижу Пастернака.

Вчера в Известиях были его стихи. Чуть ли не после 5 лет молчания. Может, он тоже взывает, как ты после своей пятил<етки> молчания? Только непохоже.

Н.Я. Мандельштам не уточняет, чему посвящены стихи в «Известиях» от 1 января 1936 г., — адресат должен был к моменту получения письма прочесть их и, пробираясь сквозь высокое косноязычье, узнать, что автор этих стихов

...понял: все в силе,
В цвету и в соку,
И в новые были
Я каплей теку.
...И смех у завалин,
И мысль от сохи,
И Ленин, и Сталин
И эти стихи.

А также во втором стихотворении —

А в те же дни на расстоянье
 За древней каменной стеной
 Живет не человек, — деянье,
 Поступок ростом с шар земной.
 ...Но он остался человеком
 И если, зайцу вперерез
 Пальнет зимой по лесосекам,
 Ему, как всем, ответит лес.
 И этим гением поступка
 Так поглощен другой, поэт,
 Что тяжелеет, словно губка,
 Любою из его примет.

Стихи Пастернака, потом откликнувшиеся в мандельштамовской «Оде Сталину», рассчитывали как на узнавание «примет» гения поступка ограниченным кругом людей, так на общечитательское опознание неназванных прямо, но близко обступивших обстоятельств⁴⁵.

Итак, «сталинские» стихи Пастернака Н.Я. Мандельштам не обрадовали. Более того, совсем скоро она набросилась на другого поэта, который отнесся к этим текстам иначе:

Пастернак должно быть знает, что я здесь, но молчит.
 Я рада. Клычков пьет. Викт<ор> Бор<исович> — читает стихи.
 Волнуется;

«Вчера встретила Бориса Леонидо<вича>. Он из виноватости не выходит. Да как вы, да что вы? Да не сердитесь ли вы с Осей на меня? Да способны ли вы меня простить?

Эти ламентации меня забавляют. И доказывают правильность обращения с ним.

<...> Сегодня накричала на Маркиша на тему — причем здесь Пастернак.

Итак, письма, остававшиеся неизвестными до конца 2013 г., были сохранены Н.Я. Мандельштам и, как говорит Р.Д. Тименчик, подарены молодому другу после окончания работы над «Второй книгой», у которого и были тогда же скопированы. То есть они не были доступны тем, кто работал с принстонским архивом Мандельштама. Между тем, тем уже летом 2014 г., которое стало последним для Саши,

в журнале «Октябрь» (№ 7) появились и собственноручные записи Н.Я. Мандельштам об О.Э. Мандельштаме, и расшифровки ее бесед с К. Брауном на те же темы. Здесь-то мы и встретим интересующее нас определение разговоров Н.Я. Мандельштам с Пастернаком.

Вот эти эпизоды в обоих документах:

Арест в мае тридцать четвертого года... Анна Андреевна присутствовала при аресте, как раз приехала в этот день из Ленинграда. Сначала высылка была в Чердынь. После моей телеграммы, а я телеграфировала Сталину и копию Бухарину, Бухарин написал письмо Сталину, в котором в конце написал: «и Пастернак тоже волнуется». Это причина, почему Сталин позвонил и сделал Пастернака рупором своей милости. В Чердыни через две недели нам сообщили, что дело пересмотрено и предложили выбирать город. «Минус» какой-то дали, «минус одиннадцать», по-моему. Нужно было выбирать в течение десяти минут, нигде в провинции у нас знакомых не было. Мы вспомнили, что у одного биолога, Леонова, отец в Воронеже и поэтому выбрали Воронеж. Но этого отца мы так никогда и не видели.

В Воронеже... О Воронеже все подробно рассказано, так что даже мне не стоит ничего говорить. Борис Леонидович почему-то мне не рассказал, ни мне, ни моему брату, ни Анне Андреевне, он *никому не рассказал о разговоре со Сталиным*. Позвонил моему брату, сказал, что все будет хорошо. Но не сказал, не пришел, хотя с братом встречался постоянно. Я узнала случайно, во второй приезд в Москву летом, в разговоре, я узнала от Шенгели, пошла к Пастернаку и Пастернак рассказал мне в деталях этот разговор. Я тогда же при нем записала его. *У нас были по этому поводу очень крупные разговоры* (курсив наш — Л.К.)¹⁶.

Здесь указание на запись этого «разговора» еще в 1934 (!) г. требует отдельного разбора, который логически встраивается в следующий эпизод нашей работы.

А пока второй, на сей раз письменный, вариант того же:

Май 34 — арест. Чердынь. Письмо Б[ухарина]. Разговор С[талины] с П[астернаком] (узнала от Шенгели. П[астернак] подтвердил и рассказал в деталях)¹⁷.

Итак, письмо Н.Я. Мандельштам 1960 г., не отправленное и явно недописанное, было в 1962 г. подарено А.К. Гладкову. Это не помешало в 1965–1966 гг. повторить все это К. Брауну. А вот в книги Н.Я. Мандельштам ничего подобного не попало. «Поэт» оказался «всегда прав».

Уже этого факта достаточно, чтобы понять: книги Н.Я. Мандельштам не столько посвящены «былому и думам» или рассказам «о времени и о себе», сколько «правоте поэтов».

Пусть так, это выбор мемуаристики. Но мы сейчас заняты историко-культурными проблемами.

Теперь мы можем вернуться к письму Н.Я. Мандельштам, подаренному А.К. Гладкову. Начнем с того места, которым мы закончили предыдущую цитату из письма о «правоте поэта»: «Какие-то негодяи (Ошанин, например) вытащили старый разговор Бориса Леонидовича, вы знаете с кем; они хотели использовать его против вашего отца».

Вот она — причина отказа от обсуждения «трудных разговоров», которые «всплыли» в беседах с К. Брауном и, следовательно, продолжали быть болезненными для мемуаристики и через пять-шесть лет после неотправки письма. Однако решение не предавать огласке СВОИ «трудные разговоры» о «разговоре» — это уже начало построения идеологии мемуарной диалогии.

И тут же следует описание предложения записать «разговор», только в совсем другой, нежели в беседах с К. Брауном, обстановке и вовсе не один на один:

К сожалению, он (Пастернак — Л.К.) меня не послушал — я предлагала (мы встретились в приемной у Суркова) записать этот разговор вместе, чтобы все знали, что было на самом деле. Но потом пошел весь этот шум, и мы не успели это сделать. Вернее, хотя он и пожаловался мне на «слухи», он не учел того, что это надо было сделать. Жаль.

Интересно, что практически тогда же поэт подробно рассказал «разговор» скульптору Масленниковой, причем, знаменитый вопрос Сталина «Мастер ли Мандельштам» был заменен на «советский ли он человек» (наше давнее исследование этого словоупотребления показало, что для середины 1930-х гг. это было именно так и никак иначе), и там же — обсуждение «слухов»:

Представляете переполох, когда в квартире узнали, что я разговаривал со Сталиным? Вскоре Мандельштама выпустили.

— Но он, кажется, погиб в лагере? — спросила я.

— Да, через несколько лет его снова арестовали, и на этот раз он не вернулся. Он умер, кажется, на Колыме. Но потом начали распространяться всяческие слухи об этом разговоре со Сталиным, и стали говорить, что я погубил Мандельштама. Но ведь о содержании разговора могли знать только от меня. Не стал же Сталин бегать по знакомым и рассказывать, о чем он говорил с Пастернаком¹⁸.

Если «слухи» полностью совпали у Масленниковой и Н.Я. Мандельштам, то рассказ Пастернака был назавтра, как мы теперь знаем из дневников С.Д. Спасского, близким к «краткой» версии «разговора»¹⁹.

Упоминание Льва Ошанина как инициатора использования «разговора» в антипастернаковской кампании не прокомментировано Е.Б. Пастернаком и, следовательно, ему не известно. А вот почти дословно изложенный в «Воспоминаниях» эпизод с предложением записать «разговор» отличается там отсутствием имени Суркова.

Суть разговора, вернее его описание, изложена в письме Е.Б. Пастернаку:

Особенность этого разговора в том, что Б.Л. говорил со своим собеседником, как он разговаривал со всеми людьми — со мной, с А.А., с кем угодно. А кое-что было здорово сказано — неожиданно и точно до предела. И все трое — А.А., О.М., и я — очень это оценили.

Но куда больший интерес представляет тот факт, что, излагая в письме суть разговора, Н.Я. Мандельштам оказывается в 1960 г. невероятно близка с изложением его сексотом НКВД в июне 1934 г. Его мы приводили выше.

Следовательно, Пастернак в 1934 г. и позже использовал это объяснение своей интонации обращения к вождю, только у Н.Я. Мандельштам в 1960-м нет ни слова об ощущении неудачи «разговора», которое с очевидностью следует и из ее писем 1936 г. в Воронеж, и из знакомых ей записей А.К. Гладкова.

Возможно, это объясняется грустным поводом письма.

В любом случае, мы теперь видим, что использование в самом начале письма Н.Я. Мандельштам к Е.Б. Пастернаку выражения «о жизни и смерти» было обещанием никогда не использовать «краткую» версию «разговора», пока это может быть использовано врагами поэта.

Тогда «поэт всегда прав».
Но и у истории есть свои права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галушкин А. Сталин читает Пастернака // В кругу Живаго: Пастернаковский сборник. *Stanford Slavic Studies*. Vol. 22. P. 38–65. Далее ссылки на эту статью даются в тексте с указанием страницы.

² Флейшман Л. Еще о Пастернаке и Сталине: К публикации А.Ю. Галушкина // В кругу Живаго: Пастернаковский сборник. *Stanford Slavic Studies*. Vol. 22. P. 66–86.

³ Флейшман Л. Еще о Пастернаке и Сталине: К публикации А.Ю. Галушкина // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 684–700.

⁴ Галушкин А. Сталин читает Пастернака // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 650–672.

⁵ Кацис Л. Прагматика и поэтика писательских обращений к советским вождям 1930-х гг.: (О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Сельвинский, Л. Фейхвангер, Демьян Бедный) // Кацис Л. Смена парадигм и смена Парадигмы: Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М.: РГГУ. 2012. С. 145–185.

⁶ Там же. С. 165–167.

⁷ Гладков А.К. Встречи с Пастернаком. М.: Фрт-Флекс, 2002. С. 53–54.

⁸ См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 216.

⁹ Пришвин М. Дневники. 1936–1937. СПб., Росток, 2010. С. 368–369.

¹⁰ Кацис Л. К поэтическим взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама // Пастернаковские чтения. Вып.2. М.: ИМЛИ РАН, 1998. С. 267–287.

¹¹ Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель, 1989.

¹² Кацис Л. О двух версиях разговора Б. Пастернака с И. Сталиным об О. Мандельштаме // *Kesarevo Kesarju: Scritti in onore di Cesare G. De Michelis*. Firenze: Firenze University Press, 2014. С. 181–187.

¹³ Пастернак Е. Предисловие // Гладков А.К. Встречи с Пастернаком. М.: Фрт-Флекс, 2002. С. 3–44.

¹⁴ Н.Я. Мандельштам — Пастернаку Е.Б. 3 июня 1961 г. // Там же. С. 45–48 (коммент. Е.Б. Пастернака). Письмо цитируется нами последовательно, поэтому дальнейших ссылок на конкретные его части мы не даем.

¹⁵ Timenchik Roman. Об одном эпизоде биографии Мандельштама // *Toronto Slavic Quarterly*. Vol. 47. Toronto, 2014. P. 223–226.

¹⁶ [Н.Я. Мандельштам, беседа с Кларенсом Брауном]. Жить подальше от литера-

туры // Октябрь. 2014. № 7. С. 142 (расшифровка диктофонной записи 1966 г.; публ. и прим. П. Нерлера и С. Василенко).

¹⁷ [Мандельштам Н.Я.]. Хроника жизни О.Э. Мандельштама / Составлена Н.Я. Мандельштам для Кларенса Брауна, середина 1960-х годов; печатается по авторизованной машинописи (собрание С.В. Василенко) // Октябрь. 2014. № 7. С. 166 (публ. и прим. П. Нерлера и С. Василенко). К сожалению, библиографическое оформление и примечания к этой публикации крайне затрудняют работу с обоими документами. Более того, «Хроника» опубликована и в новейшем издании: Мандельштам Н.Я. Собрание сочинений: В 2 т. Екатеринбург: Изд-во ГОНЗО при участии Мандельштамовского общества, 2014. Т. 2. С. 953–962 (под названием «Биографическая канва»). Наш эпизод: с. 962. Здесь указано: Впервые: Октябрь 2014. № 7. С. 163–166. Печатается по авторизованной машинописи (РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 121. Л. 9–16) с дополнениями по другой машинописи (Там же. Л. 1–8) и авторизованной копии (собр. С. Василенко). Этот сенсационный документ был известен «Мандельштамовскому обществу», как выясняется, давным-давно, но не оказал влияния на комментарии к книгам Н.Я. Мандельштам ни в предыдущих, ни в новейшем издании, сохраняющих в неприкосновенности все установки предшествующих десятилетий, невзирая на появление противоречащих им или усложняющих их материалов. То же можно сказать и о не вошедшей в двухтомник, но известной составителям с 2013 г. магнитофонной записи («Сами записи подарены мне К. Брауном в 2013 г.», — сообщает П. Нерлер в предваряющей заметке в «Октябре»), которая помогла бы в комментировании и биографической хроники, составленной Н.Я. Мандельштам. Но так или иначе, публикации Р.Д. Тименчика вкуче с указанными новыми материалами «Октября» и двухтомника Н.Я. Мандельштам существенно проясняют реальную картину, оказываясь взаимодополняющими друг друга.

¹⁸ Масленникова З. Портрет Бориса Пастернака. С. 55.

¹⁹ Из дневника С.Д. Спасского (1933–1941) / Публ. и подг. текста М.А. Рашковской // Пастернаковский сборник. Статьи и публикации. I. М.: РГГУ, 2011. С. 422. Р.Д. Тименчик оценил запись Спасского так: «И например, разговор Пастернака со Сталиным о Мандельштаме изложен 2 ноября 1934 г. *предельно осторожно* (курсив наш — Л.К.): “Сегодня обедал у Пастернака. Его рассказ о «разговоре». Реплики собеседника: — Вы как-то медлительно говорите. — Что же отмежевываетесь от товарища? — Если б я был поэтом, и товарищ попал бы в беду, я бы на стену полез.

Пастернак защищался.

— А почему вы человек не общественный? — Да, помилюйте, работать надо. Времени не хватает. — Да, работать сейчас самое главное». См.: Timenchik R. Сергей Спасский и Ахматова // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 50. P. 94. Оба публикатора приводят в качестве комментария «пространную» версию «разговора», хотя у Спасского нет как раз разговора «о жизни и смерти».

ГИБЕЛЬ АВЕССАЛОМА ИЗНУРЕНКОВА Из материалов уголовного дела М.А. Глушкова

В историю советской литературы Михаил Александрович Глушков вошел как прототип одного из персонажей романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» — Авессалома Изнуренкова. Об этом написали мемуаристы, переданные ими сведения воспроизводили и литературоведы.

Принято считать, что сходство персонажа и прототипа задано общностью профессии. Оба — журналисты, темисты. Согласно роману, Изнуренков «снабжал темами для рисунков и фельетонов большинство московских сатирических журналов»¹. При этом имени его читатели не знали: «Если остротой Изнуренкова подписывался рисунок, то слава доставалась художнику. Имя художника помещали над рисунком. Имени Изнуренкова не было»².

В романе характеристика темиста иронична, однако беззлобна. Ильф и Петров отмечают: «Если бы этот человек мог остановить себя хоть бы на два часа, произошли бы самые неожиданные события. Может быть, Изнуренков присел бы к столу и написал прекрасную повесть, а может быть, и заявление в кассу взаимопомощи о выдаче безвозвратной ссуды, или новый пункт к закону о пользовании жилплощадью, или книгу «Уменьше хорошо одеваться и вести себя в обществе». Но сделать этого он не мог. Бешено работающие ноги уносили его, из двигающихся рук карандаш вылетал, как стрела, мысли прыгали»³.

Сходным образом мемуаристы характеризуют самого Глушкова. По определению заведующего редакций журнала «Крокодил» Исаака Абрамского, Глушков был «стихийно остроумным человеком». Но от прочих крокодилцев отличался «полным отсутствием усидчивости и неумением работать», отчаянно играл «в шахматы, в карты, на бильярде, на бегах»⁴. Этой «страстью», по словам самого Глушкова, он «заболел еще будучи гимназистом»⁵.

Стоит подчеркнуть, что Изнуренков — не карикатура на Глушкова. Шарж, не более. У Ильфа и Петрова нет сведений о страсти персонажа к игре. Но сама тема обозначена — для знавших контекст.

Так, в романе судебные исполнители постольку описывают изнуренковское имущество, поскольку он не вносит плату за взятое напрокат пианино. При этом не объяснено, зачем темисту понадобился музыкальный инструмент. Однако современникам-литераторам намек был понятен. На пианино играют, а Глушков — игрок.

Впрочем, в неопубликованных мемуарах советского экономиста Сади Фридмана, с юношеских лет приятельствовавшего с темистом, можно прочитать историю о том, как на квартиру юного Глушкова «явился незнакомый пожилой человек и спросил, дома ли Миша. Мать была очень удивлена и ответила: «Нет, а в чем дело»? И тут незнакомец рассказал, что полгода назад купил у Миши рояль, находящийся в этой квартире, и уплатил за него. По просьбе Миши он оставил рояль у него, а Миша обязался ежемесячно платить ему определенную сумму в виде арендной платы. Произошла задержка в оплате, и это вызвало беспокойство нового хозяина»⁶.

Тот же Фридман рассказывает, как «в годы НЭПа в Москве была открыта «рулетка», где шла азартная игра в карты. Миша регулярно участвовал в ней. Однажды, выиграв крупную сумму, он затем не только проиграл ее, но оказался в большом долгу перед партнерами. Расплатиться он не смог и предложил выигравшему ключ от своей комнаты со всем находившимся в ней имуществом. Сделка состоялась, и выигравший изъял имевшиеся в ней вещи, состоявшие, главным образом, из платьев жены»⁷. Знаменитая фраза из «Двенадцати стульев» про «ключ от квартиры, где деньги лежат» тоже принадлежала Глушкову⁸.

Родился Глушков 14 сентября 1896 г. Киевлянин, незаконный сын богатой домовладелицы. Мать на исходе Гражданской войны эмигрировала вместе с мужем-петлюровцем. Глушков окончил частную гимназию, жил сначала на доходы от оставленного матерью дома, а с 1920 г. — литературным заработком. Работал в РОСТА и РАТАУ, в мае 1926 г. переехал в Москву, женился. У него и его жены, Елизаветы Гавриловны Юдаевой, был сын Александр, 1931 года рождения.

Глушков был сотрудником «Гудка», «Смехача» и «Чудака», в начале 1930-х годов главным местом его работы стал журнал «Крокодил». По воспоминаниям Исаака Абрамского, он обладал редким умением «рождать» в разговоре «талантливые остроты, так называемые темные «завороты»». Так, Абрамский отмечал: «Как-то я встретил Глушкова в районе Ленинградского шоссе. Нервно кусая ногти,

он шел с бегов, осунувшийся, пожелтевший, злой: «Ну как, Михаил Александрович, со щитом или на щите?...» — «В нищете», — мгновенно сработал он»⁹.

«Остричь» по адресу власти он тоже любил: согласно полученным НКВД сведениям, «антисоветские анекдоты Глушкова были доминирующими настроениями в сатирических журналах». Один из «заворотов» темист адресовал редактору «Крокодила» Михаилу Мануильскому, брату известного советского дипломата Дмитрия Мануильского. Редактор «боялся, что его исключат из партии», и «как-то сказал: “Вот чистка скоро будет...”», — на что Глушков ему сказал: “Знаем мы вашего брата!”»¹⁰

В 1934 г. редколлегия «Крокодила» была распущена, а редактор Михаил Захарович Мануильский лишился должности: руководителям журнала вменялась в вину политическая неблагонадежность. «Крокодил» стал приложением газеты «Правда», а новым редактором назначили Михаила Кольцова. Специально созданная Оргбюро ЦК ВКП(б) комиссия провела проверку всех сотрудников — на предмет их «годности» к работе в главном сатирическом журнале СССР¹¹.

Глушков эту проверку не прошел и вслед за редколлекгией покинул журнал. Согласно воспоминаниям крокодильского фельетониста Виктора Ардова, записанным его сыном Михаилом, «председательствующий задал Глушкову такой вопрос:

— В 1918 году Красная армия ушла из Киева, а вы в городе остались. В каком качестве вы оставались в Киеве?

— В качестве населения, — отвечал тот.

— Что это значит?

— Ну, красные и белые приходят и уходят, а население остается...»¹².

Уволенный из «Крокодила», Глушков перешел в газету «Вечерняя Москва».

* * *

Глушкова арестовали 28 апреля 1936 г. — материалы, связанные с этим арестом и последующим следствием, публикуются ниже. Из документов следует: Глушков обвинялся в том, что публично прочел «антисоветскую» эпиграмму, сочиненную Михаилом Вольпиным. Вольпин в начале 1930-х годов — поэт-сатирик, штатный сотрудник «Крокодила». В 1933 г. его арестовали, а в 1934 г. — осудили за «антисоветскую агитацию» на 5 лет лагерей; наказание он

отбывал в Ухтинско-Печерском исправительно-трудовом лагере (Ухтпечлаге)¹³.

Кроме допросов самого Глушкова в его следственном деле хранятся допросы двух свидетелей, журналистов «Вечерней Москвы».

Один из них — Яков Бельский, в 1930–1934 гг. заместитель редактора «Крокодила». Бывший одесский чекист, член ВКП (б) с 1919 г., к началу 1930-х он — по данным НКВД — стал одним из главных крокодильских «антисоветчиков», «автором и разносителем антисоветских анекдотов»¹⁴. Ушедший в 1934 г. из журнала, Бельский работал в «Вечерней Москве» фельетонистом. Вскоре после осуждения Глушкова он уволился из штата газеты, в 1937 г. был арестован и расстрелян.

Вторым свидетелем по делу Глушкова оказался поэт и журналист Александр Рохович. Он избежал репрессий: продолжил журналистскую деятельность, сочинял стихи, в годы войны сотрудничал в «Окнах ТАСС», издавал книги и умер в 1974 г.

Приговор Глушкову — три года лагерей — был вынесен Особым совещанием 1 июля 1936 г. Отбывать наказание он должен был в том же Ухтпечлаге¹⁵.

13 декабря 1937 г. Глушков был вновь арестован, на этот раз уже в лагере, и помещен в штрафной изолятор. Он стал жертвой «операции по приказу № 00409» — подразумевавшей уничтожение большинства заключенных, отбывавших в Ухтпечлаге срок за «контрреволюционные преступления»¹⁶.

Согласно показаниям сокамерников, «з/к Глушков» вел с ними разговоры о том, что «скоро придет тот час, когда возникнет война». Он ожидал, что война будет сигналом для начала всеобщего восстания против Сталина, поскольку «обиженных соввластью и на воле много, не только мы одни такие». Комментируя дело арестованного в марте 1937 г. бывшего главы НКВД Генриха Ягоды, Глушков говорил, что нарком «наверное, не захотел делать того насилия, что делают в настоящее время над народом, который ни в чем не повинен перед ними».

Кроме того, заключенный «клеветал» на советскую печать, утверждая: «Советские газеты — это вранье, только пишут о лагерях в Германии и не пишут о заключенных в СССР, тогда как в СССР в процентном отношении заключенных больше содержится».

Из обличающих Глушкова показаний следует: бывшего темиста сильно изменило заключение. Обсуждая с товарищами по несчастью процесс так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра», он замечал: «Осудили менее стойких членов второго

параллельного центра, которые на процессе рассказали о себе и других». И добавлял: «Если попал, зачем выдавать других и создавать букет для процесса?»

Очевидно, это были выстраданные убеждения. В 1936 г. Глушков не смог устоять перед следователем, сам рассказал об обстоятельствах своей «антисоветской» деятельности. Полтора года спустя он, бесправный заключенный, сотрудничать со следствием отказался в резкой форме.

В деле Глушкова 1937 г. содержится, например, «акт» о том, что он отказался подписывать постановление о предъявлении обвинения, мотивируя отказ «своей невиновностью». На допросах Глушков заявлял, что не признает своей вины, что «антисоветских разговоров» не вел и «контрреволюционной деятельностью» не занимался. Сломать его следователь на сей раз так и не смог.

Впрочем, отказ от сотрудничества со следствием ни на что не повлиял. 4 января 1938 г. тройка при Управлении НКВД по Архангельской области приговорила Глушкова к расстрелу. Затем еще два месяца он ждал исполнения приговора и 4 марта, в составе большой группы заключенных, был казнен¹⁷.

* * *

О том, что Глушков стал прототипом Изнуренкова, в 1963 г. одновременно заявили писатель-одессит Семен Гехт и крокодилец Исаак Абрамский¹⁸. Скорее всего, это была спланированная акция по возвращению имени темиста в историю литературы. Акция удалась: о том, что темиста репрессировали, советские цензоры вряд ли подозревали.

Однако далеко не все бывшие друзья Глушкова готовы были участвовать в этой акции. По-видимому, не готов к этому оказался Михаил Вольпин — собственно автор злополучной эпиграммы, отбывавший наказание в одном лагере с Глушковым.

Вольпин не попал под действие «приказа № 00409», поскольку не досидел свой лагерный срок. «По зачету рабочих дней» он вышел на свободу¹⁹. «За нормальную работу меня выпустили в 37-м, когда только и начали всех по-настоящему “сажать”», — вспоминал он²⁰. Впоследствии Вольпин — совместно с Николаем Эрдманом — стал автором сценариев многих советских пропагандистских кинокартин.

В 1967 г. Вольпин рассказывал, что темист был «маленький человек», и при этом «странный», «довольно настырный» и совер-

шенно невоздержанный «на язык». Жил Глушков «без какого-либо якоря — так, порхал». А на жизнь зарабатывал, торгуя «прямым остроумием». Впоследствии, сообщил Вольпин, Глушков «был арестован, по-моему, был в лагере и чуть ли не там и умер, если я не ошибаюсь»²¹.

И при этом бывший крокодилец не мог вспомнить точно, как звали того, кто погиб из-за его собственного «прямого остроумия»: «Михаил его звали, по-моему, забыл отчество»²².

По «расстрельному» приговору Глушкова реабилитировали 15 ноября 1989 г. И лишь 31 июля 2006 г., «при отсутствии обращений заинтересованных лиц и организаций», было пересмотрено уголовное дело 1936 г. В заключении о реабилитации отмечено: «Сведений о реабилитированном и его родственниках не имеется»²³.

* * *

Уголовное дело Глушкова 1936 г. хранится в Центральном архиве ФСБ Российской Федерации (Р-29392). Из этого дела публикуются следующие документы:

1. Справка по делу.
2. Все данные в ходе следствия показания.
3. Обвинительное заключение.
4. Выписка из протокола Особого Совещания при НКВД СССР.
5. Заключение о реабилитации.

Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, сокращения раскрываются в квадратных скобках. К показаниям предложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые в самих документах, не комментируются.

I. СПРАВКА ПО ДЕЛУ ГЛУШКОВА М.А., ОТ 7 АПРЕЛЯ 1936 г.²⁴ СПРАВКА

Глушков, Михаил Александрович, 1896 г[ода] рождения, уроженец г[орода] Киева, гр[аждани]н СССР, б[ес]партийный, занимается литературным трудом. Проживает по адресу: Воротниковский пер[еулок], дом № 11, кв[ртира] 12.

Работает по договорам от разных издательских организаций.

По имеющимся у нас данным Глушков написал и распространяет контрреволюционную эпиграмму о руководстве ВКП (б):

Рукой всесильного сатрапа
Не стало РАППа
Не радуйтесь! Хоть умер РАПП
Но жив сатрап...²⁵

Арест, обыск.

Пом[ощник] нач[альника] 3 отд[елени]я СПО ГУГБ²⁶
— ст[арший] лейтенант госуд[арственной] безопасности Шульман
7 апреля 1936 г[ода].

II. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ГЛУШКОВА М.А., от 30 апреля 1936 г.²⁷

СССР

Народный комиссариат внутренних дел
Главное управление государственной безопасности
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К делу №

1936 г[ода] апреля мес[яца] 30 дня. Я, оп[еративный] уп[олномоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ, лейтенант госуд[арственной] безоп[асности] Финкельберг, допросил в качестве _____²⁸:

1. Фамилия: Глушков.
2. Имя и отчество: Михаил Александрович.
3. Дата рождения: 1896, сентября 27-го.
4. Место рождения: г[ород] Киев.
5. Местожительство: Воротниковский пер[еулок], № 11, кв[артира] 12.
6. Нац[иональность] и гражд[анство] (подданство): русский, гражданин СССР.
7. Паспорт: отобран при аресте.
8. Род занятий: журналист, темист худож[ественного] отдела газеты «Вечерней Москвы».
9. Социальное происхождение: отец был инженером, умер в 1906 году, мать находится за границей, была в Польше, вышла замуж в 1918 году за петлюровск[ого] чиновника.
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции: учился в гимназии Жука в Киеве;

б) после революции: работал в РОСТА, РАТАУ²⁹ на Украине, занимался литературной деятельностью.

11. Состав семьи: жена — Елизавета Гавриловна Юдаева, 26 л[ет], дом[ашняя] хоз[яйка], сын — Александр, пять лет, брат — Евгений Владимирович (по крестному отцу), 33 л[ет], глухонемой, переплетчик, живет в Москве, мать — Наталия Васильевна Радченко (по второму мужу) живет в Польше, где она и чем занимается, мне не известно.

12. Образование (общее, специальное): частная гимназия Жука в Киеве, окончил в 1916 году.

13. Партийность (в прошлом и настоящем): беспартийный.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции: нет;

б) после революции: нет.

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов[етской] власти: имею грамоту от Моссовета за оформление улицы к 1 мая 1932 г.

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете: рядовой запаса.

17. Служба в Красной армии (Красн[ой] гвардии, в партизан[ских] отрядах), когда и в качестве кого: нет.

18. Служба в белых и др[угих] к[онтр]р[еволюционных] армиях (когда и в качестве кого): нет.

19. Участие в бандах, к[онтр]р[еволюционных] организациях и восстаниях: нет.

20. Сведения об общественно-политической деятельности: нет.

Показания обвиняемого Глушкова³⁰ Михаила Александровича «30» апреля 1936 г.

Вопрос: Как Ваша настоящая фамилия?

Ответ: Настоящая моя фамилия Глушков, присвоенная мне по фамилии матери как «незаконно» рожденному.

Вопрос: Как фамилия Вашего отца?

Ответ: Фамилия моего отца Юдин. Отец у меня был по национальности еврей, мать русская.

Вопрос: Вы на допросе не показали об имущественном положении Ваших родителей.

Ответ: Я это упустил. Мать имела в Киеве по Большой Васильковской ул[ице] № 33 собственный четырехэтажный дом, купленный ей отцом.

Вопрос: Где в настоящее время находится Ваша мать?

Ответ: Точно ее местонахождения я не знаю. В 1918 году она со своим мужем петлюровцем Радченко Василием Максимовичем вместе с поляками бежала в Польшу.

Вопрос: Вы с Вашей матерью связь поддерживаете?

Ответ: Нет, не поддерживаю. Одно письмо от матери из Лодзи я получил в 1923 году в адрес редакции «Рабочей газеты»³¹ гор[ода] Москвы.

Вопрос: Откуда она узнала Ваш адрес?

Ответ: Моя родственница Виноградская Юлия Федоровна, 70 лет, поддерживавшая с моей матерью связь, сообщила ей мой адрес.

Вопрос: Когда Вы приехали в Москву на жительство?

Ответ: В Москве я проживаю с 1 мая 1926 года.

Вопрос: До этого где Вы проживали?

Ответ: Жил все время в Киеве, до 1920 года я жил на средства части дома, полученной мной от матери, после поступил на советскую службу в Российское телеграфное агентство.

Записано с моих слов правильно, мне прочитано. М. Глушков

Допросил: опер[ативный] уполн[омоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — лейтенант государств[енной] безопасности Финкельберг.

III. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ГЛУШКОВА М.А., от 10 мая 1936 г.³²

Показания обвиняемого Глушков[а] Михаил[а] Александрович[а] «10» мая 1936 г[ода].

Вопрос: Следствию известно, что Вы сочиняете контрреволюционные эпиграммы, стихи и т.п. и распространяете их по Москве. Что можете по существу этого показать следствию?

Ответ: За последние десять лет я не написал ни одного антисоветского стиха и ни одной контрреволюционной строчки.

Вопрос: А раньше?

Ответ: Не помню.

Вопрос: Вам зачитывается контрреволюционная эпиграмма, написанная Вами. Подтверждаете это?

Ответ: Эта эпиграмма мне известна, но написана она не мною.

Вопрос: А кем же?

Ответ: Эта эпиграмма написана Михаилом Вольпиным, осужденным за сочинительство и распространение контрреволюционных эпиграмм. Зачитанную мне эпиграмму Вольпин мне прочел после ликвидации РАППа, когда мы шли по проезду Художественного театра.

Вопрос: Укажите точнее, когда Вольпин прочел Вам эпиграмму?

Ответ: Это было на второй или третий день после вынесения постановления правительства о ликвидации РАППа³³.

Вопрос: Когда Вольпин читал Вам свою эпиграмму, был ли еще кто при этом?

Ответ: Мы были только вдвоем.

Вопрос: Контрреволюционный характер этой эпиграммы для Вас ясен?

Ответ: Да, мне совершенно ясно, что эпиграмма эта контрреволюционная и выражает зверское озлобление³⁴ врага советской власти против руководства ВКП (б).

Вопрос: Вы знали о том, что Вольпин пишет контрреволюционные стихи?

Ответ: Да, мне было известно, что Вольпин написал ряд контрреволюционных стихотворений, кроме этой эпиграммы.

Вопрос: Зная о контрреволюционной деятельности Вольпина, почему Вы об этом не сообщили органам власти?

Ответ: Мне действительно было известно о контрреволюционной деятельности Вольпина, но я не сообщил об этом органам власти из-за личных дружеских отношений к Вольпину, поставив личные отношения выше государ[ственных] интересов, в этом я признаю себя виновным.

Вопрос: Ваше такое поведение объясняется не только личными отношениями, но вашим сочувствием Вольпину в его контрреволюционной деятельности.

Ответ: Этого я не могу сказать, это не так.

Вопрос: Среди кого Вы распространяли контрреволюционную эпиграмму Вольпина?

Ответ: 22 апреля с[его] г[ода] на квартире у сотрудника «Вечерней Москвы» — Бельского Якова Михайловича, чл[ена] ВКП (б), по Петровке № 26, я вместе с ним и сотрудником «Вечерней Москвы» Роховичем Александром³⁵ выпили. В это время зашел разговор о Вольпине, Рохович высказал сожаление по поводу осуждения Вольпина в том отношении, что погиб талантливый человек и неизвестно за что. Я сказал, что он осужден за сочинения контрреволюционных стихотворений, и после просьб Роховича рассказать, за какие сти-

хотворения — я прочел контрреволюционную эпиграмму Вольпина, предъявленную мне на следствии, и закончил словами «вот за что высылают».

Вопрос: После этого разговор о Вольпине продолжался?

Ответ: Нет, мы перешли на другую тему.

Вопрос: Еще когда и где Вы распространяли эту эпиграмму?

Ответ: Больше нигде.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано. М. Глушков.

Допросил: опер[ативный] уполн[омоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — лейтенант государств[енной] безопасности Финкельберг.

IV. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

РОХОВИЧА А.И., от 19 мая 1936 г.³⁶

СССР

Народный комиссариат внутренних дел

Главное управление государственной безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К делу №

1936 г. мая мес[яца] 19 дня. Я, оп[еративный] уп[олномоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ, лейтенант госуд[арственной] безоп[асности] Финкельберг, допросил в качестве _____³⁷:

1. Фамилия: Рохович.

2. Имя и отчество: Александр Ильич.

3. Дата рождения: 1908, 29 ноября.

4. Место рождения: г[ород] Кирово (б[ывший] Елисаветград)³⁸.

5. Местожительство: Москва, Голиковский пер[еулок] 13, кв[артира] 3.

6. Нац[иональность] и гражд[анство] (подданство): еврей, гр[ажданин] СССР.

7. Паспорт МС № 5084445, выдан 19 ноября 1935 г[ода] 19 отд[елением] милиции гор[ода] Москвы сроком до 1940 года.

8. Род занятий: журналист, литературный сотрудник редакции газеты «Вечерней Москвы».

9. Социальное происхождение: отец служащий, корректор, умер в 1921 году, мать на иждивении детей.

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции: при родителях;

б) после революции: до 1923 г[ода] учился, до 1927 г[ода] работал в газете «Червоний шлях» в Зиновьевске, до 1931 г[ода] в Харькове — литературный работник, с 1931 г[ода] живу и работаю в Москве.

11. Состав семьи: мать — Розалия Моисеевна Рохович, 60 л[ет], живет в Кирово, брат — Яков Ильич Рохович, корректор типографии «Правды», сестра — Екатерина Ильинична Рохович, 31 год, зав[едующая] библиотекой пединститута в Кирово.

12. Образование (общее, специальное): окончил семилетку в г. Зиновьевске, окончил в 1931 г[оду] литературный факультет Харьковского института народного образования.

13. Партийность (в прошлом и настоящем): беспартийный.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции: нет;

б) после революции: нет.

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов[етской] власти: нет.

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете: рядовой нестроевик тер[риториальной] части.

17. Служба в Красной армии (Красн[ой] гвардии, в партизан[ских] отрядах), когда и в качестве кого: нет.

18. Служба в белых и др[угих] к[онтр]р[еволюционных] армиях (когда и в качестве кого): нет.

19. Участие в бандах, к[онтр]р[еволюционных] организациях и восстаниях: нет.

20. Сведения об общественно-политической деятельности: нет.

Показания обвиняемого (свидетеля) _____ « » _____ 193__ г.³⁹

Вопрос: Знаете ли Вы Глушкова?

Ответ: Да, знаю. Глушков Михаил Александрович, темист, работал вне штата в редакции газеты «Вечерняя Москва». Общаюсь с ним с января 1936 года.

Вопрос: Как Вы можете его характеризовать?

Ответ: Глушков мне известен как авантюристический и деклассированный человек, любитель рассказывать анекдоты и шутки антисоветского характера. Кроме того, он азартный игрок в карты, постоянный завсегдатай бегов, где, по словам сотрудника «Вечерней Москвы» Бельского Якова Михайловича, занимался букмекерством. Отличительной чертой Глушкова также является его жадность к деньгам и рвачество.

Вопрос: В каких отношениях Бельский с Глушковым?

Ответ: Бельский знаком с Глушковым давно, вместе с ним работал в «Крокодиле» и в последнее время в «Вечерней Москве». Глушков заходил к Бельскому на дом.

Вопрос: Когда Вы в последний раз виделись с Глушковым на квартире у Бельского?

Ответ: Это было в двадцатых числах апреля. Бельский меня пригласил к себе, немного спустя пришли Глушков и Агатов Владимир⁴⁰, бывш[ий] работник ОРУДа⁴¹ по рекламам. Кроме нас там были: жена Бельского Шет[т]а Ивановна и ее подруга Рива, фамилию которой не знаю.

Вопрос: О чем вы беседовали?

Ответ: Беседа велась на различные темы. В процессе разговора кто-то сказал, что поэт Васильев Павел⁴² вернулся в Москву. Я на это сказал, что скоро и Лесь Курбас⁴³ приедет в Москву, в связи с этим возник разговор о Вольпине.

Вопрос: Какой разговор был у Вас о Вольпине?

Ответ: Точно разговора я не помню, говорили о том, что вернется и Вольпин.

Мне известно, что вне этого разговора Глушков и Бельский часто говорили о Вольпине, отзываясь о нем положительно, и говорили как о культурном и талантливом человеке.

Вопрос: Какие антисоветские разговоры были на квартире у Бельского?

Ответ: Таких разговоров при мне не было.

Вопрос: Следствию известно, что Глушков на квартире Бельского при Вас прочел эпиграмму контрреволюционного характера?

Ответ: Такой эпиграммы я не помню, но, зная Глушкова, я допускаю, что он мог прочесть эпиграмму⁴⁴ контрреволюционного содержания и быть ее автором.

Вопрос: Откуда Вам известно о том, что Курбас должен приехать в Москву?

Ответ: Во время съезда ВЛКСМ украинский поэт Первомайский⁴⁵, будучи в Москве, в одной из встреч рассказал мне, что скоро Курбас должен вернуться и приехать в Москву.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано. А. Рохович.

Допросил: опер[ативный] уполн[омоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — лейтенант государств[енной] безопасности Финкельберг.

**V. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ
БЕЛЬСКОГО Я.М., от 19 мая 1936 г.⁴⁶
СССР**

**Народный комиссариат внутренних дел
Главное управление государственной безопасности
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА**

К делу №

1936 г[ода] мая мес[яца] 20 дня. Я, оп[еративный] уп[олномоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ, лейтенант госуд[арственной] безоп[асности] Финкельберг, допросил в качестве свидетеля:

1. Фамилия: Бельский.
2. Имя и отчество: Яков Мойсеевич.
3. Дата рождения: 1897, 15 августа.
4. Место рождения: Одесса.

5. Место жительства: Москва, Петровка 26, кв[артира] 110, тел[ефон] К-5-84-13.

6. Нац[иональность] и гражд[анство] (подданство): еврей, гр[ажданин] СССР.

7. Паспорт МЕ № 432931, выдан 46 отдел[ением] милиции г[орода] Москвы, срок по 23 сентября 1940 года.

8. Род занятий: писатель, фельетонист газеты «Вечерней Москвы».

9. Социальное происхождение: отец служащий, служил инспектором в страховом обществе «Урбен» в Одессе, умер в 1907 году.

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции: учился;

б) после революции: занимался живописью, с 1922 года занимаюсь журналистикой и писательской деятельностью.

11. Состав семьи: жена — Прасковья Ивановна Бельская, 31 г[ода], дом[ашняя] хоз[яйка], сестра — Юлия Михайловна Белянкина, 43 л[ет], иждивенка, проживает в Одессе Базарная 49, кв[артира] 25г., братья — Марк Михайлович Белянкин, Москва, ул[ица] Арбат, 20, кв[артира] 24, инспектор Украинского постпредства, б[ес]п[артийный], Арнольд Михайлович Белянкин, 46 л[ет], агент на керамическом заводе в Харькове, б[ес]п[артийный]⁴⁷.

12. Образование (общее, специальное): в 1918 году окончил Одесское художественное училище, 1 курс Академии художеств, по спец[иальности] пом[ощник] архитектора.

13. Партийность (в прошлом и настоящем): член ВКП(б) с 1919 года мая месяца, п[артийный] билет № 0750821.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции: нет;

б) после революции: нет.

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов[етской] власти: в 1921 году награжден золотыми часами от ВУЦИКа⁴⁸ и ВЧК.

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете: на особом учете как чекист запаса.

17. Служба в Красной армии (Красн[ой] гвардии, в партизан[ских] отрядах), когда и в качестве кого: 1917–1918 — Красн[ая] гвард[ия] в Одессе, 1919 г., лето — 1 Бессарабск[ая] стрелк[овая] дивизия, до августа 1919 г. Губ[ернский] особ[ый] отдел в Одессе.

18. Служба в белых и др[угих] к[онтр]р[еволюционных] армиях (когда и в качестве кого): нет.

19. Участие в бандах, к[онтр]р[еволюционных] организациях и восстаниях: нет.

20. Сведения об общественно-политической деятельности: член горкома писателей г[орода] Москвы.

Показания обвиняемого (свидетеля) _____ « » _____ 193__ г.⁴⁹

Вопрос: Знаете ли Вы Глушкова?

Ответ: Знаю о нем давно, лично с ним знаком с декабря 1930 года.

Вопрос: Часто Вы с ним встречались?

Ответ: Поддерживал с ним только деловые отношения. Глушков входил в возглавляемую мною бригаду по литературной обработке рекламы в Наркомвнуторге. В последнее время он заходил ко мне на дом для работы вместе с другими членами бригады. Я у него дома ни разу не был.

Вопрос: Как Вы можете охарактеризовать Глушкова?

Ответ: Советским человеком я Глушкова не считаю, хотя конкретных фактов его антисоветской деятельности я не знаю. Глушков азартный игрок в карты и на бегах, где он участвовал в каких-то темных комбинациях.

Вопрос: Когда в последний раз был у Вас дома Глушков?

Ответ: В двадцатых числа апреля с[его] г[ода].

Вопрос: Еще кто у Вас тогда был?

Ответ: Был еще Рохович Александр — сотрудник «Вечерней Москвы», и Агатов Владимир Исидорович — писатель, и я. Мы вчетвером закусили и выпили.

Вопрос: Какие велись у Вас беседы о литераторах, высланных из Москвы за их антисоветскую деятельность?

Ответ: Таких бесед я не помню.

Вопрос: Следствию известно, что во время посещения Вас названными лицами был разговор о лицах, высланных из Москвы за их контрреволюционную деятельность, во время которой Глушков прочел эпиграмму контрреволюционного характера, почему же Вы не помните то, что было в Вашем присутствии?

Ответ: Я еще раз заявляю, что такого разговора я не помню, а Глушков при мне никогда не читал контрреволюционные эпиграммы и прямо не высказывал антисоветских суждений.

Вопрос: У Вас на квартире в двадцатых числах апреля с[его] г[ода] в группе перечисленных Вами лиц и [в] Вашем присутствии велся разговор о том, что контрреволюционер Васильев Павел вернулся в Москву, о якобы предстоящем возвращении из ссылки контрреволюционера Леся Курбаса и контрреволюционера Вольпина.

Ответ: Такой разговор, возможно, был. О Васильеве Павле я, вспоминая, говорил, возможно, я упомянул Курбаса, а о Вольпине я разговора не помню.

Вопрос: Расскажите подробно, какой был разговор об этих лицах?

Ответ: Подробного разговора я не помню.

Вопрос: Вам зачитываются показания Роховича, которые свидетельствуют, что Вы говорили о Вольпине и им интересовались.

Ответ: Такой разговор мог иметь место, но я о нем не помню. Я о Вольпине говорил, что он талантливый человек, но контрреволюционер.

Вопрос: Может быть, Вы теперь вспомните и контрреволюционную эпиграмму, которую прочел Глушков во время этого разговора?

Ответ: Не могу вспомнить, на стихи у меня вообще плохая память.

Вопрос: Вам зачитываются показания Глушкова, где он показывает, что во время разговора о Вольпине у Вас на квартире он прочел контрреволюционную эпиграмму. Подтверждаете это?

Ответ: Разговор о Вольпине был, но эпиграммы контрреволюционного характера, прочитанной Глушковым, я не слышал.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано. Я. Бельский.

Допросил: опер[ативный] уполн[омоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — лейтенант государств[енной] безопасности Финкельберг.

VI. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ГЛУШКОВА М.А., от 8 июня 1936 г.⁵⁰

Показания обвиняемого Глушкова Михаила Александровича, «8» июня 1936 г.

Вопрос: Вам объявляется об окончании следствия по Вашему делу, что имеете дополнить к Вашим показаниям?

Ответ: Ничего добавить к своим показаниям не могу. Данные мною показания подтверждаю.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано. Глушков

Допросил: опер[ативный] уполн[омоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — лейтенант государств[енной] безопасности Финкельберг.

VII. ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДЕЛУ ГЛУШКОВА М.А., от 4 июня 1936 г., утвержденное 7 июня 1936 г.⁵¹

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Утверждаю»

Нач[альник] секр[етно]-пол[итического] отд[ела]

Комиссар государствен[ной]

безоп[асности] 2 ранга

Г. Молчанов

7/6 [19]36 г.

по след[ственному] делу № 3678 по обв[инению]
Глушкова Михаила Александровича
по ст.58-10 УК РСФСР

28-го апреля 1936 года был арестован Глушков Михаил Александрович, работавший в качестве темиста в газете «Вечерняя Москва», по обвинению в том, что сочинил и распространяет контрреволюционную террористическую эпиграмму против руководства ВКП (б).

Следствие установлено, что Глушков действительно читал эту контрреволюционную эпиграмму среди группы своих знакомых на квартире сотрудника газеты «Вечерней Москвы» Бельского, о чем Глушков сознался, показав об этом на допросе от 10/V-1936 года (л[исты] д[ела] 12, 14).

Следствием также установлено, что Глушков является морально разложившимся человеком, был связан с писателем Вольпиным — контрреволюционером, осужденным в 1934 г[оду] к заключению в исправ[ительно-] труд[овой] лагерь на пять лет, о котором отзывался положительно и высказывал свое сочувствие ему.

На основании того, что виновность Глушкова установлена,

ПОСТАНОВИЛ:

Дело на Глушкова Михаила Александровича, 1896 г[ода] рождения, урож[енца] г[орода] Киева, сына б[ывшего] домовладельца, русского, беспартийного, журналиста, морально разложившегося человека по обвинению в распространении контрреволюционной террористической эпиграммы против руководства ВКП (б) следствием закончить и направить на рассмотрение Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел Союза ССР⁵².

Опер[ативный] уполн[омоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — лейтенант государств[енной] безопасности Финкельберг.
4. VI. [19]36 г[ода].

«Согласен»: пом[ощник] нач[альника] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — ст[арший] лейтенант государств[енной] безопасности Шульман

Справка: Глушков М.А. арестован 28/IV—[19]36 г. и содержится в Бутырской тюрьме.

Опер[ативный] уполн[омоченный] 3 отд[еления] СПО ГУГБ — лейтенант гос[ударственной] безопасности Финкельберг.

**VIII. ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ НАРОДНОМ КОМИССАРЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО ДЕЛУ ГЛУШКОВА М.А.,
от 1 июля 1936 г.⁵³**

Выписка из протокола Особого Совещания
при Народном комиссаре внутренних дел СССР
От «1» июля 1936 г[ода]

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 3678/центр о Глушкове Михаиле Александровиче, 1896 г[ода] р[ождения], сын[е] б[ывшего] домовладельца	Глушкова Михаила Александровича за к[онтр]р[еволюционную] агитацию — за- ключить в исправ[ительно]-труд[овой] ла- герь сроком на ТРИ года, сч[итать] срок с 28/4-[19]36 г. Дело сдать в архив.

Отв[етственный] секретарь
 Особого Совещания Буланов

IX. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
О РЕАБИЛИТАЦИИ ГЛУШКОВА М.А.,
от 31 июля 2006 г.⁵⁴

«Утверждаю»
 Помощник Генерального прокурора
 Российской Федерации
 Старший советник юстиции
 К.А. Кашаев
 «31» июля 2006 г[ода]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По материалам уголовного дела № 29392 (НП № 12/1886-06)

Глушков Михаил Александрович, 1896 года рождения,
 уроженец г[орода] Киева, житель г[орода] Москвы,
 неработающий, несудимый,

арестован 28 апреля 1936 года НКВД СССР и постановлением Особого Совещания при НКВД СССР 1 июля 1936 года без указания статьи УК РСФСР за контрреволюционную агитацию подвергнут наказанию в виде лишения свободы сроком на три года.

В соответствии с п[унктом] «а» ст[атьи] 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» такие деяния, как анти-советская агитация и пропаганда, признаются не содержащими общественной опасности независимо от фактической обоснованности обвинения.

Таким образом, Глушков Михаил Александрович подвергнут уголовной репрессии необоснованно по политическим мотивам и на основании п[ункта] «б» ст[атьи] 3 и п[ункта] «а» ст[атьи] 5 названного Закона РФ реабилитирован.

Сведений о реабилитированном и его родственниках не имеется. Дело рассматривается при отсутствии обращений заинтересованных лиц и организаций.

Справка о реабилитации не составлялась.

Прокурор отдела управления по обеспечению
участия прокуроров в рассмотрении
уголовных дел судами А.П. Кравец

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев / Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1997. С. 253.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 280.

⁴ Абрамский И.П. Смех сильных: О художниках журнала «Крокодил». М.: Искусство, 1977. С. 296

⁵ Фридман С.Л. Минувшее. Рукопись. Т. 1. (М., 1988). Л. 97. Рукопись воспоминаний С.Л. Фридмана хранится в библиотеке Сахаровского центра в Москве.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Петров Е.П. Мой друг Ильф / Предисл. и публ. А.З. Вулиса // Журналист. 1967. № 6. С. 62.

⁹ Абрамский И.П. Смех сильных. С. 296.

¹⁰ «...Такое полезное, нужное и в то же время веселое дело...»: Устные воспоминания В. Ардова и М. Вольпина о сотрудничестве с сатирическими журналами в 20-е годы XX века // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 221.

¹¹ См. об этом: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Судьба и эпоха Якова Бельского // Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х — 1930-х годов: Портреты и скандалы. М.: Форум: Инфра-М, 2015. С. 267–269.

¹² Ардов Михаил, прот. Все к лучшему...: Воспоминания. Проза. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2008. С. 327–328.

¹³ Киянская О.И., Фельдман Д.М. К истории антисоветских настроений в московской журналистике 1930-х годов: Уголовное дело Михаила Вольпина // Вестник РГУ. 2015. Сер. «История, Филология. Культурология. Востоковедение». № 5. С. 29–60.

¹⁴ Киянская О.И., Фельдман Д.М. Из материалов уголовного дела Аркадия Бухова (1937 год) // Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х — 1930-х годов. С. 425.

¹⁵ Киянская О.И., Фельдман Д.М. Судьба и эпоха Якова Бельского // Там же. С. 291–300.

¹⁶ Уголовное дело Глушкова М.А., 1937–1938 г. // Архив ФСБ по Республике Коми. Д. КП-8311. Л. 7 об. Об уничтожении политических заключенных в Ухтпечлаге, так называемых «кашкетинских расстрелах», см.: Рогачев М.Б. «Операция по приказу 00409» в Ухто-Печорском ИТЛ // Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв политических репрессий / Сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2006. Т. 8. Ч. 2. С. 181–209. Ср.: Там же. Сыктывкар, 2007. Т. 7. Ч. 2. С. 340.

¹⁷ Уголовное дело Глушкова М.А., 1937–1938 г. Л. 19, 8, 23, 25.

¹⁸ См.: Гехт С.Г. Семь ступеней // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 116. Ср.: Абрамский И.П. У «крокодилей» колыбели // Москва. 1963. № 7. С. 189.

¹⁹ Уголовное дело Вольпина М.Д., 1933–1934 гг. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-37840. Л. 55.

²⁰ Из воспоминаний М.Д. Вольпина: (Запись беседы М. Игнатъевой) // *Эрдман Н.Р.* Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 455.

²¹ «...Такое полезное, нужное и в то же время веселое дело...». С. 203–204.

²² Там же. С. 204.

²³ Уголовное дело Глушкова М.А., 1937–1938 г. Л. 30–30 об.

²⁴ Машинопись с подписью помощника начальника 3 отделения СПО ГУГБ НКВД Шульмана. Внизу листа рукописные резолюции: «Разрешаю арест. 16/IV. (подпись неразборчива)», «арест санкц[ионирован] замнаркома т[оварищем] Прокофьевым. 17/IV. (подпись неразборчива)», «Арест согласован с т[оварищем] Щербаковым. 25/IV. (подпись неразборчива)».

СПО — Секретно-политический отдел ГУГБ, ведал борьбой с антисоветскими элементами и отвечал за освещение политических настроений в СССР.

Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895–1937) — в 1936 г. комиссар государственной безопасности 1-го ранга, 1-й заместитель народного комиссара внутренних дел Г.Г. Ягоды; расстрелян.

²⁵ Эта эпиграмма была хорошо известна в литературных кругах Москвы середины 1930-х гг. Так, А.Н. Пирожкова вспоминала, что она услышала эпиграмму от И.Э. Бабеля. По словам Пирожковой, Бабель считал ее автором Н.Р. Эрдмана (Пирожкова А.Н. Воспоминания // Октябрь. 2011. № 9. С. 52).

²⁶ ГУГБ — Главное управление государственной безопасности НКВД (1934–1941);

²⁷ Протокол написан на бланке, рукой следователя Г.П. Финкельберга, и им же собственноручно подписан в конце. Глушковым подписан каждый ответ на вопрос и каждый лист допроса.

Финкельберг Григорий Павлович (1901 — 1979) — в 1930–1938 гг. оперуполномоченный СПО.

²⁸ Нужное слово не вставлено в протокол.

²⁹ РОСТА — Российское телеграфное агентство (1918–1935), РАТАУ — Радиотелеграфное агентство Украины (1921–1990).

³⁰ В тексте ошибочно: «Глушакова».

³¹ «Рабочая газета» — орган ЦК ВКП(б), выходила с 1922 по 1932 гг.

³² Протокол написан рукой следователя Г.П. Финкельберга, подписан им и М.А. Глушковым собственноручно. Глушковым подписан каждый лист допроса.

³³ Имеется в виду принятое 23 апреля 1932 г. постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», согласно которому все такого рода организации, в том числе и Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), были ликвидированы.

³⁴ В тексте ошибочно: «оскорбление».

³⁵ В тексте ошибочно: «Анатолием».

³⁶ Протокол написан следователем Г.П. Финкельбергом, подписан им и А.И. Роховичем собственноручно. Роховичем подписан каждый лист допроса.

³⁷ Нужное слово не вставлено в протокол.

³⁸ Город Елисаветград в 1924 г. был переименован в Зиновьевск, в 1934 г. — в Кирово. С 1939 г. — Кировоград. В начале 1930-х годов — окружной центр в Одесской области.

³⁹ Нужные слова не вставлены в протокол.

⁴⁰ Агатов Владимир Гариевич (Гуревич Вэлвл Исидорович, 1901–1966) — журналист и поэт-песенник.

⁴¹ ОРУД — Отдел регулирования уличного движения, создан в 1931 г. при управлении Рабоче-крестьянской милиции в Москве.

⁴² Васильев Павел Николаевич (1910–1937) — поэт, в 1935–1936 гг. отбывал тюремный срок по статье «хулиганство», в 1937 г. расстрелян.

⁴³ Лесь Курбас (Курбас Александр-Зенон Степанович, 1887–1937) — актер, режиссер и театральный деятель. Арестован в 1933 г., приговорен к пяти годам заключения, в 1937 г. расстрелян в лагере.

⁴⁴ В тексте ошибочно: «программу».

⁴⁵ Леонид Первомайский (Гуревич Илья Соломонович, 1908–1973) — поэт, в середине 1930-х гг. жил в Харькове, в апреле 1936 г. был делегатом X съезда ВЛКСМ.

⁴⁶ Протокол написан следователем Г.П. Финкельбергом, подписан им и Я.М. Бельским собственноручно. Бельским подписан каждый лист допроса.

⁴⁷ Имена некоторых родственников Я.М. Бельского указаны неверно: см. его собственноручные ответы на вопросы «Анкеты арестованного» (ЦА ФСБ РФ. Дело Р-39491. 1937 г. Л. 9–9об.).

⁴⁸ ВУЦИК — Всеукраинский Центральный Исполнительный комитет (1917–1938).

⁴⁹ Нужные слова не вставлены в протокол.

⁵⁰ Протокол написан на бланке следователем Г.П. Финкельбергом, подписан им же и М.А. Глушковым собственноручно.

⁵¹ Машинопись, подписанная следователем Г.П. Финкельбергом и завизированная Г.А. Молчановым и Шульманом собственноручно.

Молчанов Георгий Андреевич (1897–1937) — в 1936 г. комиссар государственной безопасности 2-го ранга, начальник Секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, расстрелян.

⁵² Особое Совецание (ОСО) при Народном Комиссаре Внутренних дел Союза ССР — внесудебный орган, имевший право рассматривать уголовные дела по обвинениям в «контрреволюционных преступлениях» и выносить по ним приговоры; в ноябре 1934 г. получил право выносить приговоры о ссылке и заключении в исправительно-трудовой лагерь сроком до 5 лет. Судебные заседания проводились по упрощенной процедуре: в отсутствие обвиняемого и без адвоката.

⁵³ Бланк, заполненный на печатной машинке, подписанный секретарем П.П. Булановым и скрепленный печатью Особого Совецания при Народном комиссаре внутренних дел СССР.

Буланов Павел Петрович (1895–1938) — в 1936 г. старший майор государственной безопасности, секретарь Особого Совецания, расстрелян.

⁵⁴ Машинопись с подписью А.П. Кравца, утверждено К.А. Кашаевым собственноручно.

ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕРИОДИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДНЕВНИКА А.П. ЛАДИНСКОГО

Дневник А.П. Ладинского 1932–1939 гг. является одним из немногих аутентичных документов межвоенной эмиграции, позволяющих буквально день за днем проследить жизнь русского Парижа в самых мельчайших деталях и нюансах. Помимо всего прочего, этот дневник дает редкую возможность взглянуть на эмигрантскую печать глазами очевидца и непосредственного участника и содержит интересный материал по истории эмигрантской журналистики, которая до сих пор остается слабо изученной.

Общая канва жизни Антонина Петровича Ладинского (1896–1961) обрисована в недавно опубликованной статье¹, и здесь к этому подробно можно не возвращаться. Однако имеет смысл предметнее остановиться на его взаимоотношениях с печатными органами русского зарубежья, тем более что дневник позволяет обозреть всю структуру эмигрантской периодики в ее сложных взаимосвязях.

Место самого Ладинского в этой структуре представляется достаточно своеобразным. На протяжении 15 лет он работал в редакции «Последних новостей», самой крупной и наиболее читаемой из эмигрантских газет, куда попал скорее волей случая, чем по глубоким убеждениям. Казалось бы, ему, бывшему белому офицеру, должна была больше подходить военная или монархическая пресса, на худой конец, консервативное «Возрождение». Но он почти весь межвоенный период сотрудничал в той газете, которая с «Возрождением» неустанно полемизировала.

Дальнейшая его эволюция — совпатриотизм и возвращенство — заставляют думать, что гораздо более на своем месте он ощущал бы себя в Союзе возвращения на родину, вместе с Сергеем Эфроном, в журнале «Наш Союз» или другом аналогичном просоветском издании. Однако в этом лагере Ладинский активно проявил себя лишь после войны, а ранее сотрудничал преимущественно в тех органах печати, которые просоветская пресса расценивала как откровенно враждебные.

Эмиграцию, конечно, было не удивить любыми сменами вех, и все же такую судьбу стандартной не назовешь: белый офицер, рабо-

тавший в кадетской газете, а после Второй мировой войны ставший постоянным автором «Советского патриота» и «Русских новостей».

Ладинский в дневнике часто жалуется, что у него не складываются теплые отношения с литературными журналами эмиграции, ни в одном он не был своим до конца, хотя в большинстве журналов его печатали как одного из поэтов младшего поколения, подающих самые большие надежды.

Едва перебравшись в Париж, Ладинский начинает печататься в весьма авторитетных литературных изданиях. В 1925 г. его стихи появляются в парижском «Звене», а уже на следующий год публикуются не только в студенческих журналах «Своими путями» и «Годы», в маргинальных «Перезвонах» и активно поддерживающей молодежь «Воле России», но и в «Днях», «Последних новостях» и даже «Современных записках», в то время воспринимающихся как цитадель живых классиков, абсолютно недоступная для молодых авторов. Однако перейти из категории начинающих в категорию маститых без каких-то внешних причин в эмиграции оказалось почти невозможно.

К тому времени как Ладинский перебрался в Париж и попал в «Последние новости» (1926 г.), структура эмигрантской периодики уже сложилась. Период ее становления пришелся на 1920–1924 гг., которые Ладинский провел в Египте. Следующее десятилетие для эмиграции — период расцвета, именно в это время возникает большая часть пореволюционных изданий, появляются наиболее известные литературные предприятия младшего поколения (парижские «Числа», харбинская «Чураевка», «Новая газета» М.Л. Слонима), достигают пика популярности главные эмигрантские издания, а надежды на скорое возвращение в Россию сменяются попытками обустроить жизнь в эмиграции и проявить себя в творчестве.

Об эмигрантской периодике существует некоторое количество работ (посвященных преимущественно отдельным периодическим изданиям либо периодике отдельных регионов)². Обзор литературной периодики был сделан еще Г.П. Струве в известной книге, выдержавшей два переиздания³. В отдельных книгах также рассматривалась политическая⁴ и военная⁵ печать русской эмиграции. Однако всю эту область в целом никак нельзя назвать хорошо изученной. Исследователи, напротив, склонны считать, что ее обстоятельное изучение еще впереди. И более всего не хватает аналитических обзоров, основанных на выверенных статистических данных. Но и добротные справочники, каталоги, росписи содержания, истории отдельных изданий и полемик также очень не помешали бы.

Обычно описание эмигрантской периодики начинается с распределения изданий по партийной принадлежности, и такой подход не вызывает сомнений. Для журналистики политический критерий классификации — далеко не единственный, но по отношению к русскому зарубежью наиболее логичный, очевидный и естественный.

Коммерческая направленность печатного дела больше характерна была для русской Прибалтики и русского Китая, а Париж с начала двадцатых годов заслуженно считался политической столицей русской эмиграции. Именно здесь возникало наибольшее количество изданий «с направлением», как принято было выражаться у дореволюционной интеллигенции.

Такое дорогостоящее предприятие, как ежедневную газету, могли позволить себе только крупные партии или предпринимательские структуры, располагавшие для этого достаточными средствами. Если не брать в расчет Америку и Китай, откуда газеты в Европу до войны попадали с трудом и не играли существенной роли во влиянии на умы массового европейского читателя, то популярные и более или менее долгоживущие ежедневные газеты межвоенной эмиграции можно в буквальном смысле пересчитать по пальцам одной руки: «Последние новости» (Париж, 1920–1940), «Возрождение» (Париж, 1925–1940), «Сегодня» (Рига, 1919–1940), «Руль» (Берлин, 1920–1931), «Дни» (Берлин; Париж, 1922–1928). Уже такие ежедневные газеты, как «Новое время» (Белград, 1921–1930), «За свободу!» (Варшава, 1921–1932) или «Русь» (София, 1922–1928), «Голос» (София, 1928–1933), «Бессарабская почта» (Кишинев, 1925–1937), «Волынское слово» (Ровно, 1921–1929), «Наша речь» (Бухарест, 1923–1935), были менее распространены и, соответственно, имели меньшее влияние в силу разных причин, среди которых не последнее место занимало их «провинциальное» положение по отношению к эмигрантским «столицам», так что даже полемизировать со «столичной» прессой этим изданиям приходилось издалека. Тем более маргинальными и экзотическими воспринимались в Европе такие ежедневные эмигрантские газеты, как «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1920–2009), «Русская жизнь» (Сан-Франциско, 1922–1996), «Новая заря» (Сан-Франциско, 1928–1972), «Рассвет» (Нью-Йорк, 1924–1940), «Новый мир» (Нью-Йорк, 1917–1938), «Новости жизни» (Харбин, 1917–1929), «Заря» (Харбин, 1920–1938), «Русское слово» (Харбин, 1926–1935), «Гун-Бао» (Харбин, 1926–1937), «Наша заря» (Тяньцзин; Пекин, 1929–1938), «Слово» (Шанхай, 1930–1934), «Вечерняя заря» (Шанхай, 1932–1938), «Рупор» (Харбин, 1921–1938).

Гораздо больше в эмиграции оказалось еженедельников, которым было легче выжить экономически, преобладали же повременные издания без четкой периодичности. Издания, неукоснительно соблюдавшие заявленную периодичность, были скорее редкими исключениями. Большинство изданий, даже если они изначально заявлялись как еженедельники или ежемесячники, в реальности выходили время от времени, по мере того как удавалось собрать материал, а главное, добыть средства для выпуска очередного номера.

Из литературных журналов соблюсти периодичность удалось лишь единицам (пунктуальностью отличалось «Звено», а также «Встречи», «Русские записки»). Обычная же картина выглядела совсем иначе: к примеру, летом 1927 г., реформируя «Новый дом» в «Новый корабль», редакция журнала во главе с вдохновительницей З.Н. Гиппиус мечтала, что их детище будет «выходить “как часы” или “как «Звено»», — т.е. точно каждое 15-е число»⁶. На деле, однако, даже первый номер появился не 15-го, а 20 августа 1927 г., второй вышел лишь 3 января 1928 г., за ним последовали еще два, 19 апреля и 6 декабря 1928 г., после чего издание прекратилось. «Версты» и «Круг» вообще получились, в сущности, не журналами, а ежесодниками, «Чисел» же за пять лет вышло 10 номеров (в восьми книжках). Даже такое авторитетное издание, как «Современные записки», поначалу объявив себя ежемесячником, ни разу не выполнило этого обещания, на втором году существования вышло шесть книжек, но потом редакция не выдержала и этого темпа, выпуская четыре, затем три, а под конец всего два номера в год. Впрочем, для эмиграции и это все было большим успехом, многие из задуманных изданий не дожили и до выхода первого номера. 29 февраля 1936 г. Ладинский записывает в дневнике: «Вечером у Ставрова собралось “редакционное” заседание “Монолога”. Адамович затевает такой журнальчик. Почему, я не все еще не могу понять. Зачем это Адамовичу? Выпустить один—два номера»⁷. Скептицизм Ладинского на этот раз оказался оправданным, «Монолог» так и не добрался до типографии, оставшись мертворожденным проектом. Но и самому Ладинскому не раз доводилось принимать участие в подобных мертворожденных проектах как в межвоенный период, так и после освобождения Парижа. Фиксировал он в дневнике и чужие благие намерения: «Ходят слухи об открытии новой русской газеты» (запись 4 ноября 1934 г.), которые чаще всего так и оставались только намерениями.

В эмиграции даже среди газет преобладали повременные издания еженедельного типа или вообще без определенной периодичности. Скажем, П.Б. Струве после ухода из «Возрождения» обе свои газе-

ты — «Россия» (Париж, 1927–1928) и «Россия и славянство» (Париж, 1928–1934) — выпускал в виде еженедельников, причем количество реально вышедших номеров в последние годы неуклонно сокращалось (в 1932 г. — 46, в 1933 — 20, а в 1934 — 6).

Наиболее частая эволюция, которую претерпевали эмигрантские издания — изменение периодичности (почти всегда в сторону увеличения интервалов), а часто и связанного с этим формата издания при сохранении названия. Такая эволюция была характерна даже для изданий, в остальном соблюдающих заявленную периодичность. Так, парижское «Звено», три года поступая к читателям точно в срок, строго по понедельникам, в виде еженедельной газеты (с 5 февраля 1923 г. по 28 декабря 1925 г.), трансформировалось в еженедельный журнал, но и в таком виде продержалось лишь полтора года (с 3 января 1926 г. по 19 июня 1927 г.), после чего превратилось в журнал ежемесячный, чтобы через год совсем прекратить существование⁸. «Дни» А.Ф. Керенского после шести лет существования в виде большой ежедневной газеты трансформировались в 1928 г. в небольшой узкопартийный журнальчик с тем же названием. Даже солидное «Возрождение», десять лет выходившее в виде ежедневной газеты, все же было вынуждено в 1936 г. перейти на еженедельный формат⁹. Газета В.Л. Бурцева «Общее дело» (Париж, 1918–1934), начавшись еженедельником, с 1920 г. выходила ежедневно, но в таком виде не протянула и двух лет, а в 1928–1934 гг. и вовсе выпускалось от одного до пяти номеров в год.

Любопытно, что среди многочисленных печатных органов, основанных партийными группами, заметно выделяются издания, редактировавшиеся бывшими кадетами и эсерами (что отнюдь не мешало этим изданиям бурно полемизировать с бывшими партайгеноссе). «Последние новости», пытаясь играть роль объединяющего органа демократических сил эмиграции, по духу оставались кадетским изданием, хоть и придерживающимся провозглашенной П.Н. Милюковым «новой тактики». Первым редактором «Возрождения» был другой бывший кадет П.Б. Струве. Из остальных крупных ежедневных газет берлинский «Руль» был прямым продолжением петербургской кадетской «Речи», а «Дни» — эсеровским органом, и лишь рижская «Сегодня» придерживалась не партийной, а коммерческой направленности, позиционируя себя газетой русского нацменьшинства в Прибалтике.

Трудно сказать, были ли изначально кадеты и эсеры наделены какими-то особыми талантами в журналистике по сравнению с другими партиями или же так получилось случайно, но именно газеты,

основанные бывшими членами партии кадетов, оказались в эмиграции наиболее долгоживущими и влиятельными, а среди журналов беспрецедентными стали «Современные записки», редактируемые коллегией из пяти эсеров.

Безусловно, успех «Последних новостей» и «Современных записок» хотя бы отчасти объясняется и индивидуальными качествами организаторов изданий, а не только их партийной принадлежностью, но в общей массе кадетская и эсеровская печать в тот период оказалась профессиональнее монархической или, к примеру, социал-демократической. Речь идет не о внутривнутрипартийных бюллетенях, которые у любой партии не могут иметь большого распространения, но о массовых изданиях, призванных проводить линию партии среди широкой публики (внутрипартийные издания в обилии выпускались и бывшими эсерами, и кадетами, но они редко содержали материал, могущий представлять интерес для широкого читателя).

Монархическая пресса, которая, казалось бы, должна была больше отвечать настроениям широкого читателя (основная масса эмиграции состояла из бывших военных, казаков, людей, переживших революцию и по большей части придерживающихся консервативных взглядов), не имела таких тиражей и такой популярности. Правда, наиболее крупные монархические издания русского зарубежья выходили не в Париже, а в других городах: «Новое время» в Белграде, «Двуглавый орел» в Берлине. Если появятся когда-нибудь исследования по социологии чтения в эмиграции, возможно, ученые в качестве одной из причин приведут и менее развитую потребность в чтении у данной категории читателей. Впрочем, «Последние новости» профессионально поставленной журналистской стороной дела смогли достичь такого положения, когда газету из-за ценной информации читали даже те круги, которые к «новой тактике» Милюкова относились с откровенной враждебностью.

В общей структуре партийной периодики русского зарубежья занимали свою нишу и социал-демократические издания (наиболее долговечным оказался «Социалистический вестник», выходивший с 1921 по 1963 г.), и даже большевистские по духу — сменявшие друг друга, но неизменно субсидируемые Коминтерном просоветские издания: «Накануне» (1922–1924), «Парижский вестник» (1925–1926), «Наш союз» (1927–1937). В дневниковой записи Ладинского 27 марта 1936 г. звучат не только патриотические ноты, но и вполне откровенная солидарность с просоветскими настроениями: «В Париже собрание “оборонцев”. Выступают с речами, требуют “руки прочь от России”. На собрания являются, очевидно, с разрешения власти,

возвращенцы, аплодируют. В “Нашем Союзе” сочувственная статья. В чем дело? Думаю, что совет<ская> власть рассуждает так: “и веревочка в хозяйстве пригодится”. А эмигранты так унижены, столько было разочарований, унижений, что запылало патриотическое чувство. Замятину, Слониму, это я видел ясно, многим другим “оборонцам”, людям, пришедшим на их собрание, мне самому, да, это так приятно где-то в глубине души, что так восхищаются танком, спущенным на парашюте, что есть все-таки что-то более важное, чем ежеднев<ные> делишки, личные неприятности и т.д. — мысли о будущем России». Но, разумеется, подобные мысли до поры до времени Ладинский высказывал лишь в дневнике, да иногда в разговорах.

В эмиграции возникло немало так называемых пореволюционных изданий, участники которых, отказываясь от идеологий отцов, пытались выработать свои собственные идеи, по их мнению, более отвечающие новой ситуации, в которой оказались эмигранты. К изданиям вроде младоросской «Бодрости», пореволюционных «Утверждений», «Завтра» или «Третьей России» Ладинский, судя по дневнику, относился без того преубеждения, с каким относился к ним его босс П.Н. Милюков⁴⁰, скорее даже с интересом, однако до войны ни печатно, ни на словах с ними не солидаризировался, продолжая работать в кадетской газете. В большой мере это, по-видимому, результат бдительности его старших коллег-кадетов, стремящихся сохранить чистоту риз. В дневнике этой теме посвящена лишь одна запись 12 апреля 1932 г., зато весьма выразительная: ««Младороссы» приглашали читать у них стихи, но редакция не разрешила».

Одной из разновидностей пореволюционной печати можно считать и прессу русских фашистов, которые к тридцатым годам имели в своем распоряжении даже ежедневные газеты: «Новое слово» (Берлин, 1933–1944), «Наш путь» (Харбин, 1934–1938).

Пореволюционная печать также не смогла составить серьезную конкуренцию лидерам эмигрантской журналистики, несмотря на то, что имела немало приверженцев, особенно в молодежной среде. Ни евразийские, ни младоросские издания никогда не достигали ни тиражей, ни влияния «Последних новостей» или «Возрождения».

Иными словами, число больших, «настоящих» газет, с профессиональными редакциями, налаженным распространением, солидным бюджетом и гонорарами, было в эмиграции ограничено. А вот профессиональных авторов за рубежом оказалось хоть отбавляй. В такой ситуации недостатка в материале редакции не ощущали. Продукции квалифицированных журналистов и литераторов в эмиграции было больше, чем требовалось читателям, и даже больше, чем

могли печатать повременные издания. Именно поэтому напечататься было не так-то просто. В редакции «Последних новостей», пропускающих через свои ежедневные восемь полос большого формата огромное число статей и заметок, существовали определенные квоты на постоянные публикации для каждого автора, и для того, чтобы дать возможность одному из них печататься чаще (и, соответственно, получать больший гонорар), требовалось эти гонорарные строчки у кого-то отобрать. Дневник Ладинского полон жалоб, сарказма и ядовитых замечаний в адрес коллег по поводу постоянной дележки этого нелегкого редакционного пирога. Запись 5 декабря 1937 г.: «Демидов уверяет, что в результате моих переговоров меня будут печатать два раза (подвала) в месяц. У П<опо>ва отняли «Знаете ли вы?» 2 раза в неделю, т.е. чтобы отдать эти строки другим, а за этот счет печатать лишней мой фельетон. Увидим. Милуков сказал: “Произвели операцию. Это для вас”. Я промолчал. Неприятно. Хотя, правда, П<опо>в пишет вещи, которые все ругают. Уж очень бездарно. Но Азов еще хуже пишет, а у него ни одной строчки не отнимут. Берут у слабого».

Разумеется, помимо партийной печати, в эмиграции было множество других изданий самых разных типов, корпоративно-ведомственных, специализированных: религиозная, философская, эзотерическая, научная, библиофильская, художественная, театральная и кинопериодика. Но все это по преимуществу были неопкупаемые безгонорарные издания. Некоторые из них подумывали об изменении формата и выходе к широкому читателю, но тогда это неизбежно было связано с переходом к традиционному типу «общественно-политического и литературно-критического» издания.

По отношению ко вновь создаваемым изданиям Ладинский чаще всего исполнен скептицизма. 1 января 1934 г. он записывает: «Вышел 1 № “Встреч”. Стишки ничего. Хорош рассказ Газданова, слабое подражание Бабелю — рассказец Кнута, в общем — ничего. Да никому и не нужен этот журнал». Полгода спустя, 12 июня 1934 г., не менее пессимистически отзывается и о варшавском «Меч»: «Выходит регулярно “Меч” под редакцией Философова и Мережковских. Боже, как они грозились! Казалось, что перевернут все. А в результате что-то жалкое, скучные тетрадки, бездарные стишки».

Впрочем, если в журнале печатались стихи Ладинского или статьи, в которых о нем отзывались с одобрением, к таким изданиям Ладинский относился куда благосклоннее и претензий к ним не высказывал. К примеру, 13 августа 1933 г. он записал: «“Журнал Содружества”, который они издают компанией в Выборге. В одной из статей основательно разобраны стихи Цветаевой, Смоленского, Поплавского,

Кнута и мои. Трогательно. Все-таки есть еще люди, что читают стихи». Позже Ладинский характеризовал его как «литограф<ский> симп<атичный> журнальчик в Выборге» (запись 24 января 1934 г.).

Разумеется, больше всего в дневнике забавных, грустных или язвительных анекдотов, зарисовок и реплик о ежедневно наблюдаемой в редакции «Последних новостей» журналистской жизни. Запись 28 июня 1933 г.: «Б<енедиктов?> говорил Ц<вибаку?> о какой-то статье в газете “Сегодня” по поводу убийства видного сиониста: “Я напишу в ‘Рассвет’, как латвийская газета на русском языке под редакцией трех выкрестов (Мильруд, Ганфман и Харитон) смеет говорить о сионистских делах... (мат по поводу выкрестов)”. В<олконский?> заметил мне: “А как же он, еврей и сионист, пишет передовицы по русским делам?”».

Полемику между двумя главными парижскими газетами — «Последними новостями» и «Возрождением» — Ладинский считал центральным событием межвоенной жизни эмигрантской периодики, и так оно, собственно, и было. 5 декабря 1935 г. Ладинский меланхолично фиксирует в дневнике, вписывая в общий ряд эмигрантские события: «Во Франции Лаваль борется в палате за власть. Вчера и сегодня бурные заседания в палате, вопрос о франке и роспуске лиг. В Германии продовольтственные затруднения. В эмиграции ругань и перебранки “Возр<ождения>” и “П<оследних> нов<остей>” по поводу выбора Рубинштейна на офис Нансена, ведающий делами беженцев. Правые спали, а теперь протестуют против еврея Рубинштейна. В “Возр<ождении>” такие слова, как “ослиные уши Цвибака”, Цвибак — провокатор, глупость и измена Милюкова и пр., в “П<оследних> нов<остях>” — “гукасовские молодцы”, погромщики, дуралеи и т.д.».

Причем такой взгляд вовсе не был порожден требованиями корпоративной этики или эмигрантскими шорами, Ладинский регулярно читал не только русские газеты, но и иностранную прессу («The Times», «Le Temps», «Paris-soir», «Vendredi»), так что ему было с чем сравнивать. Относительно удельного веса эмигрантских изданий на фоне европейской журналистики никаких иллюзий у Ладинского не было. Восхищаясь путешествием Питера Флеминга по Китаю, он с горечью замечает в записи 23 января 1939 г.: «Вот это путешествие! Но ведь Флеминг не кор<респондент> “Пос<ледних> нов<остей>”, а “Таймса”. Ему 30 лет. А так ему я завидую!».

16 июля 1933 г. Ладинский делает забавную запись о своем, судя по всему, довольно традиционном времяпровождении с В.Ф. Ходасевичем и В.А. Смоленским: «Говорили о стихах Пушкина, читали

Илличевского, ругали обе газеты. Пили чай». Ладинский не был целиком ни на той, ни на другой стороне, да и вообще к кадетам самим по себе, даже очень знаменитым, особого пиетета не испытывал. Характерна в этом смысле запись 9 января 1932 г.: «В редакции “России и слав<янства>”, куда я зашел, чтобы взять рожд<ественский> № с моим рассказом (“Волшебный шкаф”), познакомился с П.Б. Струве. За столом писал бородатый немец и спасал Россию. От его бороды веет почтенной скукой».

Партийная принадлежность не избавляла эмигрантские издания от необходимости стремиться к самокупаемости (чаще всего недостижимой). 3 мая 1933 г. Ладинский записал в дневнике: «Был в гостях Ходасевич. Говорили больше о пустяках. Его очень возмущает, что обе наши газеты печатают всякие пустяки. Но ведь ни для кого не секрет, что огромное значение для них имеет тираж, ради тиража они пойдут на все».

Ладинский не ощущал себя своим в «Последних новостях», постоянно жалуясь в дневнике на коллег, неуютную атмосферу в редакцию и т.д. В газете он старался отгородить себе какой-то нейтральный уголок, печатал исторические рассказы, путевые очерки, отчеты о поездках и о мероприятиях, рецензии на фильмы и книги, в политику и даже в текущие полемики не лез, свое мнение держал при себе и даже в дневнике высказывал с осторожностью. Хотя за международными событиями следил внимательно, записывал в дневнике все перипетии военных событий от Испании до Африки, и видно было, что это интересует его искренне. Но статей на политические темы не публиковал и, по-видимому, даже попыток таких не делал, предоставляя это старшим и более опытным товарищам — Кулишеру, Милокову и др. То ли не считал себя достаточно компетентным, то ли признавал разделение обязанностей, видя себя прежде всего беллетристом. Впрочем, может, оно и к лучшему, когда Ладинскому после войны довелось писать публицистику в «Русском патриоте», выяснилось, что это не самая сильная сторона его дарования.

Уже к середине тридцатых годов в полную силу дает о себе знать кризис, закрываются «Числа», «Встречи», неуклонно надвигающаяся война вытесняет все остальные мысли. Запись 5 января 1936 г.: «Традиционный чай у Мережковских. Опять разговоры о войне, котор<ые> всегда заводит Георг<ий> Иванов. Он понял раньше других, что “здесь” уже нечего ждать. Только в России еще, м.б., удастся пожить полнее, богаче, одним словом, есть “возможности”, и ему страстно хочется, чтобы большевики пали. Единственная возможность — война. Пусть отберут пол-России, зато в другой будут

читатели, журналы, гонорары, почет. Вероятно, все это связано и с некоторыми патриотическими чаяниями. А главное — прозябание здесь, невозможность печататься, жизнь под башмаком у жены — денег не дает. Так же думают и Мережковские. В эмиграции им не повезло: мало печатают, не дали Нобелевскую премию, потеряно влияние. А в России...».

У Ладинского и у самого в это время усиливаются приступы пессимизма. Сказывались, конечно, помимо общего отсутствия перспектив, и индивидуальные черты характера. Прозорливый Г.В. Адамович еще в начале тридцатых годов довольно точно подметил эту особенность темперамента Ладинского. Г.Н. Кузнецова 3 февраля 1931 г. записала в дневнике его шутовское высказывание: «Адамович <...> о Ладинском говорил, что, несмотря на все хвалебные рецензии о нем, он все недоволен. Сидит под телефоном в “Последних новостях” вот так (он, показывая, плачевно подпирает голову рукой) и говорит: “Все равно Блоком не быть!”»⁴¹.

К концу тридцатых годов Ладинский ищет любые способы изменить свой статус. Запись в дневнике 30 декабря 1937 г.: «Алданов (по секрету) сообщил, что “Русские записки” прекращают свое существование, а будет выходить (на деньги того же П<авлов>ского) новый толст<ый> журнал под редакцией Милюкова. Факт<ический> редактор Вишняк. Папаша отказался принять в сотрудники Мережковского, Федотова, Бердяева, Ходасевича. “Против вас он ничего не имеет”. Хорошо бы пристроиться секретарем. Но едва ли. У Вишняка своих сколько угодно».

Вскоре освободилось место в редакции «Иллюстрированной России», и Ладинский 18 февраля 1938 г. записал в дневнике: «Теперь Гордон ищет заместителя. Один из кандидатов я. Звонил Х. В воскресенье будет вести переговоры. Это было бы неплохо — утереть нос “приятелям”: все-таки редактор, а не телефонист. Но оказалось, что можно потерять материально. А г. Г<ордон> по слухам человек с дурным характером. Посмотрим». После переговоров Ладинский добавляет к той же записи: «P.S. Был у Гордона. Отказался. Уж очень не советует начальство. Даже Милюков: — Очень рад, что не согласились».

Ни одной из этих надежд не суждено было осуществиться, и до конца тридцатых годов Ладинский просидел в редакции под телефоном на промежуточном положении одного из лучших парижских поэтов, постоянного автора ведущей газеты и сотрудника самой низшей категории в офисной иерархии. Ситуацию изменила лишь война.

Судя по дневниковым записям, Ладинский уже в тридцатые годы внутренне был готов к любым переменам, не только редакционного

статуса, но и гораздо более серьезным, требовался лишь внешний толчок. И когда обстоятельства позволили, он, по всей видимости, с облегчением решил круто изменить жизнь. Думается, В.С. Яновский в полемике с общественниками старшего поколения довольно точно описал настроения Ладинского тех лет: «Ладинский, — которого Вы называете вполне сложившимся писателем, — сидел в приемной “Последних новостей” по 48 часов в неделю: дежурный у телефона. В комнатухе не было окон: день и ночь горела электрическая лампа. Поминутно звонил телефон, и Ладинский совал хоботок, соединяя линии. Когда мне случалось завернуть туда по делу, то я сразу шалел: от искусственного света днем, от звонков и ложного оживления. Чтобы подогнать еще сотню франков в месяц, Ладинский иногда, тут же между делом, стучал на машинке очередной подвал переводного авантюрного романа. Так жил этот вполне сложившийся писатель. И когда в 1945 г. парижская колония пошла на поклон на рю Гренель, Ладинский записался там один из первых. На многолюдном, торжественном собрании, получая паспорт, Ладинский со слезою в голосе (как бывало о балеринах), огласил содержание выданного ему документа: гражданин СССР — не рефюже, писатель — не телефонист. Такова история Ладинского, которого Е. Кускова и М. Слоним очень даже заметили: хлопнул дверью»¹².

Послевоенная структура эмигрантской периодики была совершенно иной, и это наименее изученный период истории эмиграции.

Уже через несколько месяцев после освобождения Парижа, в течение осени 1944 г. были созданы или возобновлены запрещенные в начале войны русские организации (при немцах существовало лишь подполье). Перешла на легальное положение газета «Русский патриот», выходившая подпольно с ноября 1943 г. Ладинский стал ее секретарем и членом правления Союза русских патриотов.

В марте 1945 г. Союз русских патриотов объединился с Союзом друзей советской родины и стал называться Союзом советских патриотов (Ладинский вошел в Верховный совет новой организации), а газета, соответственно, была переименована в «Советский патриот». В газете печатались М.П. Струве, А.В. Бахрах, Б.Г. Пантелеймонов, А.В. Руманов, А.Ф. Даманская, А.С. Присманова, А.С. Гингер, М.Л. Гофман, Г.В. Иванов, И.В. Одоевцева, Л.Ф. Зуров, П.С. Ставров, Ю.П. Анненков, Н.А. Бердяев, В.Л. Андреев, А.М. Ремизов, С.К. Маковский и многие другие, чьи имена в этом ряду сегодня могут вызвать удивление. Но в 1945 г. формы и структуры послевоенной жизни еще не установились, не прояснились позиции, даже противостояние не выражалось открыто. Уже совсем скоро жизнь

вновь разведет их по разные стороны баррикад, но пока это чем-то напоминает берлинскую ситуацию начала двадцатых, когда ничего еще не определилось и оставалось ощущение единой общей жизни.

Ладинский в «Советском патриоте» пишет о новых фильмах, книгах, театральных постановках, выставках, о юбилее И.А. Бунина, публикует очерки о Петре I, Н.Н. Миклухо-Маклае, Аммиане Марцеллине, а также о Пскове, Париже, Каннах, печатает главы из романов, изредка стихи, преимущественно публицистические и не похожие на его довоенную лирику.

В 1945–1946 гг. мир парижской журналистики был непривычно однополярным. Антисоветская пропаганда французскими властями была запрещена, и, к примеру, С.П. Мельгунову приходилось выпускать свои тетради, всякий раз меняя название, представляя в цензуру не номера периодического издания, а как будто отдельные брошюры (хотя и в одном оформлении): «Свободный голос», «Независимое слово», «Независимая мысль», «Независимый голос». На законных основаниях выходили только просоветские издания, и лишь после фултонской речи У. Черчилля ситуация стала меняться.

Холодная война быстро положила конец недолгому периоду советского влияния в Париже, вновь начали появляться антисоветские эмигрантские издания. 19 апреля 1947 г. вышел первый номер газеты «Русская мысль», а на собрании 24 мая 1947 г. секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов В.Ф. Зеелер предложил «исключить из Союза всех членов его, имеющих советское гражданство»¹³. Большая группа членов Союза покинула его весной, еще одна группа осенью, после того как было выбрано новое правление Союза русских писателей и журналистов, внесшее изменения в устав. Ладинский вышел из Союза русских писателей и журналистов 22 ноября 1947 г. в составе этой второй группы (вместе с ним ушли Г.В. Адамович, В.Н. Муромцева-Бунина, А.В. Бахрах, В.С. Варшавский, Л.Ф. Зуров, Ю.К. Терапиано, Г.И. Газданов и др., через две недели письмом в правление о своем выходе из Союза заявил также И.А. Бунин¹⁴).

Эмиграция опять раскололась, и на этот раз в конфликт вмешалась Франция. 16 декабря 1947 г. решением французского Министерства внутренних дел был запрещен Союз советских граждан (так с августа 1947 г. назывался Союз советских патриотов), а месяцем позже, 20 января 1948 г. была закрыта газета «Советский патриот».

Ладинский продолжал сотрудничать в изданиях просоветских или нейтральных («Русские новости», «Честный слон», «Новосе-

лье»), принимал участие в послевоенных литературных сборниках и антологиях («Встреча», «Русский сборник», «Орион», «Эстафета»).

К величайшему сожалению, записей за эти годы в архиве Ладинского не сохранилось. Ну а события, которые произошли с ним позже, показали, что на редакционную жизнь под телефоном Ладинский сетовал напрасно. Записи, посвященные пребыванию в Германии, куда он был выслан в сентябре 1950 г., несопоставимо мрачнее, чем парижские, хотя открыто жаловаться на жизнь Ладинский теперь уже боялся даже в дневнике. Работая на заводе переводчиком, время от времени прося разрешения на въезд в СССР и занимаясь почти исключительно технической документацией, он записал в дневнике: «Хотелось бы жить полной жизнью: читать, писать, работать в интересной области, напр<имер>, в газете, встречать интересных и милых людей, но пока жизнь в “тяжеловатых” условиях протекает и порой такая тоска, что плакать хочется».

В 1955 г. очередное прошение было удовлетворено, Ладинский вернулся в Россию и даже смог стать советским писателем, но в газете ему больше не суждено было работать никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коростелев О.А. Лирический театр Антонина Ладинского // Ладинский А. Собрание стихотворений / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Викмо–М; Русский путь, 2008. С. 5–22.

² Печатное дело русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии / Сост. О.А. Коростелев // Диаспора: Новые материалы. Вып. 5. Париж; СПб., 2003. С. 661–715.

³ Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1956; 2-е изд., испр. и доп.: Париж: YMCA-Press, 1984; 3-е изд., испр. и доп.: Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1997.

⁴ Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб.: СПбГУКИ, 2004; — 2 изд., испр. и дополн.: СПб.: СПбГУКИ, 2008.

⁵ Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М.: Пашков дом, 2008.

⁶ «...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. Исторический альманах. 24. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 157.

⁷ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 5. Ед. хр. 27. Далее цитаты даются по тексту дневника с указанием одной только даты записи.

⁸ Коростелев О.А. История парижского «Звена» (1923–1928) // Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2013. С. 361–378.

⁹ Подробнее см.: «Уж если затрещали газеты!» (Из истории эмигрантской периодики): Три письма М.А. Алданова к Б.К. и В.А. Зайцевым / Публ. и примеч. Дж. Малмстада // In memorem: Сборник памяти Владимира Аллоя / Составители Т.Б. Притыкина, О.А. Коростелев. СПб.: Феникс-Athenaeum, 2005. С. 514–527.

¹⁰ П.Н. Милоков внимательно следил за новыми веяниями, читал периодику пореволюционеров и неустанно полемизировал с их идеями: Милоков П. «Второе поколение» // Последние новости. 1931. 8 сентября. № 3821. С. 2–3; Милоков П. Пореволюционные «утверждения». I. В небесах. II. На земле // Последние новости. 1931. 22 сентября. № 3835. С. 2–3; 26 сентября. № 3839. С. 2–3; Милоков П. В пореволюционных потемках // Последние новости. 1931. 18 декабря. № 3922. С. 2–3; 19 декабря. № 3923. С. 4; 1932. 23 августа. № 4171. С. 2–3; 25 августа. № 4173. С. 2; 10 сентября. № 4189. С. 2–3; Милоков П. Молодежь без кавычек // Последние новости. 1933. 13 июля. № 4495. С. 2. Кроме того, что он сам старался не пропускать без ответа или комментария ни одного номера пореволюционных изданий, лидер РДО также нередко публиковал в своей газете статьи, полемические высказывания и рецензии о них, которые писали близкие ему по духу журналисты: А.М. Кулишер, Е.Д. Кускова и др.

¹¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. М.: Московский рабочий, 1995. С. 202.

¹² Яновский В.С. Мимо незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 2 октября. № 15436. С. 5.

¹³ Покушение с негодными средствами // Русские новости. 1947. 30 мая. № 104. С.5.

¹⁴ Подробнее см.: Русские новости. 5 декабря. № 131; 26 декабря. № 134; Русская мысль. 1947. 29 ноября. № 33.

НЕВОЗОБНОВЛЕННАЯ «ИРИДА»
(Из редакционного портфеля литературного издания)

3 июня (21 мая по старому стилю) 1918 г. в Петрограде появился в продаже 1-й номер нового еженедельного издания на 8 страницах — «Ирида. Литературная газета». Как оповещалось в редакционном предисловии, новая газета, издаваемая Трудовой артелью «Наука и Школа», «посвящена исключительно литературе, искусству и науке и основной своей задачей ставит ознакомление общества со всеми сколько-нибудь значительными явлениями, книгами и журналами в этих областях». Именем вестницы богов Ириды из греческой мифологии освящалась миссионерская роль критики и библиографии в деле функционирования и воспроизводства культурного процесса.

Редактором газеты стал Александр Григорьевич Фомин (1887–1939), видный книговед и библиограф, ученик С.А. Венгерова, последний президент Русского библиологического общества (в 1927–1930 гг.)¹. В редакционном предисловии, открывавшем 1-й номер, он отмечал, что «вопросы культуры, заглушенные политическим вихрем, начинают снова выступать на первый план», и поэтому основная задача «Ириды» — «прийти на помощь обществу в его интересе к науке, литературе и искусству, облегчить работу культурно-просветительных организаций»². В газете предполагалось помещать статьи по общим вопросам культуры, искусства, литературы, психологии творчества, историко-литературные работы, неизданные произведения и письма русских писателей, материалы по истории общественного движения, а также стихи и художественную прозу; большое место в издании уделялось библиографической информации.

Акцент на аполитическом характере нового издания, на программно объективистских его установках делал и академик Н.А. Котляревский, соавтор Фомина по редакционному предисловию (безусловно, в этом заключался и прагматический умысел — стремление обезопасить газету от разгрома и преследований, которым подвергала большевистская власть оппозиционную печать). Отметив, что «вот уже больше года, как мы день и ночь живем на площади, живем одними политическими страстями», ученый призывал перейти от разрушения к созиданию и в содействии исполнению этой задачи видел

конкретное предназначение литературной газеты: ««Ирида» не собирается быть проповедником каких-либо истин — религиозных, философских, моральных, эстетических или иных, от которых она ждала бы непосредственного обновления нашей жизни. «Ирида» уверена в том, что это обновление совершится само собою, если люди станут искренно и бескорыстно искать такие истины <...>»³. С утешительным объективизмом Котляревского несколько диссонировал наступательный аполитизм профессора С.А. Венгерова, который в своем «Привете «Ириде»» с пафосом утверждал: «Кому же не ясно, что кульминационный пункт воинствующей, всепокрушающей, уверенной в своей победе демагогии достигнут, что она постепенно сдает свои позиции и держится только силою инерции. <...> Основная окраска современной психологии — не только страшная усталость, но и глубочайшее разочарование во *всех решительно программах*. Ибо все они потерпели решительное фиаско и все оказались бессильными спасти Россию от гибели и величайшего во всемирной истории позора. Нужно что-то другое, должны быть найдены какие-то новые пути национальной жизни, вне прежних исключительно-политических рамок. <...> В грядущем процессе органического возрождения России литературе, конечно, предстоит первостепенная роль»⁴.

Тот факт, что, наряду с Фоминым, программу новообразованного издания определяли профессиональные историки литературы Котляревский и Венгеров, нашел непосредственное отражение в содержании 1-го номера газеты. В нем были напечатаны неизданное стихотворение А.Н. Майкова (публикация В.В. Буша, тогда старшего библиотекаря Российской книжной палаты, впоследствии сотрудника Пушкинского Дома), статья «Пушкин — ходатай за Мицкевича (Неизданный документ)» Б.Л. Модзалевского, одного из инициаторов создания Пушкинского Дома и (с 1919 г.) его старшего ученого хранителя, статья Котляревского о Пушкине («О нем — наше первое слово») и статья академика С.Ф. Ольденбурга «На Белом Острове» (по поводу диссертации графа И.И. Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте»); кроме того, содержались информационно-хроникальные материалы: обзор журналов, заметки о новых книгах, сведения о деятельности различных культурно-просветительных обществ и учреждений, юбилейные публикации, некрологи.

1-й номер «Ириды» вызвал множество откликов в печати, в большинстве своем благосклонных⁵. С похвалой отмечалась культурно-просветительская направленность газеты, хотя не остался без внимания — и с похвалой, и с укором — крен в сторону филологического профессионализма: «Первый номер «Ириды» составлен

интересно и содержательно. <...> По составу сотрудников журнал имеет близкое отношение к Русскому Библиологическому Обществу, а это уже одно дает уверенность в содержательности следующих номеров»⁶; «Газета-еженедельник «Ирида», издаваемая группой академических, университетских и литературных деятелей, явилась опытом широкого распространения научных знаний в неразбавленном, неискаженном пролеткультским угодливым лицемерием виде <...> пока наметился некоторый перевес научно-осведомительной части за счет литературной; но в общем попытка оказалась столь удачной, что «Ириде» предстоит с осени постоянное периодическое бытие»⁷; «Газета ставит себе целью собирание нашей рассыпавшейся культуры <...>. Появление ее должно порадовать всякого, для кого литература, искусство, культура — не пустые слова, а символы, полные глубокого значения. Первый номер составлен несколько сухова-то и однообразно»⁸; «Газета «Ирида» составлена очень интересно, а с внешней стороны красиво, начиная с рисунка заглавия, напоминающего пушкинскую Литературную газету»⁹.

В то же время предпринятая учредителями «Ириды» попытка создать спасительный историко-культурный оазис на пепелище растерзанной страны встречала неоднозначную реакцию, о чем свидетельствует отклик на появление газеты в статье литературного критика Виктора Ховина «Безответные вопросы»: «Не газета, а Пантеон какой-то. Недаром у «Ириды» такой величаво-спокойный, исполненный благолепия и торжественности тон». Касаясь статьи Котляревского о Пушкине, критик заключал: «Тут Россия рассыпается, прогнившая крошится на кусочки, а академик Котляревский как застыл на позавчерашнем слове, так с места его не сдвинешь. И всю «Ириду» тоже. Вы бы, г-да академики и профессора, велеречивости и благолепию своим хотя бы на минуту изменили. Ну зарычали бы от боли, ведь больно же Вам?»¹⁰

«Ирида» — один из вестников грядущего литературного оживления», — говорилось в одном из цитированных выше отзывов¹¹. В том, что надеждам на это «оживление» не суждено было сбыться в обозримом будущем, можно убедиться, в частности, рассматривая дальнейшую судьбу «Ириды». 2-й номер газеты не вышел неделю спустя после первого. Какое-то время готовились к продолжению издания после летнего перерыва: «Библиографический еженедельник «Ирида» <...> приостановился на первом номере <...> Есть надежда на возобновление этого симпатичного начинания осенью»¹². Ко времени «после выхода первого *пробного* номера» «Ириды» относится заявление Фомина в Комиссариат печати Петроградской Трудовой Комму-

ны: «Желая в настоящее время приступить к дальнейшему изданию “Ириды” под моей ответственной редакцией, два раза в месяц, прошу выдать мне разрешение на возобновление ее выпуска. Издаваемая при участии многих профессоров “Ирида” ставит себе серьезные научно-литературные задачи, посвящена *исключительно* науке, литературе и искусству и *никаких политических известий печатать не будет*»¹³. Программные установки редактора, как видим, не изменились. Однако и осенью 1918 г. возобновить издание не удалось. Как пояснял создававшуюся ситуацию Фомин, «в момент выхода первого номера “Ириды” произошло большое повышение типографских цен и стоимости бумаги, вызвавшее кризис в издательстве и книжной торговле. Это не дало возможности продолжать издание “Ириды” <...>. Наступившие затем тяжелые условия жизни русской печати, прекращение частного книгоиздательства и книготорговли, создавшие застой русского книжного дела, не позволяли даже мечтать о возобновлении “Ириды”»¹⁴.

В архиве Фомина сохранились подборки текстов под рубриками «Набранное для № 2 “Ириды”» и «Рукописи, доставленные в редакцию “Ириды”»¹⁵. Это — десятки статей, множество рецензий и хроникальных материалов. В их числе — обзорные статьи «Новинки русской философии. Русская философия в 1917 году» И.И. Лапшина, «О героизме и театрах забвения (К итогам сезона)» Сергея Радлова, «Пути польской литературы» С. Сребрного, «О литературном успехе на Западе и в России» Вл. Б. Шкловского, «Фронтальная печать» М.Л. Слонимского, «Новейшая литература по истории раскола» С.Д. Балухатого, «Берлинские брошюры для русских военнопленных» В.В. Буша, «Смерть Цапая» (из повести «На лебяжьих озерах») А.П. Чапыгина, рецензии С.Н. Валка, С.А. Жебелева, А.И. Малеина, А.А. Шилова и др.

Повторная попытка воскресить «Ириду» относится к 1922 г., когда книгоиздательская деятельность стала понемногу налаживаться, — уже в облике литературного журнала (видимо, вследствие официального постановления от 21 ноября 1921 г.: «Издание газет частными лицами и организациями на территории РСФСР признавать недопустимым»¹⁶). В предисловии к первому номеру Фомин оповещал: «Изменение правовых условий русской печати, оживление издательства, наблюдаемый сейчас в обществе интерес к литературе, трудность осведомления о том, что делается и что печатается в этой области, побудили возобновить “Ириду”. Программа ее остается прежняя: основная задача ее — прийти на помощь обществу в его интересе к литературе <...>»¹⁷. В объявлении об учреждаемом жур-

нале говорилось: «В скором времени начнет выходить в Петрограде издаваемый “Наукой и Школой” и редактируемый А.Г. Фоминым литературный журнал “Ирида”, в котором принимают участие крупные литературные силы. “Ирида” будет посвящена исключительно литературе, науке и искусству и основной своей задачей ставит ознакомление общества со всеми значительными явлениями и новыми книгами в этих областях»¹⁸. Были подготовлены материалы для двух номеров, которые собирались с апреля по август 1922 г.¹⁹; в их числе — юбилейные статьи «Памяти Д.В. Григоровича (1822–1922)» А.Ф. Кони и «Тяжелый путь. К столетию рождения Ап. Григорьева» В.С. Спиридонова, статья о пролетарских писателях А.М. Редько («Необычная эстетика»), «Исповедь Ставрогина (Неизвестная глава «Бесов» Достоевского)» А.С. Долинина, «В.Г. Короленко (Эпизоды из воспоминаний)» К.Н. Боженко, речь на вечере памяти Короленко И.И. Горбунова-Посадова, статьи «Две души» С.Ф. Ольденбурга и «Музыка поэзии романтизма» Б.В. Саитова, многочисленные рецензии, хроникальные материалы и др. Что послужило основной причиной того, что «Ирида» в очередной раз не воплотилась, — «чрезвычайно трудные финансовые условия», о которых упоминал Фомин в редакторском предисловии²⁰, или усиливавшийся от года к году идеологический диктат, сказать трудно.

К тщательно сохраненному и систематизированному А.Г. Фоминым редакционному портфелю «Ириды» уже неоднократно обращались исследователи. Начало было положено публикацией рецензии Г.В. Никольской на книгу стихов Федора Сологуба «Свирель. Русские бержереты»²¹, за ней последовали публикации четырех рецензий Б.М. Эйхенбаума и его заметки об Опоязе (с приложением рецензии Б.В. Томашевского на книгу Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха»)²² и двух обзорных статей Л.Н. Лунца²³.

Ниже печатаются пять статей и рецензий (представляющих, на наш взгляд, и сегодня историко-литературный интерес), извлеченных из редакционного портфеля «Ириды» за 1918 г. (ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 124) и за 1920 г. (Там же. Ед. хр. 125).

I.

К. Мочульский

О русской поэтической речи
Сборники по теории поэтического языка
Выпуск первый 1916 г. Выпуск второй 1917 г. Петроград²⁴

Появление «Сборников» отвечает назревшей потребности нашего времени изучать форму художественных произведений. Старый предрассудок о раздельности формы и содержания в связи с полным пренебрежением к языку и техническим приемам поэзии, как словесного искусства, породил целую литературу идеологических, общественно-культурных и эстетических исследований. Абстрагированное «что» поэзии заслонило ее конкретное «как». В последнее время наука о поэзии перестраивается на новом, строго-научном основании, и можно с уверенностью утверждать, что ее метафизический и мифический периоды прошли. Теперь нас больше интересует, например, система образов и словесная инструментовка стихов Пушкина, чем «Образ Татьяны, как идеал русской женщины».

Статья Виктора Шкловского «О поэзии и заумном языке»²⁵ ценна как первая попытка осветить вопрос о «звукоречи». Долгое время стихи вроде «Дыр бул шыл убежур» Крученых были пугалом для обывателя и критика²⁶. Рядом любопытных примеров автор доказывает, что заумный язык, действующий непосредственно на эмоции воспринимающего, есть еще не осознанное языковое явление. Стихотворные — игровые присказки детей, заклинания, глоссолалия сектантов, любовь простого народа к непонятным словам Священного Писания, — все это достаточно свидетельствует об эмоциональной действенности звука, вне ассоциации с представлением. В поэтической речи эта действенность особенно очевидна. Работы А. Белого и В. Иванова, книга К. Бальмонта «Поэзия как волшебство»²⁷ указали на новые задачи науки о поэзии и тем отчасти предопределили путь «Сборников». Шкловский, справедливо отметив огромное значение звуковой стороны поэтической речи, впадает в крайность, провозглашая ее единственно существенной в поэзии. Его утверждению, что «стихи являются в душе поэта в виде звуковых пятен»²⁸, можно противопоставить свидетельства многих поэтов о ритмическом, эйдологическом и др. зарождении стихов. Впрочем, во второй статье²⁹ автор покидает свою крайнюю позицию и вводит в круг своего рассмотрения смысловые величины. Опровергнув «закон экономии творческих сил» Спенсера и Авенариуса и теорию Потетбни — Овсянико-Кули-

ковского об искусстве как мышленьи образами³⁰; резко отграничив язык «практический» от языка «поэтического», Шкловский полагает основой искусства прием «остранения» вещей, вырывающий их из автоматизма нашего восприятия и алгебраизма нашей прозаической речи. Этим приемом достигается виденье вещи, а не ее узнавание, т. е. оживление, «делание» ее. Поэтический язык всегда «затрудненная форма». Любовь современных поэтов (например, Клюева, Есенина, Северянина, Хлебникова) к диалектам, варваризмам и заумному языку — подтверждает эту мысль. Однако едва ли следует распространять понятие о «затрудненной форме» на ритм, ибо в таком случае этой формой пришлось бы признать ритм прозаической речи — более ломанный и сложный, чем ритм стихотворный³¹.

Большой стройностью и глубиной отличается работа Л. Якубинского «О звуках стихотворного языка»³². Разграничение между языком практическим и стихотворным, уже намеченное В. Шкловским, здесь строго и последовательно обосновано. Тезисами Л. Якубинского определяется направление всей работы участников «сборников», поэтому я позволю себе привести их: «В стихотворном языковом мышленьи звуки всплывают в светлое поле сознания; в связи с этим возникает эмоциональное к ним отношение, которое влечет установление известной зависимости между “содержанием” стихотворения и его звуками»³³. Вторая статья того же автора: «Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках»³⁴ подтверждает на основании конкретного материала сделанные им раньше теоретические выводы: практическая речь столь отлична от поэтической, что законы первой могут быть недействительными для второй. Например, прозаический язык не терпит скопления плавных, так как оно требует волевого усилия и нарушает привычный автоматизм, напротив, поэтический — постоянно оперирует со звуковыми повторами («сереброрунные стада») ³⁵. Вообще в поэзии наблюдается стремление к одной определенной тональности, к единому звуковому колориту. Этому вопросу посвящена третья работа Якубинского: «Осуществление звукового единообразия в творчестве Лермонтова»³⁶. Сравнивая черновые варианты стихотворений, автор доказывает, что в звуковом отношении строка заменяющая более единообразна, чем строка заменяемая. Этот любопытный прием может оказаться весьма плодотворным для критики текста, однако он требует больших оговорок и осторожности. Единообразие часто носит характер случайного и неорганического; едва ли правильно делать общий вывод на основании столь ограниченного материала.

Превосходная работа О. Брика «Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха)»³⁷ выделяется своим безукоризненным мето-

дом и крайне удачной классификацией звуковых явлений. Изучая фонетическую сторону стиха, автор не выдвигает ее в ущерб смысловой и образной. «Я думаю, — говорит он, — что элементы образного и звукового творчества существуют одновременно, а каждое отдельное произведение — равнодействующая этих двух устремлений»³⁸. Большим достижением О. Брика является открытие более общих эфонических законов (или, верней, тенденций) стиха, по отношению к которым рифма, ассонанс и аллитерация оказываются только частными случаями. Приведя обильное количество примеров (повторы двузвучные, трехзвучные и многозвучные, простые и многократные, прямые и обратные), автор правильно указывает, что лишь *расстановка* делает их поэтическими созвучьями. Таким образом он утверждает зависимость инструментовки от внешней формы стиха, его ритмической и логической (я сказал бы, синтаксической) структуры. От звука перебрасывается мост к ритму, слову, образу. Было бы, может быть, более плодотворным брать за единицу внешней формы не строку, а строфу, и тогда вариации созвучий не исчерпывались бы названными О. Бриком четырьмя фигурами³⁹.

Наименее удачными в «сборниках» представляются нам статьи Б. Кушнера: «О звуковой стороне поэтической речи»⁴⁰ и «Сонирующие аккорды»⁴¹. Автор начинает свою работу резким, но неубедительным отрицанием связи между искусством и его материалом⁴². Разнородность музыки и поэзии, на которой он справедливо настаивает, основывается, между прочим, и на различной природе материала: первая организует тонирующие комплексы звуков, вторая — сонирующие и притом *значимые*. Критерий классификации «линейных» и «строфных» аккордов, мотивированный ритмико-динамической впечатлительностью слушателя, шаток и ненадежен. Схемы Б. Кушнера произвольны и к подлинному звучанию стихов имеют лишь очень отдаленное отношение. Заявление об «изумительной стройности и красоте инструментовки»⁴³ опровергается наличием большого количества асимметрических и диссимметрических аккордов. «Оружие доказательств, — говорит Кушнер, — я поднимаю ради того только, чтобы не позволить в областях, где мною водружен флаг открытия и покорения (?), чужим хозяйничать, как в завоеванной стране»⁴⁴. О каких областях говорит автор? Не о тех ли, в которых уже давно развевается флаг А. Белого?⁴⁵

«Сборники» делают нужное и важное дело. Они не только разбирают «идолов» старой школы, но и кладут основы для новой науки о русской поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Библиография А.Г. Фомина / Составил П.Н. Берков. Л., 1931; Берков П.Н. А.Г. Фомин (1887 — 1939). Очерк жизни и научной деятельности. М., 1949; Фомин А.Г. Избранное / Составление, вступ. статья и примечания М.Д. Эльзона. М., 1975.

² Текст не подписан; авторство устанавливается по автографу Фомина в макете 1-го номера «Ириды» (ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 22–24об.).

³ Автограф Котляревского: Там же. Л. 19–20.

⁴ Ирида. 1918. № 1, 3 июня (21 мая). С. 3.

⁵ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 206–207.

⁶ Сум Н. Новые библиографические издания // Вестник культуры и свободы. 1918. № 1, июль. С. 76.

⁷ Новая газета. Веч. вып. 1918. № 43, 15 июля. С. 4 (рубрика «Книжная полка»).

⁸ Свободная жизнь. 1918. № 4, 5 июля. С. 3. Подпись: Книголюб.

⁹ «Новое предприятие (Еженедельник "Ирида")» // Вечерние новости. 1918. № 10, 5 июня (23 мая). С. 4.

¹⁰ Книжный угол. 1918. № 2. С. 23–24.

¹¹ Свободная жизнь. 1918. № 4, 5 июля. С. 3.

¹² Новый вечерний час. 1918. № 112, 12 июля. С. 4 (рубрика «Книги и писатели»).

¹³ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 18.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 125. Л. 3.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 124. Л. 101–293об.

¹⁶ Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 229.

¹⁷ Там же. С. 425.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 6.

¹⁹ См. вступительную статью Т.А. Кукушкиной к публикации обзоров Л.Н. Лунца (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 387).

²⁰ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 4.

²¹ См.: Неизвестная рецензия на книгу Ф. Сологуба «Свирель» / Вступ. заметка и публикация М.Д. Эльзона // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М., 1997. С. 431–432.

²² См.: Б.М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида» / Предисловие и публикация А.В. Лаврова // Эйхенбаумовские чтения: Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж, сентябрь 1998. Воронеж, 1998. С. 94–108; То же // Vademecum. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 201–213.

²³ См.: Лунц Л.Н. I. Посмертная литература о Блоке. II. Новые поэты / Публикация Т.А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 383–412. Те же статьи напечатаны по машинописным копиям из архива

Лунца (и без указания на ранее осуществленную их публикацию по тексту «Ириды») в кн.: *Луиц Л.Н.* Литературное наследие / Предисловие, комментарии, составление, подготовка текстов и указателя имен А.Л. Евстигнеевой. М., 2007. С. 328–339, 607–617.

²⁴ Ед. хр. 124. Л. 183–185. Беловой автограф. Над текстом — помета рукой А.Г. Фомина: «К.В. Мочульский». Подпись: К. Мочульский.

Константин Васильевич Мочульский (1892 — 1948), литературовед, литературный критик; выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1914), приват-доцент кафедры романской филологии историко-филологического факультета Петроградского университета (1917). В начале своей научной деятельности — филолог-романист, историк итальянской и французской литературы XVII–XVIII вв. В 1919 г. эмигрировал из Одессы в Болгарию, с 1922 г. — в Париже, преподаватель на русском отделении Сорбонны (1924 — 1941).

Об интересе Мочульского к проблеме поэтического языка свидетельствует написанная им в 1917 г. (видимо, несохранившаяся) статья о синтаксисе и стиле поэмы «Мцыри» (см. письмо Мочульского к В.М. Жирмунскому от 10 июля 1917 г. // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. С. 184). С докладом «Опыт формального анализа поэмы Лермонтова “Мцыри”» Мочульский выступил в Пушкинском кружке С.А. Венгерова при Петроградском университете (ср. замечание о Мочульском в письме Б.М. Эйхенбаума к В.М. Жирмунскому от 24 ноября 1917 г.: «Он читал мне работу о “Мцыри” — очень интересно!» // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 295. Публикация Н.А. Жирмунской и О.Б. Эйхенбаум).

²⁵ Сборники по теории поэтического языка. I. Пг., 1916. С. 1–15.

²⁶ Приведенные начальные строки заумного стихотворения А.Е. Крученых (в оригинале: «Дыр бул щыл // убешщур» // Крученых Алексей. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб., 2001. С. 55 («Новая Библиотека поэта». Малая серия)) Шкловский процитировал в своей статье (С. 2). См. статью Н.А. Богомолова «“Дыр бул щыл” в контексте эпохи» (Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 415–434).

²⁷ «Работы Андрея Белого, Вячеслава Иванова, статьи Бальмонта» упоминает Шкловский в подтверждение своего тезиса об «увлечении символистов звуковой стороной слова» (С. 15). «Поэзия как волшебство» — работа К. Бальмонта, выпущенная отдельным изданием (М.: Скорпион, 1915; на обл.: 1916); использована в статье Шкловского (С. 3–4).

²⁸ У Шкловского: «...мне кажется, что часто и стихи являются в душе поэта в виде звуковых пятен, не вылившихся в слово. Пятно то приближается, то удаляется и наконец высветляется, совпадая с созвучным словом» (С. 10).

²⁹ «Искусство как прием». 2-ой выпуск. — прим. К. Мочульского. См.: Сборники по теории поэтического языка. II. Пг., 1917. С. 3–14.

³⁰ В статье Шкловского использованы работы «Философия слога» Герберта Спенсера (в изложении Ал.Н. Веселовского: Собр. соч. Т. I. СПб., 1893), «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил» Рихарда Авенариу-

са (СПб., 1899), «Из записок по теории словесности» А.А. Потебни (Харьков, 1905), «Язык и искусство» Д.Н. Овсянико-Куликовского (СПб., 1895) и его же «Лирика как особый вид творчества» (Собр. соч. Т. VI. СПб., 1914). См. комментарии А.Ю. Галушкина в кн.: Шкловский Виктор. Гамбургский счет: Статьи — Воспоминания — Эссе (1914–1933). М., 1990. С. 489–490.

³¹ В заключительной части статьи «Искусство как прием» Шкловский, говоря о различии законов языка прозаического и поэтического, отмечает: «...ритм прозаический важен как фактор автоматизирующий. Но не таков ритм поэзии» (Сборники по теории поэтического языка. II. С. 13).

³² Сборники по теории поэтического языка. I. С. 16–30.

³³ Эти «главные выводы» приводятся в заключительной части статьи Якубинского (С. 30).

³⁴ Сборники по теории поэтического языка. II. С. 15–23.

³⁵ Цитатный пример скопления плавных (р) в стихотворении В.А. Жуковского «Две загадки» (2) из статьи Якубинского (С. 20).

³⁶ Там же. С. 63–70.

³⁷ Там же. С. 24–62.

³⁸ Сокращенная цитата (Там же. С. 25).

³⁹ Принимая за основу для квалификации звуковых повторов стихотворную строку, Брик выделяет четыре фигуры созвучий: *кольцо* («Основа в начале строки, повтор в конце той же или следующей строки»), *стык* («Основа в конце строки, повтор в начале следующей»), *скреп* («Основа в начале строки, повтор в начале следующей»), *концовка* («Основа в конце строки, повтор в конце следующей») (Там же. С. 49).

⁴⁰ Сборники по теории поэтического языка. I. С. 42–49.

⁴¹ Сборники по теории поэтического языка. II. С. 71–86. Статья имеет подзаголовок: «Ритмическое обоснование и классификация элементарных аккордных групп».

⁴² Развитие этих положений — в начале статьи «О звуковой стороне поэтической речи» (С. 42–43).

⁴³ Так оценивает Кушнер («О звуковой стороне поэтической речи») «инструментовку звуков *р* и *л*» в стихотворении Пушкина «Обвал» (С. 48).

⁴⁴ Сокращенная цитата из статьи «Сонирующие аккорды» (С. 73).

⁴⁵ Подразумеваются основополагающие труды по стиховедению в книге Андрея Белого «Символизм» (М., 1910). Кушнер неоднократно апеллирует к Белому в статье «Сонирующие аккорды» (С. 71, 72).

II.

А. Долинин

«ЭПОХА»
(Книга первая)¹

Наше прошлое, до революции, стало сказкой, и в минуты, когда душа слабеет в тоске и унынии, многие вспоминают о нем с нежной грустью. Для того, кто бывает в таком состоянии, задумана, по-видимому, эта книга. Так далека она от наших дней, что почти кажется стилизацией. Это ей не в укор, потому что оборванные нити должны быть связаны. Иначе какая же может быть культура? Но ее мысли и образы захватывают не сразу, и приходится сделать некоторое усилие, прежде чем начинаешь их переживать.

Вот статья А. Немова — «Цезарь в его записках»². Работа прекрасная. В ней серьезная сосредоточенность, умная, изящно сделанная попытка проникнуть в сложную психологию этого мирового победителя, одинаково чувствующего необъятные силы в себе и веяния рока над собою. Она тем более любопытна и ценна, по методу своему, что вся основана на анализе стиля и языка знакомых нам еще со школьной скамьи: «De bello gallico» и «De bello civili»³. Образ нарисован тонко и убедительно, и далекая классическая фигура оживает, бросая яркие лучи на всю эпоху. Однако тема характерна.

Тоже Miscellanea В. Брюсова — по-русски: «Смесь» разных изречений, отрывочных дум, нередко «банальных, но не пошлых»⁴. Они порою обвеяны легкой скорбью, несколько интимной. Это вольные мечтания, на досуге или в минуты усталости, поэта-теоретика, — плоды спокойной бледноватой фантазии, воплощенные в афоризмы не всегда смелые и достаточно отточенные. Изредка попадаются еще острые мысли в той части, где размышления касаются области, ему близкой, — вопросов теории художественного творчества. Но и за ними не всегда чувствуется долгий и упорный опыт: так, просто вспышки недремлющего ума, довольно безответственные.

И даже в статье вечно тревожного, теософического А. Белого — «Восток и Запад» — тоже чувствуется этот тон и характер сборника. В ней всеобъемлющие обобщения, захвачены в мистическом полете целые миры и культуры, широчайшими мазками начертаны их пути, как они стройно и по какому смыслу направлялись друг другу на смену, постепенно приближаясь к нашей эпохе, к ее трагическим взрывам, и наконец настолько вплотную придвинулись, что для более зорких стал уже явственно виден венец завершения предвечных начертаний Вселенского Духа. Но стоит снять с этой картины,

обнимающей космогонию и историю, туманный покров теософии, как заметно начинает выступать старина и слышатся знакомые голоса из «религиозно-философского общества» первой поры его бытия. Это все тот же дух Мережковского реет над нами, только нагретый до состояния кипения в пламенеющей душе бурного скифа⁵.

Еще резче сказывается особенность этого сборника в художественной его части. Она начинается отделом поэзии. По существу этот отдел удачен. Особенно хороши стихи А. Белого⁶. В нем новые смелые достижения в области ритмики, часто попадаются очень убедительные аллитерации и чудесные, захватывающие своей глубиной и неожиданностью образы. На высоте своих прежних достижений стоят и другие — Блок, Брюсов, Бунин. Но как характерны зато мотивы и степень напряженности каждого из них. Один только Белый в кипении мировых событий. Его пьесы «Современникам» и обращение к «А.М. Поццо» создают впечатление потрясающее. Блок ограничивается тремя маленькими вещицами: «Из жизни моего приятеля»⁷, милыми, легкими, изящными, не лишенными оттенка грусти. Бунин весь во власти тяжелых личных переживаний накануне «спуска в вечернюю долину»⁸. А Брюсов, по обыкновению строгий и холодный, сидит на своем Парнасе и стилизует классические мифы об Ариадне и Фесее⁹.

Тем более тусклой кажется художественная проза. В центре роман Ф. Сологуба: «Заклинательница змей». На нем явно печать усталости. Раньше его образы влекли к себе с какой-то неотразимой силой. В них было строгое и выдержанное самоутверждение духа, могуче проявлялась власть творческого «я» над тусклым бытом, над миром конкретной действительности¹⁰. Здесь же эта былая сила заметно ослабела, образы побледнели, разбавлена их густота. Мир внешний господствует над миром внутренним, «коснеющая во тьме жизнь» — над вымыслом, «сладостной легендой»¹¹. Сологуб скован, точно отяжелел под непривычным игом. Он хотел стать в последние годы прогрессивным общественным деятелем. И вот разворачиваются образы на основе борьбы между трудом и капиталом с нарочитым распределением света и тени в сугубо демократическом духе. Сила внутренняя, красота и гордость у босоногой работницы Веры; она и есть эта «заклинательница змей». Змеи же, Гореловы, представители капитала, наделены всяческими пороками, в особенности сын. Чужое, внешнее для Сологуба задание, и он покорно его выполняет. Роман тягуч, темп замедлен до того, что порою начинает просто раздражать. Очертание лиц бледное, часто неубедительное, сбивчивое. Только отдельные сцены попадают, еще прекрасные его прежней мрачной красотой; над ними носится облик вечного «мелкого беса»

низости и пошлости. Но и те в лучшем случае лишь на высоте прежних достижений. В общем Сологуб повторяет самого себя, соединяет разбитые куски своих же собственных образов, скрепляя их отвлеченной идеей общественного характера. Таков его роман, по крайней мере в первой его части, которая здесь напечатана¹².

Несколько удачнее, свободнее повесть М. Кузьмина <так!> — «Шелковый дождь». И здесь нужно преодолеть большую долю сопротивляемости прежде, чем войти в изощренно тонкий мир его молодого композитора Лугова. Он нам кажется теперь чуждым, этот мир. И, в сущности, так ничтожны его томления. Но художественное очарование достаточно сильно и довольно скоро увлекает читателя в его сферу. Зорек взгляд Кузьмина. Он светится мягкой иронией, оттого что грезит видениями иного, более жизнерадостного, более цельного и здорового мира. Эта ирония и спасает повесть от пошлости т<ак> н<азываемого> трагического конца.

Зато совсем плох рассказ В. Мозалевского — «Пантеистическая Полина»¹³. Он претенциозен, вычурно искусственен, создан с явным расчетом на эффектность. Нарочито неясны образы, их должен окутывать, совсем как у Сологуба в его лучших сказках, туман фантастики. Но не веришь ни образам его, ни их туманной бахrome — просто не убедительны.

Одна только сказка Ал. Толстого «Синица» с первых же слов обдает ярким светом радости. Пышет здоровьем нетронутой целизны — той поры, на ранней заре русской истории, когда у князя во дни его славы было сорок воинов, «северных наемников, горбоносых, вислоусых Руссов, побывавших не раз и под Царьградом»¹⁴. И город был не город, а «городище, обнесенное тыном, рвом и раскатами», а «на срубленных высоких избах торчали коньки, скворешни, черепа конские на журавлях»¹⁵. Так любовно, так радостно, а где нужно, так сочувственно согрето передает Ал. Толстой крепкобытовое той несложной жизни и так прекрасно согласовано с этим бытовым примитивно- сказочное на основе юной веры в переселение душ, что невольно применишь здесь такие слова: «вот он, черт, поет и орет во всю глотку, и ему в голову не приходит, что...» он здесь почти неуместен, что своим завидным здоровьем он только сильнее подчеркивает у соседей их мешки под глазами и весьма заметные морщины на лице.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ед. хр. 124. Л. 301–303. Беловой автограф с правкой. Над текстом — помета рукой А.Г. Фомина: «А.С. Долинин-Искоз». Подпись: А. Долинин.

Рецензия на альманах: «Эпоха». Книга первая. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1918. Книга вышла в свет в начале апреля 1918 г., вызвала около полутора десятков откликов в периодической печати (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 157).

Аркадий Семенович Долинин (нас. фам. Искоз; 1880 — 1968), историк русской литературы, литературный критик. См. о нем: Туниманов В. Дон Искоз // Долинин А.С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 3–30.

Рецензию на альманах «Эпоха» А. Долинин опубликовал в газете «Дело народа» (1918. № 81, 28 апреля). В ней имеются сходные оценки и формулировки (главным образом в характеристиках произведений М. Кузмина, В. Мозалевского, А.Н. Толстого), но в целом напечатанная рецензия существенно отличается от текста, представленного в «Ириду». В частности, в рецензии из «Дела народа» рассмотрению отдельных произведений, помещенных в альманахе, предшествует его общая аттестация: «Московский сборник «Эпоха» обвеян неким чудным спокойствием — тонким холодком потянуло с высот божественного Парнаса. Ничего, собственно, не случилось: не грохотали громы, не ломались молнии над головой и почва под ногами не колеблется — мы все те же, прежние искатели утонченностей, влюбленные в привычные токи жизни в знакомых, ясных, несколько унылых, но все же милых берегах».

² Название статьи А. Немова — «Цезарь в своих записках. (К психологии победителя)» (С. 233–249). А. Немов — псевдоним философа, публициста, критика Алексея Константиновича Топоркова (1882 — 1934).

³ Книги Гая Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне» («Commentarii de bello Gallico», 7 кн.) и «Записки о гражданской войне» («Commentarii de bello civili», 3 кн.).

⁴ О различении «пошлого» и «банального» идет речь в 8-й заметке из цикла Валерия Брюсова «Miscellanea» (С. 216–217).

⁵ В рецензии, помещенной в «Деле народа», Долинин, оценивая «Восток и Запад», отмечает, что творческая «напряженность» Андрея Белого «в последние годы войны и революции достигла, кажется, высшей точки».

⁶ В «Эпохе» опубликованы стихотворения Андрея Белого «Современникам», «Глухой зимы глухие ураганы...» (с посвящением А.М. Поццо), «Карма» (С. 7–13).

⁷ Из цикла Блока «Жизнь моего приятеля» в альманахе помещены стихотворения «Когда невзначай в воскресенье...», «Все свершилось по писаньям...», «Поглядите, вот бессильный...» (С. 14–16).

⁸ В «Эпохе» опубликованы стихотворения И.А. Бунина «Могила», «Август», «Настанет ночь моя, ночь долгая, немая...» (С. 23–25). Формулировка «спуск в “вечернюю долину”» — в исследовании Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900–1902) — ч. 1, гл. 2. См.: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / Издание подготовила Е.А. Андрущенко. М., 2000. С. 25 («Литературные памятники»).

⁹ В «Эпохе» двухчастный стихотворный цикл Брюсова «Ариадна» («I. Жалоба Феся», «II. Венец Ариадны») сопровождается авторской интерпретацией греческого мифа в развернутом примечании (С. 17–22). Характеризуя стихотворный раздел альманаха, Долинин обошел вниманием опубликованные в нем пять стихотворений В. Ропшина-Савинкова и три стихотворения Владислава Ходасевича.

¹⁰ Ср. общую оценку творчества Федора Сологуба в рецензии Долинина из «Дела народа»: «В образах Сологуба была некая давящая, покоряющая сила: тяжелые, однобоко образованные, отягченные смрадными парами внутри кипящего хаоса томительных страстей, они с упорством каким-то притягивали к себе, влекли с болезненной настойчивостью человека, одержимого неотступными видениями. <...> Все его творчество до последнего времени было строгим и выдержанным самоутверждением духа, его я, над материей, над миром внешним». Развернутый анализ творчества Сологуба Долинин ранее предпринял в статье «Отрешенный. (К психологии творчества Ф. Сологуба)» (Заветы. 1913. № 7. Отд. III. С. 55–85). См.: Долинин А.С. Достоевский и другие. С. 419–451.

¹¹ Обыгрываются начальные строки романа Ф. Сологуба «Творимая легенда» (ч. 1, гл. 1): «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из нее сладостную легенду <...>. Косней во тьме, тусклая, бытовая <...>» (Сологуб Федор. Творимая легенда. Кн. 1. М., 1991. С. 7).

¹² В полном объеме роман «Заклинательница змей» был выпущен отдельным изданием в декабре 1921 г. (Пб.: Эпоха, 1921).

¹³ Название рассказа прозаика Виктора Ивановича Мозалевского (1889–1970) — «Пантеистичная Полина».

¹⁴ Неточная цитата (С. 151). Ср. в позднейшей редакции: Толстой Алексей. Собр. соч. В 10 т. М., 1960. Т. 8. С. 113.

¹⁵ Неточная цитата (С. 151).

III.

А. Рашковская

БЕЛЛЕТРИСТИКА «ДОМА ИСКУССТВ»¹

О вновь усиливающемся реалистическом течении говорят все три помещенные в № 2 журнала «Дом Искусств» произведения — Е. Замятина, Б. Пильняка и Н. Никитина².

Этот реализм знает Чехова, Бунина, он идет дальше, по уже проложенному ими пути — приближению к разговорной речи, с одной стороны, к бесстеснительному воспроизведению самого грубого житейского — с другой. Но этот новый реализм пережил также символизм. И от него отношение к языку, к звукам речи, — как к самоцели, желание убедить читателя этими звуками. Отсюда сложно инструментованная речь и открывание новых возможностей стиля.

В современной художественной литературе существует некий процесс неприятия и отталкивания от явлений современности, не только ввне выраженных, но и психологических, тех, что в истоках творческой энергии; время наше одичалое, железное, корявое, а преобладающая форма литературы — лирика, и лирика в большинстве случаев изысканная, тонкая и уводящая от железной и злой действительности. Реализм — возвращает искания к путям жизни. А жизнь диктует — эпос. Ибо революции подобает отраженной быть в эпосе. И кусок желанного и прекрасного эпоса — творчество Б. Пильняка, в частности отрывок из романа «Голый Год»³.

Даже по этому отрывку видно: Пильняк мастер «больших полотен». Нет у него характерной для современной прозы — мозаичной, тонкой и кропотливой работы израсходования творческой энергии на отделку деталей, так что при хороших отдельных достижениях в целом механическая скрепленная вещь. Развертывается он широко, рисует вольными, большими мазками. Ткань рассказа у него плотная, мускулистая, сжатая (так характерны эти броские, лишённые эпитетов мазки: «Степь. Пустота. Холод. Голод» или «Ночь. Падают, падает снег. Гудят провода. Гудит ветер. Трепещут огни костров»⁴). Об архитектонике романа невозможно судить по небольшому отрывку, но все же умение косматый, разрозненный материал дать как органическое целое — чувствуется, и хорошо проведен прием рефрена — повторения отдельных фраз и периодов, чем достигается нагнетание впечатления.

Образы и картины громоздит он почти хаотично и тесно, так что одно упирается или даже находит на другое — сказать надо ему много, и оттого благородная эта скупость слов и отрывистое строение фразы — а лирике нет места.

«Поезд номер пятьдесят седьмой смешанный» — батальная картина, без выделенной линии сюжета, без выдвинутых или затушенных фигур. Автор здесь только наблюдатель. А видит он зорко и небрезгливо и, кажется, все виденное заносит и не делает отбора. У него почти нарочитая грубость, действующая невыносимо, но все же веришь ему: так нужно. И, может быть, потом, в исторической перспективе покажется его повествование каким-то сконденсированным театром ужасов — мы, современники, знаем: это не театр ужасов — это «быт».

Если Пильняк видит много и широко, — Е. Замятин обладает даром малое разлагать на очень сложное и многообразное. В рассказе его «Ловец человеков» маленький и узкий мирок — рассмотрен как бы под микроскопом с очень своеобразными и очень увеличивающими стеклами. Он в зрении задерживает каждое движение (в точном и прямом смысле) и разлагает его и только так дает читателю: вот шаги как зачертил (именно чертит он): «каждым шагом делая одолжение тротуару, сплюснутый монументик вышлепывал лапами, на секунду привинчиваясь к одному пьедесталу, к другому, к третьему: тротуар был проинтегрирован<ный> — от дома до церкви ряд пьедесталов»⁵. И интересно здесь не только то, что это метко, зло и остро, но то, как даже невещественное (движение) передает он рядом конкретных вполне образов. И весь рассказ под знаком конкретизации: вот улыбка: «на губах занавесь легчайшего и все же непрозрачного розового шелку»⁶. Вот небо: «черное небо над Лондоном треснуло на кусочки: белые треугольники, безмолвный геометрический бред прожоторов»⁷.

И оттого, что пишет он так, точно чертит и доказывает, и оттого, что так сжаты его фразы (он даже глаголов избегает, и характерный для него знак — двоеточие — вместо соединительных и потому лишенных вещественности слов), — в рассказе душно — нет легкого поэтического воздуха.

Чувствуется в нем сухость математика расчисляющего. И это хорошо, когда рисует неживой механический современный город и даже живое и органическое (как небо в вышеприведенной цитате или человека — «чугунный монументик»⁸) уподобляет механическому. Он так и говорит: «механические, заводные мальчишки»⁹. Или о городе ряд математических и механических образов: «И вот выметенный мгновенной чумой опустелый, гулкий, геометрический город: безмолвные купола, пирамиды, окружности, дуги, башни, зубцы»¹⁰. Замятин и не скрывает это: для него обычен эпитет: «геометрический», естественно употребить такое, казалось бы, слишком точное

выражение, как «перпендикулярно», такое специальное, как «принтегрированный».

Композиция сюжета у Замятина слабее выразительной его композиции фразы. Все напряжение действия в конце — и это, и самый характер фабулы приближается к типу анекдота. Есть некоторое неоправданное раздвоение сюжета (мистер Крагтс и его приключение и миссис Лори и Бэйли).

В конце рассказа вообще нет ясности и четкости, и прием, которым автор, оборвав нить, возвращается назад, не подходит к маленькому рассказу — это прием интересный и возможный лишь в романе.

Третий рассказ — Н. Никитина «Мокей». Впечатление от него определяется невыносимым чувством скуки, мешающим отнестись с объективным вниманием к произведению. А в рассказе есть хорошее и, главное, свежий и своеобразный язык, умение живой вести диалог. Однако, слишком чувствуется работа и измышление у Никитина, и читатель всегда на роли зрителя, любующегося замысловатым узором, но недоумевающего, в чем же в сущности дело? Настороженность автора, его мучительное старание избежать обычного, шаблонного образа передается читателю. Строение новеллы у Н. Никитина какое-то калейдоскопическое, сложное из маленьких частиц — целое. Явно у него пренебрежение к сюжету — он загроможден — поэтому нет четкости в рассказе и нет эмоционального единства — внимание неохотно обращается к его образам — он не умеет заинтересовать.

Тема Н. Никитина взята современная, но очень узкий к ней подход: виден только центральный образ Мокея — сделанный довольно выпукло.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ед. хр. 125. Л. 55–58 об. Беловой автограф с редакторской правкой. Печатается с учетом редакторской правки. Над текстом — помета рукой А.Г. Фомина: «А. Рашковская». Подпись: А. Рашковская.

Отзыв об издании: Дом Искусств. № 2. Пб., 1921. Помимо упоминаемых в тексте произведений, в журнале были помещены: стихотворения Ал. Блока («Пушкинскому Дому»), И. Одоевцевой («Лунная поэма»), В. Зоргенфрея, Вл. Пяста, Георгия Иванова, Надежды Павлович, Всеволода Рождественского, Ивана Ерошина, Н. Оцуца, Серг. Нельдихена, Мих. Козырева; статьи Игоря Глебова (Б.В. Асафьева), Юрия Анненкова, Н. Радлова, А. Горнфельда, Андрея Оля; библиография; хроника.

Августа Натановна Рашковская (1898 — 1988) — литературный критик. Дочь публициста Н.С. Рашковского; окончила филологический факультет Ленинградского университета (1924); печаталась с 1921 г. (статья «Мотивы поэзии Александра Бло-

ка» // Вестник литературы. 1921. № 8). См. о ней: Писатели Ленинграда. Биобиблиографический справочник. 1934–1981 / Авторы-составители В. Бахтин и А. Лурье. Л., 1982. С. 260.

² Рассматриваются рассказ Евг. Замятина «Ловец человеков» (С. 3–14), «Поезд № пятьдесят седьмой смешанный» (Отрывок из романа «Голый год») Б. Пильняка (С. 36–43), рассказ Ник. Никитина «Мокей» (С. 23–30).

³ В полном объеме роман «Голый год» был опубликован отдельным изданием (Пб.; М.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922). Фрагмент, напечатанный в «Доме Искусств», в доработанном виде вошел в главу V (фрагмент «Часть третья триптиха, самая темная»); см.: Пильняк Б.А. Собр. соч. В 6 т. М., 2003. Т. 1. С. 141–154.

⁴ Дом Искусств. № 2. С. 39, 43.

⁵ Цитата из гл. 4 (Там же. С. 6).

⁶ Неточная цитата из гл. 2 (Там же. С. 4).

⁷ Неточная цитата из гл. 6 (Там же. С. 11).

⁸ Повторяющийся образ: гл. 3, 6 (Там же. С. 6, 12).

⁹ Цитата из гл. 6 (Там же. С. 11).

¹⁰ Цитата из гл. 6 (Там же. С. 11).

IV.

А. Рашковская

В. ЗОРГЕНФРЕЙ. СТРАСТНАЯ СУББОТА.

Изд. «Время». Пгр. 1922¹

В маленькой книжке стихи с 1904 по 1921 г. В стихах — один душевный тон. В темах нет разнообразия. В формах нет новшеств. Почти нет красок. Голос тихий. Говорит о смерти. Но дышат живую жизнью строгие строки этой книги. Чудесная книга. В ней глубина и искренность сочетается с большим и сложным искусством — поэзии. Все говорит об углубленности и страстном сгорании — оттого один тон. Зоргенфрей ярко выраженный тип — однодума, — оттого — одна тема. Сжатость и сдержанность — его характерные черты: [три стихотворения — цикл «Лилит» — это его любовная лирика — это его отношение к женщине; в первом — полное экстатическое почти настроение и только проходит тень предчувствия:

И только эти траурные птицы
Над озером. О чем они опять?²

Во второе врезывается еще чуть осязаемая ирония.

Я целую плащ узорный
И державное кольцо
И усмешкою покорной
Освещается лицо³.

Не сказал — улыбкой. «Усмешка» — это и горько и презрительно.
В третьем стихотворении — конец:

Ну простимся... радость недолгая
Солнце ночи — моя Лилит.
И в этом же стихотворении:
Легок путь без счастья и ревности⁴.

Ему радостней не быть.] Его поэзия — поэзия ущерба, отрицания, небытия. Его ощущение жизни выражается через отрицательные образы —

«... И не страшно, не нужно, не жаль».
«Тайны неба не раскрыты,

Знаки звезд не сочтены».
«А уж над сетью невских вод,
Где тишь: ни шелеста, ни звука»...
«Безрадостна доля вторая,
Безвестна, бездумна, бедна»...⁵

Его обычные эпитеты, даже о живущем, даже о любимом — все от смерти.

... мертвящим изваянием обиды
... у мертвенных чисел
... и за тобою смертная черта
... незыблемым и мертвенным законам
... нет и мертвым сердцем
... и станешь у смертных ступеней.

Все яркое, все многокрасочное в мире он не замечает, его образы проходят серой тенью; для него характерен также эпитет «слепой», даже о заре, даже о вьюге:

«В зеркала свинцово-синие
Слепо смотрится заря».
«Поздняя вьюга стучала
Сослепу в дверь и в окно»⁶.

Но зато образы звуковые проведены у него разнообразно и напряженно-эмоционально:

«вьюга стучала», «еще скрежещет старый мир»⁷,
«Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче.
Ярче взвивается плащ и тревожнее дробь кастаньет»⁸.

Если отчетливо вырисовывается творческий путь — крестный путь — от Прекрасной Дамы до «Ночных Часов» А. Блока⁹, в чьей несомненной и пленительной власти В. Зоргенфрей, то у этого последнего такого пути не было. У него не было радужного периода Прекрасной Дамы. Он начал с песен о кладбище. Его цветок — это бессмертник — цветок могил. Он не воздвигал храма — он сразу полюбил храм разрушенный. В первой части книги В. Зоргенфрей смутно намекает на причины этого трагического и зловещего восприятия мира —

«ныне верю, что камни живы
и живые мертвы сердца»,
«Между мной и ликующим миром
Никогда не поблекнет тень»...¹⁰

Во второй части «Милосердной дороги»¹¹ настойчиво звучит мотив — второй жизни — здесь на земле, когда откроется тайна этой «скудной и тесной жизни»¹². И эти торжественные в сущности темы поэт облакает в чудесно-обыкновенные слова. [И он знает тайну этих простых, рыдающих звуков, от которых сжимается сердце:

«В дощатые стены сарая
Пустынная бьется весна».
В углу за поленницей ржавой
Скребется голодная мышь»¹³.]

Он умеет без навязчивости и нарочитости переливать самые возвышенные строки в гротескные узоры, как в стихотворениях «Вот и все. Конец венчает дело» и «Над Невой».

Поэтическое развитие В. Зоргенфрея — все в этой книжке, то юное, несовершенное, что часто преподносится в виде целых книг, о которых потом вспоминают с улыбкой, у него сжато в нескольких юношеских стихотворениях, и видишь, какой в сущности огромный путь творческих достижений был пройден, сравнивая ранние его стихи, хотя бы о «разрушенном храме»¹⁴, с таким удивительным по мысли и по силе образов, как «Земля».

Стойкостью душевной, стойкостью мастера — обладает тот, кто на протяжении многих лет из глубин к небу прорывал свой трудный путь. Сколько прошло мимолетных увлечений, недолгих поэтических мод, сколько отскрипало и погасло поэтических звезд, — за время, когда создавалась эта тихая и значительная книга — книга истинной поэзии [— разве этого мало?]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ед. хр. 125. Л. 87–89. Беловой автограф. Намеченные редакторские сокращения обозначены квадратными скобками. Над текстом — помета рукой А.Г. Фомина: «А. Рашковская». Подпись: А. Рашковская.

Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882–1938, расстрелян) — поэт, переводчик. «Страстная суббота» — единственный сборник его оригинальных стихотворений; переиздан в кн.: Зоргенфрей В. Страстная суббота: Стихи, воспоминания,

переводы / Составитель, автор вступ. статьи и примечаний А.А. Шелаева. СПб., 2014.

Подробнее см.: Чертков Л.Н. В. А. Зоргенфрей — спутник Блока // Русская филология. II сборник научных студенческих работ. Тарту, 1967. С. 113–139; Шелаева А.А. Петербургский литератор Вильгельм Зоргенфрей // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 254–263; Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к В.А. Зоргенфрею // Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 292–315.

² Неточно цитируются заключительные строки стихотворения «В пределы предначертанного круга...» (Зоргенфрей В. Страстная суббота. Стихи. Пб.: Время, 1922. С. 33. Далее указываются страницы по этому изданию).

³ Строфа из стихотворения «Летний сумрак славит Бога...» (С. 34).

⁴ Цитаты из стихотворения «Руки жмут еще кольца колкие...» (С. 35).

⁵ Подборка цитат из стихотворений «Горестней сердца прибой и бессильные мысли короче...» (С. 39), «Мертвым» (С. 20), «Еще скрежещет старый мир...» (С. 51), «Пытал на глухом бездорожьи...» (С. 43).

⁶ Цитаты из стихотворений «Декабрь» (С. 25) и «Сердце еще не разбилось...» (С. 19).

⁷ Начальная строка стихотворения (С. 51).

⁸ Начальные строки стихотворения (С. 38).

⁹ «Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908–1910)» Александра Блока (М.: Мусагет, 1911).

¹⁰ Цитаты из стихотворения «Я стучался в сердца людские...» (С. 15).

¹¹ «Милосердная дорога» — второй раздел «Страстной субботы» (первый — «Кладбище»).

¹² Обыгрываются строки из стихотворения «Пытал на глухом бездорожьи...»: «Нет, к жизни и скудной и тесной // Создатель его воскресил» (С. 43).

¹³ Цитаты из того же стихотворения (С. 43–44).

¹⁴ Подразумевается стихотворение «Из мрамора, звящего победно...» (С. 18).

V.

М.К. Клеман

ГЕОРГИЙ МАСЛОВ. АВРОРА. ПОЭМА.
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ Ю. ТЫНЯНОВА
Рисунки А. Божерянова. Изд. «Картонный домик». Пб., 1922¹

Безвременно умерший талантливый молодой поэт и начинающий ученый Г.Вл. Маслов умел сочетать в себе бесстрастный анализ исследователя с творческим синтезом художника. Его первые студенческие рефераты², иногда, казалось бы, узкие и сухие по теме, увлекали живым изложением, поражали остроумными догадками, брошенными вскользь блестящими замечаниями. Как поэт, он сознательно старался возродить традиции пушкинской поры:

...я не верю нашей критике
И модных не терплю стихов,
Люблю старинные пиитики,
Где царство нимф и пастухов³.

Его стихи, строгие и отчетливые по форме, осуществляли то, к чему он приходил как теоретик, как исследователь литературы. В сильной степени проявляется эта черта в опубликованной ныне поэме его «Аврора». Тема ее — трагическая судьба известной красавицы 20–30 годов прошлого столетия Авроры Карловны Шернваль, опыт ее «стихового портрета».

Четкая и выдержанная по плану поэма эта граничит порой с историко-литературным рефератом. Здесь крылась для поэта опасность — впасть в холодную антикварность. Нужна большая сила убедительности, чтобы придать стилизованному стихотворению жизненность. У Маслова такая <сила> убеждения была. Он не только изучил хорошо поэтов 20-х годов — он сжился с ними, прошлое казалось ему временами чем-то реально ощущаемым. [«Недалек он был от чувственного обмана: вдруг встретит на площади или у набережной — Пушкина»⁴.]

Эту живость и реальность ощущения прошлого поэт сумел передать читателю. Героиня представляется поэту живым лицом:

...не с седыми волосами
Ты появлялась предо мной,
В обыкновенной черной раме
В соседстве с милой стариной.
Я не забуду наши встречи...⁵

Он не рисует ее со стороны — сдержанная эмоциональная окраска проникает всю поэму.

Попытка в формах возобновить оставленную традицию не кажется искусственной реставрацией старых приемов. Стиль поэтов пушкинской поры как-то тонко сплавляется с приемами вчерашнего дня, разрабатывается на новом фоне — и здесь поэт проявил высокое чувство меры — не бросаются в глаза, не кажутся невозможными анахронизмами даже такие строки, как —

И мысль — молитва об Авроре,
Как расцветающий миндаль⁶.

Традиционные эпитеты получают у него вновь полную значимость, затрудненные ритмические ходы тревожат и волнуют нас, но не выдаются, не кажутся искусственными, вполне естественным и внутренне необходимым кажется синтаксический строй — кое-где резко стилизованный — например, короткие отрывистые фразы в повествовательных частях:

Одна любовь его отрада.
Но офицеру выше долг.
Окончен отпуск. Ехать надо.
Границу переходит полк⁷.

Г. Маслов сумел сделать из историко-литературной темы поэтическое произведение. Его стихи, овеянные поэзией Боратынского и Гютчева, трогают нас. Старая традиция воскрешает в них новой жизнью.

Небольшая вступительная статья Ю. Тынянова дает краткую характеристику поэта и необходимый исторический комментарий к поэме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ед. хр. 125. Л. 90–91. Беловой автограф. В квадратных скобках — редакторская купюра. Над текстом — помета рукой А.Г. Фомина: «М.К. Клеман». Подпись: А. Т.

Михаил Карлович Клеман (1897 — 1942) — выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета (1922); впоследствии историк русской и французской литературы XIX в. См.: Берков П. Михаил Карлович Клеман // Литературное наследство. Т. 76. И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967. С. 745–748.

Георгий Владимирович Маслов (1895 — 1920) — поэт, литературовед-пушкинист. Служил рядовым в армии адмирала А.В. Колчака, умер от тифа 15 марта 1920 г. при отступлении армии на восток в Красноярске. Поэма «Аврора» впервые была напечатана

в омской газете «Заря» 30 мая 1919 г., повторно — в харбинском журнале «Русское Обозрение» (1921. № 3/4, март–апрель. С. 1–3). Фототипически воспроизведена по отдельному изданию с добавлением раздела «Несобранные произведения Г. Маслова» Г.П. Струве с его предисловием («К биографии Г.В. Маслова») и комментарием в кн.: Струве Глеб. К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов. Berkeley, 1979. С. 97–177.

Вступительная статья Ю.Н. Тынянова «Георгий Маслов» перепечатана в кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 136–138, 450–453 (комментарии М.О. Чудаковой с подробными биографическими сведениями о Маслове). Дополнительные сведения о Маслове см. в сообщении В.А. Злобина, записанном Ю.П. Иваском (Богомоллов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 503–504).

П. Комаров, рецензент отдельного издания «Авроры», сообщает, что поэма, будучи опубликованной в «Заре», «в жестокое время гражданской войны <...> не была достаточно оценена». Он же пишет об ее авторе — «пушкинском мечтателе»: «Георгий Маслов стоял спиной к будущему, к революции. Его взгляд был прикован к пушкинской эпохе, в которой он духовно жил наперекор действительности... <...> поэма «Аврора» вызовет известный к себе интерес. Под ее простотой скрыто своеобразное мироощущение, хотя от нее и веет холодом одинокого пути поэта навстречу Авроре при бесстрастном свете зимнего солнца» (Сибирские огни. 1922. № 5. С. 187). Поэтесса Вера Клюева (см. о ней: Соболев А.Л. Летейская библиотека. Биографические очерки. М., 2013. С. 162–173) в своей рецензии также приветствовала издание «Авроры»: «План ее кристально чист и стих по-старинному четок. Но поэма не стилизация. Автор настолько сжился с эпохой, что слишком явственно ощущает ее. Легкость и простота старых ритмов зачаровывают читателя. Вся поэма производит впечатление холодного чистого родника в лесу» (Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 92).

² Маслов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета в 1913 г., где активно участвовал в работе Пушкинского семинария С.А. Венгерова. О его докладах, сделанных в 1915 г., см. в комментариях М.О. Чудаковой в кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 451.

³ Эти строки из «Послания к другу» Маслова приводит Тынянов в своей вступительной статье, отмечая: «Возврат к Пушкину был в нем и органичен и сознателен» (Там же. С. 137). Стихотворение было опубликовано в газете «Сибирская речь» (1919. № 33, 1/14 февраля); первая из цитированных строк: «Но я не верю нашей критике» (см.: Богомоллов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 194).

⁴ Неточная цитата из статьи Тынянова «Георгий Маслов» (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 136).

⁵ Маслов Георгий. Аврора. С. 28.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 27.

ПИСЬМА НОКИ

*Статья, подготовка текста и комментарии
В.В. Нехотина (Россия, Москва)*

Хранящиеся в РГАЛИ письма Нины Хабиас (Оболенской) к Б.А.Садовскому, адресованные в Нижний Новгород и подписанные кружковым псевдонимом «Ноки», фигурируют в архивной описи под неточным названием «Письма Иоки [Хабиас Нины]», неверно указаны также их количество («3 п., 5 л.», тогда как на самом деле этих писем четыре) и крайние даты («12–18 декабря 1927», хотя приписка к последнему письму помечена 19 декабря)¹.

Согласно служебной помете, эти письма были выявлены в составе единицы хранения «Письма родных и знакомых [Садовского] с неразборчивыми подписями» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 248а): «Л. 69, 70, 71, 72, 73. Иоки — псевдоним (один из) Нины Хабиас. С. Шумихин. 17.10.2002».

Концептуально важный фрагмент письма от 14 декабря о «книжечке», то есть «Стихеттах» (от «Сегодня, там, в Академии, мне сказала дама...» и по «...скажите мне поскорее, как на самом деле, только правду, прошу Вас») вскоре был опубликован².

Причины появления неточности в описании не вполне очевидны, поскольку подпись «Ноки» под припиской, датированной 19 декабря, совершенно отчетлива. Кроме того, Ноки не раз упоминается в корпусе писем будущей (с 1929 г.) и последней жены Садовского Надежды Ивановны Воскобойниковой³ (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 175): «Сейчас получила от Ноки открытку» (Л. 9), «... м.б. зайду и к Ноки» (Л. 15), «Письма Раскольников я возьму у Ноки, она говорит, что они у нее, а не у Анны Ипп<олитовны>⁴» (Л. 21), «На днях была под перекрестным огнем бабушки и Ноки. Ноки мне пишет и хотела меня видеть... В субботу Ноки уехала к Анне Ипп<олитовне> отдыхать» (Л. 43) и т.д. Наконец, достаточно давно издана шуточная «романтическая эпопея» Садовского «Нэти», среди персонажей которой — «Китаец-поэтесса Ноки»⁵.

В ноябре — декабре 1927 г. Садовской гостил у А.И. Худяковой в Петровском-Разумовском. При его проводах домой, в Нижний Новгород, на Курском вокзале был украден чемодан Садовского («Какое несчастье!»). «Факт пропажи чемодана» и лег в основу «Нэти», сочиненной им сразу же по возвращении из Москвы и посвященной

А.И. Худяковой. Помимо прочего, «Письма Ноки» уточняют датировки событий, описываемых в этой шуточной поэме.

Бурное увлечение Ноки Садовским взаимности не встретило и особого развития не получило, хотя еще в январе 1928 г. племянница Садовского С.А. Богодурова (в то время жена Н.Н. Минаева) сообщила дяде: «Нина Петр. все страдает по тебе, после нас венчайтесь⁶-ка и вы, честным пирком да за свадебку!» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 133. Л. 3).

Еще одно, позднейшее письмо к Садовскому (образующее самостоятельную единицу хранения) подписано уже не Ноки, а Н. Оболенской и носит достаточно сухой характер — хотя не исключено, что двум упоминаемым в нем стихотворениям Фета отводилась роль поэтического послания адресату.

<1>

Петровское 12/ХІІ 27⁷

О, не было, не было Вашей верной собаки китайской около!
О, дорогой, о милая тонкая рука, какая печаль! Какое несчастье! А в это время китайская собака смотрела на часы, писала письмо и плакала...

Китайская собака смотрела бы на чемодан, китайская собака почуяла б врага.

[Теперь — зачеркнуто] Завтра пошлет иное письмо!

Очень нежный шлет привет

Ноки

<2>

12/ХІІ 27 Москва⁸

Как быстро сегодня ушел день, если б Вы знали.

Как бежит, потеряв голову, стрелка к восьми часам, о Борис Александрович. Вы сейчас, когда я пишу это забавное письмо, еще в Петровском, в желтой комнате⁹. Стены и окно, и желтые шторы еще слышат Ваш голос, для меня это почти навсегда потеряно. Мне сегодня совсем невыносимо двигаться, и улицы, дома, и заборы, машины и крики кажутся нетерпимо громкими: мне трудно дышать, и я ощущаю каждый вздох, точно он комок, точно он предмет. О, Вы уехали, Вы уехали, я говорю это вслух и смотрю на часы. Еще нет восьми, но

не все ли равно! Уже есть расстояние, уже есть версты, и ночью лягут поля покрытые снегом, станции, платформы, замороженная проволока столбов. Я смогу говорить Вам с утра до утра, и Вы ничего мне не ответите, даже пустяк, какое-нибудь злое слово, ничего.

И дальше дни, и вечера, и недели, и месяцы, и день за днем будет итти моя память Вас, и исчезать в расстоянии. Может быть я Вас увижу, и Вы мне что-нибудь скажете, конечно небольшое, почти ничего не значущее, но все-таки так может случиться, что я еще увижу Вас, неправда ли.

Может быть, теперь, в Нижнем, Вы не будете ко мне злы, и жестоки, и пришлете мне несколько простых строчек, о, совсем простых — так, о доме, о Вашей комнате, о книгах, о здоровье, о том, вечер или утро, когда вы отвечаете мне.

Быть может, Вы скажете мне, что я китайская собака, и что волосы я мажу постным маслом, и некрасиво выгляжу, и слишком выстрижен затылок.

Но, что бы Вы не сказали — все хорошо, пусть злое, отчего сердце бы мое сжалось, я все-таки буду улыбаться, читая, и потом думая о Вас.

Если б я могла еще раз побыть около Вас, совсем немного, совсем чуть-чуть, я посмотрела бы еще немного на Вас, может быть дотронулась до Вашей руки, всего один маленький раз. Вероятно, Вы улыбаетесь читая мои слова, и говорите что-нибудь о псине...

Ноки — китайская собака

<3>

14/XII 27 Москва¹⁰

В тот вечер, вечер Вашего отъезда я приехала в Академию. Знали ли Анна Ипполитовна, что мне нетерпимо будет провести вечер и ночь в Москве, что ощущения пустоты и острой тоски о Вашем отъезде, будут меня душить — не знаю, только она сказала мне — приезжайте, и после того, как отошел Ваш поезд, я поехала. Мне необходимо было видеть эту комнату, пустое кресло, мне нужно было прислушиваться и не слышать Ваш голос, чтобы пришло настоящее ощущение потери, отъезда, невозможности Вас видеть. Сегодня к вечеру я вернулась в город. Два дня я пробыла с Вами, хоть Вы были далеко и совсем не помнили меня, два дня я могла быть в желтой комнате, пустой, потерявшей очарование и теплоту Вашего присутствия, потерявшей остроту и обаяние ума, чрезвычайности, всего того, чем веяло от Вас, от малейшего Вашего жеста, движения, слова. О, Борис Александрович, Вас нет, нет, и это взаправду и на самом деле! Вы улыбаетесь?

Пусть, пусть, мне все равно, мне совсем не стыдно, что мои строки вызывают у Вас улыбку, что они забавляют Вас, может быть, Вам станет скучно и ненужно читать, и тогда вы отложите в сторону это маленькое и жалкое письмо, пусть так!

Сегодня, там, в Академии, мне сказала дама: «Думаете ли Вы, что Б.А. Вас понимает на самом деле?» И я ответила: «Не предполагаю, что вполне». И тогда дама сказала: «Я думаю, совсем не понимает. Он полагает, что Вы — эротоманка». Я смотрела на даму и чувствовала, как холод и дрожь бегали у меня в мозгу и как у горла дрожало тоненькое кольцо какой-то острой, щемящей боли. Почему Вы этого мне не сказали? Как могли Вы так подумать? Прочтя книжечку? Где, в чем Вы увидели эту гнусность? Как можете Вы не понимать мой невероятный аскетизм в жизни, как Вы, при Вашей тонкости, можете его не чувствовать? Ну, да, в книжечке, и тех стихах было озорство, было желание показать, что все можно в 21 году, все перевернуто, и все пошло к черту, все опрокинулось за годы поганой революции и что я, вот, говорю это вам с эстрады, с листиков белой бумаги. Ведь, ни одного стихотворения, не вызывающего чувство отвратности, там не было, как ни одного, способного возбудить чувственность! И на основании этого «эротоманка»? Какое убожество! Какая «публика». «О, Господи. Ответьте же мне, ответьте», ибо я падаю, и сердце мое, маленькое сердце, сжавшееся в кольцо, раскалывается от тоски и разочарования. Вы все понимаете, Вы не можете так ошибаться и так говорить, иначе что же это такое? Иначе же — обман, такая плоскость! Такая пошлятина! Если бы Вы были здесь, я упала бы на колени и умоляла Вас сказать и ответить мне поскорее, сейчас я должна еще ждать, ждать дни и ночи, и, начиная день, вспоминать, что Вы так подумали. О, будьте немного милосердны ко мне, дорогой Вы, и скажите мне поскорее, как на самом деле, только правду, прошу Вас.

Боже ты мой, мне ничего от Вас не надо, ничего не надо, говорю я Вам, и кричу на все версты до самого Новгорода. И, я просто умираю от расстояния, от того, что Вы особенны, от того внутреннего обаяния, которое тянется от Вас, от Ваших мыслей, слов, от Вашего понимания, проникновения. Вы мне смертельно дороги, и я знаю, что это безразлично и ненужно Вам и все-таки это так, я знаю, что, что бы Вы мне не сказали — я все прийму, и от всего мне будет радостно и тепло, ибо это исходит от Вашего существа. Я знаю, что с того момента, когда я пришла в эту желтую комнату, мне стало иначе жить, и у меня опрокинулось сердце от ощущения потери. И чем дальше шли встречи, тем я, нелепая и смешная, все более и более терзала Вас. Мне ничего не надо, я ничего не жду, я ничего не хочу, я только буду без-

мерно рада получить от Вас маленькое слово, пусть злое и жестокое, и в ответ я низко, низко поклонюсь Вам.

В пятницу¹¹ я опять поеду в Академию.
До свиданья, мой дорогой и такой далекий.

Ноки

P.S.¹²

<4>

18/ХІІ 27 Москва¹³

О, какое плоское понимание вещей, какая нарочитая деревянность! Какое сладостное желание бросить мне в лицо злое, жесткое и непременно гнусное! Возьмите себе обратно, в Ваш Нижний, в Ваш дом, в свою комнату, в корзинку под письменный стол четверостишие присланное в письме к Анне Ипполитовне для меня! О, злобный сатана! Черт! Черт! Да, тысячи раз дьявол. Ложь, лживый, ханжа! Ложь все. Вы не понимаете меня так, нет, ни минуты, я это знаю, — и Вы пишете такие гнусные слова, «хнычет», «мещанка»¹⁴. Как наивно и просто я выразила Вам свое сожаление и как, нелепо, злобно из ханжеской берлоги Вы ответили мне! Мне ли объяснять Вам? До чего нелепа эта злоба, эта чертовщина! Ну, да, на Вас были эти малиновая рубашка и пояс, и чашка, рукописи Ваши, и то, что Вы везли с собой, может быть не ценное в смысле стоимости, но милое и теплое Вашему сердцу, и от того, что это потерялось — мне было жаль, простой досадой и сердечным простым теплом. И я непосредственно так написала Вам. И, как Вы это приняли! Анна Ипполитовна читает мне по телефону, и я смеюсь, смеюсь без конца. Я думаю, что сойду с ума сегодня от тоски и злобы. Да если бы Вы потеряли маленькую кисточку Вашего пояса, или страницу своей рукописи — я так же бы пошла ее искать по саду, по городу, по верстам... И Вы это не понимаете? И Вы на это пишете мне нелепое, отвратительное четверостишие? И это все, что Вы хотите мне сказать? Невозможный по злобе человек! Какая <пошлость? — нрзб.>, какое жалкое удовольствие — посылать мне грубости. Как я счастлива, что Бог меня сделал такою, что, что бы я не слышала — моему существу никак не свойственна никакая гнусность и мещанство, и все подобное летит от меня прочь к пославшему.

19/ХІІ 27 г. *Спиридоновка д. № 6. кв. 5*¹⁵

Прошла эта ночь. Я плохо спала. Очень нарядный, прохладный день. Вас все равно нет, нет. Я так же думаю о Вас, так же скучаю о Вас, как будто бы ничего не было. Не правда ли, забавно, что бы Вы

мне не сказали — я все прийму и улыбнусь в ответ. Боже мой, какая пустота, как невыразимо хочу видеть Вас.

Ноки.

<5>

[Июнь 1930 г.]¹⁶

Прошлым летом, вечером сидя у окна в Рублеве¹⁷, Вы говорили о Фете и читали его стихи.

И было два особенно замечательных, отмеченных Вами. В одном «об отошедшем брате — звезда». В другом — «были гости, ты шутила, лгала, ты утомлена»¹⁸ — Фет перед нами. Ищем, ищем — не можем найти этих 2-х стихотворений. Помогите, пожалуйста, милый Борис Александрович, как найти, в каком томе, стран<ица>, название.

Вот и сегодня искали, я вспоминала, и нам очень хотелось этих стихов, решила обратиться к такому знатоку как Вы.

С уважением

Н. Оболенская

Адрес: Москва 8 СХТА Тимирязевский проезд д. 8/10 А.И. Худяковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 248а. Л. 69–73.

² Серпинская Н.Я. Флирт с жизнью (Мемуары интеллигентки двух эпох) / Сост., предисл. и коммент. С.В. Шумихина. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 314, прим. 25.

³ Это та самая «Воскобойникова Надежда Ивановна, 32 лет, вдова подъесаула» (на 1917 г.), которая была старшей медицинской сестрой лазарета Вырубовой, одной из ее «самых близких и доверенных лиц» и ближайшей конфиденткой императрицы Александры (см. детальнее: Смирнов С.Б. Роман с разведкой: Интернет-расследование. М., 2014).

⁴ А.И. Худякова (урожд. Громека; 1881–1969), знакомая Садовского как минимум с 1904 г., см. ее письма к нему (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 88а) и датированную 1903 г. фотографию (Там же. Ед. хр. 260. Л. 24); с 1910 г. жена физиолога, профессора Тимирязевской сельхозакадемии Н.Н. Худякова (1866–1927), хозяйка литературного салона, с середины 1920-х собиравшегося на квартире Худяковых в Петровском-Разумовском, в 9-м корпусе ТСХА (см. о нем: Сборник научных работ и воспоминаний, посвященных памяти профессора Николая Николаевича Худякова. М., 1929 (Известия ТСХА. 1928. № 3); Баязин В.Н. Профессор Александр Чайнов. М.: Агропромиздат, 1990. С. 169–170).

⁵ Относящиеся к Хабиас-Ноки фрагменты см.: Оболенская (Хабиас) Н.П. Собрание стихотворений. М.: Совпадение, 1997. С. 28–29; полностью текст «Нэти»: Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. С. 374–393.

⁶ Слово крайне неразборчиво, прочтение вытекает из контекста этого (от 14 января 1928 г.) и смежных писем С. Богодуровой, где обсуждается возможность ее венчания с Минаевым, на котором настаивал Садовской.

⁷ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 248а. Л. 69. Написано карандашом на листке линованной бумаги.

⁸ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 248а. Л. 70–70об.

⁹ Ср. в поэме «Нэти»:

На вилле у прелестной Нэти
 Все вкуса тонкого полно.
 В ее никитинском буфете
 Есть драгоценное вино
 Из лоз профессора Бабенки
 И славный шилловский коньяк.
 Как жар блестят под желтый лак
 Отполированные стенки.
 Везде порядок, чистота.
 Хоть есть звонок, но дверь открыта
 И никому не заперта.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 248а. Л. 71–72об.

¹¹ То есть 16 декабря 1927 г.

¹² Постскрипtum остался ненаписанным.

¹³ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 248а. Л. 73–73об. Это письмо написано карандашом.

¹⁴ Это четверостишие неизвестно. Ср. у Л.В. Горнунга: «Читателя отталкивал от прозы Садовского его неуместный эротизм, смахивающий на цензурное изложение своих переживаний. Полностью его талант на этом поприще проявился, когда его оставила жена Татьяна Владимировна Звенигородская, сестра князя Андрея. Тут он, взбешенный ее уходом, и написал совершенно непристойную поэму. В ней с грубым цинизмом он рассказывал о самых интимных переживаниях, которые он испытал во время краткого супружества с ней. Изложение было настолько вольным, что читать было невозможно, но это не остановило обозленного и оставленного супруга, и он этот опус разослал всем своим знакомым, не заботясь о доброй славе женщины, которая пожалела его убогость и посвятила уходу за ним свое время. Причина ухода Татьяны Владимировны была невозможность удовлетворять недозволенные причуды его, приобретенные им в различных домах терпимости вместе с дурной болезнью» (Цит. по: Архиппов Е. Рассыпанный стеклярус. М., 2016. Т. II. С. 250).

¹⁵ Это тот самый дом, в котором в январе 1904 г. прожил две недели Блок; владелец квартиры не установлен. Вероятнее, впрочем, что на деле речь идет об имевшей

(по состоянию на 1930 г.) подозрительно схожий адрес «Спиридоньевская ул., Ермолаевский п., 6, кв. 7» квартире знакомого Хабиас, профессора Тимирязевской академии В.С. Буткевича — то ли уплотненного (в 1914–1917 гг. его адрес выглядел просто «Ермолаевский 6»), то ли снявшего для Ноки соседнюю квартиру.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед.хр. 152 (Письмо Н.Оболенской Б.Садовскому). Открытка, на лицевой стороне реклама «Государственное сельскохозяйственное издательство «Новая деревня»; адресована: Нижний Новгород, ул. Тихоновская, д. 27.

¹⁷ По всей видимости, та же дача инженера К.К. Барсова, на которой Б.А. Садовский и А.И. Худякова жили в 1927–1928 гг. (см.: Минаев Н.Н. Нежнее неба: Собрание стихотворений / Сост., и послесловие и коммент. А.Л. Соболева. М.: Водолей, 2014. С. 600, 729).

¹⁸ Стихотворение А.А. Фета «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» (1851) со строкой: «В дальней звезде отгадал бы отбывшего брата!», и «На двойном стекле узоры...» (1847), в котором есть строки:

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес...

Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

ТАЙНА 1937 ГОДА

Идеологемы десталинизации в советской периодике 1938 г.

В 1920-х гг. В.Б. Шкловский стремился создать теорию журнала как литературной формы: «Журнал может существовать теперь только как своеобразная литературная форма. Он должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи»¹. А.Ю. Галушкин в комментарии приводит также характерный отрывок из другой статьи Шкловского, напечатанной в журнале «На литературном посту»: «Прежде журналы отличались, главным образом, по своим политическим установкам. Сейчас, в условиях существования одной партии, они должны отличаться по ориентации на разного читателя, по свойству самого литературного материала и по тематике»². Шкловский, как ему и положено, сводил исследование журналистского текста к исследованию поэтики и о многом недоговаривал.

В условиях тоталитарного социума журналистский текст — прежде всего, газета — не просто литературная форма, а носитель официального послания всемогущей и всепроникающей власти, которое транслируется в центральной «Правде», вслед за ней — в других СМИ, которое затем повторяется в частных разговорах и т.д. Обозначая этот идеологический комплекс термином «публичная культура» («искусство, музыка, литература, кино, драму, публичные чтения, радио и многое другое»), Дж. Брукс выделял в качестве наиболее показательной именно прессу, «партийную газету “Правду”, которую коммунисты 20-х годов уподобляли по влиянию и авторитету Библии, правительственную газету “Известия”»³. В пьесе Н.Р. Эрдмана «Мандат» (премьера 1925 г.) «старорежимная» Надежда Петровна на вопрос сына, «что, по-вашему, есть картина?», отвечает: «Откуда мне знать, Павлуша, я газет не читаю»⁴. Остап Бендер в «Великом комбинаторе» И. Ильфа и Е. Петрова (первом варианте «Золотого тельца», 1929 г.), изрекает: «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте. Они никому не нужны»⁵. И разъясняет экипажу «Антилопы» свое политкорректное и вместе с тем мудрое суждение: «Теперь я ясно вижу, что попал в общество некультурных людей. Начинаю думать, что никто из вас не получил высшего образования. Во всяком случае, газет вы не читаете. Между тем газеты

читать нужно. Кроме общего развития, газеты часто подают гражданам идеи!»⁶.

Соответственно, задача данной статьи — рассмотреть газету «Правда» за январь 1938 г. как нечто целое, которое поддерживается «связью» отдельных частей (Виктор Шкловский) и которое «подает гражданам идеи» (Остап Бендер).

В качестве доминирующей темы для январской «Правды» 1938 г. следует назвать торжественное начало работы такого государственного органа, как Верховный Совет СССР. Этот новый институт предполагался пресловутой Сталинской конституцией, выборы прошли 12 декабря 1937 г.

Редакционная статья от 13 января 1938 г. «Высший орган власти страны социализма» провозглашала:

Вчера в Кремле открылась первая Сессия Верховного Совета СССР, избранного волей всего советского народа на основе всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании.
<...> Живет и действует советский парламент <...>.

Основная идея статьи выражается в акцентировании универсальных демократических ценностей («всеобщие, равные и прямые выборы при тайном голосовании») и в несвойственном советской идеологии отождествлении Верховного Совета с подозрительно-буржуазным «парламентом». Мотив «демократизации» развивается на протяжении всего месяца, публикуются фотографии и речи депутатов, а депутат А.А. Жданов (Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома, секретарь ЦК) — при заслушивании Верховным Советом В.М. Молотова — отчет главы правительства одобрил, но высказал и принципиальные замечания.

А вот 17 января «Правда» заявляет другую тему, весьма неожиданную, которой суждено остаться сквозной для всего месяца. Застрельщиком выступил М.Е. Кольцов. В фельетоне «О лжеразоблачителях и клеветниках» (С. 2) он, используя отличительный прием жанра — апелляция к «факту, письму <читателей>»⁷, гневно атакует практику незаконного преследования честных членов партии. Журналист приводит выношенную классификацию инициаторов подобных преследований. Их три типа: 1) «метатель копий», который в определенной степени бескорыстно занимается доношением на коллег; 2) «карьерист», тот, кто строит на «разоблачениях» карьеру; 3) «перестраховщик, трус, бездушный антипартийный, антисоветский бюрократ». Автор приводит конкретные факты — слу-

чаи ложных разоблачений и клеветы, губительных для честных коммунистов. В финале фельетон тонко примиряется с базовыми идеями «большого террора», который ведь никто не останавливал:

Наркомвнудел безошибочно добирается до всех тех, кто, вместо честной помощи советской разведке, пробует создавать путаницу, напускать тумана, оклеветывать, лишать работы неповинных ни в чем людей. Клеветников, злостных карьеристов он рассматривает как ненавистников советского строя. И правильно делает.

Рассмотрение январской подборки номеров «Правды» — если кто-то сомневался — доказывает, что выступление Кольцова не было самоубийственным протестом против «ежовщины». 18 января печатается статья «За что исключали из партии». Автор — Н.А. Токарев, в 1937–1938 гг. главный редактор «Сталинградской правды»; композиция та же, что в фельетоне Кольцова — обличение «лжеразоблачителях и клеветниках», которое иллюстрируется примерами из жизни; автор — редактор региональной газеты и примеры тоже региональные, сталинградские.

Интрига разрешается 19 января: в «Правде» публикуется Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». С докладом на этом Пленуме выступал Г.М. Маленков (в 1936 г. сменивший Н.И. Ежова в должности заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК). Проницательный соглядатай М.М. Пришвин, фиксируя реакцию общества, сопоставил Постановление январского пленума — по его идеологическим последствиям — со знаменитой статьей И.В. Сталина «Головокружение от успехов»: «“Постановление” (историческое), второе “головокружение”... Как и тогда, тоже некоторые глупо рады, некоторые глупо погибнут за “перегиб”»⁸. Действительно, знаменитая статья генсека «Головокружение от успехов» некогда осудила «перегибы» коллективизации в разгар коллективизации.

Пленум сообщал:

Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких

к тому оснований, врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии.

Пленум считает, что:

<...> среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены *отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях* (так! — М.О.) *против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии* (акцентирующий курсив «Правды» — М.О.). <...> Такой карьерист-коммунист, желая выслужиться, без всякого разбора разводит панику насчет врагов народа и с злостью вопит на партсобраниях об исключении членов партии из партии на каком-нибудь формальном основании или вовсе без основания.

Поражает вывод:

Пленум ЦК ВКП(б) требует от всех партийных организаций и их руководителей всемерного повышения большевистской бдительности партийных масс, разоблачения и выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов партии.

Поражает и обращение «бдительности», освящавшей практику «большого террора», теперь против тех, кто «бдит» неправильно; поражает и молитвословная аллюзия — «вольных и невольных».

Самое захватывающее в Постановлении Пленума ЦК — использование идеологом «репрессии» (описание недолжного) и «реабилитация» (восстановление должного), которые в годы «оттепели» станут основой для десталинизации.

Постановление, намекая — вслед за Кольцовым — на тождественность действий «лжеразоблачителей и клеветников» с действиями врагов народа, снова прибегает к термину «репрессии»:

<...> многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить *искусно замаскировавшегося врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии — это во-первых, — и, во-вторых, стремящегося путем*

проведения мер репрессий, — перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах (курсив «Правды» — М.О.) <...> Такой замаскированный враг — гнусный двурушник — всячески стремится создать в парторганизациях обстановку излишней подозрительности, при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно обвиняют в отсутствии бдительности и в связях с врагами народа⁹.

А вот и «реабилитация». В результативной части имеется седьмой пункт, который содержит требование:

Обязать партийные организации <...> полностью реабилитировать этих членов партии и публиковать в печати свои постановления в тех случаях, когда предварительно в печати были помещены дискредитирующие члена партии материалы.

Публикация постановления — подобно фельетону Кольцова — поддерживается и развивается другими январскими материалами. В том же номере от 19 января выходит в свет редакционная статья «По-большевистски выполнить решения Пленума Сталинского Центрального Комитета». Здесь — вслед за Кольцовым — «репрессии» и «реабилитация» адаптируются к «большому террору». Оказывается, работа партии по реализации сталинского призыва на февральско-мартовском Пленуме 1937 г. «о ликвидации идиотской болезни — беспечности, о повышении бдительности», который собственно вычеканил «террористическую» идеологию того времени, «была бы большей, если бы не ошибки партийных организаций в ходе очищения своих рядов от агентов фашизма». Другими словами, ложная «бдительность» прямо враждебна истинной.

Передовица в номере от 22 января «Решения Пленума ЦК ВКП(б) делать достоянием каждого коммуниста» напоминает, что Пленум подверг критике «грубейшие извращения принципов большевизма, имевшие место в партийных организациях при решении вопросов об исключении из партии». И далее: в номере от 25 января — редакционная статья «Большевистская бдительность»; в номере от 26 января — «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!»; в номере от 29 января — статья «О большевистской бдительности и чуткости»: очевидно, актуальность уменьшилась, статья помещена на второй странице, но зато автор — А.С. Щербаков,

в ту пору — секретарь Иркутского обкома партии, в будущем один из ближайших к Сталину политиков.

В исторической перспективе пристального рассмотрения требует редакционная статья «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!» от 26 января, поскольку, дополняя Постановление Пленума ЦК ВКП(б), специально занимается идеологемой «реабилитация».

Термин «реабилитация», которому была уготована столь блистательная будущность после смерти Сталина, в российском и советском праве влачил жалкое, маргинальное существование. Если, например, во Франции этот термин обозначал «восстановление в правах» или «официальное восстановление репутации», то в отечественной традиции он не был востребован и никогда не был ясно описан. Толкование сводилось к отождествлению с официальными терминами: реабилитация обозначала «снятие судимости» или «отмену обвинительного приговора в результате возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам». Позднее этот термин — опять же по аналогии — ассоциировался с восстановлением репутации, а потому имел специфическое хождение в партийной среде. В этом качестве и был актуализирован в Постановлении и в редакционной статье¹⁰.

26 января «Правда» констатировала:

Партийные руководители, рядовые члены партии стараются осмыслить те ошибки, на которые с такой прямоотой и резкостью указал в своем постановлении Пленум ЦК. Все мысли направлены к тому, чтобы в кратчайший срок исправить ошибки, допущенные при исключении коммунистов из партии, чтобы в кратчайший срок устранить формально-бюрократическое отношение к апелляциям исключенных. Начинается практическая работа по осуществлению решений Пленума. Задача прежде всего в том, чтобы восстановить в партийных рядах товарищей, незаслуженно исключенных из партии стараниями карьеристов, усердствующих перестраховщиков и замаскированных врагов.

Статья подчеркивала:

Пленум сурово осудил тех партийных руководителей, которые «наивно считают, что исправление ошибок в отношении неправильно исключенных может подорвать авторитет партии

и повредить делу разоблачения врагов народа, не понимая, что каждый случай неправильного исключения из партии — на руку врагам партии».

Полужирным шрифтом выделено:

Коммунист, неправильно исключенный, оклеветанный, а затем восстановленный, должен возвращаться в свою партийную семью как равноправный член партийной организации.

Анонимный автор возмущен:

Во многих партийных организациях утвердилась неправильная, вредная практика, когда исключенных из ВКП(б) немедленно снимали с работы. Пленум ЦК подверг суровому осуждению такое отношение к исключенным.

В статье содержался призыв к советским журналистам:

Наиболее ловкие карьеристы и пройдохи сумели использовать в клеветнических целях и газеты. Немало невинных людей оказались оклеветанными и на страницах газет. Подчас достаточно было оказаться партийцу исключенным по ложному доносу из партии, как его немедленно же безответственно шельмовали в газете. <...> Если человека неправильно, легкомысленно или ошибочно ошельмовали в газете, значит надо столь же громко и ясно заявить о том, что человек не виновен.

Достоинно внимания, что призыв к газетам «громко и ясно заявить о том, что человек не виновен» напоминает о восстановлении репутации, то есть о классическом толковании реабилитации⁴⁴.

Пикантность Постановления январского Пленума «Сталинского Центрального Комитета», как и всей газетой кампании, заключается в том, что все это происходило не до и не после, а на самом пике репрессий — позади масштабные процессы 1936 и 1937 гг., впереди уже маячит бухаринский процесс.

Литераторы неосталинистской ориентации буквально понимают решения Пленума, интерпретируя их как борьбу Сталина и Жданова с эксцессами «большого террора». По их мнению, осенью 1937 г. Жданов был направлен Сталиным для организации «чисток» в Башкирию; там он пришел к выводу, что из-за размаха репрессий возможна

дезорганизация промышленности, и в этом духе составил несколько записок на имя Сталина; Сталин заинтересовался его выводами и поручил подготовить проект решений ЦК об ограничении репрессивной практики; в январе 1938 г. Жданов внес решение «Об ответственности прокуроров за необоснованный арест специалистов», призванное прекратить избиение НКВД директорского корпуса, но ведомство Ежова игнорировало постановление ЦК¹².

Специалисты по политической подоплеке «большого террора» — в их числе историк А.В. Антонов-Овсеенко — считают, что Пленум готовил снятие Наркома внутренних дел Н.И. Ежова и его замену на Л.П. Берия, тогдашнего первого секретаря ЦК КП(б) Грузии, Закавказского крайкома ВКП(б)¹³.

С этой точки зрения, замечателен еще один пассаж в статье:

Партия очищала, очищает и будет очищать свои ряды от тайных и явных врагов и их приспешников. Однако к этой огромной очистительной работе поспешили примазаться шкурники и карьеристы, старавшиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, старавшиеся на этом прослыть бдительными партийцами. Рука об руку со шкурниками и карьеристами действовали и замаскированные враги, которые, крича о бдительности и требуя исключения ни в чем не повинных людей, заматаивали собственные следы, прикрывали показной, фальшивой бдительностью собственные преступления.

Допустив, что «шкурники и карьеристы» — намек на команду Ежова, можно выдвинуть гипотезу о тогдашней политической актуализации термина «реабилитация».

С точки зрения же газетной поэтики, не исключено, что тема прекращения «репрессий» и «реабилитации» удачно вторила ведущей теме «демократизации», заданной информацией о созыве Верховного Совета.

В любом случае бесспорно: идеологемы «репрессий» и «реабилитации», оглашенные в разгар сталинского террора, были позднее перекодированы и задействованы Л.П. Берией и Н.С. Хрущевым для пропагандистского обоснования десталинизации:

<...> пропагандистская схема, утвержденная докладом Хрущева на XX съезде КПСС, — результат довольно длительных поисков, которые были инициированы группой высших партийных функционеров, пришедших к власти в марте 1953 года.

<...> По инициативе Берия в качестве пропагандистского клише был утвержден термин *реабилитация*, соотносившийся с терминами *революционная законность* и *репрессии*. При этом термин *репрессии* осмыслялся как «нарушения революционной законности», ну а термин *реабилитация* — как «восстановление революционной законности». Берия так и не дождался полной реализации своих идей в печати. Его идеи сумел использовать позже Хрущев¹⁴.

Хрущев в легендарном докладе «О культе личности и его последствиях» (1956 г.) скупно, но прямо указал на Постановление январского Пленума как на источник программы десталинизации:

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы. Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году¹⁵.

Первый секретарь ЦК не стремился ни к источниковедческой корректности, ни к тонким аллюзиям на пропагандистский тезаурус 1938 г. (ср. у Кольцова и других тирады против «клеветников и карьеристов»). Очевидно, он лишь стремился исправить сталинские «извращения» сталинскими же средствами, идеологически испытанными и вызывающими смутные позитивные ассоциации у депутатов съезда. Разумеется, переадресованными и скорректированными по обстоятельствам. Рыться в архивной пыли не было надобности: Постановление январского Пленума 1938 г. было заблаговременно опубликовано в официальном партийном издании¹⁶.

Анализ парадоксальных сближений идеологом десталинизации с периодикой 1938 г. позволяет поставить вопрос и о такой тайне отечественной историографии, как идеологема «1937 год». Может показаться, что 1937 год — вообще не идеологема, а хронологически адекватное обозначение «большого террора». Однако историки давно пришли к заключению, что это не так и террор далеко не ограничивался одним годом. В частности, Хрущев в докладе справедливо датирует «практику массовых репрессий» «периодом (1935–1937–1938 гг.)»¹⁷.

И все-таки именно в докладе «О культе личности и его последствиях» присутствует счастливое выражение, которое, видимо, предопределило чеканку таинственной идеологемы:

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года, и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? <...> Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать¹⁸.

Хрущев отнюдь не превращал «1937 год» в символ и, напротив, призывал не сводить «большой террор» к событиям 1937 г., что перекладывало бы вину на исполнителя Ежова и автоматически оправдывало Сталина. Но формула «извращения 1937 года» оказалась эффективнее формулы «период (1935–1937–1938 гг.)» и — хотя оспаривается автором доклада — в качестве идеологемы комфортно суммирует хрущевское послание съезду. Возможно, противоречивые условия формирования идеологемы «1937 год» объясняют то обстоятельство, что она — в отличие от «репрессий» и «реабилитация» — имела не столько официальное, сколько устное хождение, будучи свойственно интеллигентскому обиходу.

Закономерно, что символическая формула «1937 года» также восходит к январской «Правде» 1938 г.

Идеологической квинтэссенцией «правдинского» текста за январь 1938 г. следует считать речь А.А. Жданова на «торжественно-траурном заседании, посвященном четырнадцатой годовщине со дня смерти В.И. Ленина», которая была произнесена в Большом Театре 21 января 1938 г. и напечатана 28 января.

Пространная речь состояла из нескольких разделов. Финальный и самый пафосный озаглавлен «Быть деятелем ленинско-сталинского типа». В нем Жданов вернулся к мотивам Пленума, «клеветникам» и «карьеристам»:

<...> решение последнего Пленума ЦК партии об исправлении ошибок, допущенных партийными организациями при исключении из партии и при разборе апелляций исключенных, является прекрасным уроком того, какими политическими деятелями мы должны быть. В этом решении Центральный

Комитет партии указывает, какую тонкую подрывную работу может проводить враг, пользуясь слепотой, доверчивостью и благодушием многих коммунистов, как он умеет опорачивать честных партийцев, клеветать на них, подводя их под исключение из партии и по всякого рода формальным мотивам. Это решение Центрально Комитета со сталинской мудростью и прозорливостью указывает еще на один тип работников, который имеет известное распространение в наших рядах — на тип карьериста, пытающегося выслужиться на исключениях из партии и действующего на руку врагу, ибо они озлобляют и отталкивают от партии людей.

Тут все ясно. Однако другой раздел речи — «До конца выкорчем врагов народа» — одновременно содержал риторически-навязчивую апологию террора, броско сформулированную как «уроки последних лет, и в особенности 1937 года»:

1937 год был годом разгрома троцкистских, бухаринских и иных шпионов, разведчиков, диверсантов и убийц, пробравшихся в наши ряды. <...> 1937 год войдет в историю выполнения ленинских заветов и предначертаний как год разгрома врагов народа. <...> 1937 год войдет в историю как год вооружения против наиболее хитрых и коварных методов борьбы врагов народа. 1937 год войдет в историю как год, когда наша партия нанесла сокрушительный удар врагам всех мастей, когда наша партия стала крепкой и сильной в борьбе с врагами народа, добившись этого благодаря укреплению нашей советской разведки во главе с Н.И. Ежовым.

Сама мысль согласовать осуждение «репрессий» и призывы «реабилитировать» с логикой террора не оригинальна и постоянно повторяется в январских материалах «Правды». Но оригинален акцент на 1937 годе как символе «укрепления нашей советской разведки во главе с Н.И. Ежовым». Вождям «оттепели» оставалось заимствовать из авторитетной речи Жданова дату «1937 год» в качестве идеологемы (тем более, партия осудила Ежова еще в 1939 г.), поменять «плюс» на «минус», добавить броское словечко «извращения» (ср. в статье от 22 января 1938 г. «грубейшие извращения принципов большевизма, имевшие место в партийных организациях при решении вопросов об исключении из партии») — и готово: «Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года...».

В порядке почти психоаналитической информации к размышлениям: речь Жданова увидела свет в номере от 28 января, а 29 января на первой полосе «Правды» был помещен портрет Хрущева и лаконичное сообщение о том, что Пленум ЦК КП(б)У освободил С.В. Косиора и «избрал исполняющим обязанности первого секретаря ЦК КП(б)У тов. Хрущева Н.С.». Действительно, в январе 1938 г. Косиор — член Политбюро и генеральный (потом — первый) секретарь ЦК украинской компартии (1928–1938) — был переведен в Москву, назначен заместителем Председателя Совнаркома и Председателем Комиссии советского контроля при Совнаркоме, а в мае того же года арестован и затем расстрелян. Напротив, Хрущев стал Первым секретарем и кандидатом в члены Политбюро. Такое не забывается. И при разговоре об «извращениях 1937 года» Хрущев ведь вспомнил именно случай Косиора.

Наконец, трудно не обратить внимание на фельетон Кольцова «Кормушка» (30 января), не имеющий отношения ни к теме «демократизации», ни к «репрессиям» и «реабилитации», но содержащий сигнал о «факте» (по Шкловскому) — неоправданно высоком гонораре, который получил Б.Я. Бухштаб за издание А.А. Фета в «Библиотеке поэта». Если соотнести «Кормушку», закрывающую «правдинский» январь 1938 г., с фельетоном того же автора «О лжеразоблачителях и клеветниках», открывается своего рода игривая кольцевая композиция, столь характерная для советской официальной периодики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шкловский В.Б. Журнал как литературная форма // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / Сост. А.Ю. Галушкин, А.П. Чудаков; предисловие А.П. Чудаков; комментарии и подг. текста А.Ю. Галушкин. М.: Сов. писатель, 1990. С. 386.

² Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). С. 527.

³ Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from Revolution to Cold War. Princeton, New Jersey, 2000. P. XIII–XIV.

⁴ Эрдман Н.Р. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников / Ред. А. Свободин. М.: Искусство, 1990. С. 21.

⁵ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок: Полная версия / Подгот. текста, вступит. статья М. Одесского, Д. Фельдмана. СПб.: Азбука, 2014. С. 447.

⁶ Там же. С. 453.

⁷ Шкловский В.Б. Зорич // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). С. 359.

⁸ Пришвин М.М. Дневники. 1938–1939 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой. СПб.: Росток, 2010. С. 18.

⁹ См.: Фельдман Д.М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. С. 237–238.

¹⁰ Там же. С. 67–86.

¹¹ См. анализ этой «правдинской» передовицы и ее деконструкции в рассказе Д. Хармса «Реабилитация»: Одесский М.П. Абсурдизм Даниила Хармса в политико-судебном контексте // Russian Literature. 2006. LX (III/IV). С. 441–449.

¹² См., напр.: Елисеев А. Правда о 1937 годе: Кто развязал «большой террор»? М.: Яуза; Эксмо, 2008.

¹³ Антонов-Овсеенко А. Путь наверх // Берия: Конец карьеры. М.: Политиздат, 1991. С. 60.

¹⁴ Фельдман Д.М. Терминология власти. С. 424–425.

¹⁵ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС XX съезду Коммунистической партии Советского Союза: 25 февраля 1956 года // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 39.

¹⁶ Ср.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. III. М.: Госполитиздат, 1954. С. 306–315.

¹⁷ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 39.

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ СТАТЬИ
«Вынужденный ответ» (Отечество. 1914. № 7)**

Статья «Вынужденный ответ», опубликованная в журнале «Отечество» 25 декабря 1914 г., — один из ярких эпизодов «холодной войны»¹ между «пораженческим» «Голосом жизни» (в декабре 1914 г. перешел в полное ведение Д.С. и З.Н. Мережковских и Д.В. Философова) и патриотическим изданием З.И. Гржебина².

Атрибуция реальных лиц, скрывшихся за подписью «Редакция», до настоящего времени не предпринималась, между тем установление авторства этого, во многих отношениях показательного выступления в контексте актуальной полемики журналов-антагонистов представляется делом небесполезным. Наше сообщение посвящено одной из возможных версий относительно сочинителей одиозного текста. Если она окажется убедительной, то среди прочего даст основание (post factum) сопроводить изложенную историю подходящим подзаголовком: «О том, как рассорились Мережковские и Филосовов с Сологубом и Ан. Чеботаревской».

10 декабря 1914 г. в «Голосе Жизни» появилась статья Антона Крайнего «Апогей»³, с весьма резкой, на грани приличий, критикой патриотических выступлений Леонида Андреева, в том числе его «программной» статьи «В сей грозный час» (Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. № 14540. 7 декабря С. 2).

«Он был всегда человек увлекающийся и громкий на слова, — зажигала Гипсиус. — А что с ним случилось «в чаду войны» (заглавие статьи Розанова в «Н<овом> Вр<емени>») — уму непостижимо. Не знаешь, как и определить. Вот разве: одна юная гимназистка жаловалась в письме, что хочет и не может «довести себя до апогея». Г-ну Л. Андрееву посчастливилось: именно довел себя до апогея»⁴, — и все в том же духе.

Андреев был одной из центральных литературных сил «Отечества», в ноябре — начале декабря журнал поместил его «передовицы»: «Освобождение» (№ 1, 2 ноября), «Любите солдата, граждане», «Ното» (№ 3, 16 ноября) и «Крестоносцы» (№ 5, 6 декабря). Ответ на враждебный выпад против ведущего сотрудника последовал незамедлительно. Редакция сочла необходимым в специальном заяв-

лении дать отповедь Антону Крайнему и иже с ним (вторая часть «Вынужденного ответа» была обращена к Мережковскому, о чем см. далее).

Привожу текст в извлечениях:

Наш журнал удостоен высокого внимания господ Анто́на Крайнего и Д.С. Мережковского. Почтенные писатели обеспокоены, каждый по-своему, но по мотивам одного и того же психологического порядка. Настоящий момент мы не считаем подходящим для полемики, а цель настоящей заметки — указать надлежащее место обеспокоенным писателям и кое о чем им напомнить. З.Н. Гиппиус <...> негодует на то, что в настоящий момент писатели... пишут, т. е. делают то дело, к которому они призваны. В неприличной выходке — таков литературный род, к которому относится ее заметка «Апогей» — Антон Крайний выражает крайнее недовольство Леонидом Андреевым. «За какой журнал, за какую газету не возьмись, везде статьи Л. Андреева», — пишет Антон Крайний и в доказательство перечисляет *три* названия!⁵ Большой русский писатель Леонид Андреев искренне и честно делает свое дело, болеет душою о русском горе и испытывает потребность поднять свой голос, высказать то, что представляется ему важным и нужным для современности. Кто решится отрицать за ним право на высказывание, и кто увидит в желании искреннего и честного писателя — высказаться о важных событиях нашей жизни — предмет для глумления? Вопрос, к сожалению, не риторический, ибо Антон Крайний делает и то и другое. Под его пером упреки по адресу Леонида Андреева звучат особенно бесстыдно, так как именно З. Гиппиус (она же Антон Крайний) стремится к помещению своих статей в возможно большем числе изданий, пишет и в «Дне», и в «Биржевых», пишет, можно сказать, на каждом шагу — во всяком новом еженедельнике. Упреки Анто́на Крайнего Леониду Андрееву откровенно циничны, потому что сама же З. Гиппиус в своих стихах требует от писателей молчания в настоящий момент:

«Нужно целомудрие молчанья / И, может быть, тихие молитвы!»⁶

Господин Антон Крайний, следуйте своим словам и постарайтесь заменить ваш цинизм даже без грации целомудренным молчанием, тихое злословие тихими молитвами!

Кто же из членов редакции «Отечества» ответил на так называемую «выходку» Антона Крайнего? Формальным редактором-издателем журнала был Зиновий Исаевич Гржебин, редактором de facto — Павел Елисеевич Щеголев, в редакцию входил Петр Яковлевич Рысс — он заведовал политическим отделом, а также переводчица и литературный критик Александра Николаевна Чеботаревская, свояченица Сологуба, исполнявшая обязанности секретаря⁷.

Ал. Чеботаревскую, как и чету Сологубов, связывали с Гржебиным многолетние деловые отношения⁸, она была сотрудницей его издательств «Шиповник» и «Пантеон»⁹. Александра всецело разделяла патриотические настроения редакции; имена обеих Чеботаревских фигурировали в списках сотрудников «Отечества» вплоть до прекращения издания, хотя, например, Александра в журнале так ничего и не опубликовала (под своим именем). Анастасия же печаталась дважды: в 1915 г. в сдвоенном пятом-шестом номере была помещена ее статья «Ненаписанная рецензия, или «Зеленое Кольцо» З. Гипшиус», по поводу постановки пьесы на Александринской сцене (18 февраля / 3 марта)¹⁰; в девятом номере — перевод прозаического наброска «Фландрия» Э. Верхарна (без указания ее имени)¹¹.

В свете конфронтации «Голоса жизни» и «Отечества», а также стоящих за этими изданиями литературных сил невольно возникает мысль, что к публикации «Вынужденного ответа» могла быть причастна одна из Чеботаревских, не исключено, что текст был совместным продуктом сестер. Мотив очевиден: Сологуб (наряду с Андреевым) входил в круг ведущих сотрудников «Отечества», вплоть до января 1915 г. его печатали в журнале почти из номера в номер¹².

В составленной Сологубом библиографии Ан. Чеботаревской статья с таким названием не зафиксирована¹³. Впрочем, его труд не претендует на полноту, поскольку основывался, главным образом, на подручных печатных источниках (газетных и журнальных вырезках¹⁴), при этом в личном архиве писательской четы отложились далеко не все публикации. Упоминания об интересующем нас сюжете не встречаются также в двухсторонней переписке сестер¹⁵ и в письмах к ним сотрудников редакции «Отечества» (единичных и относящихся к другому времени)¹⁶.

Вместе с тем в архиве Сологуба — в перечне материалов третьих лиц значатся корректурные листы статьи «Вынужденный ответ»: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 85. Следов авторской правки на них нет, но под текстом рядом с подписью «*Редакция*» карандашом рукой одной из Чеботаревских (почерк у них был похожим) вписано: «Журнал Отечество».

Закономерно допустить, что Александра как секретарь редакции могла отослать сестре для ознакомления корректуру статьи в защиту поруганного писателя. Однако более вероятным представляется другой ход событий, приведем аргументы.

Прежде всего, нельзя игнорировать тот факт, что Ан. Чеботаревская всегда превозносила литературный дар Андреева (в отличие от Гиппиус, для которой его имя, как и М. Горького, было чем-то вроде «красной тряпки»). Она пропагандировала его творчество, начиная с ее первых школярских рецензий и журнальных обзоров 1905–1907 гг. в «Голосе Юга» (Елисаветград), «Правде» и др. Андреев принадлежал к абсолютным литературным кумирам Чеботаревской — был поставлен ею почти вровень с Сологубом. В ее статьях оба нередко фигурируют в виде сямской пары, с их художественными достижениями она соразмеряла современную литературную продукцию (примеры столь многочисленны, что позволю себе их не приводить).

Гиппиус, как известно, не считала Андреева сколько-нибудь серьезной литературной величиной и откровенно подшучивала над идолопоклонством подруги Сологуба: «Леонид, говорят, написал роман, который “должен сделать эру”. Спешите к новой эре домой, она начнется в половине ноября» (в письме Сологубам от 19 октября 1911 г.)¹⁷.

Особенно восторженно Чеботаревская приветствовала военную прозу Андреева, она видела в ней образец своевременного, а не «наджизненного искусства» (определение, данное ею пьесе Гиппиус «Зеленое кольцо») и была готова буквально «лечь на амбразуру», защищая «мятежную музу» канонизированных ею писателей¹⁸.

В рецензии на сборник «В сей грозный час» Чеботаревская, очевидно, полемизируя с Гиппиус, писала:

Очень своевременно Л. Андреев издал и соединил в одну книжку (в пользу сербских и русских раненых воинов) свои статьи «военного времени», разбросанные по различным газетам и изданиям первого периода войны. <...> Этот литературный памятник является как бы первой попыткой подытожить, подвести некоторое — уже историческое, и значит, прочное обоснование идейным и моральным факторам той стихийной мировой катастрофы, свидетелями или, вернее, участниками которой нам суждено быть.

Автор разбираемой книги не мог, конечно, отозваться на события времени иначе, чем это запечатлено в ряде очерков о Бельгии, Сербии, Болгарии, в настроениях и характери-

ках этого грозного момента. Это, собственно, не статьи и очерки, — это ряд психологических, импрессионистских набросков, свежих, искренних, всегда ярких (Крестоносцы), порою эффектных (Бельгия), порою блестящих и глубоко волнующих (Слово о Сербии). <...> больше всего привлекает в этих статьях-набросках то, что в них отражена большая душа и благородная мысль чисто русского — не бойтесь этого выражения — характера без малейшего уклона к шовинизму, но с твердым и ярко выраженным чувством национального осознания <...>.

Быть может, статьи Л. Андреева и не удовлетворяют требованиям «наджизненного искусства», которое так дорого некоторым, напр. Г-же Гиппиус, но это произведения талантливого, взволнованного, честного и достойно выдерживающего свою роль в настоящий исторический момент писателя¹⁹.

В пользу вероятного авторства Чеботаревской, на наш взгляд, свидетельствуют стилистика и общий риторический пафос «Вынужденного ответа», характерные для ее литературно-критических работ и публицистики. Она всегда выступала яркой поборницей нравственной, корректной критики, слишком эмоционально, до болезненности, реагировала на малейшие проявления несправедливости со стороны прессы по отношению к писателям и художникам; не раз в своих статьях заостряла внимание на падении литературных нравов: «<...> мы вступили в полосу беспросветной грубости и безвкусицы» («Следует ли авторам отвечать критике?»)²⁰; «Всегда, во все времена, и везде существовала и будет существовать желтая пресса, хулиганство, базарная пошлость, старческое брюзжанье, бездарные паразиты, примазывающиеся к литературе на амплу «пародистов», но никогда эта ржавая зараза не проникала так глубоко в среду самих представителей искусства, как в настоящий момент общественной и идейной расхлябанности» («Вселенская пошлость»)²¹ и т.п.

Проявления «вселенской пошлости» Чеботаревская усматривала в целом ряде фактов литературно-художественной жизни, как, например, в «Апогее», травле М. Кузмина («Две цензуры»)²² или призывах Маринетти «воспеть жестокость, насилие, братоубийство», за что назвала его «бунтующим мещанином» («На лекции Маринетти»)²³.

Этический критерий Чеботаревская считала основополагающим в работе критика, а глумление над художником, которое позволила себе Гиппиус, — вне-культурным жестом. Естественно предположить, что она ринулась защищать Андреева, поруганного Антоном

Крайним, так же как всегда вставала на защиту Сологуба (полагая, что он в ее защите нуждается).

Вслед за Антоном Крайним под судом авторов «Вынужденного ответа» оказался Мережковский, ему инкриминировали статью «Соловьи над кровью»²⁴, в которой он уподобил хор патриотов, славословящих войну, сладкоголосому пению бездумных птах. Имена «больших писателей» (Сологуба и Андреева прежде всего) в статье не были названы, но без труда опознавались через цитаты из их недавних публицистических текстов.

Редакция заявила:

Д.С. Мережковский, говоря о доверии русского общества к слухам о победах, пишет: «доверие к таким слухам — увы! — не только было, но есть и будет». Почему — «увы»? Что хочет сказать Д.С. Мережковский? Почему доверие к слухам о победах русских войск кажется ему столь непоправимым, столь достойным сожаления? И куда клонятся слова Д.С. Мережковского: «Поражение трудно вынести, но победу, может быть, труднее»? Уж не предпочесть ли более легкое? Если Д.С. Мережковский такого мнения, то и разговаривать с ним нечего. Уж если к кому применим эпитет «соловья над кровью», так, конечно, к Д.С. Мережковскому. Резво, беззаботно и беспечно, как соловей, поет он над всем, над религией, над революцией, над общественным движением, над абсолютизмом. Д.С. Мережковский — подлинный соловей. С кусточка на кусточек вечно перепархивал Д.С. Мережковский, писатель, осторожно не тративший ни своего сердца, ни своей души. Оттого-то все его попытки к созиданию выходили никчемными, безрезультатными, оттого-то за ним нет ни учеников, ни последователей, ни сочувствующих; поет красиво, но, ах, как бездушно!

Последний пункт «обвинения» отсылал к событиям января 1914 г. — к делу об исключении В.В. Розанова из членов петербургского Религиозно-философского общества, инспирированного Мережковскими, Философовым и А.В. Карташевым. — «Д.С. Мережковский кажется особенно язвительным, отождествляет и объединяет неприятных ему писателей с В.В. Розановым. Такое отождествление представляется ему выражением наивысшего оскорбления и обиды. Но надо напомнить, что когда-то он гордился духовной близостью своей натуры с натурой В.В. Розанова и покойного А.С. Суворина».

С февраля 1913-го по январь 1914-го Ал. Чеботаревская была секретарем Религиозно-философского общества и одним из шести членов Совета — как раз в пору исключения Розанова. В письмах к председателю А.В. Карташеву (от 22 и 24 января 1914 г.) она просила снять в газетных публикациях неверную формулировку о будто бы принятом *единогласно* решении Совета, так как двое членов — она и П.Б. Струве голосовали против этого решения²⁵. Карташев вел себя сервильно, ожидая указаний «свыше», он пытался оттянуть время для ответа просительнице²⁶, тем временем Мережковские через Филофова пытались оказать на нее давление и вынудить не протестовать против формулировки «единогласно»²⁷. Однако Ал. Чеботаревская на это не пошла. В знак несогласия с вынесенным решением по делу исключения Розанова она сложила с себя секретарские обязанности и вышла из Совета, а 26 января в письме к Карташеву заявила: «<...> никакого рода суды не входят в круг деятельности Р<елигиозно>-Ф<илософского> О<бществ>ва»²⁸.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет заключить, что инициаторами, а возможно и авторами редакционной статьи были сестры Чеботаревские, у обеих, помимо желания защитить своего «единоверца», были личные мотивы для «Вынужденного ответа» авторам статей «Апогей» и «Соловьи над кровью».

*Appendix*²⁹

За неделю до публикации «Вынужденного ответа» Мережковские сделали шаг к возобновлению с Сологубами прежних деловых и дружеских связей, прерванных из-за довоенной полемики вокруг журнала «Дневники писателей» (издавался Сологубом и Чеботаревской)³⁰.

18 декабря Филофов от лица обновленной редакции «Голоса жизни» направил супругам письма, в которых выражал надежду, что они оба примут участие в журнале, невзирая на прежние разногласия. Текст обсуждался Мережковскими совместно (в сохранившемся черновике имеется правка Гиппиус). Филофов писал с осторожностью, подбирая слова, из чего можно заключить, что восстановлению союза с Сологубами все трое придавали особое значение:

Многоуважаемый Федор Кузьмич.

Вы, вероятно, слышали, что я приступаю к редактированию журнала «Голос Жизни». Вы уже состоите сотрудником журнала³¹, и я бы ограничился кратким извещением о произошедших переменах, если бы не некоторые особые обстоятельства, а именно моя полемика с «Дневн<иками> писателей».

Но полемика происходила *до войны*. И я, по совести, скажу, что ввиду переживаемых нами грозных событий, происходившие между нами недоразумения кажутся мне потерявшими свою остроту. Я, по крайней мере, чувствую живую потребность ликвидировать этот «инцидент».

Журнал будет скромный, демократический, и *внепартийный* даже в чисто литературном смысле³². Вы, конечно, поймете, как мне ценно Ваше сотрудничество³³ и как мне было бы жалко из-за перемены происшедшей в редакции, лишать читателей журнала ваших произведений.

Что же касается идейных разногласий наших, то они слишком по существу серьезны, чтоб делать из них предмет личных недоразумений³⁴. С другой стороны, я убежден, что Вы поверите мне, если я Вам скажу, что никакие идейные расхождения не заставят меня менять оценку художественных произведений. Смею надеяться, что подобная мысль по отношению ко мне не приходила Вам даже в голову.

Итак, убедительно прошу Вас разрешить мне считать Вас сотрудником журнала «Голос Жизни». Если Вы со мной согласны, то разрешите мне как-нибудь повидать Вас, чтоб ознакомить Вас с моим планом ведения журнала.

Искренне уважающий Вас

Д. Философов³⁵.

Аналогичное письмо (более лаконичное) в тот же день получила Ан. Чеботаревская³⁶. Судя по всему, предложение Мережковских было встречено ею без особого энтузиазма. Она ответила Философову 20 декабря (на день раньше Сологуба):

Думаю, что Вам мое-то сотрудничество не слишком нужно, но по своему миролюбию и «принципу единения интеллигентских сил» охотно принимаю Ваше предложение «мира». Что касается Ф<едора> К<узьмича>, он ответит сам за себя³⁷.

Прохладную (робкую?) интонацию ответчицы можно объяснить разными причинами: ее недоверием Мережковским, еще свежей памятью о нанесенных печатных обидах; трезвым пониманием, что «Голосу жизни» нужен, прежде всего, Сологуб, и уже только потом pour la société его супруга.

Однако если принять версию о причастности Чеботаревской к публикации злополучного текста («Вынужденный ответ» уже был

написан и ожидал урочного часа в типографии), то ее сдержанность и краткость в письме к Философову выглядят психологически оправданными.

Ответное письмо Сологуба последовало 21 декабря:

Дорогой Дмитрий Владимирович,

Очень извиняюсь, что не ответил тотчас же, — я не короткое время уезжал из города. Благодарю Вас за Ваше желание сохранить меня в числе сотрудников «Голоса Жизни», и со своей стороны на это совершенно согласен. Буду очень рад, если Вы когда-нибудь на днях заглянете к нам поговорить. Ваше письмо показал Ан<астасии> Ник<олаевне>. Конечно, и она, так же как и я, не видит в Вашем вступлении в редакторство «Голоса Жизни» оснований для того, чтобы изменять свое отношение к журналу. Что касается тех обстоятельств, которые Вы называете недоразумениями, то этих грустных тем мне не хочется касаться в письме: перо часто бывает острее языка, и об этих делах лучше при случае побеседовать лично и мирно.

Итак, будем рады Вас увидеть.

Ваш Федор Тетерников³⁸.

Таким образом, Сологуб и Чеботаревская приняли призыв Мережковских сотрудничать в их «Голосе жизни», что, по сути, означало возобновление старинной дружбы. Прямо в день состоявшегося примирения 21 декабря Философов получил приглашение на сологубовский «вторник», на котором предполагалось обсуждение планов «Русского общества для изучения еврейской жизни» (1914)³⁹. От визита он воздержался, о чем в тот же день оповестил хозяина:

Многоуважаемый Федор Кузьмич. Сегодня я получил приглашение на Вторник 23 Декабря. Вполне сочувствуя идее Вашей, Максима Горького и Леонида Андреева, я, к сожалению, лишен возможности прийти во Вторник, так как в этот день, у меня на дому, состоится маленькое совещание, которое вряд ли мне удастся отменить в виду недостатка времени. А потому приношу Вам мои извинения, и прошу Вас, в случае если впредь Вам будет нужна моя помощь по этому делу, рассчитывать на меня.

С совершенным уважением Д. Философов⁴⁰.

Буквально через три дня после совершенного альянса напечатанная в «Отечестве» редакционная статья в защиту Л. Андреева вернула участников событий на прежние позиции.

Проницательная Гиппиус догадалась или заподозрила, от кого исходил «Вынужденный ответ». Дружеские визиты и переписка Мережковских с Сологубами, не успев возобновиться⁴¹, в очередной раз были прекращены. Обе литературные семьи продолжали встречаться на страницах газет и журналов, где порой с аппетитом «грызли» друг друга (впрочем, это тема другой статьи)⁴². Период охлаждения закончился лишь в 1917 г., когда обе стороны уже не разделяли политические баталии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Метафора позаимствована из статьи Е.А. Голлербаха «Федор Сологуб и «Отечество» Зиновия Гржебина: 1914–1915» // Русская литература. 2016. № 1. С. 170.

² См.: Козыменко М.В. Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Политика и поэтика. Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 476–503; Богомолов Н.А. Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 г. // Там же. С. 243–254.

³ Голос жизни. 1914. № 9 (10 декабря). С. 14. Подпись: Антон Крайний; перепечатано: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 640.

⁴ Там же.

⁵ В статье «Апогей» названы газеты «День», «Биржевые ведомости» и журнал «Отечество».

⁶ Цитата из стихотворения З. Гиппиус «Поэты, не пишите слишком рано...»; впервые: Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 16 ноября. № 14498; под заголовком «С любовью».

⁷ Подробнее о расстановке сил в редакции см.: Голлербах Е.А. Федор Сологуб и «Отечество» Зиновия Гржебина: 1914–1915 // Федор Сологуб. Разыскания и материалы (готовится к печати).

⁸ В издательстве «Шиповник» вышло собрание сочинений Сологуба в 12 томах (1909–1912) и ряд книг; Сологуб печатался в альманахах издательства; в 1911 г. «Шиповник» выпустил сборник «О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки», составленный Ан. Чеботаревской.

⁹ См.: Голлербах Е.А. Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве «Пантеон» // Федор Сологуб: Биография. Творчество. Интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции / Сост. М.М. Павлова. СПб.: Коста, 2010. С. 39–73.

¹⁰ Критический отзыв о постановке «Зеленого кольца» Гиппиус на Александринской сцене выглядит своеобразным продолжением «Вынужденного ответа», Чебота-

ревская назвала пьесу «слащавой, надуманной, тенденциозной» и несвоевременной, противопоставив ее актуальным творения Л. Андреева.

¹¹ Сообщение о том, что опубликованный текст переведен Ан. Чеботаревской, было помещено в следующем номере журнала.

¹² В «Отечестве» были опубликованы статьи «Выбор ориентации» (№ 6, 14 (27 декабря) и «Отечество для всех» (1915. № 1, б.д.), рассказы «Ошибка гофлиферанта» (1914. № 3, 16 (29) ноября) и «Дед и внук» (1915. № 1, б.д.), а также шесть стихотворений: подборка из трех («Восторги слез», «В лазарете» и «Ночной приказ» под общим заголовком «Стихи Ф. Сологуба» (1914. № 2, 9 (22) ноября), «Гимн» (1914. № 5, 6 (19 декабря), которому прочили стать национальным гимном (Иванов Георгий. Военные стихи // Аполлон. 1915. № 1. С. 60) и «Россия» («Еще играешь ты, еще невеста ты...») (1915. № 8, 22 марта — (4) апреля).

¹³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 547. См. также: Павлова М.М. Материалы к библиографии Ан. Н. Чеботаревской: Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии // Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М.М. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 733–792.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 4. Ед. хр. 49–51.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173; Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 310.

¹⁶ Имеющиеся в архиве Ал. Чеботаревской и Ан. Чеботаревской единичные письма П.Е. Щеголева и П. Рысса (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 146; Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 338) к сюжету нашей статьи не относятся.

¹⁷ Письмо Гишпиус к Сологубу и Чеботаревской от 19 октября 1911 г. адресовано в Монако, где они останавливались во время поездки в Европу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 183. Л. 56. Речь идет о романе Леонида Андреева «Сашка Жегулев» (1911), впервые: Шиповник. Кн. 16. СПб., 1911. Рецензию Чеботаревской см.: Две повести XVI альманаха «Шиповник» // Голос Земли. 1912. 26 января (8 февраля). № 17. С. 2.

¹⁸ См., например: Чеботаревская Анс. В защиту военной литературы // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 4 декабря. № 15249. С. 2.

¹⁹ Чеботаревская Ан. Л. Н. Андреев. В сей грозный час. Статьи. Изд-во «Прометей». Н. Михайлова // День. 1915. 4 июня. № 151. С. 3. — Рец. (Рубрика «Отзывы о книгах»).

²⁰ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1915. 8 декабря. № 15258. С. 5 (Ответ на анкету).

²¹ Против течения. 1913. 2 (15) февраля. № 15 (67). С. 7 (псевдоним: Мисс Лиль).

²² В статье «Две цензуры» Чеботаревская встала на защиту М. Кузмина, которому в Московском Литературно-художественном кружке отказали в постановке пьесы «Венецианские безумцы» по причине ее «порнографической пошлости», хотя постановка была разрешена официальной цензурой: «поражаешься раздробленностью, не солидарностью нашей писательской корпорации, отсутствием в ней элементарных товарищеских начал. Ведь ни один голос не поднялся на защиту Кузмина» (Дневники писателей. 1914. Вып. 2: Апрель. С. 28).

²³ День. 1914. 30 января. № 29. С. 4.

²⁴ Впервые: Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 14 (27) декабря. № 14547. С. 1. Статья вошла в сборник писателя «Невоенный дневник. 1914–1916» (Пг., 1917). См.: Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Большая Россия. М.: Республика, 2011.

²⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 230. Л. 1–2; 5.

²⁶ См. письма А.В. Карташева к Ал. Чеботаревской от 23 января 1914 и б.д.: ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 102.

²⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 166.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 230. Л. 5.

²⁹ Благодарю А.Л. Соболева, который своевременно высказал свои сомнения относительно изложенной здесь версии и убедил автора «утяжелить» аргументацию, вследствие чего появился Appendix.

³⁰ Товарищеские отношения Сологуба и Чеботаревской с Мережковскими и Философовым были оборваны после публикации статьи Философова «Пиршественный стол», в которой он уничижительно отозвался о двух первых выпусках «Дневников писателя» (Речь. 1914, 10 мая. № 125. С. 2). Статья появилась вскоре после разгромной рецензии Л. Войтоловского по тому же поводу в «Киевской мысли» (1914. № 115. 27 апреля. С. 3). Сологуб и Ан. Чеботаревская ответили авторам не менее резко. См.: Нашим критикам (Ответ гг. Философову и Войтоловскому) / Дневники писателей. Май – Июнь. 1914. № 3/4. С. 73–76. Подробно история конфликта рассматривается в статье А.Л. Соболева «К истории журнала «Дневники писателей»» (Федор Сологуб. Разыскания и материалы. С. 555–614).

³¹ В 1914 г. в «Голосе Жизни» были напечатаны рассказы Сологуба «День встречи» (№ 4. С. 1–10) и «Три лампы» (№ 10. С. 4–8).

³² *После зачеркнуто*: Я употреблю все усилия, чтоб сохранить возможную объективность в оценке художественных и литературных произведений.

³³ *После зачеркнуто*: тем более что Вы хорошо знаете, насколько я всегда высоко ценил Ваше дарование.

³⁴ *После зачеркнуто*: а тем более, чтоб <нрзб.> переводить в совершенно чуждую внешним «разногласиям» оценку художественного творчества.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 708. Л. 14–15; черновик с карандашной правкой Гишпиус: ОР РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 47.

³⁶ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 300, Л. 12–12об.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 95. Датируется по почтовому штампе: 20.12.14.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 87. Л. 2–3.

³⁹ По-видимому, Философов был приглашен на совещание, связанное с деятельностью «Русского общества для изучения еврейской жизни» (1914), созданного по инициативе Сологуба, Андреева и Горького; возможно, в связи с составлением под общей редакцией учредителей сборника «Щит» (М., 1915), в который вошли материалы в защиту еврейства. Об истории издания сборника и роли Сологуба см.: Собо-

лев А.Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum Homini Universalis. Сборник в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 327–358; см. также: Кельнер В.Е. Очерки по истории русско-еврейской жизни в России в начале XX в. СПб.: Издательство РНБ, 2003. С. 97–112.

⁴⁰ ОР ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 708. Л. 12.

⁴¹ 14 января 1915 г. Сологуб отметил в своем «камер-фурьерском журнале»: «Разговор по душам по телефону с Философовым» (Федор Сологуб. Тетради посещений / Публ. М.М. Павловой и А.Л. Соболева) // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. С. 99.

⁴² История взаимоотношений З. Гиппиус и Ф. Сологуба подробно прослеживается в нашей публикации «З. Н. Гиппиус. Письма к Федору Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской. 1894–1922», готовится к печати в томе «Литературного наследства» «Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус».

РАСТРАЧЕННОЕ НАСЛЕДСТВО ФОРМАЛИЗМА:

**«Конец барокко» В.Б. Шкловского
и советская кинокритика 1930-х гг.**

После эпохи, когда конец двадцатых оценивался как трагический провал авангарда, наступило время, когда в целом авангардистский проект стал рассматриваться как предзнаменование тоталитарной системы, эстетика которого уже содержала зачатки будущего соцреализма. Вторая телеологическая интерпретативная модель удовлетворительна не более, чем первая, однако переход от двадцатых к тридцатым продолжает оцениваться в терминах «перелом versus преемственность». Тридцатые годы меньше всего исследовались с точки зрения их теоретической продукции, что понятно: этот вклад невелик и тонет в многословных запальчивых и часто заказных нападках на всех подряд. Интереснее рассматривать сами произведения и изучать новую систему управления художественной и литературной деятельностью, чем успешно занялись специалисты в последние два десятилетия.

Мы хотим предложить вернуться к моменту зарождения новой эстетической парадигмы, которую остро осознавали и рефлексировали многие участники процесса в своих критических и теоретических текстах. В качестве примера целесообразно остановиться тут на случае В.Б. Шкловского и на концепции «сюжета», ключевой в его теоретическом наследии: от первых работ о прозе Стерна, Боккаччо, Сервантеса, Диккенса и Толстого — до последней книги «Энергия заблуждения» (1981 г.), в подзаголовке которой значится «книга о сюжете». Дело в том, что понятие «сюжета», над которым Шкловский работал в десятые-двадцатые годы, получило центральное место в дискуссиях и критических дебатах, которые сопровождали рождение социалистического реализма, по крайней мере, в области кино, которой мы здесь и ограничимся.

Если тексты десятых и двадцатых годов хорошо известны, то позднейшие, особенно работы тридцатых о кино (и литературе) еще недооценены, именно по причине вышеупомянутых интерпретационных схем. Кроме того, в 1930 г. в контексте начинавшей набирать обороты анти-формалистической кампании Шкловский опублико-

вал знаменитую статью «Памятник научной ошибке», которая рассматривалась как отречение от позиций Опояза и тем самым бросила тень на последующие тексты автора. Работы Александра Галушкина показали, что одновременно в этой статье была сформулирована, правда, несколько витиевато, платформа Тынянова–Яacobсона, которая должна была отметить новый запуск Опояза в конце двадцатых годов (отметим, что критики того времени это угадали)¹. Но несмотря на это новое прочтение, репутационный статус Шкловского и его текстов тридцатых годов несколько не изменился. Что касается тех его работ, которые связаны с кино, то они и вовсе малоизвестны, а немногочисленные позднейшие републикации шестидесятых и последующих лет были сильно искажены (часто самим автором). Мы потому представим здесь только предварительные замечания.

Стоит сперва оговорить, что термин «сюжет» в текстах Шкловского о кино употребляется изначально в двух значениях. Одно обычное: сюжет — это «о чем идет речь», это — канва рассказа, фильма, любого произведения. И другое, чисто формалистическое, при котором сюжет противопоставляется фабуле: «<...> фабулой мы назовем то, о чем рассказывается в произведении, сюжет будет тогда художественным оформлением фабулы»². Собственно на этом определении Шкловский основывает в 1919 г. несостоятельность жанра литературных экранизаций. Фабулу переложить можно, сюжет же зависит от специфических особенностей данного художественного языка. Первые работы Шкловского о кино как раз посвящены особенностям киносюжетов и новым возможностям, которые открывает киноязык в области сюжета: параллелизм, торможения, перебивки, перестановки, все то, что он до этого изучал в литературе. В кино это — флэшбэк, частая перебивка при параллельном монтаже, откуда особый выбор препятствий и тип преступлений, позволяющих широко применять эти монтажные возможности.

Главнейшее место сюжета в кино объясняется, по Шкловскому, двумя причинами: влиянием литературы, в особенности модой на экранизации сублитературы (приключенческих романов), и на более глубинном уровне отсутствием условности кинознака: киноизображение не обладает «иероглифичностью» слова, поэтому кино обречено на фабулу и на сюжет. Но начиная с середины 20-х гг. эта точка зрения подвергается существенному пересмотру.

В этой эволюции особую роль играет анализ фильмов С. Эйзенштейна, сотрудничество с ЛЕФом и растущий интерес к неигровому кино (мастерами которого являлись тогда Э. Шуб и Дзига Вертов). Шкловский приходит к тому, что композиция кинопроизведения

может опираться не только на судьбу главного героя, но и на сопоставление монтажных фрагментов. Можно вводить визуально увлекательные фрагменты, которые не развивают фабулу, а наоборот, ослабляют к ней интерес:

Когда-то был создан способ соединять смысловые куски судьбою одного героя. Но это не единственный, и во всяком случае это — способ, а не норма. Этим способом, этой техникой хорошо брать определенные вещи. Легче всего ими обрабатывать историю о том, как мужчина сошелся с женщиной. И вот почему сюжетные вещи так часто кончаются свадьбой. Но сейчас не семейное время. <...> Кинематография сейчас не нуждается в традиционном сюжете. Собственно же сюжетная кинематография уже существует как мумия. К сожалению, мумии очень долговечны³.

Трудность состоит в том, чтобы находить другие, не нарративные, способы соединения различных моментов этого «поэтического» кино. Шкловский сам пробует свои силы в монтаже фильмов «Евреи на земле» (А. Роом, 1926), «Соль Сванетии» (М. Калатозов, 1929), в работе над сценарием «Турксиба» (В. Турин, 1929–1930) и других, оставшихся неосуществленными проектов.

Эволюцию в сторону бессюжетности Шкловский объясняет тем, что в перспективе оппозиции «материал / оформление» кино акцентирует материал в большей степени, чем литература. То же самое он обнаруживает в современной прозе, однако кино, как он полагает, оказалось в авангарде этого процесса⁴.

Невозможно переоценить значение рефлексии о кино для общей эволюции теоретических взглядов Шкловского. Интерес к документальному, этнографическому кино, к хронике, а также к Чаплину и сцепке отдельных номеров сыграли, как представляется, важнейшую роль в разработке понятия «материал» и его соотношения с формой (или с сюжетом как способом оформления материала). Заметим, что сам Шкловский подчеркивал сходство собственного понимания «материала» и его роли в современном искусстве с понятием «аттракцион» у Эйзенштейна:

Включение реального материала в произведения искусства — явление закономерное и неоднократно бывшее. В «Мельмоте Скитальце», упомянутом в «Евгении Онегине», ужасы романа снабжены примечаниями: это, мол, было с тем-то и с тем-то.

Получался своеобразный монтаж аттракционов, установка читателя была на кадр, на сообщение. Сюжет мотивировал трюк. Трюк это не только тогда, когда Гарри Пиль в белых гетрах прыгает с крыши на крышу. Трюк — это кусок материала, эстетически переживаемый. Монтаж аттракционов (Эйзенштейн) — переход на материал⁵.

Неслучайно эволюция теоретических взглядов Шкловского совпадает по времени с началом его интенсивной работы в московских киностудиях. И тем не менее лучшие сценарии, написанные Шкловским, связаны именно с сюжетным кино, с сильной фабулой, где в центре стоит судьба одного или нескольких героев («По закону» (Л. Кулешов, 1926), «Третья Мещанская» (А. Роом, 1926)). Такая по меньшей мере амбивалентность наблюдается особенно в ходе дискуссии о фильме Эйзенштейна «Октябрь». С одной стороны, Шкловский приветствует рождение нового киноязыка, связанного с «интеллектуальным монтажом» (когда из сопоставления двух «изображений» возникает новый «образ»), с другой стороны, он формулирует сомнения по поводу общей структуры фильма: затрудненный киноязык, равно как и нагромождение деталей сильно усложняют восприятие сюжета (эпизод штурма Зимнего дворца):

Новый метод Эйзенштейна был не емок. <...> Эйзенштейн создал ленту стиля советского «барокко». Казалось, что Октябрьскую революцию делали статуи. Статуи мифологические, исторические, бронзовые, статуи на крышах, львы на мостиках, слоны, идолы, статуэтки. Митинг скульптуры. Митинг статуй среди посудного магазина⁶.

Впоследствии он сам осознал амбивалентность собственных парадоксов: вспоминая свой путь в кино по случаю выхода на экран фильма «Минин и Пожарский» (Вс. Пудовкин, 1939), поставленного по его сценарию, Шкловский писал:

Я думал, что кино — это монтаж аттракционов, что сюжет имеет минимальное значение. С этими мыслями я вошел в советскую кинематографию, а работал в ней иначе. Теоретически я должен был отрицать актера, практически я боролся за советского актера и защищал в своих статьях его значение. Теоретические установки тянули меня на своеобразный язык иероглифов, который оказал в свое время влияние не на одну только совет-

скую кинематографию. Одновременно я сделал одну из первых советских бытовых вещей «Третья Мещанская»⁷.

* * *

В конце двадцатых Шкловский оказывается объектом нападок за формализм в кинематографии и фактически выходит из игры: сценарии все меньше ставятся, он работает для периферийной (грузинской) киностудии⁸, фильмы, поставленные по его сценариям, все больше оказываются под огнем критики («Мертвый дом»; В. Федоров, 1932). Тем не менее он продолжает активно работать в кино, посвящая много времени и сил доработке чужих проектов и ремонту фильмов, отвергнутых цензурой, хотя его имя далеко не всегда значится в титрах⁹. Параллельно Шкловский продолжает анализировать новейшие фильмы и отмечает обратный процесс, а именно возвращение сюжетной кинематографии, традиционной нарративности. Этому посвящен один из важнейших текстов 1932 г. «Конец барокко», написанный в форме письма, обращенного к Эйзенштейну¹⁰.

В прежние годы, как объясняет Шкловский, фрагмент, отдельный монтажный кадр стоял во главе угла теоретической киномысли и кинопрактики. Эйзенштейн и его монтаж аттракционов воплотили эту тенденцию. Теперь наступило другое время, когда ценится целостность. Эпоха ослабленного сюжета, «барокко», интенсивной детали, прошла. Примеры, которые анализирует Шкловский, фигурируют среди самых обсуждаемых фильмов новейшего выпуска. Можно не согласиться с его анализом, зато аргументы весьма симптоматичны в контексте начавшейся дискуссии о сюжете. Фильм «Встречный» (С. Юткевич, Ф. Эрмлер, 1932), символизирующий эту новую тенденцию, он оценивает как провал из-за примитивности нарративной конструкции: сюжет тут сводится к простому следованию фабуле¹¹. В другой статье он выносит еще более суровый приговор:

<...> в анализе «Встречного» я вижу паническое отступление от достижений советского большого искусства. Разговор о том, что для того, чтобы дойти до широкого зрителя, нужно упростить форму, — я считаю не советским разговором <...>. Существует великая советская кинематография, которая определила ход мировой литературы, помогла крупнейшим американским писателям в деле пересоздания их мышления, и есть «Встречный», который имеет успех у зрителя¹².

Если он признает наличие в советском кино формалистических «загибов» в виде преувеличенного увлечения монтажом и «кадром-ребусом» (т.е. «интеллектуальным монтажом» у Эйзенштейна или метафорами у В. Пудовкина), он вместе с тем усматривает во «Встречном» устаревшие приемы, использование примитивных трюков, которые легко доходят до зрителя. Само заглавие статьи «Две неудачи» не оставляют места сомнению по поводу оценки «Встречного» и сильно контрастирует с всеобщей похвалой, последовавшей за выходом фильма на экран. Для Шкловского это вовсе не достижение и успех, а шаг назад. В этом отношении критический и зрительский провал «Ивана» (А. Довженко, 1932) ему кажется более перспективным, а Довженко — более способным создавать усложненные сюжеты.

Через два года Шкловский сходным образом оценивает фильм «Чапаев», который (как ни странно) ему кажется типичным наследником эпохи барокко в своей конструкции из отдельных эпизодов, в той роли, которая отводится предметной детали. Однако это наследство, отмечает он, подвергнуто сюжетной обработке: каждый эпизод драматургически построен как микро-сюжет и все эпизоды подчинены общей сюжетной композиции. Кроме того, предметы выполняют функцию раскрытия отношений между героями.

Из приведенных примеров видно, что концептуальный аппарат, при помощи которого Шкловский анализирует новую кинопродукцию, в целом мало изменился. Изменилась же сама художественная диспозиция. А также и общий идеологический контекст, в котором функционируют его интерпретации, рецензии.

* * *

В резолюции первого партийного совещания по делам кино в марте 1928 г. уже звучал призыв к занимательности, в которой видели главный рецепт для обеспечения зрительского успеха. Собственно лозунг «кинематография для миллионов» призывал сочетать идеологию с прибыльностью («классовость и кассовость» — по тогдашней формуле). Об этом довольно четко писалось в резолюции конференции:

Сила воздействия всякой художественной фильма на зрителя должна быть обеспечена ее занимательностью, близостью для рабочего и крестьянского зрителя и формой, отвечающей запросам широкой массовой аудитории (разумеется, без како-

го-либо приспособления их к обывательским, мелкобуржуазным вкусам, без упрощенства и вульгаризации художественной формы). Необходимо усилить борьбу против проявлений нездорового трюкизма, хулиганства и порнографии¹³.

И все же в резолюции 1928 года эти слова вовсе не занимали центральное место. Им предшествовали длинные абзацы, подчеркивающие роль документального кино, хроники, учебных и научно-популярных фильмов. Другими словами, вопрос «занимательной формы» касался тогда исключительно художественных кинопроизведений.

Статус кво продлился до 1932 г. И в промежутке даже заметен особый подъем неигрового кино: постановления обязывают кинозалы соблюдать «ленинскую пропорцию» (показ художественного фильма обязательно должно предваряться хроникой или неигровым фильмом), и все киностудии обязаны оказывать финансовую поддержку производству учебных и просветительских фильмов. Понятно в таком контексте, почему к неигровому кино обратились кинематографисты, когда развернулась в 1929 г. первая общая антиформалистическая кампания. В кино она сопровождалась чистками в киностудиях, киновузах, а также в профессиональной ассоциации АРПКе. Одной из главных мишеней стал Лев Кулешов, который утверждал, что смысл в кино возникает «от сопоставления двух монтажных кусков». Постепенно под подозрение попало вообще все монтажное кино и сценарии, построенные не по правилам классической драматургии. Отцом этого «внесюжетного» или «бессюжетного» кино был Шкловский. Зазвучали обвинения в идеализме, мелко-буржуазном индивидуализме...

Однако вскоре (уже в 1930 г.) неотложная задача перехода к звуковому кино поставила другие требования. И киностудии, игнорируя баталии, развернувшиеся в кинопрессе, обратились именно к представителям кино-авангарда (Вертову, Роому, Пудовкину и др.). Сложилась двойственная ситуация, которая продлилась примерно два года. Решение апреля 1932 г. о ликвидации РАППа, сначала интерпретированное как знак определенной либерализации, изменило расстановку сил. АРПК сразу отреагировал: снова были включены в бюро видные фигуры, которые были из него недавно исключены (Эйзенштейн, Шкловский, Кулешов). Но первоначальное впечатление «победы» быстро прошло.

Именно в этом контексте, бегло тут обрисованном, вскоре после резолюции апреля 1932 г. и вспыхнули с новой силой дебаты о сюже-

те. В центре снова стало понятие «занимательности». Тематический план 1933 г., разработанный в конце 1932-го, призывал к производству развлекательных фильмов для отдыха трудящихся. Повторяя лозунг 1928 г., Б. Шумяцкий писал: «Лучшей фильмой является такая фильма, которая при всей <...> идейной нагрузке, умеет завоевывать многомиллионные аудитории»¹⁴. Но в отличие от резолюции киносовещания, речь теперь шла о всех жанрах кинопроизведений. При этом тут же разделялись «плохая занимательность», когда имеется тенденция к занимательности визуальной или звуковой (например, в картине Роома «План великих работ», 1930 г.), и «правильная занимательность», образцом которой (до «Чапаева») служил пока фильм «Встречный», который был разруган Шкловским. Постепенно противопоставляются две концепции занимательности: одна, внешняя, опирается на «материал», другая — на «сюжет». Через два года этот анализ продолжит Н. Езуитов, причем среди примеров «внешней» занимательности, занимательности «по материалу» он приводит неигровой фильм Р. Флаэрти «Нанук» (1922), а также «Потомок Чингиз Хана» Вс. Пудовкина (1928), «Джим Шванте / Соль Сванетии» М. Калатозова (1929). Однако занимательность «по сюжету» не всегда приветствуется: ведь бывают случаи, «когда сюжет выдумывается во имя сюжета, во имя сложного и запутанного построения — своего рода сюжетных сетей, которыми художник опутывает и улавливает наивного зрителя». Тогда естественно торжествует формалистский принцип творчества, «приносящий в угоду сюжетному каркасу произведения содержание и идею искусства»¹⁵. Одним словом, сюжет сюжету рознь!

Из этого видно, насколько работы Шкловского уже впитались в критическую мысль. Употребление терминов «фабула», «сюжет», «материал», «сюжетосложение» стало повсеместным и в кинопрессе, несмотря на то что точное значение в редких случаях усвоено правильно, а чаще намерено искажено. Влияние Шкловского парадоксально усиливается в тот самый момент, когда он сам уже вытеснен из киностудий, да и постепенно из дебатов. Однако без учета его рефлексии невозможно понять эти ключевые для выработки киноэстетики и критики тридцатых годов дискуссии. Равно как и нападки, которым подвергается Эйзенштейн после возвращения из Америки.

Для начала критике подвергается понятие «аттракцион», сформулированное Эйзенштейном в 1923 г.: в упрощенном понимании это понятие дезавуируется как отсылающее к цирку, т.е. к развлекательности чисто визуальной, лишенной содержания. Интерес публики к первому звуковому опыту Роома («План великих работ») интерпре-

тируется именно так: зритель поражен громом, свистом, гудками, как в балаганном ярмарочном представлении.

Затем концептуальный аппарат Шкловского и Эйзенштейна начинают смешивать, как об этом хорошо свидетельствует статья, напечатанная в июне 1933 г. за подписью бывшего левовца Калатозова и малоизвестного режиссера Сергея Бартенева. Статья начинается преамбулой о кризисе западного искусства и мелкобуржуазном декадансе, а затем переходит к отрицательному влиянию Эйзенштейна, ЛЕФа и формалистов, засилие которых в кино выражается в игнорировании правил драматургии, защите бесфабульного кино, т. е. кино с «ослабленным сюжетом». Далее авторы нападают на увлечение монтажом, в котором они усматривают «механическое сопоставление фрагментов». Вместо понимания монтажа как способа связки, сцепки акцент делается на разбивку, и тем самым на понятие «кусков».

Следующий шаг состоит в том, чтобы связать любую конструкцию, основанную на сопоставлении «кусков», с типичным миропониманием мелкобуржуазного художника, у которого «разорванное сознание»¹⁶, из-за чего он воспринимает реальность как сумму «внешних явлений» или «изолированных деталей», а не как «органический процесс, имеющий целостность». Везде «органическое» противопоставляется «механическому», отсюда недалеко до противопоставления «живого» — «мертвому».

Эйзенштейн в своем ответе очень резко обрушивается на авторов этой статьи¹⁷. Он напоминает цели своего «монтажа аттракционов» — эмоциональное и психологическое воздействие на зрителя, которое позволяет привести его к нужному идеологическому выводу. Ничего общего с игрой в кубики, которую ему инкриминируют. Более того, этот принцип одинаково применим в картинах нефабульных и с крепким сюжетом. Присутствие сильной фабулы или отсутствие таковой зависит от исторического момента. Чтобы бороться с американской фабульной кинематографией, надо было развивать именно такое кино. Теперь на другом историческом этапе можно вернуться к крепкой фабуле и, таким образом, к сюжету как способу ее оформления¹⁸, причем к такому сюжету, которое является средством анализа социальных процессов. Иными словами, его противники совершают ошибку, избличая исторический момент, который уже завершился. Кроме того, Эйзенштейн уточняет по поводу собственных фильмов, что их сложный монтаж объясняется вовсе не недооценкой роли сценария, а особым пониманием драматургии и сюжета, где построение каждой сцены, каждого фрагмента должно следовать общему драматургическому решению всего произведения. Эйзенштейн еще

позволяет себе поиздеваться над авторами, обвиняя их в непоследовательности: с одной стороны, западное искусство переживает глубокий кризис, с другой стороны, американское кино объявляется образцом в плане соблюдения правил драматургического построения. И тем не менее, как и Шкловский, Эйзенштейн выступает против тенденции к возврату театральности и к упрощенному сюжетосложению.

Весь 1933 год киностудии были заняты поиском путей достижения зрительского успеха, а кинопресса — разговорами о занимательности и сюжетности. Одни апеллировали к А. Конан Дойлу, объявленному королем занимательности, другие же в этом усматривали рецидив «пинкертонщины» первых лет советского кино, другими словами, признак опасного правого уклона, раз идею в 1922 г. предлагал опальный Н. Бухарин¹⁹.

Следующий шаг был совершен, когда наличие сюжета (в смысле просто «крепкой фабулы») связали уже с идеологией, а фильм с ослабленным сюжетом, следовательно, объявили идеологически несостоятельным. В темплане 1934 г. открыто велась борьба против документалистики. Документалисты были одновременно объявлены «фетишистами фактов» и из-за отсутствия крепкого сюжета сравнивались с художниками-абстракционистами или беспредметниками²⁰. В противоположном лагере оказывались формалисты — «лже-специалисты сюжета». В статье «За сюжетное искусство» Сергей Динамов уже намеренно искажал мысль Шкловского:

Они крайне подозрительны, эти друзья сюжета. В самом деле, чего стоит их утверждение, что основа сюжета, это так называемое остранение, то есть нарочитое торможение действия. Художник должен жизнь превращать в нечто странное, он должен ее коверкать и потрошить, как убитого зайца, и только тогда, оказывается, он и может создать хороший «сюжет». Какая чепуха²¹.

Весь концептуальный аппарат формальной школы объявлялся поэтому ошибочным. В другой статье под заглавием «Формалистическая теория сюжета кинофильма» находим следующее определение:

Формалисты так хорошо маскируют свои следы, так запутывают дело, что заставляют критика вертеться в кругу противоречий: сюжет — это фабула, но фабула — сюжет, сюжет — это композиция, но композиция — это прием, а прием — это сюжет²².

В речи на открытии киноконференции в январе 1935 г. Динамов передавал мысль Шкловского так, что она становилась уже совершенно алогичной и нелепой:

Порядок следования событий в художественном произведении — это композиция. То, что художник взял из действительности, отрезок действительности, раскрытый художником, это сюжет. Действительность, как о ней рассказал художник, как он ее понимал, — это фабула. <...> Если вы попытаетесь свое произведение вложить в эти три канона, то оно будет разодрано на части, оно сделается мертвым. <...> Крайне вредны были теории о том, что фильм может быть бессюжетным. Шкловский после решения ЦК от 23 апреля говорил: «Я делал куски, я рассыпался, я был идеологом показа кусков». Очень приятно, что Шкловский все же так высказался, но он запоздал. Теории бессюжетного кино и незнание жизни режиссерами привели к тому, что в нашем кино было утрачено действие, а без действия не может быть художественного произведения.

На эту конференцию Шкловского даже не позвали, зато Эйзенштейн, несмотря на полуопальное положение, произносит мощную и длинную речь, где он анализирует эволюцию советского кино. Правда, большая часть текста посвящена дологической стадии развития мышления, но в оценке исторического процесса он в основном сходится с Шкловским. Он усматривает в картине «Встречный» поворотный момент, возврат к традиционному сюжету и традиционному герою ценой потери части выразительных средств, выработанных в двадцатые годы (типаж, монтаж), а также ценой поворота к театральности. Однако режиссер надеется на приход нового «синтетического» этапа в развитии советского кино (первые признаки которого он усматривает в «Чапаеве»), связанного с интересом к ракурсу и монтажу²³.

Главный шаг в эволюции или скорее деградации критической мысли был совершен при переходе от описания эстетической модели к его идеологической оценке. Дело дойдет до утверждения о классово-враждебности приверженцев монтажного кино. Как Шкловский, так и Эйзенштейн парируют нападки, утверждая, что эта эстетическая модель соответствует определенному исторически необходимому этапу. Шкловский настаивает на первоначально оправданном ощущении изношенности форм, свойственном художникам и литераторам его поколения. И констатирует, что эта эпоха прошла. Но постепенно он переходит к отрицанию того, что такие стремления

могут родить великие произведения. Но к покаянному тону он приходит только тогда, когда над его головой сгущаются тучи. В 1936 г., когда кампания против формалистов набирает полную силу, именно Шкловский оказывается в центре нападков. Правда, из лидеров Опояза Б. Эйхенбаум добился академического признания и респектабельности, Ю. Тынянов же с недавним успехом его романа «Пушкин» воспринимается уже скорее как писатель. Оба в то время работают над готовящимися к пушкинскому юбилею пафосными изданиями. Шкловский в этом предприятии не принимает участия и единственный из трех еще ассоциируется с критическим и теоретическим наследием Опояза. Отсюда — покаянная тональность, которая доминирует в большинстве его статей и выступлений 1936 г. Среди негативных черт поэтики предыдущей эпохи он упоминает: сюжет как повод для развития аттракционов, самоцельное обыгрывание фрагмента, интерес к черновикам, эстетику гротеска, иероглифическое функционирование предметов (это было развито еще в хвалебном отзыве на эйзенштейновский «Октябрь»), которым отдавалось де предпочтение в ущерб герою и актеру, полемическое или пародическое отношение к классическому наследию (это все тянется шлейф его экранизации «Капитанской дочки» 1927 г.). Категориальный анализ не изменился, но ... теперь Шкловский оценивает эти черты как негативно повлиявшие на общий творческий процесс: они отсылают к ироническому и поверхностному отношению к искусству, соответствуют «разорванному сознанию», от которого он отныне отказывается. «Большое искусство», утверждает теперь Шкловский, связано с реалистической мотивировкой, с единством и целостностью сюжетной композиции, с непосредственным восприятием мира, которое якобы обходится без условности. Тут места уже нет никакому остранению...²⁴

* * *

В дебатах, развернувшихся тогда о сюжетности и занимательности в кино, далее о сценарии и параллельно о монтаже и ракурсах, прослеживается экспроприация концептуального аппарата Шкловского вместе с дискредитацией самого создателя посредством упрощения и деформации его мысли. Одновременно заметна и эволюция взглядов как Шкловского так и Эйзенштейна. Не отрицая свою принадлежность к поэтике двадцатых годов, «борцы первого периода», по выражению Эйзенштейна, ее никак не фетишизируют и не желают оставаться верными. Оба меняются и хотят оставаться творцами,

критиками и теоретиками своего времени.

Однако эти изменения не должны осуществляться ценой утраты требовательности. Шкловский всегда настаивает на сложности, которая требуется для создания эффекта простоты, и на сложности восприятия современниками любого истинно нового произведения. Его сценарий «Степан Разин» сочетает исторический материал с фольклором в сложной композиции с ветвящимся сюжетом, множеством эпизодических персонажей, связанных тематическими или метафорическими ассоциациями. Как и большинство сценарных проектов Шкловского 1930-х годов, он остался непоставленным.

Но и в целом неожиданные аналогии, постоянные переходы от литературы к кино, витиеватость хода мысли придают его рецензиям и статьям тридцатых годов эксцентрический оттенок, особенно в общем контексте печатной продукции в области кино. Часто он имплицитно апеллирует к своим прежним размышлениям и рассчитывает на память читателя, вуалируя или опуская некоторые вполне «формалистические» рассуждения. Шкловский принимает возврат к «непрерывному» искусству, однако сам в сценарном и критическом письме остается верен барокко, поэтике фрагмента.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галушкин А. «И так, ставши на костях, будем трубить сбор...»: К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1929–1930 гг. // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 136–158.

² Шкловский В. Сюжет в русском кино // Кино-неделя. 1924. № 6. С. 4.

³ Шкловский В. Сергей Эйзенштейн и неигровая фильма // Новый Лэф. 1927. № 4. С. 34–35.

⁴ Шкловский В. Доверие времени // Кино. 1926. № 26. С. 2.

⁵ Шкловский В. Куда шагает Дзига Вертов // Советский экран. 1926. № 32. С. 4. На самом деле, у Эйзенштейна понятие аттракциона прежде всего связана с воздействием на зрителя, а не с общей композицией вещи.

⁶ Шкловский В. О законах строения фильм Эйзенштейна // Советский экран. 1929. № 6. С. 5; № 7. С. 6.

⁷ Шкловский В. 25 лет // Литературная газета. 1939. № 8. С. 5.

⁸ «Молодость побеждает» (М. Геловани, 1929; в соавторстве с Г. Мдивани), «Американка» (Лео Эссакиа, 1930); «Очень просто» (Г. Ломидзе, 1931).

⁹ «Бегствующий остров» (А. Разумный, 1930), «Государственный чиновник» (И. Пырьев, 1931).

¹⁰ Неполный вариант этого текста был напечатан: Литературная газета. 1932. № 32 (17 июля).

¹¹ Шкловский В. Не драматургия, а репертуар // Кино. 1932. № 58. С. 3.

¹² Шкловский В. Две неудачи // Кино. 1932. № 55 (30 ноября). С. 1.

¹³ Пути кино: Первое всесоюзное партийное совещание по кинематографии / Под ред. Б.С. Ольхового. М.: Теа-Кино-Печать, 1929. С. 438. Последняя фраза уточняет, какие рецепты занимательности являются ложными.

¹⁴ Шумяцкий Б. К высшим формам массовости-занимательности // Кино. 1932. № 55 (30 ноября). С. 2.

¹⁵ Иезуитов Н. Проблема занимательности // Советское кино. 1934. № 1/2. С. 113–124. Автор вводит дальше различие между повествовательным и драматургическим построением киносценария и утверждает, что только второе является правильным «цельным, органичным и понятным».

¹⁶ Это выражение вскоре стало распространяться в критических статьях о «буржуазном» искусстве, особенно по поводу «Улисса» Джойса, но и в целом по поводу западного литературного авангарда, тем более когда писатели открыто отстаивали влияние советской школы монтажного кино (самый явный пример — Дос Пассос). Напомню, что выражение «das zerrissene Bewußt»

¹⁷ Эйзенштейн С. Вылазка классовых друзей // Кино. 1933. № 30 (22 июня). С. 2–3 и № 31 (28 июня). С. 2–3.

¹⁸ Еще раз отметим влияние Шкловского (и его текстов двадцатых годов о кино) на весь ход этой дискуссии.

¹⁹ Волькенштейн В. Занимательность // Кино. 1933. № 7. С. 4. Григорьев В. В чем неправы гг. Волькенштейн и Леонидов // Кино. 1933. № 8. С. 2. См. также [без автора]. Красный Пинкертон: Николай Бухарин о кино и зрелищах // Зрелища. 1922. № 12. С. 9.

²⁰ Шумяцкий Б. Высокая идейность и занимательность фильм // Советское кино. 1933. № 12. С. 1–16.

²¹ Динамов С. За сюжетное искусство // Правда. 1934. 14 апреля. С. 4. Перепечатано: Советское кино. 1934. № 5. С. 5–8.

²² Рожицын Валентин. Формалистическая теория сюжета кинофильм // Кино. 1933. № 25. С. 2.

²³ См.: За большое киноискусство. М.: Кинофото-издат, 1935. С. 7–21 (речь С. Динамова); С. 22–49 (выступление С. Эйзенштейна).

²⁴ См.: «Мы думали, что сюжет — только предлог для появления трюка. <...> Это ощущение распада мира, эта методология мира, не имеющего связи, была основной мировоззренческой ошибкой» (Шкловский В. О формализме (в литературе и в кино) // Литературный Ленинград. 1936. № 20 (26 апреля). С. 3). См. также: Шкловский В. Разговор с друзьями (о формализме в кино) // Звезда. № 8; переиздание: Шкловский В. Дневник. М.: Советский писатель, 1939. С. 139–156.

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН И НИКОЛАЙ ЗАРЕЦКИЙ: К ИСТОРИИ ПРАЖСКОЙ «НЕВСТРЕЧИ» 1932 г.*

Хронист первых дней пребывания Евгения Замятина за пределами СССР — после отъезда из Ленинграда 15 ноября 1931 г. — причиной широкой известности писателя в Риге называет его успех как драматурга:

Рижане, даже не следящие за современной русской литературой, Замятина знают. Он — автор той знаменитой «Блохи», которая с таким успехом шла в течение двух сезонов в Театре Русской Драмы и по количеству постановок оказалась, так сказать, рекордной пьесой репертуара театра, конкурируя в этом отношении с булгаковской «Белой гвардией»¹.

Театральная тема проходит в статье красной нитью. Объясняя возможность заграничной поездки для Замятина некоторым идеологическим послаблением, журналист перечисляет события советской театральной жизни: «Создается впечатление, что там запахло «весной». Например, автору «Дней Турбиных» — Булгакову и автору «Мандата» Эрдману разрешили поставить пьесы, которые недавно был[и] под запретом». Затем для читателей «Сегодня» пересказывается версия — очевидно, самого Замятина — об обстоятельствах его отъезда, и здесь наряду с упоминанием тривиального служебного отпуска подчеркивается стремление к осуществлению дальнейших театральных постановок (о чем Замятин писал и в своем письме к Сталину):

Теперь Замятин выехал из СССР совершенно легально по заграничному паспорту, сроком на 1 год вместе с женой.

При встрече с артистами Театра Русской Драмы Е. И. рассказывал, что получил от Кораблестроительного Института отпуск на 1 год, что отпуск этот намерен использовать за границей, что конечная цель его нынешней поездки — Америка.

* За помощь в подготовке настоящей заметки искренне благодарим А.А. Долинина, Дж. Куртис, М.Ю. Любимову, М.П. Одесского, С. Рабиновича, М.Л. Спивак, В.И. Хазана, Т. Чеботареву.

В Америке предполагается постановка его пьес, из которых «Блоха» и «Общество почетных звонарей» уже переведены на английский. <...> После Риги первую более или менее продолжительную остановку Е.И. Замятин предполагает сделать в Берлине, где будет вести переговоры о постановке своих пьес на немецкой сцене, вероятнее всего, у Рейнгарда... Затем поедет отдохнуть на юг Франции, а потом уже в Америку.

Как известно, после краткого пребывания в Риге Замятины тогда же, в ноябре 1931 г., действительно отправились в Берлин. Поскольку и обе другие названные цели путешествия (из которых Америка осталась недостижимой) не противоречат его биографической канве², можно предполагать, что упоминание в этом контексте и Макса Райнхардта отражает зафиксированные Борисом Оречкиным планы самого писателя по выезде из СССР.

Приводимый нами ниже эпизод служит дальнейшей иллюстрацией положения Замятина в первые недели наведения мостов между советским прошлым и европейским будущим, когда начинались переговоры о возможности постановки замятинских пьес. После прибытия в Берлин Замятин встречался с Я.Н. Блохом — историком театра и одним из основателей издательства «Петрополис», с которым Замятин сотрудничал уже в 1920-е гг. Согласно письму Замятина от 23 марта 1928 г. из Ленинграда, Блох также являлся его представителем по вопросу о правах на переводы³. Одну такую берлинскую встречу отметил А.З. Штейнберг в дневниковой записи от 30 ноября 1931 г.: «В пятн<ицу>, 27-го, подписал в «Петрополисе» условия об изд<ании> «Дост<оевский> в Лондоне» (внес м<арок> 100): Я.Н. Блох, А.С. Каган, С.В. Штейн, Ел. Ис. Блох и приехавший из России Евг. Ив. Замятин (привет от Разумника!)»⁴. Речь идет об издании пьесы («повести в четырех действиях») Штейнберга «Достоевский в Лондоне», в связи с чем упомянут и директор издательства А.С. Каган. Книга Штейнберга вышла на следующий год, но в другом руководимом Каганом берлинском издательстве — «Парабола». В декабре 1931 г. Замятин отправился в Прагу, возвратился в Берлин в январе 1932 г. и пробыл там до 8 февраля, после чего ему предстояло уехать в Париж⁵.

Начиная с первого приезда в Берлин, обсуждались вопросы о замятинских театральных постановках, в частности — о декорациях и немецком переводе. Об этом свидетельствуют приводимые ниже отрывки из писем двух берлинских литераторов — Михаила Горлина и Романа Гуля — к их общему другу, художнику Николаю Зарецкому.

К тому моменту Зарецкий находился уже некоторое время в Праге, куда он перебрался, по-видимому, во второй половине 1931 г.⁶ Причиной переселения художника из Берлина была работа по подготовке пушкинской выставки в Национальном музее, которая проходила на протяжении 1932 г.⁷ Зарецкий поддерживал дружеские отношения и с Гулем, и с Горлиным, круг общения которых разнился друг от друга, что видно и по уничижительной реплике Гуля по отношению к группе, связанной с Горлиным (см. ниже). Из переписки с Зарецким также выясняется, что незадолго до рассматриваемого здесь эпизода он через Гуля посылал каждому из них в подарок свои рисунки, но, впрочем, получивший «гусаров» Гуль не пожелал передать Горлину предназначенное для того изображение — «лежащего буржуя, который (так и видно!) триста лет кровь пил»⁸.

Во время нахождения Замятина в Праге Горлин и Гуль писали Зарецкому с рекомендацией встретиться с писателем, при этом Горлин упоминал важную для нас подробность о своих занятиях переводом замятинской «Блохи», а Гуль — о разногласиях по вопросу о переводе. Свои письма Зарецкому они отправили в один и тот же день, в Сочельник 24 декабря 1931 г.:

Роман Гуль — Николаю Зарецкому

<...> Видел я весь букет твоих молодых берлинских поэтов. Бог с ними, прощаю тебе твои симпатии, но мне что-то все это не нравится. А этот стервец, как его Эльяшов что ли, оказался прямо-таки нахальнейшим нахалом (тут вышла смешная история с Замятиным, он ему хотел поручить черновой перевод своей пьесы, а отдал его другому поэту др. Горлину, так эта стерва заявила, что она будет с Замятиным судиться). Вот дурак! Кстати Замятин сейчас в Праге, к сожалению не видел его перед отъездом и потому не знаю его адреса, было бы тебе с ним очень хорошо познакомиться. Вы очень подходящие люди. Его «Блоха» шла в России в декорациях Кустодиева, он хлопочет о ее постановках за границей, вот бы тебе бы! Было бы восхитительно! И созвучно! Когда он вернется, я с ним поговорю, а может быть ты его разыщешь, иль случайно узнаешь адрес, он очень милый, простецкий человек, если скажешь, что ты мой друг и хочешь с ним повидаться, будет вполне достаточно! <...>

Михаил Горлин — Николаю Зарецкому

<...> Сейчас у Вас в Праге знатный заморский гость — отец Серрапионов и обезьяний епископ: Евгений Иванович Замятин. Я с ним познакомился у Блохов: он очень милый и очень благородный человек. Он написал замечательную пьесу для театра: «Блоха».

Это попытка воссоздания русского народного театра с масляничных гуляний, по-моему, превосходно удавшаяся. Тема заимствована у Лескова («Левша»). Эту пьесу я перевожу сейчас на немецкий язык. По всей вероятности Евгению Ивановичу удастся ее пристроить и в Праге в чешском переводе. Мне кажется, что лучшего декоратора, чем Вы, для этой пьесы не придумаешь. В России декорации писал Кустодиев, мастер, с которым — как бы там его не оценивать — стоит потягаться. Я говорил Евгению Ивановичу о Вас и Вашем творчестве. Поэтому будьте любезны, дорогой Николай Васильевич, разыщите Евгения Ивановича и поговорите с ним об этом: не поленитесь: может быть из этого и выйдет какой-нибудь «маньфик», тем более, что работа ведь интересная и совершенно в Вашем духе: Николаевский лубок! Можете сослаться на Блохов, на Романа Гуля, которого Ев. Ив. хорошо знает, и на меня грешного. А пожалуй важнее всего Ваша общая служба: в обезьяней палате под начальством Алекс. Мих. Ремизова!

А адрес Евг. Ив. у Вас в Праге вот какой:

Евгений Иванович Замятин
Hotel «Sokolsk[ý] Domov» (Tyršův dům)
III, Všešrdova ul<ice>.

О причинах, побудивших Замятина переменить свое решение насчет переводчика, сказать что-либо определенное трудно; вообще он придерживался мнения, что из его вещей именно ««Блоха» оч<ень> трудна для перевода»⁹. Во всяком случае, друг Горлина Николай Эльяшов (находившийся в Берлине с 1924 г. вплоть до высылки в Литву в 1938 г. и погибший в гетто в 1941 г.) также занимался переводами пьес с русского на немецкий¹⁰. Горлин, к тому времени русско-немецкий билингвальный поэт, недавно закончивший Берлинский университет (см. в цитированном письме Раисы Блох к Зарецкому от 1 августа 1931 г.: «Миша блестяще сдал экзамен, к удовольствию родных и друзей, не просто сдал, а блестяще»), искал возможности

приложения своих переводческих дарований. Не приходится сомневаться в том, что к концу 1931 г. им был уже накоплен переводческий опыт, поскольку он был в состоянии в начале 1932 г. отправить базельскому богослову Фрицу Либу некоторые свои (в сотрудничестве с Раисой Блох) переводы русской лирики с приложением наброска предполагаемой программы предполагаемой серии изданий по русской литературе⁴¹.

Хотя Раиса Блох в новогоднем письме к Зарецкому (от 28 декабря 1931 г.) и высказывала предположение: «Вы наверно встречаетесь в Праге с Евгением Ивановичем Замятиным, «епископом Замутием». Кланяйтесь ему, если увидите», их встреча так и не состоялась. Уже покидая Берлин, за день до отъезда в Париж, Замятин написал Зарецкому следующее письмо:

Берлин 7–II–1932

Многоуважаемый и старейший кавалер
Николай Васильевич,

Не гневайтесь на меня за то, что с таким преступным опозданием отвечаю Вам. Из Праги всё каждый день собирался уехать, откладывал отъезд со дня на день — и так дооткладывал до 6-го, кажется, января. Из-за этого чемоданного положения опасался назначить Вам день встречи. А в Берлине все это дело перестало быть срочным. И только сегодня, накануне отъезда в Париж, когда взялся ликвидировать все грехи, хочу исправить свой грех и перед Вами.

Я очень жалею, что не удалось увидеться с Вами и посмотреть Ваши работы (кое-какие репродукции мне здесь показывал Горлин). Но это дело еще не потерянное: очень вероятно, что какая-нибудь из моих пьес пойдет в Праге, в Брно — я тогда приеду в Чехию и увидимся с Вами уже непременно.

Сердечный привет —
и благословение.

Смиренный Замутий, епископ обезьянский —
в мире Евг. Замятин⁴².

Итак, Горлин, проявлявший живой интерес к игровой манере Ремизова и сам тяготевший к аналогичным стилизациям внутри Берлинского кружка поэтов (об этом в другом месте), советовал Зарецкому прибегнуть, помимо общепринятых ссылок на личные связи, также и к ремизовскому культурному коду общения, что отразилось и на формуляре письма Замятина. Можно отметить, что этимологи-

ческое скоморошество Ремизова «епископ Замутий» (монах/епископ *vers.* мирянин, переогласовка *мят/мут*) самим Замятиным использовалось как действенный литературный прием (ср. его «Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского», появившееся в 1921 г. в «Записках мечтателей» и перепечатанное в берлинском «Голосе России» в 1922 г., а также «Житие Блохи» с рассказом об «иноке Замутии», который в иллюстрациях Бориса Кустодиева получил портретное сходство с самим Замятиным¹³).

Пражские планы театральных постановок Замятина при его жизни не осуществились, как и планы берлинские:

<...> Насколько я знаю, ему не удалось еще окончательно сговориться с Пражским театром насчет «Блохи», так что, кажется, напрасно мы все Вас так ретиво к нему направляли; ну, во всяком случае, вреда от этого никакого не было. Сейчас Замятин в Париже; сообщаю Вам — на всякий случай — его адрес:

Mr E. Zamiatine
Paris, XV
36 rue Desaix
(appart. Pozner)¹⁴.

Вероятнее всего, в Берлине к своей работе над немецкой версией «Блохи» Горлин больше никогда не возвращался; однако в Париже, после отъезда из Берлина в связи с приходом национал-социалистов к власти, его отношения с Замятиным продолжались, как можно установить на основании следующего упоминания в письме Горлина к Ремизову от 28 августа 1933 г., при пересылке денежной суммы: «Благодаря Евгению Ивановичу мне удалось раздобыть за лотерею еще 30 фр<анков>»¹⁵.

Первый перевод пьесы на немецкий был выпущен уже совсем в другую эпоху Йоганнесом фон Гюнтером, в обрамлении лесковского «Левши»¹⁶. В послесловии переводчика по следам только что произошедших событий отмечено, что травля Замятина в СССР на десятилетия предвосхитила ставшее мировой сенсацией преследование Бориса Пастернака¹⁷. Далее Гюнтер сообщает о своих «многолетних попытках разыскать в Советской России» (*sic*) оригинальный текст «Блохи», т.е., судя по изложению, получить копию из центральных библиотек СССР в послесталинское время, что оказалось напрасным трудом. Однако, благодаря «живущей в Париже вдове писателя, госпоже Марии <*sic* — Ф.П.> Замятиной», им был получен

замятинский экземпляр с «рукописными заметками и существенными изменениями» («mit handschriftlichen Notizen und erheblichen Änderungen»), которые, по утверждению Гюнтера, «восходят к различным сценическим версиям и представляют собой единственный окончательный текст» («Die Varianten gehen auf die verschiedenen Bühnenfassungen zurück und bilden den einzigen *endgültigen* Text»)¹⁸. Вероятно, привлечение такого экземпляра с авторской корректурой и дало Гюнтеру основание назвать свой труд «авторизованным, первым немецким переводом» («Autorisierte, erste deutsche Übersetzung»). В письме к Глебу Струве от 11 мая 1962 г. Гюнтер полагал, что благодаря использованию экземпляра с пометами Замятина его немецкий перевод послужит «для всех славистов мира единственным пригодным изданием» в данное время («für alle Slawisten der Welt die einzig brauchbare Ausgabe»)¹⁹. Конечно, высказывания Гюнтера преувеличивают текстологический потенциал его перевода, так что историк русской литературы Рольф-Дитер Клюге имел все основания говорить о желательности переиздания замятинского текста в оригинале²⁰. Среди книг Замятина в библиотеке Гюнтера упоминаемого авторского экземпляра с дополнениями не имеется, а представленные там издания относятся в большинстве своем к более позднему времени²¹. Можно полагать, что именно выход в свет перевода Гюнтера позволил в скором времени осуществить первую постановку «Блохи» в Германии — 25 февраля 1965 г. на сцене Национального театра в Мангейме (Nationaltheater Mannheim)²². Наконец, по сообщению Р.-Д. Клюге, Гюнтер «также приобрел у вдовы Замятина права на издание большого числа повестей и рассказов» («V^{on} Guenther erwarb von Zamjatins Witwe weiterhin das Recht zur Edition einer großen Anzahl von Novellen und Erzählungen», loc. cit.); несколько переводов (в частности, рассказов «Дракон», «Пещера» и «Мамай») печатались и переиздавались в различных антологиях Гюнтера²³. Даже если опубликованные им переводы, как представляется, количественно отличаются от определения Р.-Д. Клюге, авторитет Йоганнеса фон Гюнтера, к тому времени одного из самых известных переводчиков русской литературы, значительно повлиял на немецкоязычную рецепцию произведений Замятина. Впрочем, для реконструкции подробностей этой рецепции следует отметить, что предпосылки для знакомства с замятинской драматургией, тем аспектом его творчества, который Замятин называл «изменой литературе», существовали уже в контексте берлинско-пражского круга русской эмиграции и в самом начале 1930-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бор. Ор. [Оречкин Б.С.]. Евгений Замятин в Риге // Сегодня (Рига). 1931. № 319. 18 ноября. С. 10. Об авторе заметки см. подробнее: Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I: На грани эпох. Stanford, 1997. С. 113–114. (Stanford Slavic Studies, 13). Библиографические материалы о «Блохе» и рецензии на театральные постановки указаны в статье: Галушкин А.Ю. Материалы к прижизненной библиографии Е.И. Замятина (1908–1936) // Творческое наследие Евгения Замятина. Т. XI. Тамбов, 2003. С. 196–251.

² Curtis J.A.E. The Englishman from Lebedian': A Life of Evgeny Zamiatin (1884–1937). Boston, 2013.

³ Неизвестные письма Е.И. Замятина из американского архива / Вст. ст., публ. и коммент. Дж. Куртис // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации / Сост. М.Ю. Любимова. СПб., 2002. С. 307–308 (№ 2). Важным источником для биографии Замятина является его письмо к Блоху от 8 июня 1923 г.: Галушкин А.Ю. Письмо Е. Замятина А. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Замятина в 1922–1923 гг. // Е.И. Замятин: Pro et contra: Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: Антология / Сост. О.В. Богданова, М.Ю. Любимова. СПб., 2014. С. 137–139. В «Петрополисе» (петроградском и берлинском) Замятин печатался дважды, в 1922 г. и 1923 г.: Галушкин А.Ю. Материалы к прижизненной библиографии Е. И. Замятина. С. 198 (№ 14), 201 (№ 49). Семья Блохов попала в Берлин в конце сентября 1922 г.: Поляков Ф. «Как ужасно бороться одной со своими стихами...»: Начало литературной деятельности Раисы Блох в Берлине // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.F. / N.S. 2014. Bd. 2. С. 222.

⁴ Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem), A. Steinberg's Collection. P/159. Vox VIII–IX (цитируемый текст из неопубликованного дневника сообщен нам Владимиром Хазаном). Упомянутая здесь же Елена Исааковна Блох (урожд. Гринберг) — жена Я.Н. Блоха. Еще раз Замятин звонил Штейнбергу 23 января 1925 г. после возвращения из Праги (запись в дневнике от 25 января).

⁵ Неизвестные письма Е.И. Замятина из американского архива. С. 309, 311. В Праге 29 декабря 1931 г. состоялось выступление Замятина «Современный русский театр» — см.: Галушкин А.Ю. Материалы к зарубежной библиографии Е.И. Замятина (1925–1995) // Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня / Под ред. Л.В. Поляковой. Т. III. Тамбов, 1997. С. 163; Мальмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина (по новым материалам) // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. С. 137; Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. II: Сквозь кризис. Stanford, 1997. С. 348–349 (Stanford Slavic Studies, 14); Галушкин А.Ю. Материалы к прижизненной библиографии Е.И. Замятина. С. 211–212 (№ 250–252).

⁶ Ср. открытку Раисы Блох к Зарецкому в Прагу от 1 августа 1931 г.: «В Берлине очень пусто и грустно. <...> Не забывайте нас берлинцев» (New York, Columbia

University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture, Nikolai Vasil'evich Zaretskii Papers, Box 6).

⁷ Vystava "Puškin a jeho doba" pořádaná v budově Národního musea v Praze v březnu roku 1932 pod protektorátem rady hlav. města Prahy a Národní rady československé Slovanským ústavem v Praze / Přeložila Žofie Pohorecká za red. Stanislava Petíry. Praha, 1932. См. также: Чистова И. Труды и дни Николая Зарецкого // Рисунки писателей: Сборник научных статей / Сост. С.В. Денисенко. СПб., 2000. С. 292–296; Букреева Е.М. Пушкинист и неутомимый собиратель пушкинской иконографии: Николай Зарецкий // Болдинские чтения — 2014. Нижний Новгород, 2014. С. 298–299; Букреева Е.М. Пушкиниана Николая Зарецкого // Сохранить для России: К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге. М., 2015. С. 42.

⁸ Письмо Гуля к Зарецкому от 13 октября 1931 г.: «Только что получил я гусаров (большущее спасибо!), но, милый друг, произошла трагедия! Рисунок, предназначенный Горлину, мне так понравился, так понравился, что я его никому отдать не могу. <...>». Письмо Горлина от 20 ноября 1931 г.: «С Гулем я не разговаривал, а только переписывался; он был чрезвычайно любезен, но все таки он разбойник: такой шедевр себе присвоил! Одно слово — большевик!». Письма Гуля (Box 1) и Горлина (Box 6) Зарецкому находятся в указанном фонде (Ms Coll Zaretskii) Бахметевского архива.

⁹ Неизвестные письма Е.И. Замятина из американского архива. С. 310.

¹⁰ За сообщение биографических сведений о Н. Эльяшове благодарим А.А. Долинина.

¹¹ Poljakov F. Zur Übersetzungstätigkeit von Michail Gorlin und Raisa Bloch ins Deutsche: Materialien im Nachlass Fritz Lieb // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.F. / N.S. 1. 2013. S. 276–289.

¹² Мальмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина (по новым материалам). С. 135–136 (Ms Coll Zaretskii, Box 5).

¹³ Записанное Евгением Замятиным Житие Блохи от дня чудесного ее рождения и до дня прискорбной кончины, а также своеручное Б.М. Кустодиева изображение многих происшествий и лиц. Л., 1929; Галушкин А.Ю. Материалы к прижизненной библиографии Е. И. Замятина. С. 204 (№ 106, 117); Lampl H. Altrussisch-kirchenslawische Stilisierungen bei Remizov und Zamjatin // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 21. 1975. S. 141–145; Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 100–104 и др. Подробнее об отношениях Ремизова и Замятина см. также: Грачева А.М. Алексей Ремизов — читатель романа Е. Замятина «Мы» // Е.И. Замятин: Pro et contra. С. 173–189.

¹⁴ Письмо Горлина Зарецкому от 15 февраля 1932 г. Указан парижский адрес В.С. Познера. См. подробнее: Неизвестные письма Е.И. Замятина из американского архива С. 309; Curtis J.A.E. E.I. Zamiatin and V.S. Pozner: towards the theme «Zamiatin in Paris» // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: Материалы Международного конгресса литературоведов: К 125-летию Е.И. Замятина / Отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов, 2009. С. 421–426.

¹⁵ Amherst Center for Russian Culture, Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers, Box 7, Folder 2 (page 31).

¹⁶ Samjatin Jewgenij und Nikolai Lesskow. Der Floh. Der Linkshänder. Die russische Wanderlegende vom stählernen Floh in zwei dichterischen Gestaltungen / Deutsch von Johannes von Guenther. Hamburg; München, 1962 (Kleine russische Bibliothek. [16]). В тексте упоминается вдова Замятина Людмила Николаевна. Это издание, согласно дате послесловия (июль 1961 г.), было закончено в Seeshaupt на Штарнбергском озере, недалеко от Мюнхена, где Гюнтер прожил 17 лет, до середины 1970 г.

¹⁷ В русскоязычной аудитории упоминание о взаимосвязи этих имен в контексте репрессивной государственной политики получило распространение по крайней мере с 1957 г.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и Нобелевская премия. М., 2013. С. 48–49.

¹⁸ [Guenther J. von]. Nachwort // Samjatin Jewgenij und Nikolai Lesskow. Der Floh. Der Linkshänder. S. 155–161. Р.-Д. Клюге (см. ниже) упоминает, что этот экземпляр содержал рукописные и машинописные исправления.

¹⁹ Stanford University, Hoover Institution Archives, Gleb Struve papers, Box 29, Folder 15.

²⁰ Kluge Rolf-Dieter. Johannes von Guenther als Übersetzer und Vermittler russischer Literatur // Die Welt der Slaven. Bd. XII/1. 1967. S. 86; «Ein Leben im Ostwind»: Eine Ausstellung aus dem Nachlaß des Übersetzers und Schriftstellers Johannes von Guenther (1886–1973) mit dem Katalog seiner russischen Bibliothek. Tübingen, 1996, S. 132.

²¹ «Ein Leben im Ostwind». S. 56 (Nr. 1653–1665).

²² Рецензия на эту постановку указана в статье: Галушкин А.Ю. Материалы к зарубежной библиографии Е.И. Замятина (1925–1995). С. 167 (№ 53). См. также краткий перечень переводов «Блохи» в связи с ее первыми зарубежными постановками: Hobzová Dagmar. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1972. Vol. 13. № 2. P. 244.

²³ Упомянем здесь лишь следующие публикации Гюнтера с переводами рассказов Замятина: *Russland erzählt: Zwanzig Erzählungen: Ausgewählt und eingeleitet von Johannes von Guenther.* Frankfurt am Main; Hamburg, 1959 (1963); *Neue russische Prosa* übersetzt und mit einem Nachwort versehen von Johannes von Guenther. Ebenhausen bei München, 1957; *Russische Erzähler von 1800 bis zur Gegenwart: Eine Anthologie 9/* Herausgegeben von Johannes von Guenther. Stuttgart, 1967; *Russische Käuze /* Herausgegeben und übertragen von Johannes von Guenther. Frankfurt am Main, 1968 и др. Материалы к библиографии немецких переводов Замятина содержатся также в кн.: Hübner Friedrich. *Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutschsprachigen Übersetzungen: Eine kommentierte Bibliographie.* Köln; Weimar; Wien, 2012. (bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. N.F. Reihe C. Bd. 4).

IF YOU HAD A TOUGH TIME YESTERDAY, READ ON

Финансовые вопросы в переписке И.А. Бунина и А.В. Амфитеатрова¹

Сохранившаяся часть до сих пор не опубликованной переписки И.А. Бунина (1870–1953) и А.В. Амфитеатрова (1862–1938) за период между ноябрем 1922 г. и августом 1937 г. состоит из 146 писем и открыток, 61 из которых принадлежит Бунину. Бунинская часть переписки хранится в Lilly Library (Университет Индиана Блумингтон, США), амфитеатровская – в Русском архиве Университета Лидс (Великобритания). Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00117: «И.А. Бунин: Новые материалы и исследования (подготовка 1-й книги тома в серии «Литературное наследство»)».

Хотя Амфитеатров неоднократно публиковал статьи о бунинском творчестве в дореволюционной российской прессе², писатели не были знакомы лично (в письме к вдове Амфитеатрова³ от 28 марта 1938 г., выражая соболезнования в связи с кончиной ее мужа, Бунин именуется его «мой добрый заочный друг»). Инициатором переписки был Амфитеатров, получивший адрес Бунина от своего сына, литератора Владимира Амфитеатрова-Кадашева.

Амфитеатров, живший в итальянской провинции – сначала на квартире в Леванто, а потом на вилле неподалеку от Леванто – налаживал связи с центрами российской эмиграции, чтобы устроить себе литературный заработок в местах, где существовала регулярная печать на русском языке, и Париж занимал в его планах далеко не последнее место⁴.

В письмах Амфитеатрова вопросы творчества и литературной (да и не только литературной) политики зачастую тесно связаны с материальными аспектами существования. Вот как он описывает свою жизнь в первом же письме Бунину от 22 ноября 1922 г.:

Я довольно часто выступаю в итальянской печати, что материально не приносит ни единого чентезима, но по крайней мере, портит кровь и кое-какие делишки почтенным товарищам советской миссии. <...> Покуда живем тем, что продаем вещь

за вещью из дома и изумляем кредиторов совершенным равнодушием к вчиняемому искам. Адвокат говорит, что до нового года выгнать нас из квартиры он не допустит, а там видно будет»⁵.

В следующем письме (от 9 февраля 1923 г.) Амфитеатров развивает ту же тему:

Сегодня домохозяин в суд тянет и на вещи секвестр накладывает, завтра другое сокровище является с тем же милым предприятием, послезавтра осведомляются, скоро ли вы намерены освободить квартиру и осталось ли у вас еще что-либо кроме протертых штанов на ногах...

И уже в третьем письме (от 17 февраля 1923 г.) Амфитеатров, получив в подарок от Бунина книгу «Чаша жизни», вышедшую в 1921 г. в парижском издательстве «Русская земля»⁶, обращается к Бунину с конкретной просьбой:

Не укажете ли Вы мне путей и способов для связи с парижским издательством — Вашим ли или другим приличным? Мне это нужно, главным образом, для тех вещей, которые *не могут* быть напечатаны в Берлине по причинам, изложенным мною в прежних к Вам письмах, т.е. по якшанию берлинского книжного рынка с большевиками. <...> Дорожитья я не буду: ведь Берлин, чрез смехотворное падение марки, не приносит мне ровно ничего.

Бунин, однако, в письме от 27 февраля того же года отвечал следующее:

Был бы душой рад помочь Вам насчет издателя в Париже. Но увы, ничего не могу. «Рус<ская> земля» давно погибла. Прочие издательства просто не в счет (Поволоцкий, «Франко-рус<ская> печать»)⁷. Мы все здесь крепко сидим на мели. А в Берлин давать ничего не можем — что же выходит здесь из берлинских марок? Только и утешаемся появлением на иностр<анных> языках (причем платят нам только французы, а прочие нации далеко не всегда, да и то грош).

Все это достаточно характерно для тона и содержания переписки в целом. На протяжении многих лет Амфитеатров жалуется Бунину

ну на свой убогий в материальном отношении быт (и ухудшающееся здоровье), а Бунин отвечает, что у него дела обстоят немногим лучше. Приведем еще несколько примеров. Вот что Амфитеатров пишет Бунину 6 октября 1925 г. в связи с распродажей последнего своего имущества с аукциона: «<...> проходил безобразный и мучительный период хлопот, с окончательным разгромом всего имевшегося, так что теперь в буквальной смысле слова — omnia mea mecum porto»⁸. Бунинский ответ от 10 ноября того же года гласит: «Чувства Ваши насчет «omnia mea» весьма понимаю. Только я уже 8 лет почти в таком положении».

Приведем еще несколько примеров. Амфитеатров — Бунину от 7 апреля 1926 г.:

Личные мои дела, конечно, сверхпакостны. «Ушки жмет — смерти ждет». Католическую Страстную и Пасху прожили без единого сольдо в доме в буквальной смысле слова. Вчера — вдруг идет мимо нас знакомый мужик. Занял у него 50 лир, — теперь хоть могу письма писать.

И от 14 апреля того же года: «С делами — полное уткнутие носом в угол с приглашением к поколеванцу».

А вот Бунин — Амфитеатрову, от 20 января 1927 г.:

<...> живу ужасно. Вера Николаевна опять была тяжело больна. Пришлось делать трудную операцию: удаление аппендикса и желчного пузыря с 20 камнями. Лежит в больнице (операцию делали 18-го). А мне рвали полипы в носу — 17-го. Замучен, разорен, едва ноги таскаю...

И от 30 июня 1930 г., в связи с выходом итальянского перевода повести «Деревня» в издательстве Slavia:

О «Деревне» на итальянском языке и об издательстве «Славия» впервые слышу — как им не грех грабить меня, нищего, даже не сообщив мне ничего об этом грабеже!

Любопытно, что стесненные финансовые обстоятельства не означали для обоих писателей полного отсутствия принципов и готовности ради денег пойти если не на все, то на очень многое. В письме от 20 июня 1926 г. Бунин интересовался у Амфитеатрова:

<...> простите за вопрос, отчего Вы не обратитесь к сербам или чехам за денежную поддержку? Ведь некоторые писатели ежемесячно получают. В каких Вы отношениях с этими нациями? — Еще раз прошу прощения за неожиданный и, быть может, чересчур смелый вопрос; если можно, ответьте мне на него.

24 июня Амфитеатров отвечал:

По Вашему вопросу о чехах и сербах. Как мне не знать о ежемесячном снабжении тамошних русских писателей коронами, когда я же и выхлопывал это снабжение!⁹ Но и тогда я не считал себя вправе воспользоваться чешской субсидией, не считая и теперь. Причины мои таковы: 1) Я никогда для чехов ровно ничего не сделал, — на каком же основании я, к<ото>рого они не знают и до настоящего времени не читали¹⁰, буду брать чешские деньги? 2) Я, по преимуществу, публицист, а публицисту нельзя связывать себя обязательными отношениями с каким бы то ни было правительством, тем более иностранным. Как, получая субсидию от Бенеша¹¹, я писал бы против политики Бенеша? Хорошо Василию Немировичу¹², как он, на девятом десятке лет, вдруг открыл в себе эсера и за то субсидируется тремя тысячами корон из какого-то Бенешева сверх-фонда. Но ведь я-то наоборот, эсера в себе закрыл¹³: при чем же я тут? 3) Насколько мне известно, чехи очень тяготеют писательским фондом, стремятся к его сокращению и вероятно вскоре вовсе закروют, что, по правде сказать, не будет несправедливо: пять лет ведь уже кормятся. 4) В числе получающих субсидию имеется сын мой Владимир. Еще и отцу садиться чехам на шею — to już zanadto¹⁴, как говорят поляки.

Что касается самого Бунина, то, когда издательство «Slavia» предложило ему за уже вышедший без его ведома итальянский перевод «Деревни» 200 лир вместо запрашиваемой им тысячи (мотивировав это тем, что гонорар ему вообще не полагается, поскольку Россия не подписывала Бернскую конвенцию 1886 г. об авторских правах, а перевод был осуществлен по московскому изданию 1912 г.), он с негодованием отказался от такой оскорбительно малой суммы.

В исследовательской литературе приходится встречать, например, такие высказывания о последнем периоде жизни Амфитеатрова: «<...> в 20-х годах Александр Валентинович опустился и, получив в подарок от Муссолини имение, в основном разводил свиней»¹⁵.

У Амфитеатрова и в самом деле были связи с итальянской фашистской партией (двое его сыновей, по словам самого писателя из письма к Бунину от 22 ноября 1922 г., «ушли в активные фашисты и принимают самое деятельное участие в революции Муссолини»), и даже выход на самого Муссолини (в письме Бунину от 10 сентября 1930 г., подбивая того на коллективный протест против безгонорарных переводов произведений российских эмигрантов на итальянский — кроме Бунина, жертвами оказались И.С. Шмелев и А.М. Ремизов — Амфитеатров писал: «у меня есть шансы довести <протест> до сведения Mussolini, а он человек с пониманием: самого грабили»). Но утверждать, что имение, где жил Амфитеатров, было подарено ему Муссолини — некорректно, тем более что из-за имения Амфитеатров судился с некоей Пией Форнелли, которая к весне 1930 г. процесс выиграла¹⁶. Из контекста писем Амфитеатрова к Бунину понятно, что Амфитеатров занялся свиноводством лишь от лютого безденежья, да и то в некоммерческих масштабах. Так, 11 октября 1928 г. Амфитеатров пишет Бунину:

<...> «жрать нечего». В буквальном смысле. Посему закололи единственную нашу свинью. Очень вышло гармонично. Я сию, пишу об Элеоноре Дузе¹⁷, а свинья визжит, что тоже не хочет помирать. Житье!..

В натуральном хозяйстве Амфитеатрова также нашлось место кроликам и курам (в письме Бунину от 11 ноября 1924 г. он характеризует свой быт как «куро-кролико-свиняче-огородный»), но и их в трудное время не стали щадить. Сообщая Бунину 8 февраля 1934 г. о последствиях недавнего урагана, Амфитеатров писал:

От курятников, свиарника и т.п. — к счастью, пустых, ибо население мы за абсолютно безденежный год поприели — остались груды камней, да свинцовые крыши, свороченные в свиток. <...> О восстановлении хозяйства нам, конечно, нечего и помышлять. Очевидно, природа решила помочь людям выжить нас с насиженного гнезда, ибо теперь — дай Бог хоть как-нибудь ухитриться, чтобы продолжать гнусно влачащееся существование.

Если что и шло на продажу, то в основном дары земли. 20 июля 1928 г. Амфитеатров извещает Бунина: «В мае-июне было хоть пропасть, да спасибо земляникою и цветами наторговали на 500 лир:

кое-как прокормились» — и сейчас же добавляет: «Теперь, с засухой, огородные ресурсы иссохли тоже». Не случайно поэтому Амфитеатров писал Бунину еще 23 июля 1926 г.:

Нет ли у Вас в Grasse садовода, от которого можно было бы достать на даровщинку или очень дешево луковичных и вообще многолетних растений? А то жена плачет, что с однолетними у нас превосходно, да по их скорой преходящести или преходимости, невыгодны они очень. А выписные клубни и луковицы, выхваляемые бельгийскими и голландскими прейскурантами, ошарашивают такими ценами, что едва ли и редактора Times`а в состоянии платить <...>. Жена говорит, что в больших садовых заведениях очень часто избыток растений просто выбрасывают за недостатком места для их размножения. А у нас как раз нехватка в способных к наибольшему размножению далиях, пионах, гиацинтах, гладиолах и т.п. Справьтесь, если не трудно. Очень обяжете. Мы, ведь, сим отчасти промышляем.

Насколько можно судить, на эту просьбу Амфитеатрова Бунин даже не ответил. Но вообще-то, несмотря на то, что возможности обоих писателей были достаточно ограничены, они старались помогать друг другу по мере сил. В письме от 20 января 1926 г. Бунин извещал Амфитеатрова:

Простите ради Бога, без спросу заявил «Комитету помощи писателям»¹⁸, что Вы в нужде, и нынче отправился на заседание и вырвал Вам 750 франков. Завтра отправлю Вам их. А вчера ездил к секретарю «Союза журналистов»¹⁹ и подал от Вашего имени просьбу о зачислении Вас в члены Союза (без этого денег не дают) и о выдаче Вам хотя бы 500 фр., потом послал Милюкову (председателю Союза) письмо на ту же тему.²⁰ Нынче там было заседание, завтра надеюсь узнать результаты всех этих демаршей. Пожалуйста, извините мою смелость»²¹.

Кроме того, именно по рекомендации Бунина Амфитеатров, сам об этой рекомендации Бунина попросивший, стал публиковаться в редактируемой П.Б. Струве газете «Возрождение», которая начала выходить в Париже с лета 1925 г. (но далеко не все статьи Амфитеатрова принимались к печати, а оплата происходила с задержками, так что он жаловался Бунину в письме от 20 июля 1928 г.: «<...> не все ль равно, зарабатывать 200 франков в месяц или вовсе ничего?

А в последнее полугодие «Возр<ождение>» кормило меня в этом милом роде» — и в конце концов к весне 1929-го из «Возрождения» ушел²²). Бунин же в конце 1926 г. порекомендовал книгоиздательству «Возрождение» опубликовать амфитеатровский сборник рассказов, частично основанных на старинных русских сказаниях («Петр и Феврония», «Повесть о Соломонии Бесноватой» и «Савва Грудцын»), под общим названием «Одержимая Русь» — но вместо этого сборника Амфитеатров отправил в издательство книжку под названием «Сильные и слабые», которая в марте следующего года была отвергнута.

Со своей стороны, осенью 1930 г. Амфитеатров написал увещательное письмо директору издательства «Slavia» Альфредо Полледро, протестуя, в частности, против появления вышеупомянутого итальянского перевода бунинской «Деревни» без авторского разрешения и без выплаты авторского гонорара, а также — в 1931–1932 гг. — организовывал номинации бунинской кандидатуры на нобелевскую премию, пользуясь личной дружбой с чехословацким президентом Масариком и связями в среде итальянских славистов (в частности, знакомством с Этторе Ло Гатто, работавшим в нескольких итальянских университетах; в письме Бунину от 16 ноября 1933 г. Амфитеатров даже утверждал, что итальянские номинаторы Бунина «весьма склонны приписывать конечную <...> победу и одоление своему энергическому влиянию (Падуанский и Неаполитанский университеты, римский Институт Востоковедения, Lo Gatto и др.). Не знаю, так ли это»).

Попутно следует подчеркнуть, что Бунин вел нобелевскую кампанию не столько из тщеславия, сколько из-за того, что — согласно выражению из его письма Амфитеатрову от 6 января 1931 г. — «уж очень измучен я вечным страхом за кусок хлеба, — часто буквально за кусок хлеба, — и всяческими лишениями, уже весьма трудными мне в моем возрасте». Так, в письме Бунина Амфитеатрову, предположительно датированном январем 1933 г., говорится следующее:

Насчет премии... Очень боюсь, что опять нас обойдут. Господи, если бы вдруг да не обошли! Спали ли бы с Вами тогда спокойно в наших хижинах, не боясь выгона из оных (а я тоже этого крепко опасаюсь — идет время, когда нужно будет начать понемножку выплачивать за зимнее пребывание на Belvédère`e²³, а я сейчас даже и представить себе не могу, где я возьму эти пять тысяч!))».)

Характерно, что, когда Бунин получил Нобелевскую премию, имя Амфитеатрова оказалось в списке тех, кому помог специально образованный Комитет по распределению сумм, пожертвованных Буниным на благотворительность. Из письма Амфитеатрова Бунину от 8 февраля 1934 г. мы узнаем, что 2 февраля Амфитеатров получил из образованного Буниным фонда 2000 лир, а 4 февраля — 269 франков (что по тогдашнему валютному курсу составило 190 лир, как не преминул указать получатель). В письме Амфитеатрову от 14 марта того же года Бунин комментировал относительную скромность этой суммы так:

Не моя <вина> в том, что такой грош послали Вам из тех денег, что дал я писателям, «Комитету Помощи Писателям» и «Союзу журнал<истов> и писателей» — я дал все-таки (простите за нескромность) целое маленькое состояние, а все раздробилось именно на гроши (ибо бедствующих — им нет числа). За Вас мне было особенно больно — письмо Илларины Владимировны истинно ранило меня²⁴ — но что ж я мог? Дал все что мог, ибо долгов у меня было несметное количество, истратился на поездку (и на одежду, ибо мы все были совершенно разуты-раздеты) ужасно, помогать родным в России теперь необходимо в утроенном количестве (осенью у меня умер брат Евгений — в страшной нищете, в городишке Ефремове — и оставил двух сирот), родные Веры Николаевны тоже погибают там (в Москве)... А все, что осталось у меня, пришлось, по требованию более разумных, чем я, друзей моих, — по требованию совершенно справедливому, — обратить в бумаги, дабы иметь некоторые проценты, ибо чем иначе жить теперь, лишившись (и уже навсегда) всяческих прежних пособий и милостынь? Переводы? Но если бы Вы знали, сколько всего и за какую ничтожность запродам я во все страны за последние годы, побуждаемый к тому крайней бедностью!»

17 марта того же года Амфитеатров реагировал на бунинские пояснения следующим образом:

По поводу суммы — сконфужен, в чем Вы извиняетесь? Подарил мне две тысячи лир с лишком, за что я признателен глубочайше, и сокрушается, что не осыпал меня, как в сказке, золотым дождем! Я не скажу, чтобы Ваша субсидия была для меня неожиданною — после того, как Алданов²⁵ написал мне,

что она предвидится. И после его письма я даже писал ему, что если она в самом деле будет, то нельзя ли будет поторопить Комитет, потому что конец декабря и начало Нового года вышли у нас тут чудовищно тяжкими. Но стоя на почве предположений, я ничего не ждал определенно, не считал себя на то в праве, а потому и не хотел обратиться к Вам с прямой просьбой: «Подайте, мол, мальчику на хлеб, он Велизария питает»²⁶. За присыл, поэтому, великое спасибо, но если бы Вы и ничего мне не прислали, это нисколько не умалило бы того большого дружеского чувства, которое я питаю к Вам, большущий и драгоценнейший писатель наш.

И однако, уже 7 июля того же года в очередном письме Бунину Амфитеатров рисует финансовые трудности своей семьи в самых черных красках, что было равносильно новой просьбе о вспомоществовании:

Чувствую себя не то что подавленным, а разможенным. Бодруюсь, стиснув зубы, потому что надо же как-нибудь добиваться того, чтобы бедующая вкупе и влюбсе со мною семья ела что-нибудь. Ухищрения к тому приходится прилагать сверхъестественные, но, увы, далеко не всегда они помогают. Больше сидим голодухой, в каковом милом состоянии, к слову сказать, именно сейчас пребываем. Душит нас окаянная Латвия. Зарабатываю жалкие гроши, о к<ото>рых и говорить-то совестно, а присылы опаздывают все больше и больше — не по вине газеты²⁷, а по мудрым правилам Латвийской республики, трепещущей, что если она раз в две недели разрешает послать мне 215–225 лир, то ее казначейство уже в опасности краха.

Необходимо найти какое-либо хоть сколько-нибудь подкармливающее дело или крупный долгосрочный кредит. А то — гляжу на своих и только изумляюсь растяжимости их долготерпения. Жена бедняжка стала уже совсем на человека не похожа, — несет тягу непосильную который уже год, и что день, то хуже, и никакой надежды на избавление. <...> Прямотаки — даже и не знаю, что возможно предпринять не к спасению, где уж, а хоть к возможности тянуть существование. Ибо так обносились и оборвались, что в город нет нам хода. Живем только деревенскою непристойностью и мало по малу — не крестьянствуя — дичаем в мужиков. С 15 мая по сие число весь мой заработок раялся 111 лирам. Кота не прокормить, а

не то, что четырех человек²⁸, не считая даже верной Тильды²⁹. О задолжениях что уж и говорить. Единственное утешение — они не могут возрастать, потому что уже нет в округе такого безрасчетного дурака, который бы нам в долг хоть коробку спичек поверил бы.

Содержавшийся в письме намек невозможно было не понять. Бунин, однако, ответил отказом, хотя и временным (письмо предположительно датируется второй половиной лета 1934 г.):

Чрезвычайно огорчен Вашим положением — и просто в отчаянии, что не могу исполнить Вашей просьбы: у меня до 1 октября нет буквально ни единой лишней копейки в доме, — есть только самый бедный остаток тех процентов, кои я получил с бумаг (ибо *весь* остаток моего «капитала» превращал, по требованию моих друзей, в бумаги). Занять мне тоже совершенно негде — весь Париж в отъезде. Горячо прошу Вас верить мне. В начале октября сделаю все возможное, чтобы хоть что-нибудь послать Вам.

Финансовая агония Амфитеатрова завершилась, лично для него, лишь с его смертью 26 февраля 1938 г. Что касается Бунина, даже Нобелевская премия не принесла ему длительного материального благополучия. По предсказуемой иронии судьбы, Бунин, время от времени выступающий в цитируемой переписке как амфитеатровский благодетель, умер в почти столь же тяжелых финансовых обстоятельствах пятнадцать лет спустя. Если же говорить о положении в целом, трудности межвоенного периода не могли не поблекнуть по сравнению с ситуацией во время и сразу после Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тема статьи выбрана не столько из-за того, что бывает увлекательно считать деньги в чужом кармане (даже если их не так много), сколько потому, что, за редкими исключениями (среди которых назовем книги «Книгоиздатель Александр Пушкин» С. Гессена (Л.: Academia, 1930) и «Быт и бытие Марины Цветаевой» В. Швейцер (Fontenay-aux-Roses: Синтаксис, 1988)), до недавнего времени прагматическому аспекту литературоведческих штудий, столь полезному для понимания экономической подоплеки литературного труда, уделялось недостаточно внимания — в особенности в том, что касается русской литературы. Правильный шаг в нужном направлении — публикация издательством «Новое литературное обозрение» в 2011 г., под ред. О. Коростелева и М. Шрубы, первых двух томов редакционной переписки

русскоязычного парижского журнала «Современные записки» (1920–1940), где значительное место уделяется спонсорским суммам, гонорарам, тиражам, типографским и почтовым расходам и курсу валют.

² С.м., в частности, его рецензии на «Чернозем» (Русь. 1904. 12 мая. С. 2), «Деревню» (Современник. 1911. № 2. С. 280–289) и «Веселый двор» (Утро России. 1912. 16 мая. С. 2; Одесские новости. 1912. 19 мая. С. 2), а также пародии на бунинский стихотворный стиль (Амфитеатров А. Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи. СПб., 1912. С. 208–209) и иронические отклики в связи с 25-летием творческой деятельности Бунина (Киевская мысль 1912. 2 ноября. С. 2; Одесские новости. 1912. 11 ноября. С. 2). Автор благодарит Даниэля Риникера за предоставленную информацию.

³ Иллария Владимировна Соколова (Райская), оперная певица (1873 или 1875–1949), замужем за Амфитеатовым с 1897 г. (по другим данным, с 1902 г.).

⁴ Не лишним будет отметить, что амфитеатовские письма длиннее и многочисленнее бунинских. При том, что Бунин вообще не любил писать письма, и помимо того, что в Леванто у Амфитеатрова было, несомненно, больше свободного времени, чем у Бунина в Париже (или даже на юге Франции), Амфитеатров явно нуждался в Бунине больше, чем Бунин в нем.

⁵ Архивные тексты печатаются с любезного согласия правообладателей. Автор публикации приносит глубочайшие извинения за те случаи, когда войти с правообладателями в контакт оказалось невозможным.

⁶ «Русская земля» — издательство, тесно связанное с «Объединением российских земских и городских деятелей» (Земгор). У истоков «Русской земли» стоял известный земский деятель Тихон Иванович Полнер (1864–1935). Одно время видную роль в издательстве играл А.Н. Толстой.

⁷ Имеются в виду издательства Я.Е. Поволоцкого (1882–1945) и О.Г. Зелюка (1888–1951).

⁸ «Все мое ношу с собой» (лат.).

⁹ Имеется в виду так наз. «Русская акция» чехословацких властей, направленная на финансовую поддержку российских беженцев. За период с 1921 по 1931 гг. эта помощь превысила 0,5 млрд чешских крон (см.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 22).

¹⁰ В действительности, в 1922–1926 гг. в чешском переводе в Чехословакии вышло как минимум шесть амфитеатовских книг, см.: Zdenka Rachůnková a Michaela Řeháková «Práce ruské, ukrajinské a běloruské emigrace vydané v Československu 1918–1945». Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. S. 15.

¹¹ Бенеш Эдуард (1884–1948) — с сентября 1918 г. по декабрь 1935 г. министр иностранных дел, затем (до октября 1938 г., а также с июня 1946 г. по июнь 1948 г.) — президент Чехословакии.

¹² Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) — поэт, плодовитый беллетрист, мемуарист. Умер в Праге.

¹³ До октябрьской революции Амфитеатров придерживался левых взглядов и даже (не очень, впрочем, охотно) субсидировал РСДРП (б). См.: Rogachevskii, A. Social Democratic Party Schools on Capri and in Bologna in the Correspondence between A.A. Bogdanov and A.V. Amfiteatrov // The Slavonic and East European Review. Vol. 72. No. 4 (October). P. 664–679. Левые убеждения отчасти определяли тон дореволюционных высказываний Амфитеатрова о Бунине. Так, в «Деревне» критик усмотрел «городской, господский перепуг <Бунина> пред новым мужиком» (Амфитеатров А. Литературные впечатления // Современник. 1911. № 2. С. 283), а по поводу «Веселого двора» утверждал, что «г. Бунин в русской изящной словесности — вроде чеховского дьякона в бане, которого по длинным волосам и многозначительным глаголам парщик принял за социалиста, а потом кланялся ему в ноги и просил его в том простить» (Амфитеатров А. Заветы // Утро России. 1912. 16 мая. С. 2).

¹⁴ уж слишком (пол.)

¹⁵ Пархомовский М. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовше-ва Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался. Иерусалим: Русское еврейство в зарубежье, 1999. С. 199.

¹⁶ Форнелли была хозяйкой виллы в Леванто, где Амфитеатров периодически проживал в 1913–1916 гг., еще в первый, дореволюционный период его эмиграции. Когда Амфитеатров вернулся в Италию в 1922 г., Форнелли подала на него в суд за неоплаченную аренду и выиграла. В результате у Амфитеатрова конфисковали все имущество, которое он оставил в этой вилле до отъезда, кроме библиотеки. Амфитеатровы остались фактически без гроша и жили недалеко от Леванто в деревенском доме друзей, которые никакой аренды не требовали. Благодарю Эльду Гаретто за предоставленную информацию.

¹⁷ Широко известная итальянская актриса (1858–1924), умершая от воспаления легких во время гастролей по США. Статья Амфитеатрова «Дузе и дузизм» опубликована в парижской газете «Возрождение» 15 декабря 1928 г.

¹⁸ Имеется в виду «Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции» (1921–1939), основанный известным политическим деятелем Н.В. Чайковским (1850–1926).

¹⁹ Имеется в виду «Союз русских писателей и журналистов в Париже» (1920–1940), до декабря 1922 г. известный как «Союз русских литераторов и журналистов». Бунин был первым председателем «Союза» (на этом посту его сменил П.Н. Милюков). Секретарем «Союза» долгие годы являлся адвокат и журналист Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954).

²⁰ «Союз русских литераторов и журналистов» смог выделить Амфитеатрову только 250 франков.

²¹ Амфитеатров, конечно, не возражал. 30 января того же года он писал Бунину: «Нет, 250 франков от Союза журн<алистов> я не получал еще. Откровенно говоря, и того не ждал оттуда. Были бы сегодня очень кстати, ибо сидит на кухне молочница

и даже глаза у нее зеленые от злости на нас. Придется принять и выпить сию горькую чашу, ибо жена лежит и лежит. Огромное Вам спасибо за хлопоты».

²² Бунин ушел из «Возрождения» даже раньше, когда на посту главного редактора Струве был заменен Ю.Ф. Семеновым. В открытке, предположительно датированной серединой августа 1927 г., Бунин сообщал Амфитеатрову: «Я тоже выхожу — по моральным соображениям, ибо Струве просто «вышиблен». Лишаюсь главного заработка, но что же делать?».

²³ Вилла на юге Франции, которую Бунины в тот период снимали.

²⁴ Вскоре после известия о получении Буниным Нобелевской премии жена Амфитеатрова написала В.Н. Буниной о бедственном положении Амфитеатровых. Письмо это было прочитано самим Буниным.

²⁵ Алданов Марк Александрович (наст. фамилия Ландау, 1886–1957), писатель и общественный деятель.

²⁶ Неточная цитата из стихотворения А.Ф. Мерзлякова «Велизарий» (1806).

²⁷ Речь идет о сотрудничестве Амфитеатрова в рижской газете «Сегодня».

²⁸ Кроме Амфитеатрова и его жены, на вилле в тот момент находились сыновья Амфитеатрова литератор Владимир и музыкант Роман (периодически подверженный приступам душевной болезни).

²⁹ Служанка Амфитеатровых Матильда.

ОБЩЕСТВО «ARTIFEX» В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ

Ради наглядности позаимствуем терминологию в одной из смежных сфер человеческого знания. Итак, двухтомная хроника «Литературная жизнь России 1920-х годов» стала единственным в своем роде полноценным атласом давно известного материка: изрезы его берегов, одинокие вершины и ровные плато, реки и ручьи впервые были нанесены на крупномасштабные карты. Нашим делом на ближайшие десятилетия становится уточнение отдельных деталей, по возможности тщательное описание избранных фрагментов открывшегося перед нами пространства. Вот, например, один из таких фрагментов.

29 марта 1920 г. в Москве происходило чествование Бальмонта в связи с 30-летием его литературной деятельности. Мероприятие было устроено под эгидой «Литературного особняка», но (не в последнюю очередь — из-за аморфности титульной организации) среди выступавших хватало представителей иных кружков и обществ: издательства «Чихи-Пиши», содружества «толстовцев», Камерного театра и др. Первым в списке сторонних ораторов, благодаря слепой справедливости алфавита, был В.И. Авдиев — от кружка «Artifex»¹. Это единственное появление в хронике и человека, и организации — между тем история обоих более чем занимательна.

Краеугольный камень философии Artifex'a — ставка на исключительную герметичность сообщества — оказался (как заметил бы прямолинейный романист прошлого) одновременно и могильным камнем: никто из его участников так и не нарушил подразумеваемого (а возможно и существовавшего въяве) обета молчания. Едва ли не единственное упоминание кружка в мемуарах современников состоялось в качестве выразительного контрпримера: «Мы отмежевывались от упомянутого кружка «Artifex», где думали, что за своей закрытой дверью можно *жить и вести себя*, как в 1913 году. Мы издевались над этим и жили всегда — и дома, и на людях — как советские люди»².

Сопоставимо ограничены были и посмертные свидетельства о кружке³ — в основном, в связи с биографиями его участников, позже счастливо подвизавшихся в иных областях: из Artifex'a вышли знаменитый искусствовед, крупный патологоанатом, два востоковеда, один уролог, два специалиста по истории русской усадьбы и православный

священник. Благодаря череде случайностей часть истории общества ныне может быть реконструирована.

Основу будущего Artifex'a составили выпускники 7-й московской гимназии — Всеволод Игоревич Авдиев⁴, Алексей Николаевич Залеман⁵ и Борис Николаевич Заходер⁶. Все одни почти одногодки — Авдиев и Заходер 1898-го года рождения, Залеман — 1899-го; но учились они в разных классах и, соответственно, гимназию окончили в разные годы — Авдиев в 1916-м, двое остальных в 1917-м. Авдиев и Залеман поступили на историко-философский факультет МГУ; Заходер сразу после окончания гимназии пошел работать секретарем Управления государственных академических театров, а доучивался позже в институте Востоковедения⁷. Ранняя переписка между ними, если и существовала, то не сохранилась, так что первые из разысканных документов кружка — проекты его устава, призванного зафиксировать содружество, в той или иной форме существовавшее с 1919 г. По ним (особенно это касается отвергнутых набросков) видно, в каких координатах мыслилась основателям коллективная деятельность:

1. «Artifex» — строгое братство. Слово есть один из величайших актов человеческого творчества. Мы объединены стремлением разгадывать заповеди на пути словесного мастерства. Все, что не есть истинное словотворчество, мы откидываем в сторону, как ненужное. Все, что носит в себе зерно истинного горения, равно дорого нам. Мы ученики, желающие постичь таинство перевоплощения сущности жизни в словесную форму.

2. Во главе братства стоит «Главный Мастер». Являя живую волю, он направляет работу. Ему — все доверие. Ему — вся власть. Избранный общим собранием, он облечен неограниченными полномочиями.

3. «Главный мастер» отбирает себе помощников, кои и составляют «Правление Братства» — Секретаря и Хранителя печати. Последнему он вручает печать братства — знак верности и незыблемого достоинства мастера⁸.

Другой вариант был выдержан в похожей манере, хотя и несколько отличался терминологией:

КОНСТИТУЦИЯ КАПИТУЛА БРАТСТВА «ARTIFEX»

1. Братство «Artifex» учреждается для несения неустанных работ на всякую пользу и процветание Российской Словесности.

2. Каждый брат обязан тщиться усовершенствовать труды свои для приведения их к единому художественному идеалу. <...>

12. Из собрания Капитула изгоняются лицемерие, тщеславие, зависть, обида и злоба, а взамен приглашаются: любовь, красота, искренность, скромность и доброжелательство⁹.

На стыке этих средневеково-масонских стилистик с легким оммажем славянофильству был составлен итоговый вариант, под которым в результате и подписались сочлены:

УСТАВ ОБЩЕСТВА ARTIFEX

Москва 1920 марта 1-го дня.

Мы нижеподписавшиеся, бывшие члены ныне состоящего здесь, в Москве с 1919 г. Общества Artifex, равно и вновь вступить в оное желающие, заблагорассудили подтвердить прежние учреждения и правила с точным и непрременным для каждого нижеподписанных отделений исполнением.

1. Вящей к искусству любовью и отменной к словомастерству охотой согласны мы, доброму вкусу следуя, все вместе журнал под титлом Artifex издавать, что для себя не только лестною забавою, но и щастливым делом почитаем.

2. Для общей пользы сего собрания и для наблюдений установлений каждый год должен быть выбран из господ сочленов секретарь, которого должность хранить кассу, архив и все текущие дела ведать.

3. Заседания происходят не реже, как один раз в месяц, и на каждом заседании о месте, дне и времени следующего заседания господ сочлены уславливаются.

Примечание: За несколько дней до заседания секретарь напоминает о дне его сочленам пригласительными письмами.

4. Для ведения и издательства журнала, избирается старший мастер оногo, на всякий номер особо: по выходе номера в свет, старший мастер пред сочленами в том отчет давать должен. На заседаниях он же председательствует и на сей вечер старшим почитается.

5. По прочтении представляемых для номеров Artifex статей, стихов и мемуаров, о достоинстве их обмен мнений пред-

седателем, о достоинстве их <sic>, допущен быть должен. Окончательное же решение лишь по заслушании на следующем заседании обдуманного и критического суждения о сих произведениях кого-либо из сочленов, путем передачи записок выносятся. Автор к подаче записок допущен быть не может.

6. Желаящие в сообщество вступить, на заседание как гости вводиться могут. Одним разом никакой член не может ввести более двух особ, за которых добронравие и благоповедение он ответчик, и если бы произошло противное, то с ним самим по всей строгости и справедливости поступлено будет. Каждый гость потом устно или письменно секретаря известить обязан, угодно ли ему искателем в сочлены баллотироваться.

7. По прочтении произведения, искателем на одобрение сообщества поданного, баллотирование записок подачею, простым большинством голосов решается. При баллотировании об Искателе ничего говорить не должно, а особливо на счет его свойств и качеств.

8. Никто из сочленов да не присвоит себе голоса властителя ниже особого перед другими сочленами преимущества.

9. Заседание при наличности трети числа сочленов открываемо быть может.

10. Дабы никто из находящихся или впредь принимающих <sic> сочленов никто не извинялся незнанием сих наших постановлений, то каждый, ежели он желает, чтобы его почитали за точного сочлена, своеручно к сему постановлению подписаться должен.

11. Потому и обязуемся мы все вообще вышеозначенные постановления и правила в самой точности исполнять, чего для своеручно и подписуемся, однако ж с тем, что в продолжении времени есть ли мы найдем за нужное, то можем, с общего большинства голосов, согласие оное поправить и совсем переменить. А буде не менее одной трети Господ сочленов в рассуждении оной перемены заявить.

У подлинной руки приложены тако

Секретарь сообщества А. Залеман

Сочлены¹⁰.

Под этим манифестом стоят восемь подписей: четыре из них представляют собой росчерки, сочетающие в себе исключительное изящество и полную неразборчивость, так что о впервые зафиксированном персональном составе Artifex'a можно судить только по следующим

протоколам. Среди безусловно читаемых (помимо трех упомянутых выше) — две фамилии: Игорь Шишов (Гофман) и А. Челпанов.

Первый — единственный из участников кружка, издавна отмеченный в летописях русской поэзии¹¹, и он же — парадоксальным образом — одна из самых загадочных в ней фигур. Благодаря случайно установленному тождеству адресов удалось идентифицировать поэта Игоря Шишова со студентом-медиком, обучавшимся в МГУ с 1916 по 1921 годы. Несколько лет спустя, претендуя на должность преподавателя урологической клиники 1-го МГУ, он составил свое краткое жизнеописание:

CURRICULUM VITAE ВРАЧА И. Ф. ШИШОВА

Родился 28 ноября 1898 г. Кончил гимназию Флерова (Москва) в 1916 г. Кончил Медфак 1-го М. Г. Ун-та 1 января 1921 года. Оставлен ординатором при урологической клинике Зьего Университета (М. М. И.). С октября 1921 г. по июнь 1922 г. по своей воле прервал ординатуру, — работал «на голоде», заведую уездной больницей в г. Усолье Пермской губернии. С июля 1922 г. по сентябрь 1924 г. — кончаю ординаторский стаж при клинике урологии Зьего Университета. Одновременно в вечерние часы — сперва экстерн, а с 1/VII 1923 г. ординатор диспансера при Государственном Венерологическом Инс<титу>те (по отд<елению> м<ужской> гонореи), в каковой должности состою по сие время. В течении 2 месяцев по замещительству заведовал приемом гонореи и отделом санитарного просвещения Диспансера. С сентября 1924 выбран сверхштатным ассистентом клиники м<ужской> гонореи Государственного Венерологического института, где и работаю по сие время. С 1924 года — член общества Урологов в Москве. На II Всероссийском съезде по борьбе с венболезнями в Харькове (май 1925) выступал с докладом «К вопросу о критерии излечимости гонореи и внесении ее в семью»¹².

Второй из опознанных участников, Александр Георгиевич Челпанов, сын прославленного психолога, известен гораздо больше. Он учился в той же 7-й гимназии (где очевидно и познакомился с основателями кружка), но несколькими годами ранее:

CURRICULUM VITAE

Я родился 23 Августа 1895 г. в Киеве, где отец мой был в то время профессором Университета.

Среднее образование получил сначала в Киевской 1-й, а затем и в Московской 7-й гимназии, которую и окончил в 1913 году с серебряной медалью.

На Историко-филологическом факультете Московского Университета, в число сотрудников которого я вступил в том же году, я занимался классической филологией и отчасти древней философией. Принимал участие в семинариях: С.И. Соболевского — по «Алкестиде» Еврипида, греческому синтаксису и латинской стилистике; Н.И. Новосадского — по «Поэтике» Аристотеля и греческой эпиграфике; А.А. Грушки — по Авлу Геллию и «Aulularia» Плавта; М.М. Покровского — по Горацию, Вергилию, Monumentum Ancyranum и истор<ической> грамматике греч<еского> и лат<инского> яз<ыка>; В.Ф. Эрнэ по Платону.

По окончании университетского курса в 1919–1920 г. преподавал латинский язык в средней школе.

В 1920 г. был призван по мобилизации в Красную Армию, где до последнего времени занимал ряд командных и административных должностей. Имею следующие ненапечатанные работы:

1) «Трофоний и Агамед» (I. Трофоний в ряду греческих богов и героев; II. Миф о Трофонии; III. «Пещера Трофония» и ее топография; IV. Оракул Трофония; V. Культ Трофония)¹³.

2) Из наблюдений над Театром Эврипида (Ифигения-жертва) — принято к напечатанию в сборнике «Кифара»¹⁴ (книгоиздательство «Земля и фабрика»).

3) Разбор перевода комедий Аристофана Адр. Пиотровского — для того же сборника.

4) Переводы из греческих лириков (Феогнида, Палатинской антологии и др.).

Помимо того мною (совместно с Д.С. Усовым) предпринят и в значительной части выполнен перевод древнегреческих «Carmina popularia»¹⁵ из сборника Bergk'a «Poetae lyrici graeci».

В своих специальных занятиях я пользовался советами и руководством главным образом профессора Николая Ивановича Новосадского.

А. Челпанов
29 июля 1924 г.¹⁶

Устав кружка в окончательной редакции был принят 1 марта 1920 года в понедельник; несмотря на то, что в нем была прописана

лишь минимальная частота заседаний (раз в месяц), в следующий раз участники собрались неделю спустя — 8 марта. Повестка дня выглядела следующим образом:

1. Доклад В.И. Авдиева о способах печатания журнала «Artifex» о бумаге и обложках к нему.
2. Предложение А.Н. Залемана печатать журнал на частной машинке.
3. О кассе общества и взносах.
4. О нумерации переднего <sic> номера.
5. Об открытии подписки (публичной) на № «Artifex».
6. О мастерской «Artifex».
7. О дне следующего собрания.
8. Разбор стихотворений Всеволода Репнина.
9. Заслушание стихотворения И. Шишова.
10. Заслушание произведения Б.Н. Заходера «Максимилиан»¹⁷.

Из этого реестра тем для обсуждения очевидно принципиальное решение, по умолчанию принятое сочленами: отказ от участия в публичных чтениях (наиболее популярный для 1920 г. способ литературной самопрезентации). «Artifex» обещал быть полностью изолированным предприятием, связанным с внешним миром лишь посредством регулярно издаваемого журнала. В заданных координатах органически смотрелись и догуттенберговский способ тиражирования продукции, и нарочито приземленная «мастерская» (конечно, не без апелляции к общей памяти о «цехе поэтов»), и первый шаг на пути к отмене мирских имен (Репнин, чьи стихи должны обсуждаться 8 марта — псевдоним Авдиева).

Следующее заседание состоялось через три дня, 11 марта — и на нем в члены кружка баллотировался новый участник.

1. Заявление Н. Романовского о принятии его в члены.
2. Доклад В. И. Авдеева о печатании обложек и бумаге.
3. Доклад А. Н. Залемана о печатании «Artifex» на машинке.
4. Ознакомление с представленными Н. Романовским переводами из Гарвуда <?>¹⁸.
5. Разбор рассказа Б. Заходера «Максимилиан».
6. Доклад Б. Н. Заходера о мастерской Artifex¹⁹.

Про Николая Сергеевича Романовского известно немного: он был сыном юриста и внуком протоиерея; учился в консерватории, но вынужден был оставить музыку из-за болезни локтевого нерва. Окончил филологический факультет МГУ; обладая исключительной способностью к языкам, зарабатывал на жизнь переводами. В телефонной книге 1930 г. числился сотрудником Народного комиссариата финансов; позже работал в Государственной научной библиотеке²⁰. В «Artifex» почти наверняка был приведен Авдиевым, с которым дружил с детства²¹.

Три дня спустя на заседании 14 марта рассматривается вопрос о принятии нового участника:

1. Заявление Ю.А. Бахрушина о желании вступить в члены.
2. Разбор «Максимилиана».
3. Разбор произведений Н. Романовского.
4. Предложение В. Авдеева об обложках для сборника Artifex.
5. О Мастерской Artifex²².

Вероятно, на рубеже марта и апреля 1920 г. был отпечатан первый номер журнала²³. Тираж его составил пять экземпляров (одна машинописная закладка). Открывался он пятью стихотворениями Шишова, дальше следовал прозаический отрывок Залемана «Силуэты», потом «Cadenza fiorata» Заходера, «Фрагменты» И. Алексеева²⁴ и эссе Шишова «Позабытая нежность (О стихах В. Гофмана)». Последнее весьма любопытно с точки зрения демонстрации литературной родословной участников кружка: одно из немногих упомянутых ими сторонних имен принадлежало автору, равноудаленному от современных ему коалиций и не оставившему прямых поэтических наследников²⁵. Заканчивался журнал анонсом следующего номера: его предполагалось выпустить тиражом в двадцать нумерованных экземпляров номинальной ценой в 150 руб.; подписка принималась у Заходера и Залемана²⁶.

Взятый с самого начала темп заседаний оказался непрост для соблюдения некоторыми из членов кружка; суровость устава, напротив, взывала к строгости. За апрель 1920 г. «Artifex» собирался четырежды (5, 12, 28 и 30 числа) — и когда в заседании 8 мая кружок вновь явился не в полном составе, отсутствующим Б.Н. Заходеру, Ю.А. Бахрушину, Н.С. Романовскому было вынесено предупреждение²⁷. В эти же дни вышел второй номер журнала (проект оглавления к нему помечен 24-м апреля²⁸), состоящий по преимуществу из сти-

хов: подборки оригинальных текстов Шишова и Авдиева (укрывшегося за обычным псевдонимом «Репнин»), переводы Романовского из Горация и статья Авдиева «Идеал чистоты в древнем Египте» — едва ли не дебютная его работа в области, в которой ему суждено было снискать мировую известность. Тот же состав авторов (Шишов, Романовский, Авдиев) был и в третьем, последнем из сохранившихся номеров журнала.

Заседание 11 июня 1920 г. было посвящено дисциплинарным вопросам и принятию нового участника.

Предложение И.Ф. Шишова в связи с выяснившейся остановкой текущих дел о вынесении порицания секретарю сообщества А.Н. Залеману за небрежное ведение им дел. <...>

По прочтении двух стихотворений А.С. Брумберга вопрос об их литературных достоинствах и о принятии писателя и автора сих произведений в число членов сообщества²⁹.

Александр Семенович Брумберг родился в 1898 г. в семье врачей; отец — Шимон Цадик (Семен Федорович) был специалистом по внутренним и детским болезням³⁰; практиковал в Москве; мать, Цецилия Иосифовна, фигурирует как женщина-врач в московских адресных книгах, но врачебная специальность ее неизвестна. Учился на медицинском факультете 1-го МГУ с 1916 по 1921 гг. (т.е. одновременно с Шишовым); сразу по окончании университета уехал в г. Александров Ивановской губ., где заведовал хирургическим отделением; в 1924 г. вернулся в Москву; работал в Черкизовской амбулатории, в Больнице им. Красной Армии и Флота Пушкинского района Московской области; с начала 1930-х гг. работал исключительно в области патологоанатомии³¹.

Неделей позже была сделана попытка переформатирования работы кружка: Главный Мастер (Авдиев) огласил на заседании 18 июня ряд тезисов:

1) Работа сообщества несистематична, несплочена, нецельна. Нет определенных, объединяющих идей, а если они и есть, то они не осознаны. Надо их осознать, сформулировать, определить.

Необходимо сплотиться и самоопределиться!

2) Для осуществления сего предлагаю поручить двум старейшим и весьма уважаемым членам А.Н. Залеману и И.Ф. Шишову совместно выработать проект манифеста или

символа литературной и эстетической веры сообщества. При исполнении сей работы предлагаю им руководствоваться не личными своими убеждениями, а взглядами, разделенными всем сообществом и выраженными большинством членов его на всех предыдущих заседаниях³² и т.д.

К следующему заседанию кризис (о котором мы можем судить лишь по внешним симптомам) только углубился: 25 июня в протоколе зафиксирована необходимость глубоких реформ:

Призывая сочленов к полной откровенности, гл<авный> М<астер> сообщает о сложении президиумом своих полномочий и переходит к обзору деятельности сообщества за время его председательствования.

Гл<авный> Мастер говорит о скрытых несогласиях бывших в сообществе даже в начале его существования <...>. Замеченными слабыми сторонами были: слишком большая любовь к прошлому, идейная несплоченность, несерьезное отношение к делу³³.

Летом частота заседаний снизилась (либо часть протоколов была утрачена) — известно, что одно из собраний конца июня происходило в усадьбе Остафьево³⁴; в архиве кружка отложилась также объяснительная записка Бахрушина по поводу отсутствия на собрании середины июля (возможно — 16-го числа)³⁵. 22 июля «Artifex» навсегда покинул один из тех, кто подписывался под Уставом:

Милостивый Государь
Господин Главный Мастер!

К сожалению моему, обстоятельства личной моей жизни не дают мне возможности принимать достаточно деятельное участие в работах руководимого Вами Общества.

Поэтому я вынужден просить Вас исключить меня из членов Общества «Artifex».

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении.

А. Челпанов³⁶.

Две недели спустя кружок несет новую, еще более чувствительную потерю: из сообщества выбывает В.И. Авдиев, один из основателей, — и Главным Мастером становится Заходер. Несмотря на формальную

бесконфликтность этого шага, запечатленную в протоколе («Считать В.И Авдиева другом Artifex» etc³⁷), по всей вероятности, в основе произошедшего лежали кардинальные разногласия между основателями во взглядах на дальнейшую судьбу кружка. Отчасти это следует из обсуждавшегося в тот же день принципиального вопроса:

Предложение Гл<авного> Мастера о желательности введения к 1-му сборнику написанного Брюсовым. А.Н. Залеман решительно протестует. Ю.А. Бахрушин предлагает поправку: предварительно познакомить Брюсова с Artifex (из соображений политических), не предлагая вопросы о введении³⁸.

Соображения обоих спорщиков очевидны: формальное одобрение мэтра должно было ввести литературную деятельность Artifex'a в уютный фарватер полуофициального признания — открыв, в частности, дорогу к хоть эпизодическим, но публикациям, участию в общелитературных мероприятиях и, возможно, к государственной поддержке³⁹: все это явно противоречило первичному целеполаганию основателей. В дальнейшем этот сюжет иссяк — хотя один из участников сообщества, а именно Шишов, был замечен в контактах с Брюсовым. 26 декабря неизвестного года (по всей вероятности — того же, 1920-го) он отправил ему письмо:

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Вам, вероятно, очень надоели молодые авторы с первыми сборниками стихов. Простите, что, будучи представлен Вам лишь однажды, решаюсь послать Вам мою тетрадь с просьбой просмотреть ее. Если Вас не очень затруднит, может быть, Вы сочтете возможным бросить в прилагаемом заготовленном конверте в почтовый ящик для меня хотя бы два слова: — *очень или не очень плохо*.

Ваше мнение, Ваш суд *означает для меня очень многое*.

Простите за не совсем связные строки⁴⁰.

Неделей спустя (30 августа 1920 г.) кружок понес новую утрату:

Любезный Борис Николаевич!

Прежде всего разрешите мне извиниться в том, что я не сообщил Вам причину своего отсутствия на предыдущих заседаниях Artifex'a. Обстоятельства чисто личного характера лишали меня возможности быть у Вас. Теперь позволю себе

информировать Вас о следующем. При моем вступлении в число членов кружка, я, всецело сочувствуя идеям и устремлениям Artifex'a, намерен был серьезно отдаться работе кружка. К сожалению, как теперь выяснилось, по некоторым зависящим и независящим от меня обстоятельствам, для работы в Artifex'e у меня не оказывается ни времени, ни сил. Праздным зрителем того, как другие творят во имя тех целей, которые я разделяю, я быть не могу, почему и прошу меня не считать более в числе членов кружка Artifex. Предоставляя Вам право судить о степени внешней корректности моего поступка, надеюсь — Вы не упрекнете меня в неискренности.

Преданный Вам и кружку Artifex

Брумберг⁴¹.

О некоторых обертонах этого послания нам остается только догадываться: в частности, значимым выглядит то, что Брумберг обращается с письмом к Заходеру, а не ставит в известность своего однокурсника Шишова (которому, очевидно, он и был обязан членством) — значит ли это, что между двумя будущими медиками существует конфликт?

Спустя полтора месяца намечается попытка реставрации: «Artifex» в несохранившемся письме (или даже устным обращением) просит Авдиева вернуться на пост Главного мастера и возобновить прерванные занятия в прежнем формате (Этому предшествует зафиксированное в протоколе намерение: «Предложение И.Ф. <Шишова> обратиться к В.И. Авдееву с просьбой принять пост гл. Мастера»⁴²). С перечислением подробных условий возвращения тот обращается к Шишову, попутно обвиняя его в том, что именно он был одним из сокрытых двигателей произошедшего неудачного переворота:

Любезный Игорь Федорович!

Разрешите мне обратиться к Вам, как к хранителю печати «Artifex» с нижеследующим вполне официальным заявлением.

Будучи избранным другом сообщества, я, как Вам это наверное известно, принял с благодарностью это звание и не мог его не принять, т.к. в душе моей связь с «Artifex'ом» не порвалась, а только ослабилась. Теперь же, когда, по словам Алексея Николаевича, от моего возвращения на пост гл. мастера, зависит само бытие общества, я, ни минуты не колеблясь и даже жертвуя в некоторой степени собственным самолюби-

ем, иду на Ваш зов и согласен продолжить начатое мною и так некстати прерванное дело.

Но, глядя вперед и не желая снова пережить тех тягостных минут, которые Вам, наверное, еще хорошо памятливы, т.к. Вы, Игорь Федорович, были одним из их виновников, я согласен возвратиться на пост главного мастера лишь на следующих условиях:

1) Я бы хотел, чтобы все члены сообщества единогласно выразили свое желание (в письменной форме) видеть меня снова главным мастером.

2) Я бы хотел, чтобы сообщество также единогласно просило бы Н.С. Романовского и А.Г. Челпанова возвратиться к активной работе в сообществе.

3) Я бы полагал необходимым считать для себя, как для гл. мастера, необязательными все те постановления сообщества и президиума его, какие были приняты в мое отсутствие; с момента ухода моего из сообщества.

4) Я бы считал необходимым либо установить срок полномочий гл. мастера, либо поручить ему известное дело, во всяком случае, не поднимать вопроса об его отставке до истечения срока его полномочий или до окончания взятого им на себя дела, т.к. в противном случае возможны будут повторения того нежелательного и неприятного инцидента, который таким досадным образом нарушил правильную деятельность сообщества.

5) Я считаю необходимым указать на то, что деятельность свою я буду продолжать на тех же основаниях и принципах, которыми я руководствовался, будучи главным мастером сообщества, и которые были выражены мною в моих семи предложениях, принятых сообществом, и принятие которых я считаю необходимым подтвердить теперь, при возвращении моем на пост гл. мастера.

Наконец, я буду категорически просить Вас передать всем членам сообщества, что я считаю возможной плодотворную работу только при условии честного, искреннего и открытого отношения всех членов к гл. мастеру и между собой и серьезного отношения к делу, которое мы все должны иметь и из которого посмешища делать не должны. Вместе с тем, я предупреждаю Вас, что я не буду считать себя связанным какими-либо обязательствами и лишь только я замечу, что того отношения, которое я считаю необходимым, в обществе нет и к делу относятся несерьезно, лишь только я замечу, что снова

начинаются интриги, что из общества снова делается балаган, я немедленно покину общество и уже навсегда. Это будет моей последней попыткой работать в качестве главного мастера «Artifex».

Очень прошу Вас, любезный Игорь Федорович, сообщить содержание этого письма А.Н. Залеман и уведомить меня, будут ли приняты мои условия.

Если бы Вы были так любезны и зашли бы ко мне, я был бы рад переговорить с Вами более подробно о том деле, которое мы с Вами так любим.

С искренним уважением

В. Авдиев⁴³.

Вероятно, этот многосоставный ультиматум был принят, поскольку следующие несколько заседаний проходят в прежнем составе⁴⁴. Среди обсуждавшихся на них тем одна из главных — это предстоящее первое публичное выступление участников кружка. Оно должно было состояться 3 декабря 1920 г. во Дворце Искусств; в преддверии его были изготовлены и разосланы сочувствующим машинописные повестки:

Сообщество Artifex просит Вас пожаловать на открытое заседание мастерской, имеющее быть 3 сего декабря в 7 час. вечера во Дворце Искусств (Поварская, 68).

Секретарь⁴⁵.

Первое явление кружка на всенародные очи прошло незамеченным: единственный отзыв о произошедшем, который удалось разыскать, был зачитан на следующем (на этот раз привычно закрытом) собрании самого «Artifex'a»: «А.Н. Залеман сообщает впечатления некоторых присутствовавших лиц об открытом заседании. Общее впечатление вполне благоприятное. Несколько шокировала “торжественность”. Между прочим, мешала слушателям электрическая лампочка⁴⁶. Прямым последствием этого полууспеха был явно наметившийся дрейф в сторону публичности: на втором январском заседании (21 января 1921 г.) в повестку дня был внесен пункт: «Принять к сведению и считать желательным устройство платных вечеров с тщательно подобранными материалами (после легализации общества). Окончательное решение вопроса переносится в ареопаг сообщества»⁴⁷.

В видах предстоящей легализации участники кружка подготовили несколько рукописных книг. Это было вполне в духе времени: стре-

нительно сформировавшаяся практика автографических сборников (составлявших изрядную долю ассортимента московской «Книжной лавки писателей»⁴⁸) располагала к подражанию и за пределами признанных литературных кругов. Более того, сходный обычай бытовал и в самом кружке: так, в архиве Авдиева отложилось несколько рукописных эфемерид однотипного вида: на обложке характерным почерком Авдиева начертано заглавие, далее оттиснута кубистическая печать «Artifex'a»⁴⁹, затем следует резолюция «В Архив "Artifex". Гл. Мастер»; внутри же — одно-два стихотворения⁵⁰. На смену этим промежуточным формам на рубеже 1920 и 1921 гг. пришли почти полноценные книги, гораздо ближе продвинувшиеся по направлению к печатным образцам.

На сегодняшний день разыскано два квазииздания — «Стихотворения» Игоря Гофмана (т.е. И.Ф. Шишова) и «Стихи» В. Репнина (т.е. В.И. Авдиева); первая из них имеет римский номер «I», вторая — «III», что почти неоспоримо свидетельствует о существовании между ними еще одной, пока ненайденной книги⁵¹. Обе они выполнены по одному канону: к экземплярам сделаны обложки из плотной бумаги, в обоих случаях указан тираж (по 10 пронумерованных экземпляров), обоим предпосланы предисловия — и в том, и в другом случае их написал Греч (Залеман). Сходна и общая тональность вступлений:

Игорь Гофман...

— поэт для избранных, тонкий миниатюрист, всегда изысканный, потому слишком интимный.

Теплая гамма красных, золотистых предвечерних, я сказал бы акварельных тонов, всегда солнечных.

Рубины, янтари, сердолики — его камни и талисманы.

Точно нарисованы его стихи; их глаза, как аметисты, устремленные в прошлое, как опалы, полные грустных предчувствий. В этом почерке, еще неуверенном, капризном, может быть, намеренно женственном, слышатся почти знакомые слова «Гонга» Георгия Шенгели и «Книги Вступлений» Виктора Гофмана.

В эти дни искусства для эстрады, когда наш молодой *vers libre* почти провозгласил «слово — только образ» — просто странно и странно-радостно вдруг прочесть, что у слова есть краски и линии, как есть мелодии и ароматы.

«...искать в зрачках забытый свет
и на губах, таких знакомых,
прочсть как раньше слово “нет”»

или:

«Прислушайтесь: октябрь, какой протяжный звук
немое “о” меж “б” и “р” закралось,
угрюмых дум о прошлом не зову
и жду тебя, уныния усталость»

И не только линии и краски, но и душа слов, слова, настроенные на определенные тона: «у» лейт-буква приведенных строк; это больше чем звукопись, это — «словонастроение»; «у» — вот разгадка инструментовки тем.

И слово — «image», как замена эпитета, быть может, не менее ясно, чем у будто придумавших этот девиз — блестит в простом и тонком гербе Игоря Гофмана.

«...о чем еще мечтать, — когда как дважды два
Знакома всем любовь, накрапленная карта.
О чем еще мечтать. Душистые саше,
Что шиты бисером серебряных минуток
Ненужный скарб моей пустой души,
Мешая боль в моих бровях согнутых».

Не для полемики написаны эти строки, но для тех немногих, кто любит и кому дорого искусство Artifex и эта маленькая первая тетрадка стихов.

Алексей Греч.
Москва, декабрь 1920.

Или:

Углубленная лирика тем непременно суровых и расторгнутых, предопределяет строгую и сжатую структуру стиха. Ясность и законченность будто геометрически задуманного рисунка, пленяет внятнм образом в каждом opus'e поэта: — таковы звукописные «Шорохи ночи», таковы бальмонизмы <sic> «Зимних песен», такова графически использованная инструментовка «Пасхальный звон».

Мастерство формы, технически совершенно использованная музыка хореев, повторение аллитераций, мужских цезур, четкость и параллелизм образов простых и как бы замкнутых в самих себя — вот художественный абрис стихов Репнина, где сложность и свет вилетены причудливым «blanc et noir» в черные контуры ночи... Звуковой облик слова должен быть равнозначим его словесному смыслу — не преобладая над ним, — но и не уступая ему.

Так возникает согласие поэта и стихотворца, — залог подлинного и единого мастерства слова. Вместе с тем, какой надлом, какая больная мучительность в душе поэта — постоянная тоска об ослепительном свете мечты, зов «из душных крипт к сиянию дня» — и трагический фатум, вдруг почудившийся в темном силуэте храма, и это нетерпимо недужное, что в строках эпитафия «что быть должно, то быть должно»... Оттого, быть может, лик поэта двоится, — оттого ни разу не улыбнется нежная и лирическая душа, которой на последней странице черный ворон Эдгара По говорит свое трагическое «never more».

Алексей Греч.

Москва 1921.

Вероятно, в предчувствии будущей открытости сообщества был видоизменен и его устав: все архаизмы были искоренены вместе с масонской символикой — и кружковая конституция была переписана на современном бюрократическом языке:

УСТАВ СООБЩЕСТВА «ARTIFEX»

1. Сообщество «Artifex» есть литературно-художественный кружок, ставящий своей целью путем постоянной и упорной работы поставить творчество своих членов на высоту, некогда достигнутую великими мастерами прошлого.

2. Деятельность сообщества заключается в устройстве закрытых и открытых заседаний для заслушания и обсуждения произведений членов сообщества, в издании периодического журнала и неперIODических сборников, а также собственных сборников произведений членов сообщества.

3. Во главе общества стоит президиум из трех лиц: главного мастера, секретаря и хранителя печати, несущих всю техническую работу общества.

а. Главный мастер избирается на 6 месяцев и является председателем и главным руководителем общества.

б. Секретарь и хранитель печати избираются на тот же срок. Секретарь ведет протоколы заседаний, всю переписку сообщества и ведаёт его кассой.

в. Хранитель печати хранит печать сообщества.

4. Заседания сообщества происходят не реже, чем один раз в месяц и могут быть открыты при наличии одной трети всего числа членов с-ва.

5. Для вступления в сообщество необходимо предоставление рекомендации двух членов сообщества и прочтение какого-нибудь художественного произведения на заседании сообщества. После обсуждения его на следующем заседании производится баллотировка закрытой подачей голосов.

6. Настоящий устав может быть изменен лишь $\frac{3}{4}$ голосов всех членов сообщества, причем заявление об изменении его может быть внесено на рассмотрение лишь $\frac{2}{3}$ всех членов сообщества.

Главный Мастер Авдиев.
21 января 1921 года»⁵².

В первые дни 1921 г. (точная дата неизвестна) общество покидает Шишов:

Главному Мастеру Artifex

Любезный Главный Мастер

Очень сожалею, но обстоятельства совершенно и безусловно частного характера вынуждают меня выйти из состава Artifex и из президиума, членом которого я имел честь состоять.

Искренне уважающий Игорь Шишов⁵³.

На том же листке — его письмо к Гречу:

Алеша, милый,

У меня большое, большое горе, очень такое, — не знаю как сказать, — свое, внутреннее. — Не так сказал. Во всяком случае, как художник, как творец чего-то, как фантазер и мечтатель — я кончился. Точка. — Понимаете. Больше ни одной строки. Кое-что возвращаю в архив Artifex.

Единственный экземпляр — тетрадочку стихов хочу предложить в Ваш личный архив. Вы чуткий и нежный.

Если и как человеческий документ она не интересна — верните, или уничтожьте. Из всего Artifex дороги мне только Вы.

Вас я люблю (почти); — с Boris'ом <Заходером> разошелся окончательно. Не откажите передать письма Авдееву, журнал — Герману Васильевичу⁵⁴, а «о рифме» — Авдееву для Романовского. Заранее благодарю. И.

Впрочем, отсутствие его продлилось недолго — и в ближайшем мероприятии кружка Шишов уже принимал непосредственное участие.

Вскоре после состоявшейся реформы представился случай опробовать новую стратегию открытости кружка: 11 февраля 1921 г. был назначен «Вечер памяти Пушкина», на котором «Artifex» должен был выступить в обновленном составе. Сохранилась повестка этого вечера:

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ПУШКИНА

29/11 янв. — февр. 1921 г.

I.

1. А.С. Стрелков. Идея государственности у Пушкина
2. Игорь Гофман. К стихотворной технике 5 главы Евгения

Онегина

3. Александр Греч. Пушкин в Остафьеве
4. В. И. Авдеев. Невидимые чары
5. В. В. Судейкин. Стихотворение.

II.

1. В.В. Згура. Тропининский портрет Пушкина
2. Г.В. Жидков. Рисунок Пушкина
3. А.С. Стрелков. Серовский портрет — рисунок Пушкина
4. Алексей Греч. Несколько иллюстраций к Пушкинскому

тексту

5. Игорь Гофман. Стихотворение⁵⁵.

В этом документе примечательно прежде всего появление нескольких лиц, которым суждено было сыграть в судьбе кружка решающую роль. Благодаря интенсивным разысканиям последних лет, имя Владимира Васильевича Згуры вряд ли нуждается в пояснениях⁵⁶. Существенно менее известен искусствовед Герман Васильевич Жидков (1903–1953). Вот краткая его автобиография 1928 г.:

Образование. По окончании средней школы (Моск. XI гимн.) поступил в 1 М.Г.У., который окончил в 1921–22

ак<академического> г<ода> по Отделению Истории и Теории Искусств Историко-Филологического факультета. Был избран науч. сотр. II разр. Н.-И. Института Археологии и Искусствознания, а весной 1924 г., по сдаче соответствующих испытаний, утвержден аспирантом того же Института. В порядке прохождения аспирантского стажа представил проработку пяти тем, в форме докладов (по русскому искусству, западному, византийскому, восточному и по теории иск.). Последний из указанных докладов был прочитан в октябре 1925 г., а 20 дек. 1927 г. на открытом пленарном заседании Института я защитил диссертацию на тему: «Московская живопись середины XIV века», после чего был признан закончившим аспирантский стаж и имеющим право преподавания в ВУЗ'ах. <...>⁵⁷.

В университете он учился вместе с будущим крупным востоковедом Александром Семеновичем Стрелковым⁵⁸, для которого это было уже второе образование: к 1919 г. он успел окончить юридический факультет:

CURRICULUM VITAE

Родился в 1895. В 1913 году окончил Гимназию. В 1914 году поступил на Б. Юридический Факультет Московского Университета. Прослушав курс названного Факультета, в 1919 году перешел на отделение истории и теории искусства б. Историко-Филологического факультета того же Университета, каковое и окончил в 1922 году по специальности восточно-христианского искусства, представив работу по вопросу «Материалы по биографии и библиографии В.Л. Боровиковского». В 1922 и 1923 году состоял сотрудником 2-го разряда Исследовательского института по Археологии и Искусствоведению при Фон'е 1-го М.Г.У. В это время в институте мною были прочитаны доклады «Новый портрет кисти Боровиковского» (частично напечатано в журнале «Среди коллекционеров» за 1923 год № 3) и «Русская живопись для театра». По окончании Университета работал по восточному искусству, специально изучая буддийское искусство Индии и Центральной Азии, а равно искусство и культуру Ахеменидовской и Сасанидской Персии. Главной темой моих работ по буддийскому искусству раннего средневековья является вопрос о взаимоотношении эллинизма, Китая и Индии в памятниках искусства и культуры Сериндии (Восточный Туркестан). В 1923 году был допу-

щен до занятий над матерьялами экспедиций Академии Наук, хранящимися в Музее Антропологии и Этнографии Академии в Ленинграде. В настоящее время мною составлено описание буддийских древностей, собранных в Шикшине, и подготавливается большое исследование, посвященное буддийским памятникам этой местности. Одновременно подготавливаются научные описания буддийских древностей других монастырей Китайского Туркестана. В 1924 году мною были прочитаны в Российской Академии истории материальной культуры в Ленинграде по разряду Средней и Восточной Азии доклады «Ахемиридский рельеф б. собрания Голенищева» и «Роспись храма К9е в Шикшине» <...>.

Состою сотрудником Академии Истории Материальной Культуры, сотрудником Государственной Академии Художественных Наук и ученым секретарем Комиссии изучения искусства Востока Научной Ассоциации при ЦИК'е С.С.С.Р.»⁵⁹

Возможно, интерес к искусству востока сблизил его с Авдиевым, который, в свою очередь, пригласил Стрелкова в кружок, но нынешняя документальная база не позволяет судить об этом с определенностью⁶⁰. Также приходится констатировать почти полное отсутствие сведений о третьем из неофитов кружка — В.В. Судейкине: почти наверняка это — Виталий Власьевич Судейкин, родившийся 7 октября 1901 г. в семье московского сенатора В.Т. Судейкина⁶¹, но никакими иными данными о нем мы не располагаем.

После этого обновления состава деятельность общества (по крайней мере — документированная) резко идет на спад. В архиве кружка осталось несколько свидетельств притрушенных споров и обид, наподобие следующего:

В президиум Artifex

Настоящим мы, члены сообщества «Artifex» В.В. Згура и Г.В. Жидков, выражаем крайнее свое изумление по поводу несостоявшегося заседания сообщества назначенного на 20/III с.г., имеющего быть на квартире В.В. Згуры. Видимо, заседание по неизвестным нам причинам было отменено, но это обстоятельство не было доведено до нашего сведения, что заставило нас ожидать в течение полутора часов неприбывших сочленов, и сожалеть о даром погибшем времени⁶².

Известно о состоявшихся заседаниях 4 марта, 8 апреля и 25 апреля 1921 г. 4 июня общество покидает один из его основателей — А. Залеман (Греч), отправив официальное заявление («В виду обстоятельств чисто личного характера лишен возможности продолжать работу в кружке Artifex и потому прошу освободить меня от звания сочлена названного сообщества»⁶³) и сообщив в тот же день о своих мотивах близкому другу: «Мне трудно бывает в Artifex — я вижу — это не то, чего мне хочется, поэтому ухожу. Я устал от декадентства, эстетства и дилетантизма — говорю вполне серьезно»⁶⁴. Последнюю попытку оживить кружок предпринял И. Шишов, активизировав в конце лета полузабытый издательский проект:

Г. Секретарю «Artifex»

Главный Мастер просит уведомить Вас, что вероятно в близкий срок сборник «Artifex» будет напечатан. В пятницу 13-го с. августа в 7 ч. на кв. Главного Мастера собрание братства рассмотрит и выберет материал, имеющий быть предложенным к помещению в сборник. Довожу до Вашего сведения, что Главным Мастером принято мое предложение о единовременном взносе в размере 1000 р., каковой непременно должен быть сделан 13-го с. августа на чрезвычайные расходы⁶⁵. Не откажите по возможности пригласить на собрание гг. Членов и Друзей «Artifex».

Несущий Право Хранителя Печати

Игорь Шишов

12 августа⁶⁶.

Из этого плана тоже ничего не вышло. Проект был возобновлен год спустя — примерно в том же составе, но под другим названием. Вполне вероятно (и даже почти наверняка), что между закрытием кружка «Artifex» и появлением общества «Вторники на Кузнецком»⁶⁷ проходили встречи и совещания участников, не зафиксированные в протоколах и эпистолярии.

Первое известное совещание верхушки «Вторников» состоялось 29 октября 1922 г.; на нем присутствовали Заходер, Стрелков и Шишов — и обсуждался на нем будущий альманах сообщества. Дискутировали по поводу обложки альманаха работы А. Коровина⁶⁸; составляли его поэтический раздел (постановили принять стихи Судейкина, Жидкова, Шишова, Шервинского и Стрелкова) и выносили резолюцию по поводу прозаического (принять: Б. Заходер, Ю. Бахрушин, М. Морозов⁶⁹; принять условно: А. Стрелков). Прото-

кол с традиционной бюрократической обстоятельностью подписан: Председатель правления: Заходер. Секретарь: И. Шишов⁷⁰.

Обсуждение продолжилось 7 ноября в расширенном составе — присутствовали вкладчики будущего сборника (Заходер, Бахрушин, Стрелков, Коровин, Шишов) и гости — Протасьева⁷¹ и Петрово-Соловово⁷². На этом заседании была утверждена смета альманаха и зафиксирован план его финансирования: «Выпустить 40 паев по 100 миллионов. Прибегать к помощи извне как к крайней мере. Издание должно дать 10 миллиардов. Из них 4 миллиарда остаются в кассе на дело издания. 25 % т.е. 2 ½ миллиарда уплачиваются за недельное распространение. Остальное, 3 ½ миллиарда являются дивидендом, который и распределяется на паи в сумме 80 миллионов на пай, причем остатки скащиваются в кассу Кружка. Никакие авторские гонорары с 1-го сборника не выдаются. Количество паев (40) ограничено»⁷³. Прозвучавшее предложение Заходера устроить «авторский концерт» в «Маленькой студии» было отвергнуто: «Отклонить по принципиальным соображениям с целью не умалить интереса к сборнику»⁷⁴.

Два дня спустя был подписан договор с издателем альманаха — им стал Самуил Борисович Фрид (1884–1962) — журналист, поэт и музыковед, в прошлом — сотрудник газеты «Биржевые ведомости», провинциальный лектор, по состоянию на 1922 год — главный редактор выходящего с октября журнала «Театр и музыка»:

Мы, нижеподписавшиеся, Самуил Борисович ФРИД, с одной стороны, и Борис Николаевич ЗАХОДЕР и Юрий Алексеевич БАХРУШИН, с другой стороны, заключили настоящее условие в нижеследующем:

1/ С.Б. ФРИД берет на себя получить разрешение на печатание сборника под заглавием «Вторники на Кузнецком» и выпустить, напечатав его в одной из московских типографий за свой счет и на своей бумаге в количестве 2000 экземпляров. Сборник должен состоять из 4-х печатных листов с отдельной обложкой.

2/ Бумага и обложка должны быть выбраны нами совместно, т.е. ФРИДОМ, БАХРУШИНЫМ и ЗАХОДЕРОМ.

3/ Сборник должен быть выпущен через три /3/ недели по заключении настоящего договора и внесении задатка.

4/ Ю.А. БАХРУШИН и Б.Н. ЗАХОДЕР в свою очередь обязаны уплатить С.Б. ФРИДУ за всю работу ЧЕТЫРЕСТА СОРОК ТЫСЯЧ (440 000) рубл. ден<ежных> зн<аков> обр<азца> 1922 г., из которых ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ

(220 000) рубл. платятся в виде задатка при подписании договора, а остальная сумма уплачивается: СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ (150000) рубл. 15-го ноября с.г.; СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ (70 000) рубл. 18-го ноября с.г.⁷⁵

Через несколько дней (14 ноября) обсуждали дальнейшие планы: необходимость регистрации книгоиздательства, вопросы печатания монографий по истории искусств и т.д. Последние пункты протокола касались индивидуальных планов сочленов: к печатанию была принята книга стихов И. Шишова, а еще двум участникам кружка был поставлен на вид недостаточный темп работы: «Поручить Заходеру наконец кончить свой роман. Срок — 15 декабря. Поручить Бахрушину окончить “8 писем Державина”»⁷⁶.

Неделю спустя (21 ноября 1923) были санкционированы последние изменения в уже сверстанном сборнике (в частности — из него были исключены стихи Стрелкова) и намечены маркетинговые решения: «Поручить Гречу и Жидкову подготовить благожелательную рецензию в “Печать и революция”, Гречу в “Среди коллекционеров”»⁷⁷. Тогда же впервые возник вопрос о будущем распространении сборника и решено было провести предварительные переговоры с крупнейшими книжными магазинами.

В следующий вторник, 28 ноября, состоялось расширенное собрание кружка — помимо обычных участников (Заходер, Бахрушин, Жидков, Стрелков, Коровин, Греч, Згура, Шишов) на нем присутствовал Сергей Васильевич Шервинский. Имея по возрасту (1892 г. р.) и статусу (напечатанная книга; профессорство) очевидное преимущество перед остальными участниками кружка, он, вероятно, был охотно принят в их ряды: в ответ он, среди прочего, пообещал поспособствовать распространению сборника среди студентов Института слова. Обсуждались дальнейшие планы издательства — в частности, Стрелков предложил принять к публикации работы С. Соловьева и В. Нилендера (было единогласно поддержано и зафиксировано в протоколе: «Просить Соловьева и Нилендера о присылке правлению для прочтения своих работ»⁷⁸).

5 декабря высокое собрание санкционировало помещение на сборник марки издательства «Кольцо»⁷⁹ (вероятно, это было связано с бюрократическими препонами к регистрации собственного издательства). В эти же дни сборник поступил в цензуру, которая изъяла из него два рассказа Заходера и один Бахрушина; это обсуждалось на собрании 12 декабря и тогда же Шервинский предложил выкупить десять издательских паев при условии, что к производству будет при-

нят его сборник «Кастальский ключ»⁸⁰. Предложение было принято. Приблизительно неделю спустя альманах «Вторники» был выпущен из печати тиражом в 2000 экземпляров⁸¹.

Спешка, цензура и неопытность издателей определили крайнюю эклектичность его состава и значительную отдаленность от первоначального замысла. На обложке начертано: Вторники. № 1. 1923 (замена календарного года на следующий — обыденная вещь в издательской практике — чтобы книга дольше числилась среди новинок). Надпись окаймлена фигурной рамкой — непонятно, есть ли это та самая ожидавшаяся обложка работы Коровина, но выдержанная в минималистской манере, или она должна была быть иной. Текст титульного листа полностью повторяет обложку (за исключением рамки). В книге нет ни предисловия, ни манифеста — ни вообще какого-либо указания на кружковой характер издания. Открывается она стихотворением Шервинского «К лире» (вероятно, его сделанный в последнюю минуту взнос заслуживал подобного рода благодарности). Далее следует рассказ Заходера «Мечь». Потом — цикл стихотворений Шишова (здесь впервые появляются вещественные свидетельства содружества: одно из стихотворений посвящено В. Судейкину; при другом сделана помета «Читано на “вечере Пушкина”»). Следом идет рассказ М. Морозова «Музыкант», стихотворение Жидкова «Вот и теперь — Нева закатом блещет...» (в книге оно напечатано под инициалами «Г. Ж.»; в оглавлении с опечаткой — «С. Ж.»). Далее — рассказ Стрелкова «Неприятный случай» и два стихотворения В.В. Судейкина, одно из которых посвящено его брату — Михаилу Власевичу. На этом книга заканчивается; на спинке обложки оттиснута эмблема книгоиздательства «Кольцо».

Практически в эти же дни было отпечатано второе и последнее издание, вышедшее под эгидой кружка — сборник стихов Игоря Шишова. Книга была напечатана тиражом в 500 пронумерованных экземпляров в типографии Московского Армянского Литературно-Художественного кружка. На обложке значится: Игорь Шишов. Стихи. Издание кружка «Вторники на Кузнецком». На титульном листе текст слегка изменен: Игорь Шишов. Стихотворения. Из тетрадей «Вторников на Кузнецком». 22 декабря Шишов отчитывался перед сочленами о финансовой стороне издания:

Получив поручение проредактировать и издать сборник моих стихотворений и взяв авансом 500 миллионов, ныне передаю 500 экземпляров изданного в армянском Лит. Худ. кружке сборника. Сумму всю израсходовал. Из 500 экземпля-

ров 50 посланы в учреждения (Главлит, Г.П.У., Дом Печати, Армянский кружок), двадцать недополучено, 10 прошу назначить «авторских», двадцать в распоряжение Правления, 400 должны поступить в продажу. Цену предлагаю 5 милл. Так обр. должно выручить 2 миллиарда руб. Из них 500 милл. в уплату в кассу, и из остальной суммы 50% предлагаю внести в кассу, и 50% авторского гонорара.

22.XII.1922»⁸².

26 декабря 1922 г. получил продолжение сюжет о трудах Нилендера и Соловьева, намеченных к изданию: «Соловьева работу о Боратынском отклонить. Нилендера просить дать продолжение труда»⁸³; в этот же день была принята резолюция о рекламной поддержке свежевышедшего альманаха: «Поручить Морозову переговорить с “Известиями”, Стрелкову с “Правдой”, Згуре — то же, Заходеру с Демьяном Бедным»⁸⁴.

Эта же тема обсуждалась на первом собрании 1923 г. (2 января): «Поручить Жидкову поговорить с Черняком (“Печать и революция”) и Стрелкову с “Известиями”»⁸⁵.

Следующее заседание, на котором присутствовали пятеро первооснователей (Заходер, Жидков, Шишов, Греч и Бахрушин), оказалось финальным: основным его содержанием стали прения о причинах кризиса кружка:

Кризис вызван:

- 1/ преобладанием постороннего элемента, чуждого интересам кружка.
- 2/ Малодеятельностью ядра кружка
- 3/ Отвлеченная критика, не связанная с читанными в кружке произведениями⁸⁶.

Собравшиеся признали «невозможным продолжать работу в тех же условиях» и постановили «отменить еженедельные собрания по вторникам и создать новый кружок». Новая инкарнация проекта с несколько модифицированным составом участников возникла под именем «Общества изучения русской усадьбы» — но тут мы неожиданно вступаем в широко освещенную область истории — наш же сюжет таким образом оказывается завершен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рукописные издания кружка «Artifex».

1. *Artifex*. 1920. № 1. [РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 4]

Шишов И.

Стихотворения

[1]. *Vers libre* («Я не люблю терцины и газэллы...»)

Из Виктории Ингвар

[2]. «Закат бледно-желтый похож на разлитый Chartreuse...»

[3]. «Я мечтаю с книжкой Heine на коленях...»

[Сделано общее примечание о В. Ингвар — молодой норвежской поэтессе]

[4]. «Северная осень. Опустели дачи...»

[5]. Грусть между строк («На столике томик Ахматовой...»)

[6]. В альбом N («Мне кажется подчас, когда печаль во взоре...»)

Залеман А.

[7]. Силуэты

[Посв.: Евг. Степ. В. на память о беседах в «Архангельском»]

Заходер Б.

[8]. *Cadenza fiorata*

Алексеев Игорь

[9]. Фрагменты

Шишов Игорь

[10]. Позабитая нежность (О стихах В. Гофмана)

Б п.

[11]. <От редакции>

2. *Artifex*. 1920. № 2. [РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 4]

Шишов И.

[1]. «Шуршат застенчивые юбки...»

[2]. «Вся — в темно-синем, в новой блузке...»

[3]. «Как тетрадку, меня перелистывай...»

[4]. «Мне кажется подчас, когда печаль во взоре...»

[5]. Чрезмерное великодушие. Памяти Charles Beaudelaire

[Прозаический отрывок]

Решнин В. <Авдиев В.>

Стихи.

[6]. Ночные тени («Узкий, темный переулок...»)

[Эпиграф из Ф. Сологуба]

[7]. Осень («Стелются тучи осенние...»)

[Эпиграф из К. Бальмонта]

[8]. Пустынность («Белым снегом услан мой пустынный путь...»)

[Эпиграф из А.А. Блока]

[9]. Весна («Белизною белых блесток...»)

[Эпиграф из К. Гамсуна]

<Романовский Н. С.>

<Три перевода из Горация>

[10]. «Смотри — Соракт высокий от снега бел...»

[11]. «Не терплю персидскую роскошь, мальчик...»

[12]. «Куда, куда, преступные из ножен зачем...»

[Приложены соображения о переводе античных авторов]

Авдиев В.И.

[13]. Идеал чистоты в древнем Египте.

3. Artifex. 1920. № 3. [РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 4]

Шишов И.

[1]. Отрывок (Ямбы) («На пыльный город навевая...»)

[2]. Cadenza («В февральских сумерках, когда закат горит там...»)

[Посвящение Заходеру]

[3]. Конфетти («Белой пудрой обсыпаны плечи...»)

Романовский Н.

Пять стихотворений из цикла «Лампа с алмазами»

[Помета, что согласие автора на печатание не получено. Эпиграф из В. Б. К. «О, лампа под зеленым колпаком». Эпиграфы из Гете, Катулла, Ницше]

[4]. «Я сегодня опять тоскую...»

[5]. «Томик Катулла, в вазе цветы, на старом фарфоре...»

[6]. «Мы в снежный шестнадцатый год...»

[7]. «Пламенели, пылали свечи...»

[8]. «О, Крейслерьяна, Крейслерьяна...»

Репнин В. <Авдиев В.>

Весна и смерть. Стихи.

[Общий эпитаф из А.С. Пушкина]

[1]. Весенние звуки (Перезвучия) («Как арфы звук звенит твой голос...»)

[Посв.: М. А. Щ.]

[9]. Луна и море (Баркаролла) («Всплески весел длинных...»)

[10]. «Из звучных строк я Вам сплету венок...»

II

[Общий эпитаф из А.Н. Плещеева]

[11]. Шорохи ночи (Звукопись) («Тихо шел я по улице темной...»)

[12]. Памяти усопшей («Рукой костлявой и жестокой...»)

[13]. На четвертый день (Ночная беседа) («Я здесь. Меня ль ты слышишь?»)»

[14]. «Ты ко мне нагнулась...»

[Эпитаф из А.А. Блока]

[15]. «Светлых, солнечных дней мне не надо...»

[Эпитаф из Э. По]

[16]. «Холодом веет от мрачных могил...»

[Эпитаф из А.А. Блока]

[17]. Пасхальный звон (Перпендикулярное рондо) («Звон пасхальный, осиянный, колокольный, светлый звон!...»)

4. Гофман И. <Шишов И.Ф.> Стихотворения. Со вступительной статьей Алексея Греча. М.: Издание Artifex, 1920. [Собрание А.Н. Дикарева]

Греч А. <Предисловие>

«Как тетрадку меня перелистывай...»

«Мне кажется подчас, когда печаль во взоре...»

«Другие касанья — так грубы...»

«Шуршат застенчивые юбки...»

«На столике томик Ахматовой...»

«Вся в темносинем, в новой блузке...»

«Закат бледно-желтый похож на разлитый Chartreuse...»

«Ужели грусть твою нельзя ничем развлечь...»

«Белой пудрой обсыпаны плечи...»

«Прислушайтесь: - октябрь, какой протяжный звук...»

«Скажите, как забыть безумные слова...»

**5. Репнин В. <Авдиев В. И.> Стихи. Со вступительной статьей
Алексея Греча. М.: Издание Artifex, 1921. [Собрание А.Н. Дикарева]**

Греч А. <Предисловие>

[Общий эпиграф из И.Ф. Анненского]

Неотступный («Вы предо мной всегда, всегда...»)

Царство ночи.

[Эпиграф из А.А. Блока]

Ночная песнь («Узкий, темный переулоч...»)

[Эпиграф из Ф. Сологуба]

Шорохи ночи («Тихо шел я по улице темной...»)

Symphonie en noir («Смелый контур черных линий...»)

[Посвящение Е. П. Г. Эпиграф из А.А. Блока]

Чары ночи («Проходят дни чредой туманной...»)

[Эпиграф из Р. Тагора]

Три грани.

[Эпиграф из И.Ф. Анненского]

Весенние звуки («Как арфы звук звенит твой голос...»)

[Посвящение М. А. Щ.]

Таинство ночи («Черный, в мраке темных теней...»)

Пасхальный звон («Звон пасхальный, осиянный, колокольный
светлый звон...»)

Зимние песни.

[Эпиграф из А.А. Блока]

«Белым снегом устлан мой пустынный путь...»

[Эпиграф из А.А. Блока]

«Алмазами искрится снег серебристый...»

«Светлая, белая ночь...»

[Эпиграф из А.А. Блока]

«Белая снежная гладь...»

[Эпиграф из К. Гамсуна]

«Прощайте, милые мечты...»

[Эпиграф из К. Бальмонта]

«Как радостно светит лучистое солнце...»

[Посвящение Е. В. П. Эпиграф из Э. По.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Часть 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Ответственный редактор А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 536.

² Горнунг Б. Поход времени. Статьи и эссе. М.: РГГУ, 2001. С. 377. Курсив автора.

³ Мимолетные упоминания кружка содержатся в работах: Михайловская Н. «Мы подбираем брошенные традиции...» // Художник. 1992. № 4/5. С. 3–4; Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны. М.: РГГУ, 1997. С. 355; Горяева Т. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 188, 189. Нам осталось недоступным сочинение С. Кульбюс «Эзотерические коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»» (Тарту, 1998), где упоминается «Artifex», поскольку единственный московский его экземпляр сгорел в составе библиотеки ИНИОН в ночь с 30 на 31 января 2015 г.

⁴ Биография крупнейшего отечественного египтолога ныне подробно описана; см. прежде всего: К шестидесятилетию профессора Всеволода Игоревича Авдиева // Вестник древней истории. 1958. № 4. С. 168–169; Соловьева С.С. Всеволод Игоревич Авдиев (к 70-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. История. 1968. № 6. С. 72–76; Новицкий Г.А., Соловьева С.С. Всеволод Игоревич Авдиев // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 3–7. Центральное значение имеют словарные статьи и аккумулированные в них библиографии: Чернобаев А.А. Историки России XX века. Библиографический словарь. Т. 1. А – Л. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005. С. 14; Милибанд С.Д. Востоковеды России XX – начало XXI века. Библиографический словарь. Книга 1. А–М. М.: Наука, 2008. С. 9–10. Ранняя часть биографии (по преимуществу нас и интересовавшая) лучше прочего освещена в предисловии, предпосланном книге его стихов: Дикарева С.В., Архипова С.В. О Всеволоде Игоревиче Авдиеве // Авдиев В.И. Лирика. К столетию со дня рождения. М.: Кабинет египтологии ИВ РАН, 1998. С. 7–30. Значительные материалы, посвященные его участию в работе Московского лингвистического кружка см.: Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. Т. 2. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2003 (ук.). Среди его литературных связей, не отмеченных в указанных источниках – приязнь с Г.И. Чулковым; ср. посвященный ему мадригал Авдиева: «Под сенью величавых гор, / Под рокот дальних пенных вод / Вели мы часто разговор, / Сокрытых мыслей хоровод. // И тайны низменных заклятий / И лики Истины Святой / Средь будничных, земных занятий / Вставали светлой чередой. // Тогда сквозь слабый, тихий свет / Мы прозревали тайный Лик, / На грани заповедных лет / Забытой Истины Родник» (архив А.Н. Дикарева). Вероятно, ответное послание хранится в фонде Авдиева в Архиве Академии Наук (см. в описании: Архив Российской академии наук. Путеводитель по фондам (Москва). М.: Наука, 2008. С. 26). Обширные подробности о нем (как и о некоторых других участниках кружка) содержатся в переписке В. Шилейко, с которым он приязнялся (см.: Шилейко Владимир. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. М.: Вагриус, 2003).

⁵ Об Алексее Николаевиче Залемане (1899–1938), более известном под принятой им фамилией «Греч» см. прежде всего: Злочевский Г.Д. «Со вкусом и горячей любовью к истинным культурным ценностям». Алексей Николаевич Греч // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М.: Книжный сад, 1995. С. 241–280; Чанышева Т.С.

Греч (настоящая фамилия Залиман <sic>) Алексей Николаевич // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. М.: Мосгорархив, 1996. С. 56–57; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Издание подготовили Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 125–126; Писарькова Л.Ф., Горячева М.А. Книга «Венок усадьбам» и ее автор А.Н. Греч // Греч А.Н. Венок усадьбам. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. С. 3–21; Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы). М.: Институт Наследия, 2011. С. 172–239. Все перечисленные источники о литературной стороне дарования Греча не говорят вовсе либо упоминают вскользь; значительные подробности, касающиеся этой части его биографии, раскрыты в рецензии В. Нехотина на книгу «Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 4 (20). Сост. Л.В. Иванова. М., 1998» (Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 439–440; подп. «В. Н.»; разрешение на расшифровку псевдонима получено у автора). Добавим также выразительную характеристику Греча из недавно изданных мемуаров: «Три доклада прочел у нас Алексей Николаевич Греч, молодой человек, который несколько кокетничал тем, что носил фамилию литератора пушкинской эпохи. Рафинированный эстет и изысканный библиофил, он очень изящно рассказывал нам о жизни в Остафьеве, об Остафьевской библиотеке и о русских дилетантах XVIII — начала XIX века. Очень цельный и выдержанный тип книголюба, Греч представлялся мне осколком «архивных юношей» начала прошлого столетия» (Кара-Мурза С.Г. Русское общество друзей книги (Московские библиотефилы). Воспоминания. М.: Инскрипт, 2011. С. 112).

⁶ О крупном иранисте Б.Н. Заходере см.: Борис Николаевич Заходер // Вопросы истории. 1960. № 2. С. 69; Борис Николаевич Заходер (1898–1960 гг.) // Ближний и Средний Восток. Сборник статей. М.: Восточная литература, 1962. С. 5–7; Кузнецова Н.А. Б.Н. Заходер и его труды по историографии и источниковедению // Иран (сборник статей). М.: Наука, 1971. С. 4–15; Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. Профессор Б.Н. Заходер (1898–1960) — один из организаторов московского востоковедения // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М.: Наука, 1988. С. 244–261; Кулагина Л.М. К 100-летию со дня рождения выдающегося ученого востоковеда-ираниста Бориса Николаевича Заходера // Иранистика в России и иранисты. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 157–162; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). С. 171.

⁷ Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. Профессор Б.Н. Заходер (1898–1960) — один из организаторов московского востоковедения. С. 244–245.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 7–7об. Среди последовательно отвергнутых вариантов (все они исполнены разными — в основном неидентифицируемыми — почерками) есть и такой: «Мы подбираем брошенные традиции. <...> Мы пока только ученики и нам предстоит трудный путь к мастерству» (Там же. Л. 5).

¹⁰ Там же. Л. 12–12об.

¹¹ См.: Молодяков В. *Bibliophila*. М.: Изд. Льва Шпринца, 2008. С. 222–226. Описание экземпляра единственной книги Шишова, дополненное любопытными замечаниями о его стихах, заканчивается констатацией полного отсутствия биографических сведений о поэте.

¹² ГАРФ. Ф. 482. Оп. 42. Ед. хр. 6865. Л. 6. Там же хранится копия его удостоверения 1919 года:

«Настоящее удостоверение выдано гражд. Шишову Игорю Федоровичу родившемуся 28 ноября 1898 года и происходившему из граждан Брянского уезда в том, что он прослушал полный курс медицинских наук, участвовал в установленных учебными планами практических занятиях, выполнил все условия, требуемые для десяти учебных полугодий и сдал установленные поверочные испытания.

На основании изложенного и согласно постановления Народного Комиссариата по Просвещению от 1 февраля 1919 г. гражд. Шишову Игорю Федоровичу предоставляется право врачебной практики на всей территории Р.С.Ф.С.Р.

Удостоверение это видом на жительство служить не может» (Л. 1). Во второй половине 1920-х годов полностью отошел от литературы. Его разрозненные публикации в медицинской периодике фиксируются до второй половины 1940-х годов (см., напр.: Шишов И. Ф. Рентген-диагностика камней мочеточника и показания к оперативному лечению // Сборник научных трудов Центральной больницы Министерства путей сообщения. Т. 1. М., 1948. С. 537–545; в этом же сборнике напечатана его статья со слегка конандойлевским названием «О карбункуле почки», написанная в соавторстве с Г.М. Геонджиан).

¹³ Рукопись этого текста сохранилась: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 674. Л. 1–37.

¹⁴ Проект сборника не был осуществлен; о нем см.: Тименчик Р. Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову. М.: Наука, 1993. С. 342–343.

¹⁵ Часть переводов сохранилась: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 674. Л. 39–60. Ср. описание технологии совместной работы, сделанное его соавтором: «Мы с А.Г. Челпановым сейчас продолжаем работать над стихотворным переводом *Carmina popularia* (древнегреческих народных песен и отрывков) по сборнику Bergk а. Стоит ли присылать Вам пробы? Работа распределяется так: А.Г. устанавливает текст и размер, я даю стихотворный перевод (иногда, наряду с метрическим, — еще и рифмованный, к<a>к, напр<имер>, для детских песенок), А.Г. его редактирует» (письмо Д.С. Усова к Е.Я. Архиппову от января 1925 г. // Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2: Письма. Сост. Т.Ф. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011. С. 290).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 673. Л. 3–3 об.; там же — документы, фиксирующие направления его работы в 1920-е годы. О биографии Челпанова см. прежде всего: Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных. Сост. Г. Гончаров, В. Нехотин. М.: Современный писатель, 1998. С. 185–187; Аджа-

венко Н. Георгий Челпанов. Жизненный путь и научный подвиг. Мариуполь: Газета «Приазовский рабочий», 2012, С. 146–148, 164–168.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3. Описание сохранившихся номеров рукописного журнала «Artifex» см. в приложении к настоящей статье.

¹⁸ Возможно, имеется в виду Эдуард Гарвуд (Edward Harwood; 1729–1794).

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4.

²⁰ Основной источник сведений к его биографии — беллетризованные мемуары его младшего друга: Арцыбушев А.П. Милосердия двери. Автобиографический роман узника ГУЛАГа. М.: Никея, 2014. См. также справку о нем на сайте «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века» (электронный ресурс: http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans). Рукоположен в 1933 году в Белгороде о. Серафимом (Климковым). Принял постриг в том же году.

²¹ Ср. рукописную помету дочери Авдиева на полях его дневника при упоминании Романовского: «Коля Романовский — папин лучший друг. Был прекрасным пианистом. Пропадал в 37 г.» (собр. А.Н. Дикарева). В действительности Романовский был впервые арестован в 1933 году, но спустя полтора месяца выпущен. Второй раз его арестовали в 1946-м и осудили на 8 лет по групповому делу «церковной организации непоминающих». Следы его теряются около 1956 года.

²² РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5. Личность Юрия Алексеевича Бахрушина (1896–1973) почитаем общеизвестной. Примечательно, что именно он сохранил архив кружка и передал его в РГАЛИ в 1966-м году.

²³ В хронологическом смысле ему, вероятно, предшествовал одноименный рукописный сборник, черновики оглавления и часть материалов которого отложились в архиве: РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 5.

²⁴ У нас недостаточно данных для того, чтобы идентифицировать этого эпизодического участника кружка. Вероятно, это Игорь Константинович Алексеев (1894–1974) — сын К.С. Станиславского, сотрудник Музея МХАТ, но полной уверенности в этом нет.

²⁵ Другой излюбленный автор «Artifex» — И.Ф. Анненский. В архиве кружка сохранился текст доклада А.Г. Челпанова, посвященный подробному разбору нескольких его стихотворений (РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 20). См. также: Тименчик Р. Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов. С. 342.

²⁶ Журнал описывается по экземпляру № 1, принадлежавшему Б.Н. Заходеру (РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 4).

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Одно время (летом 1920 года) в кружке велся табель учета посещений, но после, вероятно, этот метод контроля за дисциплиной был отвергнут. За время его заполнения ни одного заседания не пропустили только Шишов и Авдиев.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 4.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 11.

³⁰ Российский медицинский список, изданный управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1912 год. СПб., 1912. С. 50.

³¹ Очерк ранней биографии дается по его личному делу: ГАРФ. Ф. 482. Оп. 41. Ед. хр. 426. С 1932 г. начал заниматься патологоанатомией, в чем преуспел: был направлен в Ижевский медицинский институт, где организовал кафедру соответствующего профиля; в 1937 году переехал в Курск (с коротким заездом в Москву), где создал и возглавил кафедру патологической анатомии, которой руководил до выхода на пенсию в 1962 году (Александр Семенович Брумберг (к 70-летию со дня рождения) // Архив патологии. 1969. № 1. С. 93). Данными о его жизни после 1969 года мы не располагаем.

³² РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 12.

³³ Там же. Л. 14.

³⁴ Судим по письму Греча к Авдиеву от 27 июня 1920 г.: «Любезный Главный мастер Всеволод Игоревич,

Очень сожалею, что дурная погода помешала Вам приехать в Остафьево. Ряд вопросов, которые хотелось бы обдумать в связи с Artifex отложились до пятницы (ближайшей) и, если Вы разрешите, у Вас в восемь часов» (РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19).

³⁵ «Многоуважаемый Всеволод Игоревич!

Вчера получил повестку о перемене заседания. Остальные две получал за день за два после заседания. — Вот главная причина моего отсутствия. На предыдущем заседании отсутствовал т.к. был задержан делами, о которых лично с Вами беседовал по телефону. Сегодня мне представляется случай уехать из Москвы на два дня — случай, которым я не премину воспользоваться т.к. к великому своему сожалению очевидно буду отсутствовать на завтрашнем заседании. Очень прошу извинить мое отсутствие, но думаю, что всякий войдет в положение человека сидящего все время в Москве.

Крепко жму Вашу руку

Юрий Бахрушин» (Там же. Л. 21–21об.).

³⁶ Там же. Л. 22.

³⁷ Протокол заседания 13 августа 1920 г. // РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 17.

³⁸ Там же.

³⁹ Общие принципы функционирования этого (складывающегося на глазах) механизма мы описывали на примере «Литературного особняка» в примечаниях к книге: Минаев Н. Нежнее неба. М.: Водолей, 2014. С. 585–587.

⁴⁰ РГБ. Ф. 386. Карт. 109. Ед. хр. 6. Л. 1. Ответ Брюсова не разыскан, но о тональности можно судить по вышедшей два года спустя микрорецензии на единственную книгу Шишова: «<...> стихи Игоря Шишова, вполне гладкие, довольно ловко сделанные, но не говорящие ничего» (Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894 — 1924. М.: Советский писатель, 1990. С. 644). Ср. кстати, сделанное вскользь замечание о стихах Шишова: «<...> отдают эстетностью и перцем Игоря Северянина» (А.С.<вентицкий>. День скуки // Литературный еженедельник. 1923. № 9. С. 14; указано Р.Д. Тименчиком).

⁴¹ Письмо А.С. Брумберга Б.Н. Заходеру // РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 24.

⁴² Протокол заседания 15 октября 1920 г. // РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 19 об.

⁴³ Письмо от 15 октября 1920 г. // РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 26–27 об.

⁴⁴ Единственная, но принципиальная новация — появление в протоколе заседания 12 ноября 1920 г. нового секретаря — В.В. Згуры, о коем — ниже.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 42 (повестка, адресованная Романовскому; дата — 27 ноября 1920 г.).

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 26 (заседание 10 декабря 1920 г.).

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35.

⁴⁸ См.: Богомолов Н. А., Шумихин С. В. Книжная лавка писателей и автографические издания 1919–1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 84–130.

⁴⁹ Исключительно изящная печать Artifex'a была вырезана на линолеуме художницей Наталией Абрамовной Ушаковой (1899–1993), позже принятой в члены кружка (не этот ли рисунок упоминается в качестве экслибриса «Студенческого кружка Артифекс» <sic!> в каталоге ее миниатюр? — Книжные знаки русских художников. Пб., 1922. С. 194). О ней (ставшей позже женой Н.Н. Лямина) см. прежде всего: Николай Николаевич Куприянов. Литературно-художественное наследие. М.: Искусство, 1973. С. 118; Глоцер В. Наталия Абрамовна Ушакова // Иллюстрация. М.: Советский художник, 1988. С. 160 — 167; Булгаков М. Дневник. Письма. М.: Современный писатель, 1997. С. 84–119; «Когда я вскоре буду умирать...». Переписка М.А. Булгакова с П.С. Поповым. М.: Эксмо, 2003 (ук.); Худолей В.В., Михайлов А.Н. История ленинградского общества экслибрисистов. М.: Международный союз общественных объединений книголюбов, 2006 (ук.); Капица С. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2008. С. 101. Существенные сведения о ее ранней биографии содержатся в личном деле, заведенном в Наркомпросе: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 58. Ед. хр. 189.

⁵⁰ Архив А.Н. Дикарева.

⁵¹ Далее описаны экземпляры Авдиева, ныне хранящиеся в архиве А.Н. Дикарева (экземпляр № 4 книги Авдиева и экземпляр № 8 книги Шишова). В РГАЛИ (Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 10) хранится дефектный экземпляр № 2 книги Шишова.

⁵² РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 47.

⁵³ Там же. Л. 40.

⁵⁴ Жидкову, о коем ниже. Кстати сказать, в собрании Л.М. Турчинского хранится экземпляр книги Шишова с инскриптом: «Дорогому другу Герману Васильевичу Жидкову автор».

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 51.

⁵⁶ См. о нем прежде всего: Иванова Л.В. «Такой талантливый и так много обещавший человек...» // Краеведы Москвы. М.: Московский рабочий, 1991. С. 167–188; Иванова Л.В. Згура Владимир Васильевич // Историки и краеведы Москвы. Некрополь. С. 72–73; Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы: его деятельность и руководители (1920-е годы). С. 100–171.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 213. Л. 22. В дальнейшем Жидков сделал изрядную искусствоведческую карьеру; был директором музея искусства Палеха, с 1938 года

работал в Третьяковской галерее, занимая с 1943 года пост заместителя директора по научной части.

⁵⁸ В бумагах Жидкова сохранился симпатичный памятник их совместного студенческого быта, озаглавленный в архивной описи: «Заявления Г.В. Жидкова и А.С. Стрелкова декану факультета общественных наук МГУ с просьбой не исключать их из университета и список предметов, сданных Г.В. Жидковым на отделении истории и теории искусства историко-филологического факультета» (РГАЛИ. Ф. 2322. Оп. 1. Ед. хр. 264).

⁵⁹ См. о нем: Войтов В.Е., Тихменева-Позднеева Н.А. Александр Матвеевич Позднеев и его восточная коллекция. Самара: Агни, 2001. С. 103–104; Ставиский Б.Я. Об Александре Семеновиче Стрелкове // Памятники и люди. М.: Восточная литература, 2003. С. 198–215; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917 — 1991). С. 361–362. Его обширные знакомства в литературной среде (в основном — с авторами круга Волошина) требуют более подробного рассмотрения. Согласно официальным данным, Стрелков был расстрелян 6 сентября 1938 года. С.В. Шервинский, состоявший с ним в переписке, сделал пометку на письме: «От Ал. Сем. Стрелкова, убитого (говорят) при допросе» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 510. Л. 2).

⁶⁰ Ср., впрочем, зафиксированный в дневнике Авдиева разлад из-за неизвестной нам барышни: «Был сегодня вечером у Алексея Николаевича <Греча>. Он мне письма Е. В. прочесть не дал и сказал, что не даст до тех пор, пока все это не станет историей, значит, по его мнению, я все еще до сих пор не освободился от этого чувства. Что же! М.б. он и прав. Между прочим, он сказал, что Е. В. посеяла вражду между мною и Стрелковым, но что теперь Е. В. со Стрелковым больше не видится, что его крайне изумляет. Вообще темна вода во облаках и вся эта история прошлого года крайне запутанна и сумбурна. Я до сих пор ничего не понимаю и м.б. никогда и не пойму» (запись от 16 ноября 1922 года; архив А.Н. Дикарева).

⁶¹ См.: Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов 1911–1917 гг. Материалы для биографий. СПб., 2011. С. 414–415. Его брат Михаил Власьевич (р. 7 августа 1899), преподававший в 1920-е годы английский язык в ярославском пединституте и арестованный в Ярославле в 1930 году (данные «Мемориала»), также упоминается в материалах кружка — как адресат братова посвящения (Вторники. № 1. 1923. С. 57).

⁶² РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 34 (дата — 20 марта 1921 г.).

⁶³ Там же. Л. 31.

⁶⁴ Письмо к В. Авдиеву // Там же.

⁶⁵ В архиве сохранился недатированный финансовый отчет кружка, из которого следует, что начальный капитал составили 1500 руб., которые потом дополнялись индивидуальными взносами: Бахрушин, Заходер, Авдиев, Челпанов, Греч и Шишов внесли по 400 руб., а Романовский — 250 (Там же. Л. 44–45). Судя по персональному составу акционеров, отчет относится к первым месяцам существования «Artifex»'а. На это же указывает и структура зафиксированных расходов — 3350 руб. на покупку бумаги и 1500 руб. на перепечатку второго номера журнала.

⁶⁶ Там же. Л. 39. Нельзя скрыть, что 13-го августа по новому стилю не падало на пятницу ни в 1922 году (к которому логика велит отнести это письмо), ни в теоретически допустимом 1921-м. Не решит проблему и переход на старый стиль. Вероятно, мы имеем дело с опиской — хочется думать, что не автора этих строк.

⁶⁷ Как ни странно это звучит, но мы не имеем сведений о том, где проходили заседания возобновленного кружка и в честь какого адреса было взято его название.

⁶⁸ Вероятно — Алексея Константиновича Коровина (1897–1950), о котором см.: Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции. Пб.: Издательство Чернышева, 1994. С. 257; Российское зарубежье во Франции. Биографический словарь. Т. 1. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 736.

⁶⁹ Возможно — Михаил Владимирович Морозов (1868–1938) — поэт и критик.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1.

⁷¹ Почти наверняка — Мария Сергеевна Протасьева (урожденная Соловьева; 1899–1973), дочь академика архитектуры, художница-декоратор, в будущем — жена С.В. Шервинского.

⁷² Может быть — Анастасия Васильевна Петрово-Соловова (1897–1956) — поэтесса, внучатая племянница Сухова-Кобылина, в будущем — жена Л.В. Горнунга.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2. В той же архивной единице отложился листок с программой распределения паев: Бахрушин (25 паев), Заходер (3 пая), Коровин (4 пая), Шишов (1 пай), Греч (1 пай), М. В. Судейкин (1 пай), Згура (1 пай) — и неразборчивое число паев, отошедших С. В. Шервинскому (о сопутствующих этому обстоятельствах см. ниже).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 3 (дата — 9 ноября 1922 г.).

⁷⁶ Там же. Л. 5. Судьба этих текстов неизвестна.

⁷⁷ Там же. Л. 6. Договориться, вероятно, не удалось, поскольку рецензий в этих изданиях не появлялось.

⁷⁸ Там же. Л. 7.

⁷⁹ «Кольцо» — не слишком плодовитое издательство, созданное тщанием Ю.Л. Слезкина и нескольких биографически близких к нему авторов (Московские и Ленинградские издатели и издательства двадцатых годов. Указатель. Ч. 1. М.: ГБЛ, 1990. С. 60).

⁸⁰ У Шервинского к этому моменту был полностью готов сборник стихов с рабочим названием «Juventutis muneга», на который был получен амбивалентный отзыв Брюсова: «Стихи С. В. Шервинского совершенно чужды современности. Античный мир, старая Италия, Восток — вот любимые темы поэта. Но самое заглавие сборника показывает, что он составлен из стихов написанных сравнительно давно, несколько лет тому назад. Достоинства поэзии т. Шервинского — тонкая вдумчивость поэта, его серьезное отношение к работе, большое мастерство в владении формой. Среди молодых поэтов т. Шервинский не выделяется ничем резким, — ни вычурами стиха, ни эксцентричностью тем. Но он обладает верным вкусом, учится в хорошей школе — у

великих поэтов всех стран и всех времен, — и в его стихах нет ничего, что оскорбляло бы «чувство прекрасного». Пишет г. Шервинский лишь о том, что его действительно волнует и что он знает, хотя нередко почерпает вдохновение не из жизни, а из книг и из созданий искусства. «Juventutis munera» — книга, несомненно, ученическая. Но автор ее — талантлив, и, по видимому, принадлежит к тем писателям, которые развиваются медленно (тип, к которому принадлежал и Гете), но идут по верной дороге. В этом отношении автор заслуживает всяческого поощрения, и желательно, чтобы его первый сборник стихов, с течением времени, был издан. 10 марта 1920» (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 277. Л. 31–31 об.). Благодаря или вопреки этому отзыву, найти на сборник издателя за два года не удалось, так что для автора открывающаяся возможность была весьма актуальна. В бумагах кружка сохранилась резолюция, принятая 28 декабря 1922 г.: «“Кастальский ключ”. Печатать с условием 1) Взноса Шервинским 100 000 р. 2) Согласия его на условия Игоря Шишова, т.е. 50 № в пользу “Вторников»» (РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 19). Проект этот не воплотился.

⁸¹ Полноценное библиографическое описание и роспись содержания см.: Рогожин Н.П. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1918–1927 годы. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 104.

⁸² РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 17–17 об.

⁸³ Работа С.М. Соловьева о Баратынском, кажется, неизвестна.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 21.

⁸⁵ Там же. Л. 22.

⁸⁶ Там же. Л. 24.

**«НИЧЕГО, НИЧЕГО, МОЛЧАНИЕ!...»:
о том, как поссорились Андрей Белый
с Ивановым-Разумником***

История отношений Андрея Белого и Иванова-Разумника (Разумника Васильевича Иванова; 1878–1946) достаточно хорошо изучена. Введена в научный оборот их знаменитая переписка, содержащая интерпретации произведений и пояснения к биографиям, выявлена их роль в создании Вольной философской ассоциации, в разработке концепции группы «Скифы», проанализированы суждения Иванова-Разумника о Белом после его смерти...¹ Однако при подготовке к печати поздних дневников Белого² нами было обнаружено в НИОР РГБ весьма пространное письмо (Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 59–62), свидетельствующее о том, что к весне–лету 1932 г. друзья оказались в разных политических лагерях, и в итоге предопределившее полный разрыв их отношений. В этом письме Белый собрал все претензии, накопившиеся за годы общения.

Писатель и критик сблизился в канун революции на почве не столько литературной, сколько политической³. Ненавидящий декадентство и кадетскую умеренность Иванов-Разумник заразил Белого идеями «духовного максимализма»⁴, объяснил ему неизбежность кровавых издержек революции и, в конце концов, определил его выбор в пользу Октябрьского переворота. Однако в конце 20-х ситуация изменилась. Иванов-Разумник занял позицию стойкого неприятия Советской власти. Белый же, напротив, все больше старался продемонстрировать свою лояльность.

Разногласия обнаружили в 1931 г., когда Белый жил рядом с Ивановым-Разумником в Детском Селе и работал над книгой «Мастерство Гоголя». Иванов-Разумник тогда небезосновательно упрекал Белого в переверзевщине, то есть — в приспособленчестве, а Белый... обижался⁵.

Тогда же Иванов-Разумник потребовал от окружавших его деятелей литературы и искусства принципиальности. «<...> бывают эпо-

* Работа велась при поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — начала 1920-х)» (ИМЛИ РАН).

хи, — объяснял он, — когда писатель не имеет права быть публицистом, ибо если можно сказать только полуправду, то она будет вреднее и постыднее полной лжи. Уж лучше тромбонно провозглашать «гром победы раздавайся!» <...>, — чем монотонно расхваливать лицевую сторону медали, не имея возможности сказать хотя бы одно слово об оборотной стороне. «Индустриализация» лицевая сторона медали, «коллективизация» и миллионы ее жертв — сторона оборотная. Ты ничего не смеешь сказать о последней? Молчи же и о первой»⁶.

«Зачем же вам, художникам слова и кисти, вступать на этот гибельный путь? — наставлял Иванов-Разумник склонных к компромиссу с Советской властью друзей, — Для персональных пенсий, для тетушкиных пайков, для житейского благоденствия? <...> Оставайтесь же сами собой. Не будем ни Личардами верными, бегущими у стремени хозяина, ни Дон-Кихотами, воюющими с ветряными мельницами. Политическая борьба с коммунизмом бессмысленна и вредна: но ликующая осанна — позорна и постыдна»⁷.

Однако Белый в то же время продумывал прямо противоположную стратегию поведения. В 1931 г. было арестовано почти все его антропософское окружение (в том числе его жена Клавдия Николаевна Бугаева)⁸. И он готов был присягнуть кому угодно и написать что угодно ради спасения возлюбленной, да и себя самого.

Однако до поры до времени идти на конфликт никто не хотел: оба дорожили дружбой. Окончательный разрыв произошел в сентябре 1932 г. Его причина оказалась до обидного мелка, одновременно и комична, и трагична. Давние друзья решительно не сошлись в оценке творчества Григория Александровича Санникова (1899–1969), молодого поэта⁹, написавшего производственную поэму «В гостях у египтян» — о борьбе за урожай хлопка в советском Туркестане¹⁰.

Ознакомившись с поэмой еще в рукописи, еще до того, как она была напечатана в майском номере «Нового мира» за 1932 г.¹¹, Белый восторженно писал Санникову:

Дорогой друг, поздравляю Вас! Вчера неотрывно читал Вашу поэму: сызна (с начала до конца): и впечатление — необычайной силы и яркости; великолепно! Уже то, что написано, *единственно* в поэзии последних 10<-ти> лет; Вы нашли форму, новую, яркую, синтезирующую отдельные лабораторные опыты. До сих пор — не было поэзии производства: были попытки ее дать. А тут — свершение. Спасибо Вам от всего сердца. Любящий Вас Борис Бугаев¹².

Своими восторгами и идеей откликнуться на «В гостях у египтян» хвалебной рецензией Белый поделился с Ивановым-Разумником, впоследствии вспоминаяшим:

В разговоре с ИР в Детском Селе, в марте 1932 года АБ очень хвалил поэму Г. Санникова (еще не напечатанную) «В гостях у египтян», впоследствии он даже написал о ней целую хвалебную статью <...> ИР относился скептически к достоинствам этой поэмы, судя о ней лишь по тем отрывкам, которые запомнил АБ <...>¹³.

Зачем Белый пытался заразить Иванова-Разумника своими восторгами и посвятил его в свои творческие планы, не вполне понятно. Ведь в поэме было все то, что Иванов-Разумник не выносил и от чего предостерегал в процитированной выше «детскосельской речи»: воспевались успехи коллективизации, разоблачались козни вредителей, связанных с иностранными разведками, а сотрудник ОГПУ выступал в качестве положительного персонажа.

Прочтя в «Новом мире» «всю эту уже напечатанную поэму», Иванов-Разумник «мнения о ней не изменил»¹⁴. Более того, он, как рассказала К.Н. Бугаева в 1944 г. своему другу литературоведу Д.Е. Максиму, «прислал Б.Н. оч<ень> ехидную открытку с насмешками по поводу разбора Б.Н. поэмы Санникова»¹⁵. Письмо Иванова-Разумника не сохранилось, но, судя по ответным посланиям Бугаевых, оно было посвящено бытовым и семейным проблемам (возвращение дочери, откладывающийся переезд на новую квартиру¹⁶). «Ехидство» же содержалось в «лаконичной» приписке, видимо, практически дословно воспроизведенной в комментариях Иванова-Разумника: «<...> написал в P.S. письма к АБ: “Поэму Санникова прочел... Но — ничего! ничего! молчание!..”»¹⁷.

Белый отреагировал на этот выпад в дневнике:

«Ай, ай — молчание!» <...> — очередное жало; острота его в «политике»: я де расхваливаю «производственную» поэму; этот человек понимает, что я пишу искренне, но злится, что я не стою в его позе «оскорбленного, никчемного *величия*»; но «ослиного» *величия* я не желаю иметь¹⁸.

О том, что произошло дальше, К.Н. Бугаева сообщила Д.Е. Максиму:

Это — канва известной истории²⁵. Однако ее можно существенно дополнить публикуемым ниже письмом — тем самым, исходным, которое, как поясняла К.Н. Бугаева Д.Е. Максимову, «взбешенный Б.Н.» не решился отправить Иванову-Разумнику. Письмо датировано 31 августа 1932 г. и, как говорилось выше, сохранилось в августовском дневнике Белого: «Написал Раз<умнику> В<асильевичу> письмо: не отправляю его, а прилагаю к “Дневнику”». Можно сказать, письмо оказалось инкорпорировано в корпус дневника, а о решении не отправлять его свидетельствует то, что листы письма перечеркнуты крест накрест²⁶.

Если в отправленном 4 сентября кратком письме Белый осмелел только преклонение Иванова-Разумника перед Н.К. Михайловским, то в неотправленном — прошелся по всем другим его литературным пристрастиям.

Так, ставя в заслугу Санникову объем поэмы («3000 строк») и ее динамичность, Белый предлагает — для контраста — вспомнить «скучищу многих сот строк бессюжетной поэмы Гиппиуса». Речь здесь идет о поэме Владимира Васильевича Гиппиуса «Лик человеческий», которую Иванов-Разумник в статье «Три богатыря» относил к высочайшим достижениям «золотого века новой русской поэзии», ставя даже выше поэмы Белого «Первое свидание»:

<...> именно от него, поэта остро лирического, никто не ждал осуществления эпической поэмы — и какого размаха! <...> с недоверием подходили мы, слушавшие, к этой неожиданной громадной эпической поэме, с ее певуче-старомодным пятистопным ямбом и шестистрочными строфами... И после первой же песни почувствовали силу и размах, глубину и свободу. О всеоружии техники не говорю: свободные рифмы (намеренно перебиваемые простейшими, глагольными), остро ломающийся размер (иногда хореический среди ямба), прихотливо играющая цезура — обо всем этом подробно расскажут когда-нибудь специалисты формального метода. Но внешняя сила соответствует здесь силе внутренней <...>. Поэма — широкого размаха <...>. Эпическая, философская, символическая поэма — ее не хватало в истории нашего символизма. Огненное «Возмездие» Блока — осталось незавершенным; «Младенчество» Вяч. Иванова едва начато; из задуманных «Трех свиданий» Андреем Белым написано пока лишь «Первое свидание».

И законченная, цельная «поэма песен в двадцать пять» Влад. Гишпиуса заполняет свободное место, а самого его, мало кому известного лирического поэта, ставит в первые ряды старших поэтов символизма²⁷.

Еще больший полемический запал Белого — в сравнении языка Г.А. Санникова с языком зауми:

<...> он не прянен, как Хлебников (никакого «зензиверова пуза» не встретишь в его стихах); то, что некогда символисты противопоставили надсоновщине, что потом заострили футуристы, имело значение; «трелящая» по-птичьему техника выродилась в побивание рекордов; и стало почему-то считаться: если поэт не «чокает» и не «тиули-пи-фьютит» по-птичьему, он де не поэт <...>.

Здесь под прицелом критики оказалась статья Иванова-Разумника ««Мистерия» или «Буфф» (о футуризме)», в которой Иванов-Разумник отнес себя к тем немногим, кто сумел «почувствовать в тягостном косноязычии» Хлебникова «новую силу и правду вечно рождающегося Слова»²⁸. Приводя примеры этого нового «Слова» Хлебникова, Иванов-Разумник на первое место поставил то самое стихотворение «Кузнечик», о котором уничижительно отозвался Белый:

И лишь немногие тогда (я помню среди них А. Блока) чувствовали это в самых обсмеянных строках В. Хлебникова: «крыльшкуча золотописьмом тончайших жил, кузнечик в кузов пуза уложил прибрежных много трав и вер. Пинь, пинь, пинь! Тара-рахнул зинзивер»²⁹.

Насмешки над модным «птичьим» языком современной поэзии метили в ту же статью Иванова-Разумника. В ней современные эксперименты со словом приветствовались и парадоксально возводились к опытам Аристофана в комедии «Птицы»:

И если припомнился Аристофан, то уж не футуризм ли и его знаменитый птичий язык:

п п п п п п п п ...

...

...

(227)

Чем же этот птичий язык хуже «заумного языка» футуристов?³⁰

Однако особенно болезненна для Разумника могла быть беспрецедентная по грубости атака Белого на Н.А. Клюева:

<...> для меня вся прелесть его ритмов опасна тем, что *моральное содержание* его поэзии — сомнительно: его Христос — не Христос, а «*Сусе-сós*»; и этот «*Сусесос*» — объект гомосексуальной «слюнявой» патоки; со стороны содержания этот несравненный музыкант стиха — только реставратор «новгородского письма»; почтенное искусство; но... *не оно* [в отличие от производственной поэмы Санникова — *М.С.*] в первую голову нужно современности.

Здесь в подтексте — давние разногласия в оценке поэмы Н.А. Клюева «Погорельщина», вызывавшей у Разумника восторг, а у Белого — решительное неприятие: «<...> стихи технически — изумительны; морально — «*гадостны*» <...>. Фу, — мерзость!», — писал Белый еще в 1929 г.³¹

Итак, Белый подверг сомнению литературные вкусы Иванова-Разумника, что для авторитетного критика было, конечно, оскорбительно. Этот ответ на критику Санникова можно было бы назвать симметричным, если бы не одно «но». Иванов-Разумник восхвалял тех, кто был не в чести у Советской власти. Белый же превозносил заказную поэму, иллюстрирующую партийные постановления.

* * *

Однако нападками на литературные вкусы друга дело не ограничилось.

Рисую тяготы московской жизни, Белый, вроде бы мимоходом, упоминает, что политредакторы ГИХЛА упрекают «Мастерство Гоголя» в переверзевщине. Несомненно, он хотел показать, что обвинения цензоров тождественны обвинениям непримиримого «духовного максималиста» Иванова-Разумника. И опять Белый считал несущественным то, что Иванов-Разумник упрекал его в «перевер-

зевщине» за стремление приспособиться к Советской власти, а политредакторы — за отступление от уже изменившейся генеральной линии партии...

Аналогичный прием — уравнивание Иванова-Разумника с охранителями режима — использовал Белый и в той части письма, в которой рассуждал непосредственно о Санникове и своей рецензии на его поэму:

<...> люди самых противоположных лагерей (коммунисты, эстеты, рапповцы, пассаисты, люди ума и вкуса вместе с людьми «моды») при упоминании о Санникове морщатся <...>, люди *слева* на него нападают за то, что он мужественно не признавал крайностей «Раппа» <...>; людей справа отталкивало, что поэзия его началась в коммунизме; в 1918 году я встретился еще с юношей, с ним; и он был убежденным партийцем <...>.

Белый со злорадным удовольствием перечисляет имена тех гонителей Санникова, с которыми Иванов-Разумник оказывается солидарен: «Вы — увы — совпадете не только с Сельвинским, но и увы — с Машбицем-Веровым». Сравнение с одиозным рапповцем И.М. Машбиц-Веровым Белый с особым удовольствием подчеркивал: «<...> представьте, на лице Машбиц-Верова появилось выражение, будто он меня, как и вы, предупреждал: «Ничего, ничего — молчанье!». Оскорбительность этого отождествления, усугубленного еще и гоголевской цитатой, Белый прекрасно понимал:

Не окончил и не отправил письма Разумнику Васильевичу, боясь, что он обидится за сравнение его с Машбиц-Веровым; но оно ответ на «*Ай, ай — молчанье!*» (запись за 2 сентября 1932 г.).

Впрочем, было и еще одно объяснение неотправке письма — религиозно-мистическое. В записи за 31 августа говорится: «<...> письмо не отправляю <...>, Смоленская запретила посылать». Под «Смоленской», скорее всего, имеется в виду Смоленская икона Божьей Матери в главном храме Лебедяни. Получается, что Белый, несмотря на душивший его гнев, настолько переживал ссору с Ивановым-Разумником, что ходил в церковь молиться и испрашивать совета... Полученный ответ («Смоленская запретила посылать») определил его решение не отправлять «ругательное письмо».

Это, увы, не спасло отношений Белого и Иванова-Разумника. Хватило и краткого письма, показавшегося Белому деликатным. Опу-

бликованная в «Новом мире» статья о поэме Санникова «В гостях у египтян» выявила то, о чем, видимо, некогда предупреждал Белого Иванов-Разумник. Это предупреждение, похожее на угрозу, Белый припомнил в неотправленном письме: «<...> таково содержание моего «Ай-Ая» [то есть статьи о Санникове — М.С.] <...>, и из-за него, дорогой друг, пожалуй, мы и в самом деле станем в «разных лагерях», как вы однажды заметили мне: разумею в «*по-э-ти-че-ских*»!».

Приписка о «поэтическом» антагонизме, думается, была ироническим эвфемизмом, подразумевающим то, что друзья-единомышленники разошлись по разным политическим лагерям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. статья и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998; Белоус В.Г. Вольфила (Петроградская вольная философская ассоциация). 1919–1924. В 2 кн. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005; Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007; Иванов-Разумник. Из писем к В.Н. Ивановой, А.Г. Горнфельду, К.Н. Бугаевой / Публ. В.Г. Белоуса // Смерть Андрея Белого (1880–1934): Сб. статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 338–357; Иванов-Разумник. Из писем к М.М. Пришвину / Публ. М.Л. Спивак // Там же. С. 358–364.

² Предполагается скорое издание дневников 1930–1933 гг. в составе тома «Литературного наследства» (Т. 105), посвященного автобиографическим сводам Андрея Белого. В публикацию войдет и это письмо, однако из-за его принципиальной важности мы посчитали возможным вычленить письмо из корпуса дневников, вписав в контекст отношений писателя и критика. Инициатива включения этого материала в уже собранную книгу принадлежит незабвенному Саше Галушкину.

³ Об их отношениях см.: Лавров А.В., Малмстад Дж. Андрей Белый и Иванов-Разумник: Предупреждение к переписке // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 5–28.

⁴ См.: Белоус В.Г. Испытание духовным максимализмом: О мировоззрении и судьбе Р.В. Иванова-Разумника // Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 25–37.

⁵ Подробнее о политических разногласиях, приведших к ссоре, в нашей статье: «“Мы и в самом деле станем в «разных лагерях»”: о поэтических и политических разногласиях Андрея Белого и Иванова-Разумника» в журнале «Russian Literature» (в печати).

⁶ Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки / Подгот. текста В.Г. Белоуса; коммент. В.Г. Белоуса, А.В. Лаврова, Я.В. Леонтьева // Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 198.

⁷ Там же. С. 199–200.

⁸ Спивак Моника. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 366–423.

⁹ О Г.А. Санникове и дружеских отношениях, связывавших его с Андреем Белым, см.: Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Санникова. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.

¹⁰ Поэма писалась по материалам поездки (весной 1930 г.) в Туркменистан в составе ударной бригады писателей. См. заметку «Первая ударная» в «Литературной газете» за 17 марта 1930 г. (№ 11). Анонс дальнейших творческих планов под заглавием «Продолжать работу первой писательской бригады» см. также в «Литературной газете» (1930. № 31. 25 июля).

¹¹ См.: Новый мир. 1932. № 5. С. 92–123. Отдельное издание вышло годом позже: Санников Г. В гостях у египтян: Роман в стихах. (Из документов пятилетки). М.: Советская литература, 1933.

¹² Андрей Белый; Григорий Санников. Переписка. С. 70. Письмо не датировано; публикатор, как кажется, без достаточных оснований относит его к лету 1932 г. На наш взгляд, оно было написано до публикации поэмы в майском номере «Нового мира».

¹³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 707. Из комментария к письмам Белого, сделанного Ивановым-Разумником при подготовке к печати в 1936–1937 гг. их переписки (по заданию Государственного литературного музея).

¹⁴ Там же. С. 707. Из комментария к письму Белого от 4 сентября 1932 г.

¹⁵ Из тетради Д.Е. Максимова «Мои интервью». Запись этой беседы приведена А.В. Лавровым в комментариях к письму Белого Иванову-Разумнику от 4 сентября 1932 г. (Там же. С. 706–707).

¹⁶ Там же. С. 705–706.

¹⁷ Там же. С. 707.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 4. Запись за 2 сентября 1932 г.

¹⁹ Из тетради Д.Е. Максимова «Мои интервью» // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 707.

²⁰ Андрей Белый. Поэма о хлопке // Новый мир. 1932. № 11. С. 229–248.

²¹ Цитаты из книги Н.К. Михайловского «Литературные воспоминания и современная смута» приводятся Белым по второму изданию: Т. 1. СПб.: Русское богатство, 1905.

²² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 706.

²³ См. дебютную статью Иванова-Разумника «Центральный пункт мировоззрения Михайловского» (Русская мысль. 1904. № 3. С. 156–163) или посвященную Михайловскому главу в «Истории русской общественной мысли» (В 3 т. Т. 2. М.: Республика; ТЕРРА, 1997. С. 228–303).

²⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 707.

²⁵ Подробнее — в нашей статье ««Ничего, ничего, молчание!...»: о том, как поссорились Андрей Белый с Ивановым-Разумником» (в печати).

²⁶ Некоторые слова и строки не поддаются прочтению (обозначены — нрзб.), так как были вымараны К.Н. Бугаевой, видимо, таким образом защищавшей посмертную репутацию мужа.

²⁷ Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922. Пб.: Колос, 1922. С. 217–218.

²⁸ Там же. С. 227–228.

²⁹ Там же. С. 228.

³⁰ Там же. С. 222. Ср. эти строки из песни Удада в переводе А.И. Пиотровского: «Э по-пой, по-пой, по-по-попой! / Ио-ио-ито-ито-ито-ито! <...> / Тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо! <...> / Торо-торо-торо-торо-торо-торо-тикс! <...> / Ки-ка-бау, ки-ка-бау! / Торо-торо-торо-торо-ли-ли-ликс!» (Аристофан. Комедии. Фрагменты. М.: Ладомир–Наука, 2000. С. 392).

³¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 650. Письмо от 13 августа 1929 г. Ср. в статье «Три богатыря»: ««Христос ваш маленько плотян» — говорили немоляки о Христе петербургского религиозно-философского общества; что сказали бы они о Христе Клюева! Это подлинно «плотяный» Христос, хлыстовский Христос; и недаром торжественной песнью плоти является вся первая часть «Четвертого Рима»» (Иванов-Разумник. Творчество и критика. С. 219).

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ¹

*Подготовка текста и примечания
М.Л. Спивак (Россия, Москва)*

Лебедаень 31 авг<уста> 1932 года²

Дорогой друг, Разумник Васильевич,

Только теперь «от»чухался от странного перегона месяцев: апрель–май–июнь–июль³; могу сказать вместе с Поприциным, что «времени — не было»; «месяца — тоже не было», было «чорт знает что»⁴; месяца — «Бонч»⁵; [нрзб.: «времегод»?] — Гихл-л⁶; недели — Сац, Колосенков, Каменев⁷; и — кто еще? Вместо погоды — «подхвостье» и ветер «из-под-подольный», оплескивавший не дождем и зефиром, а пылью и подподольными блохами с частым «градом» каблуков, от которых разбивались стекла⁸; и с рядом пикантных бесед и встреч с политредакторами, обвинявшими меня в «переверзианстве» — тем не менее, хотя Воронский⁹ все время шутил («не Вам бояться Переверзева¹⁰, а Переверзеву след<ует> бояться Вас»); с Бончем рассуждали о замечательных личностях в нашем сектантстве¹¹; хвосту держал ежевечерние лекции о том, что «Вы есть овцы неосмысленные»; представляете: раз после этого из далей «хвоста» в Долгом¹² раздались аплодисменты; и даже доходил до подвигов Микулы Селяниновича: вылезал из подвальной дыры и в 12 часов ночи сшибал старух с тротуара (она — «мягкие, как мухи» и жужжат, как мухи, когда их ловишь горстями); тут же, как в чаду, между «хвостом», «Переверзевым», «Бончем» неожиданно произнес «критическую» речь на банкете «Гихла», в результате которой меня избрали в Группком Гихла (и даже заместителем производственного отдела¹³); и все это вместе, без передышки: «хвост — архив — Бонч — банк — политредактура» и залп из трех выслушанных пушкино-ведческих рефератов¹⁴ или [нрзб.]^a с песком — единовременно; оттого и утратил всякое представление о времени; не месяцы, а чорт знает что, вплоть до [нрзб.]^b

^a Три слова покрыты чернильным пятном.

^b Слово покрыто чернильным пятном.

с Машбиц-Веровым¹⁵, ставшим очень вежливым после моей речи на банкете¹⁶ о критике с Крита¹⁷, вежливым до того, что он предложил мне написать крит<ическую> статью в им редак<ируемый> сборник о... Безыменском¹⁸: «Ему полезно узнать ваше мнение, как специалиста, а то — он возомнил о себе». Я же предложил ему вместо Безыменского разбор поэмы Санникова, ибо Безыменский мне, как поэт, и не известен и не интересен, а вот Санников — это и ново, и хорошо; но представьте, на лице Машбиц-Верова появилось выражение, будто он меня, как и вы, предупреждал: «Ничего, ничего — молчанье». Тогда я из озорства захотел именно наперекор моде и заказу редактора-единоличника писать не о Безыменском, а о Санникове (Санников — это де не интересно, не модно, не пряно, и не содержательно, ибо он не «хаит», а «героизирует» трудовую интеллигенцию);^c и доказать, что «это» — очень хорошо и очень нам нужно (а не Безыменский, и не Сельвинский¹⁹, и даже не «Сусальный Сусе» Клюева²⁰).

Но о Санникове, дорогой друг, — ниже.

Пока о том, что из «чи-666-сла» попал в «9-ое августа» самого настоящего времени, из «чорт знает чего» подхвостья; и оказалось, что это — Лебедадь, которая — Благодань, веющая ветрами сладостными, как лебединые крылья, в лицо; и вот с той поры отдаюсь ветрам и творожным оргиям; живу под крыльями двух сестриц-Лебедей²¹, упитанный и обласканный, раздираю рот до ушей 20 дней от восторга, чего со мной не было давно²²; и делаю «Ай-ай», т.е., пишу хвалебную статью о поэме Санникова, впервые вернувшего русло поэзии к «героическому эпосу» и доказавшему, что производственная поэма — возможна (до сих пор — не верилось); поэму перечел раз 6 и каждый раз находил в ней новые, достойные внимания штрихи; таково содержание моего «Ай-а́я», сегодня отвозимого в Москву²³, и из-за него, дорогой друг, пожалуй, мы и в самом деле станем в «разных лагерях», как вы однажды заметили мне: разумею в «по-э-ти-че-ских»!²⁴

Дорогой друг, прежде чем продолжать письмо, сделаю разъяснение; если я привожу [нрзб.: «меня»?] Машбиц-Верова <...>^d; если я сопоставляю Машбиц-Верова с Вашим «Ай-ай», — это потому, что мне кажется глубоко-симптоматичным факт, мной наблюдаемый

^c Зачеркнуто: «тогда-то я и решил твердо: вопреки левым и правым модам именно написать статью о Санникове».

^d Восемь строк зачеркнуто К.Н. Бугаевой.

давно: люди самых противоположных лагерей (коммунисты, эстеты, рапповцы, пассаисты, люди ума и вкуса вместе с людьми «моды») при упоминании о Санникове морщатся; мне кажется, что я знаю, почему это; люди слева на него нападают за то, что он мужественно не признавал крайностей «Раппа» (рапповцы его ругали за «байронизм») в эпоху, когда против «Раппа» нельзя было пикнуть²⁵; людей справа отталкивало, что поэзия его началась в коммунизме²⁶: в 1918 году я встретился еще с юношей, с ним; и он был убежденным партийцем²⁷, глубоко честным, глубоко чистым человеком; в политическом отношении он был «сам собою», «вне мод»; в поэтическом отношении он, не обладая мощными «нутряными» дарами, неуклонно развивался; первые его стихи были явно слабы; но в годах, шаг за шагом, он вырос до «Поэмы о египтянах», которая мне тем именно нравится, что в ней сознательно ищут новой формы, что мимо дешевого опрощенчества (в технике), мимо культа «классического» стиха; и мимо ультраевых куаферных²⁸ пере-про-завиваний эдак и так строки; он не прянен, как Хлебников (никакого «зензиверова пуза» не встретишь в его стихах²⁹); то, что некогда символисты противопоставили надсоновщине, что потом заострили футуристы, имело значение; «трелящая» по-птичьему техника выродилась в побивание рекордов; и стало почему-то считаться: если поэт не «чокает» и не «тиули-пифы́тит» по-птичьему, он де не поэт³⁰; ритмический «чок» я люблю; но люблю и содержание; оригинальность же в модуляции «чока» («чик-чек-чак-чуки» эдакие!) — перестала быть оригинальной; Сельвинский давно так «обчукал» и «пере-про-чокал» чок³¹, что успехи в сем соловьином искусстве пахнут глубоким провинциализмом моды «третьего дня»³²; что строка Санникова не так музыкальна и красочна, как у Клюева, — да: но Клюев, неповторимый мастер в одном даже не виде, а разновидности поэзии, не покрывает собой поэзии; а для меня вся прелесть его ритмов опасна тем, что моральное содержание его поэзии — сомнительно: его Христос — не Христос, а «Сусе-сós»; и этот «Сусесос» — объект гомосексуальной «слонявой» патоки³³; со стороны содержания этот несравненный музыкант стиха — только реставратор «новгородского письма»³⁴; почтенное искусство; но и оно не адекватно поэзии; и не оно в первую голову нужно современности. Санников технически полон рядом дефектов; но — тема его поэзии — «новая»: выдержать 3000 строк на «3» труднее чем, написать лир<ическое> стихотворение в 50 строк на «5»; блеснуть технической деталью в реставрации ямба по Пушкину легче, чем дать «в стиле доклада» поэтический и вместе конкретный образ хлопка (см. 6-ая глава поэмы)³⁵; «вольный размер» большей части поэмы —

мускулист; фабула разработана так, что я ей завидую (вспомните скупичу многих сот строк бессюжетной поэмы Гиппиуса³⁶, которой стих безукоризнен, — и Вы поймете, что затоскуешь по фабуле); фабула нова, этична; «оригинальному» закручиванию строк соответствует оригинальность в тематике и композиции.

Но те, кто хочет видеть в 3000 стихах лишь «чок», или видеть только «идеи», не свойственные этому честному и убежденному коммунисту, — тому поэма не понравится, конечно; и тут утонченный Воронский, стиховед, Вы — увы — совпадете не только с Сельвинским, но и увы — с Машбицем-Веровым.

И я знал наперед, что люди «вкуса» встретят мою оценку с «Ай-ай».

Должно быть, я в старости потерял всякий вкус к стихам! Но я и не горюю; и продолжаю утверждать: «Это — поэзия!»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НИОР РГБ. Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 4. Л. 59–62. Текст письма крест-накрест перечеркнут Андреем Белым. См. прим. 3 к статье.

Работа велась при поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 — нач. 1920-х)» (ИМЛИ РАН).

² В Лебедяни, где проживала в ссылке сестра К.Н. Бугаевой Е.Н. Кезельман, Андрей Белый и К.Н. Бугаева отдыхали с 9 августа по 29 сентября 1932 г.

³ В Лебедяни, где проживала в ссылке сестра К.Н. Бугаевой Е.Н. Кезельман, Андрей Белый и К.Н. Бугаева отдыхали с 9 августа по 29 сентября 1932 г.

⁴ Ср. в записках Поприщина, героя повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834): «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».

⁵ Имеются в виду начатые в мае 1932 г. переговоры с основателем (с 1933 г. директором) Государственного (тогда — Центрального) литературного музея Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем (1873–1955) о продаже архива Андрея Белого. Этот вопрос ранее обсуждался с Ивановым-Разумником (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. статья и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С. 700–704 — письма за май 1932 г. и примеч.). Музей, согласно «Протоколу № 2 заседания Фондовой комиссии Центрального Литературного Музея» от 7 июля 1932 г. (ГЛИМ), решил приобрести архив за 10 000 рублей и получил его 9–10 июля (Бугаева К.Н. Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. ОР РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 107. Л. 167). Перед отъездом в Лебедянь Белый с нетерпением ожидал от В.Д. Бонч-Бруевича выплаты денег (См. письмо Белого Г.А. Санникову от 8 августа 1932 г. в кн.: Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка 1928–1933 / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Санникова. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 70–71).

⁶ Имеется в виду подготовка к изданию книг «Мастерство Гоголя» (М.: ГИХЛ, 1934) и «Начало века» (М.: ГИХЛ, 1933). Белый также пытался получить от издательства деньги, необходимые для поездки в Лебедянь.

⁷ Игорь Александрович Сац (1903–1980), критик, переводчик, издательский работник, работал с Белым как политредактор («<...> мой полит-редактор Сац очень выручил с «Началом века», сначала заставив много мест ретушировать, а потом дав резолюцию, что книга очень-де значительная» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 704. Письмо от 5 июля 1932 г.). Колосенко (Колосенков?) работал как политредактор с «Мастерством Гоголя»: «<...> опять разговор с Колосенко, который был у меня 27-го; и вел себя вызывающе, как полит-редактор; указывая, что у меня в «Гоголе» — переверзевщина» (Запись в дневнике Белого за 30 июля 1932 г. НИОР РГБ. Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 4). Л.Б. Каменев писал предисловия к «Мастерству Гоголя» и «Началу века».

⁸ Речь идет о жилищной проблеме: Белый жил в полуподвальном помещении (Площина, д. 53, кв. 1), перед окнами которого постоянно выстраивалась очередь в молочный магазин, находящийся в том же доме. Ср. запись в дневнике за 29 июня 1932 г.: «В довершение всего вчера опять разбили нам стекло. Хвост от молочной превратился в яростную толпу мещан; какие ужасающие лица! Появился наряд милиции; я подошел к начальнику милиции и взмолился: «Что делать нам, жильцам подвала, живущим под хвостом; у нас спорадически бьют стекла». Нач<альник> милиции, изящного вида грузин, только развел руками: «Найдите мне выход?». И я согласился, что выхода — нет; милицейские в белых перчатках на этот раз быстро навели порядок; но их мало; и главное: стекло-то разбили!» (НИОР РГБ. Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 4.).

⁹ Александр Константинович Воронский (1884–1937) после возвращения из ссылки (1930 г.) устроился работать в Гослитиздат (ГИХЛ) в отдел классической литературы и редактировал «Мастерство Гоголя».

¹⁰ Белый неоднократно ссылается в «Мастерстве Гоголя» на монографию Валерия Федоровича Переверзева (1882–1968) «Творчество Гоголя» (М., 1914; То же: Иваново-Вознесенск, 1926; Белый использует 3-е издание: Иваново-Вознесенск, 1928). Претензии к литературоведческим концепциям и методологии В.Ф. Переверзева в 1929 г. переросли в громкую идеологическую кампанию по разоблачению «переверзевщины» (см. литературу вопроса: Михайлов А. Переверзев // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 8. М., 1934. Стб. 501–512). В этой связи обвинение в «переверзевщине» (вполне справедливое), проявившейся не только в цитировании, но в использовании «классового подхода» в анализе произведения, казалось Белому весьма опасным.

¹¹ В.Д. Бонч-Бруевич был историком сектантства. См. выпущенные под его редакцией «Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола» (Вып. 1–7. СПб., 1908 — Пг., 1916). В письме к Иванову-Разумнику от 5 июля 1932 г. Белый сообщал: «Я просидел вечер у Бонча: мы говорили о Ницше, о туризме, о сектантстве; я нарочно избегал говорить о моих бумагах» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 703).

¹² Дом 53 находился на углу Плющихи и Долгого переулка. Окна квартиры выходили в Долгий, по которому и тянулась очередь в молочный магазин.

¹³ Избрание состоялось 19 июля 1932 г. См. запись в дневнике за 20 июля: «После доклада Накорякова, призывавшего работать в «Гихле», попросил слово; и долго говорил на тему о революции в организации отношений между читателем, писателем, критиком («Чит–Пис–Крит»), мои слова видимо понравились всем; и писателям, и Накорякову; и меня выбрали в Группком Оргкомитета при «Гихле» <...>; всего — 16 человек от группы в 300 писателей». Николай Никандрович Накоряков (1881–1970) — в 1932–1937 гг. директор ГИХЛа.

¹⁴ Ср.: «Июня 21 <1932>. Участие в беседе после докладов пушкинovedов у М.А. Цявловского» (Бугаева К.Н. Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 166).

¹⁵ Критик Иосиф Маркович Машбиц-Веров (1900–1989), как и Белый, присутствовал на собрании ГИХЛа 19 июля 1932 г. и так же был избран 19 июля в Группком.

¹⁶ После совещания в ГИХЛе, на котором Белый был избран в группком, состоялся «товарищеский ужин».

¹⁷ Образ «критика с Крита» (как и идею «Чит–Пис–Крит» — см. примеч. 12) Белый развивал ранее в лекции «Читатель и писатель», прочитанной в Тифлисе 28 июня 1927 г.: «Наш критик происходит от слова “Крит”, остров в Средиземном море, на котором сидел и судил Минос, присуждая всех на ужин Минотавру. Критика узурпировала себе роль верховного судьи, гегемона, учителя и т.д.» (А. Б. Читатель и писатель (Лекция Андрея Белого) // Заря Востока. 1927. 30 июня; цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 534). Белый подробно пересказал свое тифлисское выступление, направленное против тирании современной критики, Иванову-Разумнику в письме от 19–21 августа 1927 г.: «<...> октябрьская революция должна быть углублена <...> свержением монополии острова Крита; должен возникнуть “Чит–Пис–Крит”, или “Совет читательских, писательских и критических” депутатов» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 528).

¹⁸ В записи в дневнике за 6 августа 1932 г. Белый сетовал: «<...> боюсь Машбица-Верова, который ловит меня по коридорам «Гихла» и предлагает писать длинную статью о Безыменском, а я — не хочу; я буду писать о поэме Санникова и не для Машбица, а для Гронского». И.М. Гронский руководил журналом «Новый мир», в котором была опубликована статья Белого «Поэма о хлопке» (1932. № 11. С. 229–248). Статьи о поэте Александре Ильиче Безыменском (1898–1973) Белый не написал; сборник, редактируемый Машбиц-Веровым, нам не удалось обнаружить.

¹⁹ См. оценку творчества поэта Ильи Львовича Сельвинского (1899–1968) в письме Белого к С.Д. Спасскому от 13 марта 1932 г.: «<...> о Сельвинском не хочу говорить: это — циркизм, джаз-банд, а не поэзия» (Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским / Статья и прим. Н. Алексеева; подгот. текста В.С. Спасской // Ново-Басманная, 19. М.: Художественная литература, 1990. С. 657).

²⁰ Ср., напр., «Светлый Иисусе» в стихотворении Николая Алексеевича Клюева (1884–1937) «Оттого в глазах моих просинь...» (1917). См. также у самого Белого

описание сектантского радения в «Серебряном голубе»: «<...> пошла в пляс Матренка: пляшет женка, приговаривает столяр: «Сусе, Сусе, стригусе: бомбарцы... Господи помилуй!» (Андрей Белый. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы / Сост., предисл., коммент. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 189).

²¹ Клавдия Николаевна Бугаева (урожд. Алексеева; 1886–1970) и ее сестра Елена Николаевна Кезельман (урожд. Алексеева; 1889–1945), антропософка, автор воспоминаний о Белом.

²² См. подробно: Кезельман Е.Н. Жизнь в Лебедяни летом 32-го года. Воспоминания // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вступ. ст. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. С. 453–468.

²³ В письме Г.А. Санникову, написанному в тот же день, 31 августа 1932 г., сообщалось: «Спешу Вам доставить статью; отдаю ее С.М. Кезельману, который будет в Москве 1-го, если сумеет сегодня уехать из Лебедяни; стало быть: 1-го – 2-го – 3-го статья будет у Вас» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 82).

²⁴ Ср. в письме Иванова-Разумника к А.Г. Горнфельду от 18 апреля 1934 г.: «<...> воздавать должное можно и идейному врагу <...> Он был «никаким» критиком: мог же он (в разговорах со мной) ставить дюжинную поэму Санникова выше «Возмездия» Блока, мог же он в последний год жизни написать статью о Гладкове (которую я не читал, но довольно и заглавия), мог же он пройти мимо Пришвина и т.д. В двух первых случаях — слабость приспособленчества причиной <...>» (Смерть Андрея Белого (1880 – 1934). Сб. статей и материалов / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 341. Публ. В.Г. Белоуса).

²⁵ Российская ассоциация пролетарских писателей занимала в конце 1920-х ведущее положение в литературной жизни, позиционировала себя как проводника партийной политики, агрессивно нападая на тех, кто, по мнению рапповцев, ее нарушал. Постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. позиция Раппа была существенно ослаблена: распускались все существующие писательские организации и брался курс на создание единого Союза писателей..

²⁶ На эту очень обидевшую Белого реакцию Иванова-Разумника он, не называя имени обидчика, жаловался самому Г.А. Санникову в письме, датированном тем же днем, что и это неотправленное письмо — 31 августа 1932 г.: «<...> уже получил от одного «критикана» письмо с критикой Вашей поэмы, — которому ее хвалил; ведь есть персоны, которые во всех моих проявлениях ищут повода к ехидным осуждениям меня (*де* прилаживаюсь к современности); живешь под двойной цензурой (не только *слева*, но и *справа*)» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 83).

²⁷ Г.А. Санников вступил в ВКП (б) в 1917 г., в 1918 г. начал заниматься в литературной студии Пролеткульта, где преподавал Белый и где они познакомились.

²⁸ От фр. «coiffeur» — парикмахер.

²⁹ Из стихотворения В. Хлебникова «Кузнечик» (1908–1909). Отсылка к статье Иванова-Разумника ««Мистерия» или «Буфф» (о футуризме)», в которой содержались похвалы Хлебникову и непосредственно этому стихотворению (Иванов-Раз-

умник. Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922. Пб.: Колос, 1922. С. 227–228). См. подробнее во вступительной статье.

³⁰ Оспаривается сделанное Ивановым-Разумником в той же статье сравнение современной поэтической техники с песней «Удода» из комедии Аристофана «Птицы». См. подробнее во вступительной статье.

³¹ Ср. в поэме-эпосе Сельвинского «Уляяевщина» (1924): «Гоп-чук-чук-чук-чук гопапа / Поп попыне поперек пупа попал. / А попиха осердн?лася / Да попенком разре?ши-ла-ся» (*Сельвинский И.* «Из пепла, из поэм, из сновидений». М., 2004. С. 317); или варьирующийся звукоподражательный «птичий» рефрен в «Поэзии о соловье» (1920) В.В. Каменского: «Цивь-цинь-вью — / Цивь-цинь-вью — / Чок-й-чок»; «Цивь-цинь-ций — / Цивь-цинь-ций — / Чтрррь-юй. Ю»; «Цивь-цью-чок. / Чтрррь-йю. Ю»; «Плль-плю-ций. / Ций-тюрьлю» и т.п. (Благодарю И.Е. Лоцилова за консультации).

³² См. об этом в письме Белого к П.Н. Зайцеву, отправленном в конце августа 1932 г.: «<...> пока писал статью о поэме Санникова; <...> нет спору, она полна промахов, если встать на точку зрения, на которой привыкли стоять (т.е. привыкли видеть достоинство поэт<ического> произв<едения> в заново завитой строке); «куаферных» достоинств и всяких «экспрессионистических» а ля Сельвинский пряностей мало в поэме; новизна и оригинальность ее в том, что она впервые «героический эпос», а не «лирика»; и во-вторых, что она, будучи «производственной» поэмой — интересна, художественна и технически весьма удовлетворительна <...>; новизна поэмы в том, что она «новая форма», а не в том, что в ней «новые» по технике строки. Я за «поэму» очень стою: оригинальность ее в том, что она не «оригинальничает» в мелочах, будучи оригинальной в основном» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка / Подгот. текста и прим. Дж. Малмстада // Зайцев П.Н. Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи / Сост. М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 503). Ср. также отголоски этой мысли в статье Белого «Поэма о хлопке»: «<...> факт впервые художественно оформленной производственной большой поэмы выявил оригинальность поэта как творца новой монументальной формы поэзии, а не новой стихотворной строки, что выявляет большую оригинальность, чем оригинальность в завивании туда и сюда столькими пере-про-завитой лирической трели»; «<...> безвкусно заострить 3000 строк экспрессионистическими «слоями», т.е. всовывать как попало в поэму еще «*никем неслышанные*» ритмы <...>. Словом, ни старому ямбу, ни Хлебникову, ни Сельвинскому нет места!» (Новый мир. 1932. № 11. С. 234, 236).

³³ Ср. сходный отзыв о Клюеве и поэме «Погорельщина» в письме к Иванову-Разумнику от 30 августа 1929 г.: «<...> стихи технически — изумительны, зрительно — прекрасны; морально — «гадостны»; красота имажинации при уродстве инспирации. <...> дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма <...>» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 650).

³⁴ Имеется в виду школа древнерусской иконописи. Благодарю за помощь в прочтении текста Татьяну Нешумову.

³⁵ Ср. подготовительные материалы к статье в дневнике Белого 1932 г.: «И шестая глава, озаглавленная «Социальная природа египетского хлопчатника» — излагает труд Кречетова; это — великолепный, поданный вольным стихом в стиле «доклада» уже обнаженный от всех вуалей интриг и образов фабулы сюжет поэмы: в чистом виде; это глубоко интересный, подкрепленный статистикой очерк истории советского хлопка в Средней Азии, рисующий картину близкого будущего; без слов он говорит об огромных достижениях «СССР»; вместе с этим это панегирик комсомолу, партии, местному населению и героям труда из инженерной интеллигенции:

Получив боевое крещение
«Египтяне» меняют Азию.
Машинизация, орошение,
Новая социальная база...
Победа нам обеспечена,
Порукой тому коллективизация
1930-ый. Декабрь. Дюшамбе.
Подпись. С. Кречетов» (запись за 20 августа).

³⁶ Имеется в виду эпическая поэма Владимира Васильевича Гиппиуса (1890–1941) «Лик человеческий» (Пб.; Берлин: Эпоха, 1922). Иванов-Разумник в статье «Три богатыря» (1922) восхищался поэмой, доказывая, что она — шедевр символистской поэзии (Иванов-Разумник. Творчество и критика. С. 217–218). См. подробнее во вступительной статье.

³⁷ Ср.: «Дорогой друг, <...> поэма Ваша — большое достижение не только в качестве образов и стиха, но и как симптом завоевания пролетарской поэзией самой трудной в поэзии формы: *героического эпоса* (да еще в условиях современности) <...>» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 79–80).

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ, ФИЛОЛОГ:
из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой¹

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — филолог.

Зафиксирован его отзыв о «Поэме без героя»: «Поэма совести (В. Шкловск<ий>)» (С. 261); «Шкловск<ий> — трагедия совести» (С. 450).

«В библиографию. Шкловский: 1965. О посмертной судьбе Гумилева с моих слов» (С. 621) — ср.: «Ахматова говорила мне, что Гумилев очень бы удивился, узнав, что его имя так популярно. Он никогда не был поэтом, которого читают» (Шкловский В. Время поэзии наступило // Вопросы литературы. 1965. № 2. С. 30).

В цитируемом издании одна конъектура действительно гадательна: «Это то, что Ш<кловский?> называет маразмист-затейник» (С. 342) — это речение, которым пользовалась, например, и Фаина Раневская, могло принадлежать и И.В. Штоку.

В автобиблиографии (С. 211) его рецензия на «Anno Domini MCMXXI» в журнале «Петербург» (1921. № 1. С. 18):

«Книгоиздательство Петрополис. Петербург тысяча девятьсот двадцать второй год.

Внешность книги очень хороша. Чрезвычайно удачна наборная обложка.

Книга обозначена датой написания, взятой как название.

Быть может, поэт хотел подчеркнуть этим какую-то лирическую летописность своих стихов.

Это как будто отрывки из дневника. Странно и страшно читать эти записи. Я не могу цитировать в журнале эти стихи.

Мне кажется, что я выдаю чью-то тайну.

Нельзя разлучать этих стихов.

В искусстве рассказывает человек про себя, и страшно это, не потому, что страшен человек, а страшно открытие человека.

Так было всегда и «в беззаконии зачат» псалмов — страшное признание.

Нет стыда у искусства.

Один критик написал «Ахматова и Маяковский».

Если простить и забыть эту фельетонную статью, то можно показать на то, что действительно соединяет этих поэтов.

Они конкретны.

Маяковский вставляет в свои стихи адрес своего дома, номер квартиры, в которой живет любимая, адрес своей дачи, имя сестры.

Жажда конкретности, борьба за существование вещей, за вещи с «маленькой буквы», за вещи, а не понятия, это пафос сегодняшнего дня поэзии.

Почему же поэты могут не стыдиться? Потому, что их дневник, их исповеди превращены в стихи, а не зарифмованы. Конкретность — вещь, стала частью художественной композиции.

Человеческая судьба стала художественным приемом.

Приемом.

Да, приемом.

Это я сейчас перерезаю и перевязываю пуповину рожденного искусства.

И говорю:

«Ты живешь отдельно».

Прославим оторванность искусства от жизни, прославим смелость и мудрость поэтов, знающих, что жизнь, переходящая в стихи, уже не жизнь.

Она входит туда по другому отбору.

Так крест распятия был уже не деревом.

«Свобода, Санчо Пансо», сказал Дон Кихот, выезжая из двора дворца герцога.

Свобода поэзии, отличность понятий, входящих в нее, от тех же понятий до претворения — вот разгадка лирики.

Вот почему прекрасна прекрасная книга Анны Ахматовой и позорна была и будет работа критиков всех времен и народов, разламывающих и разнимающих стихи поэта на признания и свидетельства» (Ахматова А. После всего / Сост. Р.Д. Тименчика и К.М. Поливанова. М., 1989. С. 53–54; Шкловский В. Гамбургский счет / Сост. А.Ю. Галушкина и А.П. Чудакова. М., 1990. С. 142–143).

Вероятно, написанию рецензии сопутствовал разговор Шкловского с Ахматовой: «Одну поэтессу спросили — сейчас она седа и немолода, — почему она решилась так прямо и откровенно говорить о своем личном в стихах. Она ответила, защищаясь: — Это зарифмовано» (Шкловский В. Гамбургский счет. С. 406).

«Один критик» — Корней Чуковский, который в свою очередь писал Горькому:

«Я затеял характеризовать писателя не его мнениями и убеждениями, которые могут ведь меняться, а его органическим стилем, теми инстинктивными, бессознательными навыками творчества, коих часто не замечает он сам. Я изучаю излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам, и на основании этого чисто-формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя. <...> Наши милые «русские мальчики», вроде Шкловского, стоят за формальный метод, требуют, чтобы к литературному творчеству применяли меру, число и вес, но они на этом останавливаются; я же думаю, что нужно идти дальше, нужно на основании формальных подходов к материалу конструировать то, что прежде называлось душой поэта. Мало подметить, что эпитеты Ахматовой стремятся к умалению и обеднению вещей, нужно также сказать, как в этих эпитетах отражается душа поэта» (Переписка М. Горького с К.И. Чуковским / Предисл., подг. текста Е.Ц. Чуковской, Н.Н. Примочкиной // Неизвестный Горький. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1994. С. 111).

На наблюдение из этой рецензии Ахматова откликнулась в разговоре пять лет спустя, по поводу стихотворения Гумилева «В этот мой благословенный вечер...» («И пошли мы, пара вслед за парой, / Слово фантастический эстамп, / Через переулки и бульвары / К тупику близ улицы Декамп»): «А здесь — Гумилев похож на себя до последней степени — и точность, и реализм до Маяковского, и адрес, и себя называет...» (Лукницкий П.Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 90). Журнал «Петербург», где напечатана рецензия, Шкловским и редактировался. Московский зоил откликнулся:

«Будем рассуждать философически: добрый издатель мирного времени (славная туша) мыслил примерно: э, публика все съест. И из этого расчета скармливал публике неусвояемые суррогаты. Деятели нового купечества подошли к этой проблеме с другой стороны и рассуждали так: раз публика ест эти гаденькие вещицы, то, очевидно, у нее есть к этим вещам вкус, потребность и жадность, которые было бы грешно не использовать, грешно и перед собственными карманами, и перед логикой, и перед коллективной душой покупателя. И это-то новое купечество в лице деятеля «Опояза» В. Шкловского заработало: плодом этой работы явился чудный журнальчик «Петербург», где есть «все» — моды <...>, лирика Ахматовой, Ходасевича и Павлович, скрепленная уверениями редактора о том, что «прекрасная поэзия Ахматовой — прекрасна» и позор на голову тех, кто осмеливается в

этой питерской аксиоме сомневаться...» (Бик Э. [Бобров С.П.] Ред. на: Петербург. № 1 / Печать и революция. 1922. № 2. С. 385).

Попав в эмиграцию, Шкловский писал в статье «Письмо о России и в Россию» (Новости литературы. Берлин. 1922. № 2. С. 97):

«Анна Ахматова одно время ничего не писала. Не потому, что колола снег. Это совместительство не было запрещено, а потому, что ей показалось легким писать так, как писала она прежде.

Сейчас пишет иначе. Книжку ее «Anno Domini» читать страшно. Обнаженная книжка. Если брать стихи целиком, то видишь, что судьба поэта для него формальный материал. Но эти стихи неразменны, их можно напечатать, но нельзя пересказать — получится диффамация. Анна Ахматова сейчас состоит в Правлении Союза писателей и ходит на заседания. Сидит за столом в шелковой шали, в шали, которая кажется цитатой из стихов Блока и Мандельштама.

Вообще у нас портреты ходят по улицам. Ждем прихода на какое-нибудь заседание местной литературной знаменитости — Медного всадника» (Шкловский В. Гамбургский счет. С. 147).

Осенью 1920 г. Шкловский читал в Московском лингвистическом кружке доклад «Оксюмороны у Ахматовой» (Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. М., 2003. Т. 2. Футуристическая революция. 1917–1921. Кн. 1. С. 464). Краткое изложение доклада вошло в его книжку «Розанов. Из книги «Сюжет как явление стиля»» (Пг., 1921):

«Здесь мы входим в сферу сложного литературного приема.

«Смотри, ей весело грустить,

такой нарядно обнаженной», — пишет Анна Ахматова.

В приведенном отрывке важно противоречие между словами «весело» и «грустно» и между «нарядно» и «обнаженной» (не нарядно одетая, а нарядно обнаженная.)

У Маяковского есть целые произведения, построенные на этом приеме, как, например,

«Четыре тяжелых, как удар». Привожу отрывки:

Если б был я
 маленький,
 как Великий Океан...
 Или:
 О, если б я нищ был!
 Как миллиардер!

Такой прием носит название оксюморон. Ему можно придавать распространенное толкование.

Название одной из повестей Ф. Достоевского «Честный вор» — есть несомненный оксюморон, но и содержание этой повести есть такой же оксюморон, развернутый в сюжет.

Таким образом мы приходим к понятию оксюморона в сюжете» (Гамбургский счет. С. 129).

Как и иные предложения Шкловского, эта идея была развита коллегами по формальному методу, прежде всего Борисом Эйхенбаумом:

«Образование смысловых оттенков часто достигается у Ахматовой парадоксальным, противоречивым сочетанием слов — прием типичный для поэтов, развивающих чисто словесную стихию: «Подари меня горькою славой», «Прости меня, мальчик веселый | Совенок замученный мой», «Слагаю я веселые стихи | О жизни тленной, тленной и прекрасной», «Помолись о нищей, о потерянной, | О моей живой душе», «И тебе печально благодарная», «Умирая, томлюсь о бессмертии», «Ни один не двинулся мускул | Просветленно-злого лица», «Как светло здесь и как бесприютно», «Да будет жизнь пустынна и светла». Сгущение этого приема мы имеем в заключительных строках стихотворения «Царскосельская статуя»:

Смотри, ей весело грустить
Такой нарядно-обнаженной
<...>

И весенняя осень так жадно ласкалась к нему

Интересный пример оксюморона (ср. «ей весело грустить»).

<...> особый стиль, основой для которого является причудливость, «оксюморонность», неожиданность сочетаний. Это отражается не только на стилистических деталях, указанных выше, но и на сюжете.

<...> Тут уже начинает складываться парадоксальный своей двойственностью (вернее – оксюморонностью) образ героини — не то «блудницы» с бурными страстями, не то нищей монахини, которая может вымолить у бога прощенье. <...> Героиня Ахматовой, объединяющая собой всю цепь событий, сцен и ощущений, есть воплощенный «оксюморон» (Эйхенбаум Б. Анна Ахматова. Опыт анализа. Пг., 1923. С. 111–112, 126, 120, 114, 129).

Ученик Шкловского Теодор Гриц в статье «Мертвый штамп и живой человек» повторял за учителем:

«Кажется, Блок применял к проститутке эпитет «девственная». В этом приеме, носящем название «оксюморон», важно смысловое

противоречие между сталкиваемыми словами. Более подчеркнуто пользовалась оксюморона Анна Ахматова, которая писала:

Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

Сталкивая такие противоречивые понятия, как «весело» и «грустно» и «нарядно» с «обнаженной», Ахматова создавала этим особую эмоциональную выразительность.

Маяковский на оксюмороне строил целые произведения и, например, в «Четыре тяжелые, как удар» у него есть такие строки:

Если б я был нищ, как миллиардер,
или
Если б я был маленький, как Великий Океан.

Развертываясь, этот прием может создавать отдельные ситуации и даже целые фабульные построения» (Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 1929. С. 127).

Пример из Шкловского стал кочевать по справочникам — в статье М.А. Петровского: «Оксиморон (греч., остроумная глупость) — стилистическая фигура, состоящая в намеренном сочетании противоречивых понятий <...>. Особенно часто оксиморон встречается в лирической поэзии. Например, у Тютчева: «Понятным сердцу языком твердишь о непонятной муке»; у Блока: «Немотствует дневная ночь»; «Дохнула жизнь в лицо могилкой»; у Бальмонта: «... сладкими муками Сердце воскресшее билось во мне»; у Ахматовой: «Смотри, ей весело грустить, Такой нарядно-обнаженной» и др.» (Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов в двух томах. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 529–530).

Или:

«<...> стилистическая фигура, сочетание контрастных по значению слов, создающих новое понятие или представление <...>

— Страдают все,— страдает темный зверь,
Без упования, без сознания,—
Но перед ним туда навек закрыта дверь,
Где радость теплится страдания.

(А. Фет)

Жить, храня веселье горя,
Помня радость прошлых весен...
(В. Брюсов)

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
(А. Блок)

Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.
(А. Ахматова)

Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.

(В.Маяковский)»

(Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 181).

Исходный образчик появился у Ахматовой, после Игорь-Северянина: «Мне весело грустить о звонких трелях...» в его сборнике «Поэзоантракт» (1915).

В библиотеке Ахматовой сохранилась книга Шкловского «Развертывание сюжета» ([Пг.,] 1921) с надписью: «Анне Ахматовой от автора. В.Шкловский. Собака (бродячая) 1912 Угол (книжный) 1921, 999)» (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург). *Книжный угол* — книжная лавка критика и издателя Виктора Ховина против цирка Чинизелли, Фонтанка 5, открывшаяся в начале апреля 1918 г. (Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв.ред. А.Ю. Галушкин. Том I. Часть 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 152); ср.: «<...> магазин «Книжный угол», единственный магазин в Питере. Здесь сидел в углу Ховин, пил чай из желтого чайника и изображал собой букиниста. Покупателей было в Питере человек пять, все книжники» (Шкловский В. Современники и синхронисты // Русский современник. 1924. № 3. С. 234–235; Гамбургский счет. С. 373). См. журнальную заметку «Книжный угол»:

«В Петербурге, у Симеоновского моста, в угловом доме, соединяющем Караванную улицу с набережной Фонтанки, в маленьком магазинчике, бывшей портновской мастерской, завелось с весны прошлого года новое учреждение: «Книжный угол». Крикливо и претенциозно расписанная «футуристическая» вывеска; открытые шка-

фы с книгами; столики, заваленные книгами; уютный подвальчик под магазином; стены, разукрашенные друзьями «Книжного угла»; литературный критик, редактор журнала «Очарованный странник» В.Р. Ховин с сотрудниками за прилавком в роли продавцов книг; популярная по литературно-художественному кабаре «Бродячая собака» О.М. Вороновская — за кассой... Широкие планы, мечты о литературном клубе, журнале, издательстве...

Все это казалось многим неосуществимым, маниловщиной, осужденным на провал и крах. Но неиссякаемая энергия Виктора Ховина, его крепкий организаторский талант, его пламенная вера в успех сделали свое. Второй лишь год существует «Книжный угол», но за это время он успел приобрести широкую популярность, осуществить большую часть затеянного и вызвать целый ряд подражаний. «Книжный угол» живет, полон сил и энергии и не только книгами торгует, но и благороднейшим адвокатом книг и писателей выступает, горд и независим и ни пред кем головы не клонит» (Творчество. Харьков. 1919. № 4. С. 37; Ольга Михайловна Вороновская, жена В.Р. Ховина — автор рецензии на «Четки» в альманахе «Очарованный странник»).

«АА Шкловского любит: “Он такой веселый”. Этим термином заменяет все другие определения» (Лукницкий П.Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925 гг. Париж, 1991. С. 115). Ср. запись Л.Я. Гинзбург:

«Гриша [Г.А. Гуковский] говорит, что Шкловский и Ахматова — люди одной культуры и потому так хорошо понимают друг друга. О, я-то узнаю с полуслова людей этой культуры! До нас она дошла под видом формализма, — эта культура, в которой слова отражают слова, а ценности произвольны. От этого, от непрочного мира, который можно порождать и уничтожать по своему усмотрению, Ахматову не спасла религия, ни Шкловского его еврейская скорбь. Ахматова, Шкловский и др. оставили нам проклятое наследство — самовитое слово, которым невозможно нынче писать ничего, кроме исторических романов» (Звезда. 2002. № 3. С. 118).

О периоде «взаимопонимания» Ахматовой со Шкловским свидетельствует одна из записей в «Асуміана» Павла Лукницкого:

«Зимой <19>21–22 в Д<оме> Иск<уств> заседание. Лурье выбр<али> председателем. Имя А.А. у всех на устах. Хотим писать как Ахматова, не как Гум<илев> (но ведь А.А. <врезала?> беличью шкурку на фоне символизма). А.А. сидела со Шкловским и ехидничала. Шкловский встал и стали их <к...ть> — говорил все, что А.А. ему нашептала — (А.А. боялась, что он скажет, что это она сказала)»

(ИРЛИ; Коллекция П.Н. Лукницкого; сообщено Т.М. Двинятиной). Речь идет о вечере «Цеха поэтов» 27 февраля 1922 г. (Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. I. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. М., 2005. С. 334).

Ср. воспоминание присутствовавшего на том вечере Владимира Пяста:

«“Ахматовское” направление стало определять чуть ли не всю женскую лирику России. Ее «Беличья распластанная шкурка», — как правильно говорил когда-то Викт. Шкловский, — стала «знаменем» для пришедшей поэтической поры, — послужив ключом для некоего возникающего направления...» (Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 156). Через пять дней после этого вечера Шкловский бежал в Финляндию. Вероятно, к этим дням начала 1922 года относится и другой сообщенный Ахматовой Лукницкому эпизод:

«Рассказывает, как читала Шкловскому русскую песню Архангельской губ.

Шкловский сказал: «Похоже...»

Спросила: «На что похоже? «

— «На Ваши стихи»».

[24.III.1925. М<раморный> Д<ворец>]» (сообщено Т.М. Двинятиной).

Очевидное сближение происходило в начале 1930-х годов. В письме от 20 июля 1931 г. Шкловский писал:

«Дорогая Анна Андреевна.

Я уехал в Сочи, к жене.

Перед этим получил письмо о том, что моя дочка умирает.

Все обошлось, но я очень устал.

Работал тоже много. Здесь готовят к печати «Золотого Петушка» и вокруг него секретничают. Источника не знают. Не рассказывайте и Вы.

Вернусь в августе. Очень прошу Вас приехать к нам в начале августа (если удобно, после 15-го).

Я хочу подучиться Пушкину.

Желаю счастья. Заслуженного.

Есть дело.

Ваш Виктор Шкловский

Конверт заклеился. Я его режу»

(РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 163; частично: Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. Изд. второе, испр. и доп. М., 2008. С. 269). Ахматова, таким образом, обсуждала с

ним свою будущую статью «Последняя сказка Пушкина» («Звезда», 1933. № 1). На своей книге «Чулков и Левшин» (Л., 1933) он написал: «Анне Андреевне Ахматовой / На отзыв. Я верю Вам / после ясной статьи о / Пушкине, не загороженной / словами. Поздравляю Вас / с началом работы над Пушкиным. / Только Вы можете ее сделать. / Виктор Шкловский» (Пакшина Н., Позднякова Т. Библиотека Анны Ахматовой // Библиофила России. Альманах. Т. 1. М., 2004. С. 95). Позднее он высказался в печати: «В деле выяснения источников пушкинских вещей сделано очень много, так, например, А.А.Ахматова бесспорно установила литературный источник сказки «О золотом петушке»» (Шкловский В. Заготовки и записи. // Литературная газета. 1934. 2 декабря).

К этому времени относится запомнившаяся Ахматовой остро-та Шкловского: «Когда книга [«Письма Рубенса»] вышла, [Абрам Эфрос] пригласил ее в ресторан отпраздновать это событие, в том же зале случайно оказались Катаев и Шкловский: подвыпив, они подошли к их столику, поцеловали Ахматовой руку, церемонно попросили разрешения на минуту присесть, произнесли несколько любезных реплик, потом откланялись, но перед тем, как отойти, Шкловский решил доставить себе удовольствие и, перефразируя известный бабелевский афоризм, проговорил: «Абрам может пригласить русскую женщину в ресторан, и она останется им довольна»» (Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1999. С. 279).

В 1940 г. он вспоминал о молодой Ахматовой в книге «О Маяковском». Ахматова отзывалась 5 июня 1940 г.:

«— Неприятная книга. Понарезано из прошлых книг. Очень устарела вся его форма. И почему он пишет неправду. Будто на похоронах Блока было мало народа. А был весь город. Он не может не помнить. Он сам нес крышку гроба.

И потом о первых вечерах футуристов. Переписывает из «Полутораглазого стрельца» <Б.К.Лившица> будто в первых рядах сидели офицеры в мундирах. Он же помнит, что это не так. Слушала футуристов молодежь. Что это за офицеры, да еще в мундирах? Непонятно, зачем это ему нужно» (Тименчик Р. Сергей Спасский и Ахматова // Toronto Slavic Quarterly. № 50. 2014. Р. 104). «А обо мне написано смешно и глупо. Тут вот чего нельзя понять: если это разжижение мозга — то почему же о Корнее Ивановиче <Чуковском> все так связно подло, рассчитано подло. Об акмеистах тоже, весьма осторожно и рассчитано. А вот обо мне — чистое разжижение. “В соседней комнате, не в той, где камин, сидела Ахматова. Все это точно описано в ее стихотворении: «Все мы бражники здесь, блудницы»» (Чуков-

ская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М., 1997. С. 446).
В книге говорилось:

«Кузмин требовал четкости, однозначности слова. Искали новых учителей, вспомнили Рабле и Виллона, боролись с текучестью слова.

И вот тогда появилась Ахматова.

Мы знаем ее и частично уже забыли зная, и поэтому трудно ее понять.

Она восстанавливала конкретный жест любви, ее женщина в стихах имела перья на шляпе, и перья задевали о верх экипажа. В те времена появлялись автомобили, и автомобили имели специальное возвышение для дамских перьев.

Ахматова конкретна как мастер лимузинов.

Он снова тронул мои колени

Почти не дрогнувшей рукой» (Шкловский В. О Маяковском. М., 1940. С. 28–29).

Сравнение бросалось в глаза: «И вообще он предпочитает говорить обиняками, все больше метафоры да сравнения. “Ахматова конкретна, как мастер лимузинов”» (Гурштейн А. Гулливер среди лилипутов // Литературная газета. 1940. 21 июля). Оно вызвало протест Андрея Платонова:

«“Как мастер лимузинов” — Шкловский сказал для своеобразия. Означает же это вот что: Шкловский думает: у всех же так, трогают вначале что-нибудь, допустим, — колени. А затем — одинаково. Это похоже, как лимузины, думает Шкловский. Он не понимает, что мысли и действия людей в одинаковых обстоятельствах тоже почти одинаковы (и здесь нет ничего дурного, порочащего), но чувства их всегда разнятся, чувства их всегда индивидуальны и однократны. Действия шаблонны, а жизнь неповторима. Ахматова пишет именно об этом, а Шкловский, не понимая, думает о производстве лимузинов: играя метафорой, автор и выигрывает одну метафору. И вскоре тут же он пишет: «Поэзия ждала конкретности». Конкретность как раз и заключается в изображении чувства, мысли и действия человека, в описании его однократного характера» (Человеков Ф. [Платонов А.П.] О Маяковском // Литературное обозрение. 1940. № 17. С. 55).

Из дальнейших встреч Ахматовой со Шкловским документированы (воспоминаниями М.Ф. Берггольц) его визиты к ней в Москве в октябре 1941 г. на ее пути в эвакуацию: «Мне было с Анной Андреевной очень свободно и легко. Как-то я сказала ей что-то в этом духе, после посещения ее Шкловским. А.А. усмехнулась: “Не очень-то нам верьте — мы старые шармеры!..”» («Сколько людей! — И все живые». Отзывы читателей о «Записках об Анне Ахматовой»

Лидии Чуковской / Предисловие, примечания и публикация Е.Ц. Чуковской // Знамя. 2005. № 8. С. 173). Во время ее ташкентской эвакуации Шкловский ходатайствовал за нее письмом к начальству: «<...> за [Анной Андреевной] прислали машину из ЦК, и там спрашивали о ее здоровье, книге, пайке и пр. [Анна Андреевна], вероятно, объяснит это по-иному, но в действительности это — результат письма, которое Шкловский подал на днях в ЦК» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М., 1997. С. 446).

В 1950-е годы они, по-видимому, встречались редко, если вообще встречались. Ср. разговор «о Ш. О тамошней семейной ситуации.

— Знаете, Лидия Корнеевна, я пришла к убеждению, что развестись с семидесятилетней женой — в этом есть что-то неприятно-комическое.

Я сказала, что женщин, которые не дают своим мужьям развода и держат их при себе насильно, я уважать не способна.

— Пожалуйста, не объясняйте мне. Я сама всегда за развод. Хотя бы потому, что если нет развода, люди прибегают к другому способу: мелко-мелко шинкуют нелюбимого супруга и сдают его изрубленное тело в корзине в камеру хранения на вокзал... И все-таки я нахожу, что с семидесятилетней женой можно и не разводиться. Это смешно» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М., 1997. С. 515).

См. также запись слов Ахматовой в 1963 г.: «Когда была эта история с Пастернаком <...> Шкловский и Сельвинский были в это время в Ялте. Эти два дурака думали, что в Москве утро стрелецкой казни, и в ялтинской газете напечатали свое заявление о Пастернаке» (Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 277).

Ср. также: ««Я никогда не видела человека, менее приспособленного для литературной деятельности»» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. С. 144); ср. запись высказываний, сделанную Л.Д. Большинцовой: ««Ошибка позднего поколения — (даже нашего) — Шкловский. Мы принимали его трескотню за остроумие, блеск и воображение». (А.А.). «Наше поколение переоценило Шкловского. Большинство переоценило. Однако были исключения — например, Стенич» (А.А.)» (Поза Модильяни, лицо Тышлера. Непубликованные воспоминания Любви Большинцовой об Анне Ахматовой // Известия. 2002. 22 июня).

Ср. письмо Шкловского к киевской поэтессе Е.М. Ольшанской от 8 июля 1984 г., за пять месяцев до смерти:

«С Ахматовой я был связан многолетними дружескими отношениями. Когда впервые я увидел ее — не помню. Наверное, это было в кафе “Бродячая собака”, в году 1913–1914. По крайней мере это было... до войны. Тогда же и познакомился с ее стихами. Об этом есть немного в моей книге “Жили-были”.

Не могу сказать, что ее стихи произвели на меня большое впечатление тогда. Я был из противоположного, так сказать, лагеря — футуризма. С акмеистами, к которым формально примыкала Ахматова, мы враждовали. Отношение мое к ее творчеству — неровное, очень менялось с годами. Привлекал ее своеобразный дилетантизм, неканоничность. Она словно забыла о том, что делали до нее в поэзии символисты. Ее поэзия точна, конкретна, детальна и вещна. В этом ее учителем был, конечно, нами еще неочененный Михаил Кузмин. Ахматова психологична — когда она пишет о том, что пересчитала ступеньки и ошиблась, или о том, когда надела перчатку на другую руку, — это поэзия большой психологической емкости.

О месте Ахматовой в поэзии XX века я ничего не могу Вам сказать. Никто не уполномочивал меня раздавать места и призы. Из литературоведческих работ об Ахматовой я выделил бы, конечно, работы Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского. Что-то есть у академика Виноградова. С академиком Жирмунским, помню, мы ездили на могилу Ахматовой в Комарово, долго говорили. Она сдружила нас, мертвая, хотя мы много ссорились с Виктором Максимовичем.

А с самой Ахматовой мы виделись довольно часто. Я знал Гумилева, учился в одно время с Шилейко в университете, знал хорошо Пунина. Особенно часто мы виделись начиная с 30-х годов. Она приходила к нам со своим несчастным сыном, выросшим сейчас в большого ученого. В день смерти Маяковского я имел большой разговор с Ахматовой. Мы говорили о Володе, она сказала мне, что это огромный поэт. А на следующий день мы узнали, что Маяковского не стало. Я даже не поверил — наш разговор стоял еще в голове.

Кажется, на все Ваши вопросы я ответил. Да, писем Ахматовой у меня нет. И дарственных надписей тоже. А об Ахматовой пусть — это будет лучше — расскажут Вам ее стихи» (Ольшанская Е. Шкловский об Ахматовой // Литературная Россия. 1988. 16 декабря).

Незадолго перед тем он писал: «Я думаю, что Ахматова многим обязана Кузмину. Она его прямой потомок. Через Ахматову, может быть, Кузмин неузнанным, инкогнито, прошел в нашу литературу. Тень его бродит где-то рядом с нами» (Шкловский В. Ветер наполняет паруса // Литературная газета. 1984. 15 февраля). Ср.: «Шкловский договорился когда-то, что Кузмин — первый русский поэт,

давно еще, в годы расцвета Блока, Сологуба и появления Ахматовой. О вкусах не спорят, но есть все же ошибки слишком чудовищные. Это одна из таких. Шкловский всегда неуверен в своих оценках, всегда колеблется, если по чужим суждениям не составил еще своего» (Адамович Г. Литературные беседы // Звено. Париж. 1924. 29 декабря; Адамович Г. Литературные беседы. Книга первая («Звено»: 1923–1926). СПб., 1998. С. 137).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируется по изданию: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino, 1996. Далее — с указанием номера страницы в тексте.

**ИЗ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУШКИНИСТИКИ 1910-х ГОДОВ**
Неизвестная работа Г.В. Маслова
из архива редакции журнала «Голос минувшего»

*Статья, подготовка текста и комментарии
М.А. Фролова (Россия, Москва)*

Имя поэта и пушкиниста Георгия Владимировича Маслова (1895–1920) принадлежит к числу легендарных литературных имен — долгие годы оно оставалось таким даже для его современников. Формированию ореола легендарности способствовала и безвременная кончина (в возрасте неполных 25 лет) талантливого молодого человека, любимца студенческой компании, и сами обстоятельства смерти. Маслов, сын офицера, умер в марте 1920 г. от сыпного тифа в Красноярске, в армии генерала А.В. Колчака при отступлении ее на восток.

Для современного читателя, за исключением специалистов, а также для знатоков и любителей отечественной поэзии это имя все еще остается малознакомым. До сих пор должным образом не изучено и не подготовлено к печати в полном объеме достаточно немногочисленное (к тому же из-за трагической судьбы автора еще и претерпевшее немало утрат) литературное наследие Маслова. Лишь стараниями его московских, петроградских и сибирских друзей и знакомых, а главное — благодаря любви и деятельной заботе его вдовы¹, поэтессы, писательницы и мемуаристки Елены Михайловны Тагер (1895–1964) — «рукописный фонд» Маслова, пусть и в весьма рассредоточенном виде, сохранился и ждет своих исследователей². Тем более важным и неотложным делом является поиск и введение в научный оборот неизвестных страниц поэтического и литературоведческого наследия Маслова.

Воспитанник знаменитого Пушкинского семинария при Петербургском университете³, много обещавший литератор и ученый, Маслов успел напечатать при жизни всего одну работу, посвященную Пушкину⁴. Следует сказать несколько слов о его участии в работе этого замечательного научного общества, взрастившего не одно поколение отечественных пушкинистов. Первое его выступление на заседаниях семинария (посещать их он начал с момента поступления в университет в 1913 г.) относится к 1914 г. — 27 ноября он прочитал доклад «Разбор архитектоники и стиха «окончания» «Русалки»,

сравнительно с подлинными произведениями Пушкина». По-видимому, в силу значительного объема работы, представленной на суд коллег, и их заинтересованности, чтение доклада и его обсуждение было продолжено 4 декабря. В следующем году состоялось еще три выступления Маслова: 9 апреля — с сообщением «О стихотворении “Она” Баратынского», 7 мая — с докладом, связанным на сей раз со стиховедением — «Цезура в Пушкинском пятистопном ямбе». Наконец, 8 октября он посвятил свое выступление стихотворению Пушкина «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...».

Тогда же, осенью 1915 г. несколько участников семинария (в частности: С.М. Бонди, В.Л. Комарович, М.О. Лопатто, Ю.Г. Оксман, А.С. Поляков, Н.В. Яковлев и сам Г.В. Маслов), желая продолжить его работу и дружественное научное сотрудничество, стали инициаторами возникновения «Историко-литературного студенческого кружка», посвященного «как изучению Пушкина, так и вообще истории литературы XIX века, а также вопросам теории литературы»⁵. Со дня первого заседания 5 декабря 1915 г. по осень 1917 г. состоялось 22 заседания кружка, что уже само по себе, учитывая трудные условия времени, было фактом примечательным. Участие Маслова в работе кружка выразилось, в частности, в выступлениях с докладами «Послание Лермонтова к Пушкину 1830 года»⁶ и «Новое о стихотворении “Послушай, бабушка, мне каждый раз...”»⁷.

В марте 1917 г. Маслов оставляет университет и отправляется с молодой женой Еленой, также не успевшей окончить учебу, в Симбирск для организации выборов в Учредительное собрание и сопутствующей им агитационной работы — таким образом, решение об отъезде из Петрограда можно без всякого преувеличения назвать судьбоносным.

О публикуемой работе и обстоятельствах ее написания нам удалось в настоящее время выявить два документальных свидетельства. Авторство первого из них принадлежит самому Маслову — это его недатированное письмо, адресованное С.П. Мельгунову, историку, политическому деятелю и главному редактору журнала «Голос минувшего», в котором молодой автор рассчитывал напечатать свой труд. Приведем это неопубликованное письмо целиком:

Милостивый государь,
господин редактор!

Я уже однажды писал Вам об издании записок И.С. Жиркевича⁸, но теперь издать записки вряд ли возможно, т.к., по всей

вероятности, музей, где они хранились, нашими «просветителями» обращен в конюшню⁹. Взамен этого я предлагаю Вам поместить у себя в журнале любопытную и, насколько я осведомлен, малоизвестную речь гр. Станислава Потоцкого¹⁰, которая была произнесена 13 сентября 1820 г. на польском сейме в ответ на речь Александра I¹¹. Если она представляет интерес, я немедленно же вышлю имеющийся у меня достоверный список с нее. Пока же посылаю Вам статью «О Пушкинском тексте», которая может быть продолжена на основании имеющихся у меня материалов. Если она подходит для журнала, то оттиски и гонорар я прошу направить по адресу: г. Симбирск. Тихвинский съезд № 18. Г.В. Маслову. Если нет, то статью просил бы возвратить, на мой счет, по тому же адресу. О моих литературных занятиях я уже Вам писал, если это письмо утеряно, то обо мне можно справиться у С.А. Венгерова или Б.Л. Модзалевского¹², которые знают мои работы.

Георгий Маслов¹³.

Второй документ, фрагмент которого мы позволим себе процитировать, также позволяет приблизительно датировать и появление на свет «Заметок о Пушкинском тексте», и опубликованное выше письмо, а кроме того — уяснить происхождение неизвестной ранее работы Маслова-пушкиниста. Речь идет о письме Е.М. Тагер от 20 марта 1924 г., адресованном симбирскому краеведу и библиографу Н.Н. Столову. Отвечая на просьбу корреспондента прислать краткую биографическую справку о Маслове, Тагер, рассказывая об их переезде из Петербурга в Симбирск, упомянула и о «Заметках...»:

В ноябре 1916 г. мы поженились; в марте 1917-го — немедленно после Февральской революции — выехали в Симбирск для проведения выборов в Учредительное собрание. (До формального окончания университета Георгию Владимировичу оставалось несколько экзаменов. Он был намечен к оставлению при кафедре русской литературы и уже приступил к своему неосуществлённому кандидатскому сочинению о лицейских стихах Пушкина.) С весны 1917-го до сентября 1918-го Георгий Владимирович оставался в Симбирске, отдаваясь общественной работе. Затем события гражданской войны перебросили его в Сибирь¹⁴.

Таким образом, работу Маслова над «Заметками...» следует обозначить следующими крайними хронологическими точками: зима

1916 г. — осень 1917 г. Более того, как следует из процитированного выше письма Тагер, «Заметки...» были начаты еще в Петербурге, а закончены (и оформлены в виде законченного и связного текста, поскольку автограф — белой, а черновики, скорее всего, не сохранилось) уже в Симбирске. Последнее предположение подтверждается тем, что автограф работы Маслова — на печатном бланке расписки солдата 164-го пехотного Закатальского полка, «в том, что он выдал настоящую расписку Симбирской Уездной Земской управе в том, что получил от нее за ... месяц на наем квартиры и на отопление и освещение ее ... рублей ... коп.».

Вскоре после высылки Мельгунова из России в октябре 1922 г. его архив (включавший, в частности, и редакционный архив «Голоса минувшего») и библиотека были конфискованы и переданы Социалистической академии (1918 — 1924; впоследствии переименована в Коммунистическую академию). Среди прочих материалов оказался там и автограф «Заметок...», о чем свидетельствует соответствующая печать академии, проставленная на каждой странице¹⁵.

В нашу задачу не входит сверка текстов, публикуемых Масловым, с предшествующими и современными ему изданиями (отчасти эту задачу попытался разрешить сам автор, анализируя прижизненные издания, автографы и списки стихотворений Пушкина¹⁶), равно как и характеристика ценности его работы с точки зрения текстологии пушкинских стихотворений лицейского периода¹⁷. Позволим себе отметить лишь безусловное источниковедческое значение его небольшого исследования — в научный оборот вводится описание нового источника¹⁸, содержащего списки лицейских стихотворений Пушкина и не учтенного современниками Маслова (в настоящее время местонахождение описываемого им симбирского сборника неизвестно, а варианты пушкинских текстов, содержащихся в нем, учтены и введены в научный оборот по целому ряду других источников).

При публикации текста рукописи нами сохранены орфографические, грамматические и синтаксические особенности стиля автора, в том числе и при передаче им стихотворных текстов (за исключением очевидных описок, ошибок или пропусков).

«Заметки о Пушкинском тексте» публикуются по автографу, хранящемуся в Архиве РАН (Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 1–8). За ценные советы и замечания, полученные в процессе работы над публикацией, благодарю С.И. Панова и О.А. Коростелева.

ЗАМЕТКИ О ПУШКИНСКОМ ТЕКСТЕ

Лицейский период жизни Пушкина наиболее исследован, тем не менее, текст его юношеских произведений, как он печатается в настоящее время, нельзя назвать каноничным. Причина этого в том, что большая часть лицейских пьес не была напечатана при жизни П<ушкина>, и нам приходится руководиться автографами или списками стихотворений, причем очень трудно установить, какой из списков позднейший (если принять, теперь оспариваемое, правило печатать позднейший список). Тут могут представиться несколько случаев: 1) у нас имеются только автографы 2) списки и автографы 3) только списки. В первом случае мы почти всегда можем определить, какой автограф позднейший, но препятствием к правильному установлению текста являются особенности Пушкинского почерка. Мне известен ряд *беловых*¹⁹ вариантов, которые по своей неразборчивости до сих пор в собрания сочинений не вошли. Во втором случае за окончательный текст принимается позднейший автограф, но иногда, при достоверности списка, мне кажется, следовало бы принять его, т.к. он носит следы завершительной творческой работы. В третьем случае, кроме других соображений, должен быть произведен эстетический анализ текста, что почти никогда не делается.

Но кроме выработки канонического Пушкинского текста перед исследователями встает еще очень важный вопрос — *классификация списков*. Он не разрешен почти совершенно. Предположим, что существует 7 списков (и автографов) стихотворенья, одинаково достоверных. Какой из списков более ранний? Какое место по времени занимает данный список среди других? Все эти вопросы разрешаются классификацией списков. Исследуем их и находим, что они представляют собой 3 редакции стихотворенья, которые обозначаем через А, В и С. Самый ранний текст редакции А называем А1 и т.д. И располагаем списки в такой, например, ряд: А1, А2, А3, А4, В1, В2, С1. После подобной работы перед читателем ясно встает процесс Пушкинского творчества, поскольку он запечатлелся на бумаге, подлинная история Пушкинского текста.

Мне кажется, что для его установления может служить, между прочим, рукописный сборник 20-х годов, заключающий списки некоторых стихотворений П<ушкина> и находящийся в моем распоряжении. Прежде всего, надо выяснить степень его авторитетности. Для этого опишем его в кратких чертах. Это альбом in quarto в переплете

лилового цвета. На середине переплета остался след и два отверстия от металлической дощечки. У краев следы от застежек. Он заключает в себе 62 листа с водяным знаком:

1818

Turkey Mills.

J. Whatman.

Альбом, как видно из его содержания, принадлежал высококультурному и широко-образованному владельцу. Записи в нем относятся преимущественно к 20-ым годам, на что указывают и содержание их, и даты под ними (1824 г., например). Изредка на полях встречаются позднейшие 30-х годов и, наконец, в одном месте в углу страницы есть запись с датой 1845 г. По недостатку места, не приводя оглавление всего альбома, перечислю только некоторых авторов, выписки из которых там встречаются: Ф. Сегюр²⁰, В. Гюго, Ш. Нодье, Маркиз де Кюстин²¹, Ж.Ж. Руссо, Ламартин, Жубер²², Мур Т., П.А. Вяземский, Кёрнер²³ и др. Сборник имеет характер литературного дневника, выписок из заинтересовавших писателей, большая часть его написана одним и тем же почерком, и только немного страниц заполнено другими лицами. Альбом, несомненно, Симбирского происхождения и принадлежал помещичьей семье 20–30 годов. Вообще, Симбирские сборники имеют важное значение для исследователей литературы того времени, благодаря постоянной связи симбирян с самой передовой частью интеллигенции через Н. Карамзина, И. Дмитриева, Н. Языкова, А.И. Тургенева и др. В частности, мне кажется, что наш сборник находится в тесной связи с Александром Ивановичем Тургеневым и, возможно, с князем Вяземским. Доказательств этому очень много. Так, в начале помещена речь Александра I на польском сейме, сказанная 1/13 сентября 1820 г., которая могла стать известной через Вяземского, служившего в то время в Варшаве²⁴. Наконец, альбом отражает все многосторонние увлечения в области литературы (Нодье, Ламартин, Кюстин), истории и политики Эоловой Арфы²⁵, постоянно приезжавшего в Симбирск с грудой своих книг и рукописей и ведшего непрерывную переписку с многими Симбирскими помещиками, например, Аржевитиновыми²⁶, Татариновыми²⁷. Надо также отметить, что Вяземский находился в родстве с жившими в Симбирске Ивашевыми²⁸ и постоянно сносился с ними. Во всяком случае, имена, встречающиеся в сборнике, представляют удивительное совпадение с именами Остафьевского архива. Если перечисленные нами писатели были более или менее известны в свое время, то того же нельзя сказать про целый ряд других, например, герцогиню д'Абрантес, цитата из

которой находится на л. 58 сборника, и о которой часто упоминает А.И. Тургенев²⁹. Возможно, что многие страницы альбома — выдержки из писем Александра Ивановича, всегда изобиловавших длинными цитатами. Если признать, что главным источником сборника был Александр Иванович, то нельзя не признать авторитетности его текста. Впрочем, ее можно установить другим путем, сравнив, например, список речи Александра I³⁰ с уже известными ее записями. Она записана чрезвычайно точно.

В настоящей статье мы приведем из нашего альбома списки только 3 стихотворений Пушкина: «Слеза» (1815 г.), «К Морфею» (1816 г.) и «Товарищам» (1817 г.). Все эти списки включают любопытные и довольно достоверные варианты. Кроме того попытаемся разрешить те задачи, которые мы поставили в начале заметки, не полностью, а насколько это возможно, не имея в своем распоряжении рукописей поэта.

Кроме списков стихотворений П<ушкина> альбом дает некоторый материал для изучения творчества кн. П.А. Вяземского, <И.И.> Козлова, Баратынского и др. В следующей статье я надеюсь сообщить списки других произведений Пушкина.

1.

Слеза.
1815 г.

Канонический текст «Слезы» не удалось до сих пор установить, да это и невозможно сделать по нижеприводимым соображениям. «Слеза» сохранилась в 4-х списках: 1) «Лицейской антологии»³¹; 2) тетради № 2395³² (совпадает с предыдущим); 3) тетр<ади> № 2364³³, л. 4 и 4) «Духа лицейских трубадуров»³⁴. В тетради № 2364 имеется первоначальный текст стихотворения, который можно обозначить через А1; к нему примыкают тексты «Лицейск<ой> антол<огии>» (который назван нами А2) и «Духа лиц<ейских> трубадур<ов>» (А3). Это стихотворение было напечатано в «Мнемозине» на 1824 г., причем сохранился оттиск его с поправкой Пушкина. Он представляет окончательный текст (А5) первой редакции «Слезы», и В. Брюсов предлагает его помещать в собрании сочинений³⁵. В 1825 г. Пушкин начал переделывать это стихотворение, но переделку не закончил, т<ак> ч<то> многие его стихи остались без размера, без рифмы и выпущена целая III-я строфа, ничем не замененная, без которой однако стихотворение лишается смысла. Т<аким> о<образом>, всю вторую редакцию (В) стихотворения поместить в текст сочинений нет возможности, поэтому исследователи помещали по произволу только

некоторые исправления из нее. Мне же кажется, что нужно помещать обе редакции «Слезы» и из В или брать только исправления законченные или же давать только транскрипцию рукописи.

В описанном нами альбоме список «Слезы» помещен на л. 21об. Ниже приводимый список приближается к редакции А (А4); он заключает в себе некоторые любопытные варианты и представляет одну из последних обработок редакции А:

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу?»
Мой храбрый спросил;
«Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводил».

К груди приникнув головою,
Я скорбно прошептал:
«Гусар! ...Уж нет тебя со мною<>»
Вздохнул и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И капнула в бокал.
«Дитя! Ты плачешь о девице!
[Мой храбрый отвечал] — зачеркнуто.
Стыдись», он мне сказал.

«Оставь Гусар! ах сердцу больно!»
Я с грустью отвечал:
«Увы, одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал».

Отметим стр<оку> 10 в нашем списке, несравненно более достойную П<ушкина>, чем «Я скоро прошептал» или маловероятную (см. ниже): «Я скоро просвистал».

Теперь приведем первоначальную редакцию «Слезы». Она легко отличается от редакции В по следующим признакам: 1) в В отсутствует 3-я строфа, которую П<ушкин> хотел заменить другой 2) 2-ую строфу П<ушкин> начал переделывать коренным образом. Вариан-

ты из альманаха «Эвтерпа» (кроме искажений), где пьеса была напечатана в 1828 г. обозначаются нами через букву Э.

1. Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

5. Скажи, что смотришь на дорогу?
Гусар мой спросил;
Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводил.

К груди поникнув головою,
10. Я скорбно прошептал:
«Гусар!...Уж нет ее со мною<.>»
Вздохнул и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал.
15. «Дитя! Ты плачешь о девице
Стыдись!» он закричал.

«Оставь Гусар! ах, сердцу больно!
Ты знать не горевал:
Увы, одной слезы довольно,
20. Чтоб отравить бокал».

Примечания:

строка 6. А1. Мой храбрый спросил. «Храбрый» зачеркнуто. У нас стр<ока> 6 взята из А5 (поправка П<ушкина>)

9. А₄. Э. К груди приникнув головою
10. А₁. Э. Я скоро просвистал.
А₂. Я в грусти отвечал — зачеркнуто и исправлено т<аким>
<образом> А₂. А₃. Я громко просвистал.
А₃. Я скоро прошептал.
12. Э. Сказал и замолчал
14. А₄. И капнула в бокал.
16. А₄. Мой храбрый отвечал зачеркн<уто> и исправл<ено>
т<аким> о<образом>

А₄. «Стыдись», он мне сказал.

17. В некоторых списках малозначительный вар<иант>:

Оставь Гусар! ох, сердцу больно!

18. А₄. Я с грустью отвечал.

В окончательный текст редакции А нами введен вариант из нашей рукописи:

Я скорбно прошептал,

не только по эстетическим соображениям, но и по смыслу самый подходящий к данной пьесе. Еще несколько слов о невероятных вариантах, представляющих по нашему мнению опisku переписчика:

Я скоро просвистал,

Я громко просвистал и т.д.

Укажем, что при жизни Пушкина «Слеза» была напечатана в «Мнемозине» без этих вариантов; в тетради № 2364, которую П<ушкин> мог пересмотреть, этот вариант зачеркнут и он остается только в «Лицейской антологии» и «Духе Лицейских трубадуrows», где нет пушкинских исправлений. Да и в них он смешивается с другим вариантом:

«Я в грусти отвечал».

Поэтому у нас имеются серьезные основания заподозрить подлинность этого варианта.

Текст редакции В, как сильно отличающийся от нашего списка, мы здесь исследовать не будем.

2.

К Морфею.

1816 г.

Стихотворение это сохранилось в двух редакциях, более резко отличающихся друг от друга, чем редакции «Слезы». Они имеют разные названия «К сну» и «К Морфею» и печатались как самостоятельные стихотворения в первых изданиях П<ушкина>. Первая редакция А сохранилась в двух списках: 1) тетр<адь> № 2364, л. 13 (А1) и 2) № 2395 (совпадает с первым). Во второй редакции (В) она была напечатана в «Полярной звезде» на 1824 г. (В1). Кроме того, она

находится в тетради гр. П.И. Капниста (В2), кот<орую> П<ушкин> исправлял после 1824 г.³⁶ Текст этой тетради до сих пор считался окончательным. В моем сборнике «К Морфею» помещено на л. 27, относится к редакции В (В3) и является, по моему мнению, окончательным текстом пьесы. Это подтверждается следующими соображениями. В первоначальном наброске стихотворенья говорилось о сне. Путем исправлений «сон» мало помалу исчезает даже из заглавия и заменяется Морфеем (богом сна). Однако он остается в стр<оке> 10 и врезывается в стихотворение в ущерб стройности содержания. Приведу редакцию В:

1. Морфей до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
5. Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшной приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милой.
Когда ж умчится ночи мгла
10. И сон мои покинет очи,
О если бы душа могла
Забуть любовь до новой ночи!

В нашем списке «сон» исчезает совсем, и последняя строфа читается так:

Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О если бы душа могла
Забуть любовь до новой ночи!

О других вариантах этой редакции см.: В. Брюсов «Лицейские стихи Пушкина» (стр. 58–59)³⁷.

3. Товарищам 1817 г.

Список этой пьесы (А1) находится в нашем сборнике на л. 18. Он озаглавлен «Стихи А. Пушкина при выпуске из лицея» и довольно значительно отличается от текста, считающегося окончательным, именно от исправленного Пушкинского текста тетр<ади> № 2364

л. 37об. (В1). Т<ак> к<ак> он имеет всего более отличий (именно 7) от белой редакции, то, нам кажется, его можно принять за первоначальный. Напомним читателю, что П<ушкиным>, по словам Гаевского, был подарен автограф пьесы Ег<ору> Ант<оновичу> Энгельгардту, до нас недошедший³⁸. Возможно, что он и заключал в себе первоначальную редакцию. Прочие списки этой пьесы по времени находятся между А1 и В1. Исключение составляет список найденный Е.И. Якушкиным³⁹, который имеет только 2 отличия от В1. Во-первых, в строфе

Лишь я судьбе во всем послушный,
Щастливой неги верный сын,
Всегда беспечный, равнодушной,
Я тихо задремал один...

3-я строка читается

К честям ничтожным равнодушный;

во-вторых, в последней строке вместо

В июле распахнуть жилет

стоит

В июле разстегнуть жилет.

Обе эти поправки носят характер более поздних. Первая имеет целью устранить плеонастическое накопление прилагательных, вторая — придать выражению более точности. Поэтому список Е.И. Якушкина может быть принят за текст окончательный. Тогда все списки возможно расположить по времени в следующем порядке:

1. А1 (список нашего сборника)
2. А2 (копия тетр<ади> № 2395)
3. А3 (автограф тетр<ади> № 2364)
4. В1 (исправл<енный> текст тетр<ади> № 2364)
5. В2 (список Е.И. Якушкина).

Некоторые варианты тетр<ади> № 2395 можно объяснить описками писца. Теперь приведем текст нашего сборника (А1):

1. Промчались годы заточенья;
Недолго милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.

5. Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас света дальний шум
И каждый смотрит на дорогу
В волненьи гордых юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,

10. Уже в воинственном наряде,
Гусарской саблею махнул;
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде
А греться едет в караул.

15. Другой рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя.
Лишь я, судьбе во всем послушной,

20. Щастливой неги верный сын,
Душой безпечной, равнодушной,
Я тихо задремал один.
Равны мне писари, уланы,
Равны наказ и кивера;

25. Не рвусь я грудью в капитаны,
И не ползу в ассесора.
Друзья, немного снисхожденья,
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья

30. Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной

34. В июле разстегнуть жилет.

стр<ока> 34 первоначально читалась:

В июле запахнуть жилет,

потом «распахнуть» исправлено и стр<ока> приняла указанный вид.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Помимо того, что Тагер приложила значительные усилия для сбора архивных и печатных материалов, в 1923 г. она намеревалась приступить к подготовке издания, которое должно было включить стихотворения, поэму, пьесы, а также критические статьи Маслова («в интересах полноты издания» Тагер опубликовала обращение к современникам с просьбой предоставить хранящиеся у них материалы) — этот замысел не удалось осуществить (См.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 454; комментарий М.О. Чудаковой).

² Несомненная заслуга в возвращении имени и наследия Маслова в историю русской литературы после долгих лет забвения принадлежит Г.П. Струве (См. подготовленное им издание: К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов: «Арион». Сборник стихов (1918). Георгий Маслов. «Аврора», с предисл. Ю.Н. Тынянова (1922). Несобранные произведения Г.В. Маслова / Вступ. статьи и коммент. Г.П. Струве. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1979 (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 1). По нашим сведениям, в настоящее время силами российских и зарубежных литературоведов готовится к печати научное комментированное собрание стихотворений поэта, базирующееся на материалах государственных архивов и частных собраний. Среди основных изданий, вышедших в последние десятилетия, назовем небольшой сборник стихотворений в серии «Поэты свинцового века» под редакцией Р.Х. Солнцева, выпущенный в Красноярске в 1998 г. (ИПК «Платина»; издание журнала «День и ночь»), а также полную перепечатку текста единственного посмертного издания поэмы Маслова «Аврора» в журнале «День и ночь» (1998. № 4/5. С. 16–19); небольшую, но тщательно выверенную подборку стихотворений Маслова опубликовал В. Кудрявцев в составленном им сборнике «Белая лира. Антология поэзии Белого движения» (Смоленск: Русич, 2006. С. 290–304); следует также вспомнить о двух первых отечественных публикациях: Маслов Г.В. Под наклоненными ветвями // Иртыш. 1990. № 1. С. 169–185; Богомолов Н. Георгий Маслов // Воум!: Новый поэтический журнал. 1992. № 1 (2). С. 46–49.

³ Его организатором и руководителем был историк литературы, критик, редактор, профессор Семен Афанасьевич Венгер (1855–1920).

⁴ См.: Маслов Г. Новое о стихотворении Пушкина «Послушай, бабушка, мне каждый раз», 1818 г. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 28. Пг., 1917. С. 96–98. Печатная судьба поэтических и литературоведческих текстов сложилась при жизни автора немногим благополучнее: в 1915–1918 гг. в журнале «Богема», сборниках «Арион» и «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус» было опубликовано 11 стихотворений поэта; в мае 1919 г. в издании «Елань. Сборник первый, весенний, чуть эротический», вышедшем в Томске, увидела свет комедия «Дон Жуан» и еще одно стихотворение Маслова. Наконец, первая публикация поэмы «Аврора» состоялась в 1919 г. в томской газете «Заря» (издание Томской организации РСДРП); отдельной книгой поэма была опубликована в петербургском издательстве «Картонный домик» спустя три года (с предисловием

Ю.Н. Тынянова). В последние годы жизни стихи, проза и статьи Маслова появлялись в омской и томской периодике (См.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 455–456; Богомолов Н.А. Маслов Георгий Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 541–542).

⁵ См.: Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под редакцией С.А. Венгерова. Вып. III. СПб., 1918. С. VI–VII.

⁶ Этот доклад был положен в основу второй, уже посмертной публикации пушкиниста: Маслов Г. Послание Лермонтова к Пушкину 1830 г. // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л.: ГИЗ, 1926. С. 309–312. Незадолго до первого заседания новообразованного общества 26 ноября 1915 г. на заседании Венгеровского семинария Маслов также прочел доклад «Пушкин и Энгельгардт».

⁷ Впоследствии, в январе 1918 г. кружок был переименован в «Историко-литературное общество имени Пушкина при Петроградском университете», в состав правления которого вошли, в частности, Тынянов, Маслов и Е.М. Тагер. Добавим к этому, что в декабре 1918 г. в омском «Кружке литературы и искусства», организованном Л.В. и В.В. Кирьяковыми, Б.П. Денике, В.В. Куликовым и Г.А. Вяткиным, Маслов выступил с докладом «О завоеваниях пушкинизма». См.: Заря (Омск). 1918. № 157. 29 декабря (сообщено В.В. Нехотиным, за что мы приносим ему огромную благодарность).

⁸ Над текстом «Записок», воссоздающих эпизоды общественно-политической истории первой половины XIX в., военный и государственный деятель, участник наполеоновских войн Иван Степанович Жиркевич (1789–1848) работал с 1838 г. и до конца жизни. В 1874–1890 гг. его воспоминания публиковались С.Д. Карповым в журнале «Русская старина», причем авторский текст был подвергнут правке и сокращениям (кроме того, в четвертом номере «Исторического вестника» за 1892 г. появилась публикация «Из бумаг И.С. Жиркевича»). Наиболее полное современное переиздание «Записок», повторяющее текст, появившийся в «Русской старине», было выпущено издательством «Куликово поле» в 2009 г. Рукопись этого любопытного исторического источника в настоящее время хранится в ВИМАИВиВС (См.: Никитин В.О. Рукопись «Записок» И.С. Жиркевича в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. Ч. II. С. 407–410).

⁹ Эта фраза также косвенно подтверждает, что письмо можно отнести к поздней осени или зиме 1917 г. (предположительно — к ноябрю–декабрю). На это же указывают и следующие факты из истории Артиллерийского исторического музея (как он именовался в 1903–1917 гг.): он принимал посетителей вплоть до августа 1917 г., а 25 сентября около 75% музейных фондов были эвакуированы из Петрограда в Ярославль (см.: электронный ресурс <http://artillery-museum.ru/ru/museum/history.html> (дата доступа: 08.04.2015)).

¹⁰ Станислав-Костка (Евстафьевич) Потоцкий, граф (1755–1821), писатель, государственный деятель, в 1815–1820 гг. — министр народного просвещения и исповеданий Царства Польского (снят с поста по приказу императора Александра I в декабре 1820 г.), в 1818–1820 гг. — президент Сената Царства Польского.

¹¹ На созванном в 1820 г. втором сейме Царства Польского (являвшемся высшей законодательной властью на этой территории, входившей в состав Российской империи) император Александр I выступил с речью и представил законопроект, который, в частности, упразднял гласность судопроизводства и отменял суд присяжных. Сейм отклонил правительственный законопроект, что вызвало гнев императора.

¹² Борис Львович Модзалевский (1874–1925), историк литературы, пушкинист, архивист, библиограф, один из организаторов Пушкинского Дома (в настоящее время — ИРЛИ РАН). Основатель и бессменный редактор (1903–1928) сериального издания «Пушкин и его современники. Материалы и исследования».

¹³ РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 516. Л. 1–2.

¹⁴ ОР ИРЛИ. Р. 1. Оп. 26. Ед. хр. 41. Текст цитируется нами по единственной электронной публикации письма (осуществленной краеведом С.Б. Петровым): http://litmar.uonb.ru/?page_id=1065 (дата доступа: 08.04.2015).

¹⁵ Архив С.П. Мельгунова оказался впоследствии рассредоточенным по нескольким отечественным государственным собраниям (Архив РАН, РГАЛИ, ГАРФ, НИОР РГБ). См.: Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2012.

¹⁶ Добавим лишь, что к моменту создания «Заметок...» одним из наиболее авторитетных печатных источников пушкинских текстов продолжало оставаться начатое в 1899 г. издание Императорской Академии Наук «Сочинения Пушкина» (к 1916 г. из печати вышло лишь четыре тома этого первого «академического» собрания сочинений поэта). В первом томе издания содержатся тексты лицейских стихотворений Пушкина, которые стали предметом внимания Маслова. Кроме того, в 1903–1906 гг. под редакцией П.О. Морозова вышли восемь томов «Сочинений и писем» Пушкина.

¹⁷ Не решаясь в рамках этой небольшой публикации касаться издавна сложных и проблемных вопросов пушкинской текстологии, отсылаем читателя к фундаментальным работам М.А. Цявловского («Источники текстов лицейских стихотворений»), В.Э. Вацура («Лицейское творчество Пушкина») и исчерпывающему по своей содержательности справочному аппарату (разделы «Другие редакции и варианты» и «Комментарии»), опубликованному в современном академическом издании: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817 / Текст проверили и примечания составили: В.Э. Вацура, М.Н. Виролайнен, Е.О. Ларионова, Ю.Д. Левин, О.С. Муравьева, Н.Н. Петрунина, С.Б. Федотова, И.С. Чистова; ред. тома В.Э. Вацура. СПб.: Наука, 1999.

¹⁸ Несмотря на то, что публикуемая работа с точки зрения методов описания сборника, сопоставления списков, а также используемой автором терминологии и шире — с точки зрения текстологии и литературного источниковедения вообще, ни в коем слу-

чае не может считаться по современным представлениям научной (нельзя забывать, что перед нами — всего лишь фрагмент незавершенного дипломного сочинения), она заслуживает внимания именно как попытка проследить еще один эпизод «жизни» пушкинского текста лицейского периода, его трансформацию, на основании ранее неизвестного и попавшего в распоряжение молодого пушкиниста сборника.

¹⁹ Здесь и далее выделено Г.В. Масловым (в автографе — подчеркнуто).

²⁰ *Прим. Г.В. Маслова:* Из его книги «Histoire de Napoleon et de la grande armée pendant l'année 1812». 1824 г. 2 тома; о нем см. Остафьевский архив, III, 540 (Имеется в виду издание: Остафьевский архив князей Вяземских. [Т.] III. [Ч. 2]: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836 (Примечания) / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1908 — М.Ф.).

²¹ *Прим. Г.В. Маслова:* Маркиз де Кюстин, Астольф (1793–1857) много путешествовал, из его сочинений известны «La Russie» (по собственным впечатлениям), «Письма об Испании», «Этель», «Швейцарский пустынный», в котором он описал свою любовь к герцогине Дюрас и др.

²² *Прим. Г.В. Маслова:* Жубер, франц. писатель, о нем см. Остафьевский архив. Т. IV, стр. 51 и др. (Имеется в виду: Остафьевский архив князей Вяземских. IV: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1837 — 1845 / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899 — М.Ф.).

²³ *Прим. Г.В. Маслова:* Кёрнер Карл Теодор, герой и певец за освобождение Германии (1791–1813). Убит в сражении при Гадебуше. Известен своей лирикой, которая переводилась на рус. яз. многими поэтами, например, Фетом (см. т. III его стихотворений). В драмах подражал Коцебу и Шиллеру. В альбоме прозаический перевод на франц. яз. из стихотворенья Кёрнера (Маслов упоминает третий том «Полного собрания стихотворений» А.А. Фета, изданный под редакцией Б.В. Никольского в 1901 г. и содержащий переводы — М.Ф.).

²⁴ Прочитируем авторитетную биографическую статью о Вяземском, написанную М.И. Гиллельсоном: «Весной 1815 В. обратился с просьбой к А.И. Тургеневу помочь ему получить службу.хлопоты продолжались два с половиной года, и в авг. 1817 В. был произведен в коллежские ассессоры и назначен на службу в Варшаву, в канцелярию Н.Н. Новосильцева, куда выехал весной 1818 в качестве чиновника для иностранной переписки. Был официальным переводчиком (с французского) речи Александра I, произнесенной 1 марта 1818 на открытии польского сейма, в которой император обещал России конституцию; участвовал в выработке конституционного проекта для России. Общение с передовыми польскими деятелями, чтение либеральной французской прессы, постепенное осознание двуличия политики Александра I, исчезновение доверия к конституционным обещаниям императора — все это способствовало быстрому росту оппозиционных взглядов В., которые он недвусмысленно высказывал в письмах к друзьям <...>. В результате независимого поведения В. попал в опалу: в апреле 1821, находясь в отпуске в Петербурге, был уведомлен о запрещении ему возвращаться в Варшаву. В. подал Александру I прошение о сложении

с него звания камерюнкера и в июле 1821 уехал в Москву, где за ним был учрежден тайный полицейский надзор» (Гиллельсон М.И. Вяземский Петр Андреевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 502).

²⁵ Прозвище А.И. Тургенева по литературному кружку «Арзамас» (1815–1818).

²⁶ Иван Семенович Аржевитинов (1792–1847), участник Отечественной войны 1812 года, симбирский помещик; приходился А.И. Тургеневу двоюродным братом.

²⁷ Александр Николаевич Татаринов (1810–1862), сын «титularного советника», симбирского помещика (а в 1819–1820 гг. — «Симбирского губернского стряпчего казенных дел») Н.И. Татаринова, приходился братьям А.И. и Н.И. Тургеневым племянником. Более того, Татариновы состояли в родстве с Аржевитиновыми — сестра И.С. Аржевитинова Анна Семеновна была женой Н.И. Татаринова (См.: Беспалова Е.К., Рыкова Е.К. Симбирский род Тургеневых. Ульяновск: УлГТУ, 2011. С. 162–163).

²⁸ В данном случае имеет место описка Маслова. Речь идет о семье военного инженера, участника Русско-турецкой войны и Отечественной войны 1812 г., симбирского помещика Петра Никифоровича Ивашева (1767–1838); его сын — декабрист Василий Петрович Ивашев (1797–1841). Ивашевы приходились родственниками А.И. Тургеневу, а не П.А. Вяземскому.

²⁹ *Прим. Г.В. Маслова:* Луиза-Аделаида-Констанция герцогиня д'Абрантес (1784–1838) написала малоудачную историю Екатерины II, несколько романов и статей в «Revue de Paris». Подробнее о ней см. Ост<афьевский> арх<ив>. Т. III, стр. 702–704.

³⁰ См. вступительную статью (прим. 11).

³¹ Имеется в виду рукописная «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого *ийший*» (1816), собранная А.Д. Иллчевским.

³² Тетрадь, содержащая писарские копии текстов, а также автографы Пушкина и хранившаяся в Румянцевском музее под номером 2395 (ныне НИОР РГБ).

³³ Речь идет об авторском собрании лицейских стихотворений, отобранных для публикации отдельной книгой (составлялось Пушкиным с января по май 1817 г.).

³⁴ Так назывался сборник, составленный из стихотворений выпускников незадолго до выпуска первого курса воспитанников лицея в 1816 г.

³⁵ См. прим. 19.

³⁶ Речь идет об одном из важнейших источников, с которыми работал поэт, готовя к изданию в течение всей первой половины 1820-х гг. «Стихотворения Александра Пушкина», вышедшие в 1826 г., — о так называемой «капнистовской тетради» (содержащей как тексты, так и авторские указания и распоряжения относительно их издания). В апреле 1820 г. Пушкин с помощью переписчика подготовил рукопись собрания своих стихотворений к печати, но материальные причины заставили поэта искать возможности издания собрания по подписке. Осуществлению этого замысла помешали два обстоятельства: ссылка на юг (начавшаяся выездом из Петербурга 6 мая) и тот факт, что в конце апреля Пушкин «полу-продал, полу-проиграл» рукопись Никите Всеволожскому. Продажа рукописи за 1000 рублей позволила поэту погасить карточ-

ный долг — 500 рублей и получить вторую половину суммы наличными. Рукопись так и не была издана вплоть до 1825 г., когда была выкуплена у Всеволожского братом поэта Л.С. Пушкиным (в то же время к концу 1824 г. издание собрания стихотворений поэта стало уже вполне возможным). В феврале 1825 г., Пушкин, находясь в Михайловском и не дожидаясь возвращения рукописи, приступил к подготовке нового свода стихотворений, который впоследствии и был назван «капнистовской тетрадью». Получение «тетради Всеволожского» от брата существенно ускорило подготовку сборника и дополнило его состав. Как только Пушкин вернул брату обе рукописи, тот, вместе с П.А. Плетневым и В.А. Жуковским, начал подготовку новой рукописи для печати — из обеих тетрадей были вырваны некоторые листы и переданы переписчикам, а остальное было переписано от руки. Возникшая в результате этой контаминации новая рукопись (в своей время бывшая в распоряжении П.В. Анненкова в 1855 г.), неизвестна. А исходные — разорванные и неполные — тетради продолжали храниться у Л.С. Пушкина, а после его смерти в Одессе в 1851 г., «тетрадь Всеволожского» оказалась у поэта Ф.А. Туманского, а вторая тетрадь у графа П.И. Капниста (скончался в 1898 г.), за что и получила свое название. В настоящее время местонахождение «капнистовской тетради» неизвестно. С ней работали П.А. Ефремов и Л.Н. Майков, в распоряжении которого (в пору работы над первым академическим собранием сочинений поэта) тетрадь находилась несколько лет — за это время он успел составить и опубликовать ее описание, которое, наряду с фотоснимками первых шести ее страниц (сделанными для П.Е. Рейнбота), оставалось длительное время единственным достоверным источником сведений о ее содержании. Первый лист тетради был обнаружен в 1939 г. П.Г. Богатыревым в Отделе рукописей копенгагенской Королевской библиотеки, в архиве Г.Х. Андерсена (см.: Томашевский Б.В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.) // Литературное Наследство. Т. 16—18: Александр Пушкин. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 825—827, 843—867; Брауде Л.Ю. Автограф Пушкина в архиве Г.К. Андерсена // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 357—362).

³⁷ Брюсов В. Лицейские стихи Пушкина: по рукописям Московского Румянцевского Музея и другим источникам: К критике текста. М.: Скорпион, 1907.

³⁸ Маслов ссылается, по всей вероятности, на следующую публикацию: Гаевский В.П. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. Т. ХСVII. № 7. С. 129—177; № 8. С. 349—399.

³⁹ Результаты своих находок Е.И. Якушкин публиковал, в частности, на страницах «Библиографических записок» в 1858 г. (№ 10/11). В одиннадцатой книжке журнала был опубликован и упомянутый Масловым список «Товарищам».

ОБ АДЪЕКТИВНЫХ ПСЕВДОНИМАХ

По поводу одного фельетона Гулливера (В.Ф. Ходасевича)

Фельетон «Адъективизм» был напечатан в декабре 1935 г. в парижской газете «Возрождение»¹ как один из материалов рубрики «Литературная летопись», которая в 1927–1937 гг. публиковалась по четвергам на страницах «Возрождения» за подписью Гулливер². Под этим псевдонимом В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова писали о литературных новинках.

Атрибуция отдельных текстов Гулливера в «Литературной летописи» Берберовой или Ходасевичу (а многие из них, судя по всему, создавались в соавторстве, по крайней мере, до начала 1930-х гг.) — дело достаточно проблематичное³. Можно предполагать, что после того, как они расстались в 1932 г., рубрику вел преимущественно Ходасевич, особенно если речь шла о поэзии, об истории русской литературы или о Пушкине. Так как все три темы встречаются в заметке «Адъективизм», относящейся к 1935 г., ее можно с большой долей вероятности приписать именно Ходасевичу. Также некоторые стилистические особенности текста — в частности, едкий юмор (подразумеваем пассаж о поэте, который «не пощадив матушки своей, назвался Приблудным») — сближают этот фельетон скорее с манерой Ходасевича, чем Берберовой.

Приведем полностью текст этой заметки:

Псевдоним Максима Горького был по своему времени изобретением удачным. То же самое можно сказать и о псевдониме Андрея Белого: тут не было уже новизны, но то, что желательно было выразить, было выражено. Вполне законно и отнюдь не безвкусно было вслед затем появление Антона Крайнего: прием, уже устарелый, в этом псевдониме был, разумеется, применен до некоторой степени пародийно: не следует забывать, что этот псевдоним был взят для статей преимущественно полемических. Однако ясно было, что для большой художественной литературы адъективные псевдонимы после Горького и Белого уже не годятся. Поэтому не случайно было, что следующие адъективные

псевдонимы — Саша Черный и Демьян Бедный — появились в сниженной области литературы: в юмористике и полу-юмористике. Естественно, что прием, уже опустившийся в юмористику, в большой литературе мог быть подхвачен только теми, кто не сознавал его затрепанности. Поэтому не случайно, что псевдоним Лидии Лесной принадлежал поэтессе безвкусовой, подражательной и не талантливой. Нужно думать, что если бы все в русской словесности обстояло благополучно, адъективных псевдонимов после Лидии Лесной у нас долго бы не было. Но революция среди прочих низменных стихий разнуздавала и безвкусицу. В память и в честь Максима Горького и Демьяна Бедного на лице словесности, один за другим, точно волдыри, повыскакивали адъективные псевдонимы, которых носители уподобились нищим, обнажающим ради промысла свои уродства и язвы: страницы советских журналов покрылись подписями Голодного, Бездомного, Безродного. Нашелся один такой, что, не пощадив матушки своей, назвался Приблудным. Окончание гражданской войны и торжество агитационной словесности были ознаменованы появлением Артема Веселого. Казалось, после этого наступит конец. Но вот, после некоторой передышки, на страницах «Литературного современника» появились стихи Вадима Земного. Человек как бы хочет сказать своим прозвищем:

Не называй меня небесным
И у земли не отнимай.
К сожалению, стихи его плохи.

Во всем этом странно, необъяснимо, почти даже невероятно то, что ни разу не довелось нам увидеть какого-нибудь Касьяна или Митрофана Красного.

Маленькая историческая справка: нам кажется, что адъективные псевдонимы имеют своим родоначальником легендарного барда Архипа Лысого, о коем предание сохранено в «Истории села Горюхина».

Фельетон Гулливера-Ходасевича — блестящий микроанализ «адъективного псевдонима» как достаточно распространенной в России модели образования художественного прозвища. Подобные псевдонимы двухчастны и составлены следующим образом: к имени — чаще всего русскому — присовокупляется прилагательное, выполняющее функцию фамилии: Максим + Горький, Андрей + Белый и т.п. (эти и другие общеизвестные псевдонимы данного типа упоминаются в тексте Ходасевича).

Несмотря на маленький объем и на легкий жанр газетного фельетона, заметка Ходасевича в чрезвычайно высокой степени насыщена литературными фактами и суждениями; изобилуя именами литераторов, она объединена стройной историко-литературной концепцией и не менее стройной, обдуманной художественной композицией. Не лишним будет поэтому прокомментировать данный текст, представить упоминаемых в нем отчасти малоизвестных или забытых литераторов и проследить ход рассуждений автора предложение за предложением, аргумент за аргументом, мимоходом раскрывая упомянутые в тексте псевдонимы как известных, так и неизвестных писателей, а порой также дополняя и уточняя положения фельетона.

Итак, предложение за предложением:

*«Псевдоним Максима Горького
был по своему времени изобретением удачным».*

В фельетоне Гулливера псевдоним Алексея Максимовича Пешкова (1868 — 1936) назван «изобретением», что, однако, нельзя понимать в том смысле, что Максим Горький изобрел этот тип прозвища. Адъективные псевдонимы встречаются в русской литературе и до Горького; назовем в качестве примеров популярного в 1880–1890-е гг. писателя Игнатия Николаевича Потапенко (1856 — 1929), выпустившего в 1881 г. сборник стихов под псевдонимом Иван Бездольный, литератора и этнографа Филиппа Диомидовича Нефедова (1838 — 1902), пользовавшегося в 1860–1870-е гг. псевдонимом Иван Безпечальный, или прозаика и журналиста Владимира Рафаиловича Зотова (1821 — 1896), употреблявшего в 1840–1850-е гг. псевдоним Виктор Нескромный. Примеры можно легко умножить.

А.М. Пешков пользовался псевдонимом Максим Горький с 1892 г.⁴, однако широкое распространение данный тип псевдонима получил в связи с явлением Горького на литературной сцене столицы, т.е. с выходом двухтомника «Очерков и рассказов» в 1898 г. Адъективные псевдонимы в подражание имени Максима Горького стали популярны с самого начала 1900-х гг.

*«То же самое можно сказать и о псевдониме Андрея Белого:
тут не было уже новизны, но то, что желательно было выразить,
было выражено».*

Псевдоним Андрей Белый был принят Борисом Николаевичем Бугаевым (1880–1934) к 1901 г.; под этим именем он дебютировал в 1902 г. произведением «Симфония (2-я, драматическая)». Если в псевдониме, подысканном Белому М.С. Соловьевым⁵, по мнению

Гулливера, «не было уже новизны», то «удачность» этого авторского имени заключается, надо думать, в том, что в нем отражены представления мифотворческого толка и пристрастие молодого поэта-символиста к мистике и чистой философии, да и вообще слабость к символике цвета, не только белого (ср. название первого сборника стихов А. Белого «Золото в лазури»)⁶. Не лишним будет также отметить, что в романе «Записки чудака» Андрей Белый выбрал в качестве имени персонажа — alter ego автора — тоже адъективный (и не менее символический) псевдоним «Леонид Ледяной»⁷.

«Вполне законно и отнюдь не безвкусно было вслед затем появление Антона Крайнего: прием, уже устарелый, в этом псевдониме был, разумеется, применен до некоторой степени пародийно: не следует забывать, что этот псевдоним был взят для статей преимущественно полемических».

В первой половине 1900-х гг. в русской литературе появляется Антон Крайний. Этим именем Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) с 1903 г. стала подписывать свои литературно-критические статьи⁸. Ходасевич совершенно справедливо отмечает, что обсуждаемый им в фельетоне тип адъективного псевдонима в данном случае «применен до некоторой степени пародийно». Дело не только в том, что самая семантика прозвища «Крайний» изначально отсылает к полемическим и пародийным приемам утрирования, преувеличения. Следует также учесть, что здесь налицо сознательная литературная игра носителя прозвища: «Антон Крайний» — это не столько псевдоним, сколько авторская маска Зинаиды Гиппиус. Как отмечает О.А. Коростелев, «литературная маска — нечто большее, чем обычный псевдоним. Это другая ипостась пишущего или даже попытка создать рядом другого пишущего, с иной идентичностью, особым стилем, характером, психологией, своей поэтикой подчас. <...> Один из наиболее ярких примеров — Антон Крайний, старательно пестуемый Зинаидой Гиппиус именно как совсем другой автор, непохожий на саму создательницу. <...> Антону Крайнему доводилось полемизировать с Зинаидой Гиппиус. В статье, посвященной журналу «Числа», Антон Крайний принялся спорить с появившейся тремя неделями ранее статьей З.Н. Гиппиус о том же журнале»⁹.

«Однако ясно было, что для большой художественной литературы адъективные псевдонимы после Горького и Белого уже не годятся. Поэтому не случайно было, что следующие адъективные псевдонимы — Саша Черный и Демьян Бедный — появились

в сниженной области литературы: в юмористике и полу-юмористике».

В юмористику волна адективных псевдонимов хлынула еще в середине 1900-х гг. Всего лишь через год после литературного рождения Антона Крайнего — в 1905 г. — псевдонимом Саша Черный начал подписываться Александр Михайлович Гликберг (1880–1932)¹⁰. Псевдоним Демьян Бедный, принадлежащий Ефиму Алексеевичу Придворову (1883 — 1945), появился в печати впервые в 1912 г.¹¹ Еще до появления «Демьяна Бедного» возник — не упомянутый Гулливером — очередной юмористический адективный псевдоним Саша Лысый; этим именем подписывался в харьковском сатирическом журнале «Жало» («Настоящее жало») в 1908–1910 гг. журналист Александр Александрович Гермейер, выпустивший за этой подписью также книгу «Перлы остроумия. Юмор и сатира» (Харьков, 1915).

«Естественно, что прием, уже опустившийся в юмористику, в большой литературе мог быть подхвачен только теми, кто не сознавал его затрепанности».

В фельетоне Гулливера не отмечено, что в 1900–1910-е гг. наряду с писателями-юмористами имелась еще одна литературная среда, которая питала пристрастие к адективному псевдониму, «не сознавая его затрепанности», хотя она, правда, не принадлежала к «большой литературе». Речь идет о среде писателей из народа, пролетарских писателей и писателей-самоучек. Укажем, например, на таких авторов, как Наум Темный — Семен Евдокимович Завражнов (1869–1927; псевдоним использован в сборниках поэтов-самоучек 1903–1904 гг.), Антон Безродный — Савелий Григорьевич Утков (1874–1922), который пользовался этим псевдонимом с 1906 г.¹², Павел Низовой — Павел Георгиевич Тупиков (1877–1940; печатался с 1907 г.). С некоторыми оговорками к этой «пролетарской» группе можно также добавить псевдоним А.В. Луначарского Антон Левый, использованный в журнале партии большевиков «Вестник жизни» (1906), которым автор явно отталкивается от «правого» Антона Крайнего.

«Поэтому не случайно, что псевдоним Лидии Лесной принадлежал поэтессе безвкусной, подражательной и не талантливой».

Лидия Валентиновна (Озиясовна) Шперлинг (1889–1972) стала печататься под псевдонимом Лидия Лесная с 1907 г.¹³ Показательно применение приема аллитерации в избранном этой поэтессой адективном псевдониме. Подчеркнутая и напускная поэтичность лите-

ратурного имени — это, как правило, надежная лакмусовая бумажка для поэтического эпигонства, что и не преминул отметить Ходасевич.

«Нужно думать, что если бы все в русской словесности обстояло благополучно, адъективных псевдонимов после Лидии Лесной у нас долго бы не было».

Впрочем, Лидия Лесная не была единственным второстепенным автором с тягой к безвкусным адъективным псевдонимам. Ходасевич мог бы в том же контексте вспомнить Сергея Михайловича Архангельского (1859–1921), юриста и — на досуге — поэта, опубликовавшего под псевдонимом Сергей Грустный сборник стихов «В бессонные ночи» (М., 1908) и книгу «Загадки жизни. Контуры и парадоксы» (М., 1909); о склонности С.М. Архангельского к адъективным прозвищам с «настроением» свидетельствует и другое его литературное имя Фома Вечерний (во владимирской печати второй половины 1900-х гг.).

«Но революция среди прочих низменных стихий разнуздавала и безвкусицу».

Псевдонимная модель, столь удачно созданная А.М. Пешковым, стала особенно популярной в раннесоветское время, когда многие и многие десятки новоявленных пролетарских писателей наперегонки подыскивали себе адъективные псевдонимы, подражая в этом, впрочем, не одному Максиму Горькому, но в не меньшей степени и Демьяну Бедному, что тонко отмечено Ходасевичем.

«В память и в честь Максима Горького и Демьяна Бедного на лице словесности, один за другим, точно волдыри, повыскакивали адъективные псевдонимы, которых носители уподобились нищим, обнажающим ради промысла свои уродства и язвы».

Одним из первых советских поэтов с адъективным псевдонимом был Сергей Страдный — настоящая фамилия Сергей Андреевич Смирнов (1901–1921), из крестьян, член РКСМ, красноармеец-участник Гражданской войны — печатавшийся под этим именем с 1920 г. и успевший выпустить в год своей безвременной кончины сразу три сборника стихов (все: Смоленск, 1921)¹⁴.

«[С]траницы советских журналов покрылись подписями Голодного, Бездомного, Безродного. Нашелся один такой, что, не пощадив матушки своей, назвался Приблудным».

Разъясним упомянутые Гулливером-Ходасевичем имена, ныне основательно забытые. Михаил Голодный — псевдоним советского поэта Михаила Семеновича Эпштейна (1903–1949). Бездомный — скорее всего, имеется в виду поэт Борис Львович Карелин (Борис Бездомный); советских писателей, печатавшихся в 1920-е гг. под псевдонимом Бездомный, было несколько (Е.И. Уланов, М.Д. Покидов и др.). Безродный — скорее всего, имеется в виду упомянутый выше поэт-самоучка С.Г. Утков, печатавшийся под псевдонимом Антон Безродный, однако, еще до революции и, вероятно, попавший в перечень ради красного словца. Иван Приблудный — псевдоним советского новокрестьянского поэта Якова Петровича Овчаренко (1905–1937).

«Окончание гражданской войны и торжество агитационной словесности были ознаменованы появлением Артема Веселого».

Артем Веселый — псевдоним прозаика и драматурга Николая Ивановича Кочкурова (1899–1938). Данный автор был действительно одним из первых носителей адъективного псевдонима среди советских литераторов (печатался с 1921 г.¹⁵).

«Казалось, после этого наступит конец. Но вот, после некоторой передышки, на страницах «Литературного современника» появились стихи Вадима Земного».

Имеется в виду Вадим Павлович Земной (1902–?), советский поэт и детский писатель. Земной — это, похоже, настоящая фамилия автора, а не его псевдоним. Упомянутый «Литературный современник» — это ежемесячник Ленинградского отделения Союза писателей СССР (Л., 1933–1941), наиболее авторитетный ленинградский литературный журнал 1930-х гг.

«Человек как бы хочет сказать самим своим прозвищем:

Не называй меня небесным

И у земли не отнимай.

К сожалению, стихи его плохи».

Ходасевич цитирует шутивное стихотворение А.Н. Апухтина «В.А. Вилламову. Ответ на послание» (1870): «Напрасно дружеским обухом // Меня ты думаешь поднять... // Ну, можно ли с подобным брюхом // Стихи без усталости писать? // Мне жить приятней неизвестным, // Я свой покой ценю как рай... // Не называй меня небесным // И у земли не отнимай!».

«Во всем этом странно, необъяснимо, почти даже невероятно то, что ни разу не довелось нам увидеть какого-нибудь Касьяна или Митрофана Красного».

Тут автор фельетона недостаточно осведомлен. В «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова указана целая плеяда «красных» псевдонимов раннесоветского времени: Красный Баян, Валентин Красный, Красный дьявол, Красный Звонарь, Иван Красный, Красный лапоть, Красный Пестряк, Красный рак, Митя Красный, Саша Красный, Юз Красный...¹⁶ Правда, среди них нет Касьяна или Митрофана Красного.

«Маленькая историческая справка: нам кажется, что адъективные псевдонимы имеют своим родоначальником легендарного барда Архипа Лысого, о коем предание сохранено в “Истории села Горюхина”».

В завершение фельетона возникает неожиданным историко-литературным пуантом пушкинская тема: упоминается известная неоконченная сатирическая повесть А.С. Пушкина (1830). У Пушкина, впрочем, другое написание имени легендарного барда — «Архип-Лысый»: «Поэзия некогда процветала в древнем Горюхине. Дныне стихотворения Архипа-Лысого сохранились в памяти потомства»¹⁷. Пушкин, излюбленный поэт Ходасевича, оказывается настоящим родоначальником русской литературы во всех ее аспектах, вплоть до изобретения еще и адъективных псевдонимов.

Фельетон Гулливера-Ходасевича основан на констатации широкого распространения данной псевдонимной модели в Советской России 1920–1930-х гг., предлагая попытку объяснения популярности этой модели. Причем центральный тезис сводится к высказыванию (центральному и в композиционном смысле — в самой середине текста заметки): «революция среди прочих низменных стихий разнуждала и безвкусицу». Оставляя в стороне субъективно-полемическую интерпретацию «литературного факта», зададимся вопросом, насколько верно легшее в основу фельетона наблюдение об особом пристрастии раннесоветской литературы к адъективным псевдонимам. Приведем в подтверждение этого наблюдения Ходасевича еще два дополнительных аргумента.

Во-первых: в эмигрантской литературе тех лет ничего подобного не наблюдается, что лишний раз подчеркивает связь модели адъективного псевдонима в 1920–1930-е гг. с советско-пролетарской линией русской словесности. Писатели-эмигранты Максим Горький, Андрей Белый, Саша Черный и З.Н. Гиппиус (Антон Крайний) здесь

не в счет — все эти псевдонимы были приняты задолго до эмиграции их носителей. Едва ли не единственный попавшийся нам в печати русского зарубежья псевдоним¹⁸, образованный по данной модели, — Андрей Беспечальный: этим именем подписывались в 1922–1923 гг. в берлинской сменовеховской, просоветской (!) газете «Накануне» стихотворные басни-подражания Демьяну Бедному. Данный псевдоним мы склонны приписать Александру Владимировичу Бобрищеву-Пушкину (1875–1937), вернувшемуся в 1923 г. в СССР и погибшему в концлагере — названный писатель печатал схожие вещи в «Накануне» и под собственным именем, кроме того, дополнительным аргументом может послужить некоторое совпадение в инициалах. Еще один пример — откровенно пародийный Демьян Вредный, виднеющийся в ряду сотрудников юмористического журнала «Хлыст» (Нарва, 1931)¹⁹.

Во-вторых: так как адъективные псевдонимы, действительно, были распространенным явлением и характерной чертой раннесоветской литературы, вполне закономерно, что в сатирических произведениях, изображающих литературную жизнь советской России 1920-х гг., в изобилии встречаются пародийные псевдонимы данного типа. Лучший пример тому — роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где видную роль играет пролетарский писатель Иван Николаевич Понырев — он же Иван Бездомный. К данной категории примыкает также персонаж комедии В.В. Маяковского «Баня» — художник («портретист, баталист, натуралист») Исак Бельведонский. Назовем еще несколько персонажей из советских сатирических комедий 1920-х гг. В водевиле В. Катаева «Квадратура круга» (1928) встречается поэт Емельян Черноземный; в комедии Н. Никулина и В. Ардова «Таракановщина» (1929), где осмеянию подвергается столичная писательская среда, в числе персонажей находятся сразу три литератора с адъективными псевдонимами: Кондрат Озимый («поэт мужиковствующий»), Иван Сермяжный («средних лет поэтесса с мужским псевдонимом») и Константин Константинович Московский («поэт монументальный»). Приведем еще один, менее очевидный, пример: в пьесе польского драматурга и прозаика-сатирика Славомира Мрожека «Miłość na Krymie» («Любовь в Крыму», 1993), действие которой происходит отчасти в Советской России 1920-х гг., причем в среде писателей и литературных функционеров, встречается молодой пролетарский поэт Iłja Zubatyj²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Благодарю О.А. Коростелева за то, что он обратил мое внимание на эту заметку, за предоставление ее текста и за ценные замечания.

² Гулливер [Ходасевич В.Ф.] Адъективизм // Возрождение. 1935. 5 дек. № 3837. С. 4.

³ См.: Яковлева К.В. В.Ф. Ходасевич и «Гулливер»: документальные источники атрибуции авторства // Русская филология. Тарту, 2007. № 18. С. 107–110; Яковлева К. Литературная критика В.Ф. Ходасевича в газете «Возрождение»: К проблеме канонического текста и атрибуции // Лесная текстология: Труды III летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. Серово (Ленингр. обл.), 2007. С. 142–148.

⁴ См.: Вайнберг И.И. Горький Максим // Русские писатели 1800–1917: Биографич. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 645–657; здесь: С. 646.

⁵ См.: Лавров А.В. Белый Андрей // Там же. С. 225–230; здесь: С. 226.

⁶ См.: Мокина Н.В. Писатель и его псевдоним: к проблеме творческой биографии Андрея Белого (Б.Н. Бугаева) // Фединские чтения. Саратов: Новый ветер, 2010. Вып. 4. С. 165–173.

⁷ Ср.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 185–186.

⁸ См.: Гехтман М.В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М.: Интелвак, 2007. С. 59.

⁹ Коростелев О.А. Литературные маски и критические рубрики в периодике русского Парижа // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение (в печати).

¹⁰ См.: *Bibliographie des œuvres de Sacha Tcherny* / Établie par A. Ivanov. Paris: Institut d'Études Slaves, 1994. (Bibliothèque russe del l'Institut d'Études Slaves; 97). P. 10, 71.

¹¹ См.: Сачков В.Н. Бедный Демьян // Русские писатели 1800–1917. Т. 1. С. 195–196; здесь: С. 195.

¹² См.: Толстых Н.Ю. Поэт из деревни Золотой: к биографии Антона Безроднова (С.Г. Уткова) (электронный ресурс: <http://www.kurgangen.ru/local-finding/Persons/Bezrodny/>).

¹³ См.: Акимова М.В. Лесная Лидия // Русские писатели 1800–1917: Биографич. словарь. М.: Большая российская энциклопедия; Фанит, 1994. Т. 3. С. 349–350; здесь: С. 349.

¹⁴ См.: Писатели современной эпохи: Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1. / Ред. Б.П. Козьмин. М.: ГАХН, 1928 (репринт: М.: ДЭМ, 1991). С. 243.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1957. Т. 2. С. 77. См. также электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/masanov/default.asp>.

¹⁷ Пушкин А.С. История села Горюхина // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. Кн. 1: Романы и повести. Путешествия. С. 125–140; здесь: 136.

¹⁸ Автор данной статьи занимается в настоящее время составлением «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе 1917–1945 годов».

¹⁹ См.: Русская печать в Эстонии 1918–1940. Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции / Сост. О. Фигурнова. М., 1998. С. 57.

²⁰ О пародийной функции этого имени в пьесе С. Мрожека см.: Schruba M. Russland als Schauplatz der polnischen Gegenwartsliteratur (Sławomir Mrożek, Janusz Głowacki, Jacek Dukaj) // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2011. Bd. 68. Heft 2. S. 359–375; здесь: S. 367.

**«МЕЩАНСТВО» И «ПОШЛОСТЬ»
В ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ СПОРАХ
МОДЕРНИСТОВ И ПОЗИТИВИСТОВ НАЧАЛА XX В.**

Дискуссия о мещанстве¹ в общественной публицистике началась с публикации в первых номерах «Полярной звезды» за 1905 г. статей Д.С. Мережковского «Мещанство и русская интеллигенция»², «Гря-

дущий хам»³ и Н.А. Бердяева «Революция и культура»⁴. Почти незамедлительно последовал ответ Максима Горького в большевистской газете «Новая жизнь» (1905) — «Заметки о мещанстве»⁵...

Так столкнулись две силы и не в первый раз: модернисты и позитивисты. Чтобы понять, о чем спорили две наиболее могущественные силы в русском обществе того времени, следует понять: почему они себя называли «модернистами» и «позитивистами».

Подлинным выразителем важнейших идей русского модернизма был журнал «Вопросы жизни» (1905). Журналы «Факелы» и «Перевал» продолжили пропагандировать мистический анархизм (религиозную философию модернизма), но в большей мере, чем прежние журналы они были заняты реальной революционной пропагандой и выяснением своих отношений с социал-демократией.

«Вопросы жизни» был дозволен цензурой 5 февраля 1905 г. и первый (январский) номер увидел свет в Санкт-Петербурге в обложке, которую готовил к изданию художник Е. Лансерс⁶. В нем сообщалось: «Редакция ежемесячного журнала «Новый путь» сим извещает подписчиков о приостановке издания журнала. Взамен «Нового Пути» подписчикам будут рассылаться без всякой доплаты номера нового журнала «Вопросы Жизни». Уже с октября 1904 г. в журнале «Новый Путь» главными руководителями стали С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и Д.Е. Жуковский, которые и продолжили свою деятельность, но еще более активно, в новом журнале⁷.

Журнал «Новый Путь», по определению М.А. Колерова, первый орган печати «декадентов», возник в Петербурге в кругу религиозных писателей — Д.В. Философова, В.А. Тернавцева, В.В. Розанова, П.П. Перцова, Д.С. Мережковского. Активно участвуя в Религиозно-философских собраниях (с 1901 г.), они перенесли новые духовные

потребности и горизонты в журнальное пространство. «Новый Путь» призван был противостоять утилитарно-позитивному мировоззрению — и в этой части своей программы он нисколько не отличался от своего преемника «Вопросов Жизни».

Спор шел о «позитивизме» и «идеализме»⁸.

Первым, кто на рубеже веков вновь обратился к идеализму и метафизике, был литературный критик А. Вольнский. В 1900 г. он выпустил в свет книгу «Борьба за идеализм», в которой были собраны его статьи, публиковавшиеся в «Северном вестнике». Этот поворот к идеализму современники не только не оценили, но даже резко отрицательно отнеслись к автору. Через год Н.А. Бердяев в журнале «Мир Божий» опубликовал статью с таким же названием, и она стала популярной и обсуждаемой⁹.

Полемика развернулась сначала в кружках, затем выплеснулась в журнальные статьи и захватила обширную аудиторию образованного русского общества. Статья Н.А. Бердяева «Борьба за идеализм», опубликованная в шестом номере журнала «Мир Божий» за 1901 г., вызвала резкий ответ со сторон А.А. Богданова, опубликовавшего статью в двенадцатом номере журнала «Образование» под названием «Что такое идеализм?». Вскоре в первом номере журнала «Вопросы философии и психологии» за 1902 г. появилась на свет статья С.Н. Булгакова «Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип». И вновь мощный ответ — со стороны А.В. Луначарского в статье «Русский Фауст» — в следующем номере того же журнала. А в четвертом номере — ответ А.С. Глинки-Волжского Луначарскому под таким грозным названием: «Торжествующий аморализм (По поводу «Русского Фауста» А. Луначарского)».

Стало ясно, что любое движение в сторону идеализма будет сопровождаться острой полемикой со сторонниками позитивизма и материализма. В 1902 г. вышел сборник «Проблемы идеализма» и через два года был опубликован сборник «Очерки реалистического мировоззрения», ставший для позитивистов опорой в критике идеализма. Русское культурное общество разделилось и борьба за умы людей шла весьма острая. Журналы «направлений» стали главными центрами этой полемики. В 1909 г. увидел свет ставший знаменитым сборник статей «Вехи» и в том же году был опубликован сборник статей «Очерки философии коллективизма»...

Сборник «Проблемы идеализма» (1902) был направлен на то, чтобы развенчать позитивизм как мировоззрение (не отрицая того, что позитивизм как научный способ описания вполне убедителен в рам-

ках исследовательской стратегии)¹⁰. Любое же расширение позитивизма — вплоть до мировоззренческой парадигмы — воспринималось как отрицание метафизики, как отрицание самостоятельной природы личности и ее безусловной свободы.

В программной статье в первом номере журнала «Новый Путь» П. Перцов сообщал: «Прежнее утилитарно-позитивное мирозерцание, не включавшее в себя ни искусства, ни философии, ни даже науки во всей возможной их сложности, уже бессильно ответить на запросы современного сознания...».

Что предлагал «Новый Путь»?

П. Перцов писал, что «на первый план в журнале выступит не партийная дисциплина «социальной» борьбы, а безотносительная ценность личной оригинальности. В своем идеале журнал будет иметь не подневольный унисон хорового пения, а естественную солидарность «солистов»...Упоение безличностью есть именно то, чего будет избегать «Новый Путь»».

Итак, противопоставлены два мира: «безличность» и «ценность личной оригинальности», концепция объективного (надличного) процесса и концепция сверхличности как единственного фактора развития человечества.

Главным оппонентом модернистов стал журнал «Правда» (1904–1906). В нем собирались марксисты-эмпириокритики, сторонники учения Рихарда Авенариуса и Эрнста Маха. Они еще называли себя «критическими» марксистами, потому что были противниками любых метафизических догм, не только идеалистических, но и сугубо марксистских. Эмпириокритицизм был настоящей модой русской интеллигенции, унаследовавшей философию тургеневского Базарова. Главный враг эмпириокритиков — любая метафизика: без особой разницы, идеалистическая она или материалистическая¹¹. К началу XX в. в марксистской среде уже накопились серьезные претензии к марксизму как к учению, в котором не было культа эмпирического исследования как основы познания.

Одним из самых ярких представителей эмпириокритицизма был А.В. Луначарский. Уже в молодые годы, увлекаясь такими философами, как Милль, Бэн, Дарвин, Спенсер, он приходил к убеждению, что под экономическое учение Маркса необходимо подвести позитивный философский фундамент. В 1895 г. он приехал в Цюрих, где стал слушателем лекций Авенариуса. Луначарский полагал, что марксизму как теории развития общества не хватает биологического эволюционизма. Он верил, что возможно соединение марксистской общественно-экономической науки с биологической теорией познания, которая

ничего не упрощает, но напротив — сохраняет значимость познающего субъекта, эмпириокритика. Новые («критические») марксисты нередко противопоставляли себя марксистам-ортодоксам, главным из которых по праву считался Г.В. Плеханов.

Весьма активными эмпириокритиками-марксистами были И.И. Скворцов-Степанов, А.А. Богданов (Малиновский) и В.А. Руднев, не случайно взявший себе псевдоним Базаров, как у главного героя романа «Отцы и дети». Сосланные царским правительством в Калугу (1899–1901), они организовали кружок марксистов и много времени отдавали философским спорам, пытаясь уяснить для себя сущность марксистского мировоззрения. Эти споры продолжились и в Вологде, куда с 1901 г. стали отправлять в ссылку политически неблагонадежных: среди них был и Н.А. Бердяев, в то время еще разделявший некоторые положения К. Маркса, но уже отходивший от основного учения в сторону идеализма. Там был А.А. Богданов, работавший врачом-психиатром, социалист-революционер Борис Савинков, историк П.Е. Щеголев, А.В. Луначарский. В вологодских спорах зрели будущие мировоззренческие баталии модернистов и позитивистов. Когда Бердяев стал открыто говорить о своих сомнениях в отношении материалистического учения, врач-психиатр Богданов приходил к нему, чтобы узнать о состоянии его душевного здоровья: он был убежден, что такое сомнение — плод умственного расстройства...

Впрочем, отношение к религии у эмпириокритиков было непростым. Отвергая религиозную (идеалистическую метафизику), Луначарский писал о том, что религиозный дух вполне совместим с позитивизмом, и даже придумал выражение «позитивная религия». Это религия без Бога, но с верой в человечество. Главная идея — победа жизни, разума, науки и техники над природой. Даниела Стейла отмечала: «Главной особенностью социалистической религии, согласно Луначарскому, было отсутствие Бога и любой отсылки к сверхъестественному. Новым богом, приход которого провозглашал социализм <...> должно стать новое человечество — победитель природы и творец собственной судьбы»¹². К этой идее был близок и Максим Горький, находившийся под сильным влиянием эмпириокритиков. Свою религию «без бога» он назвал «богостроительством» в романе «Исповедь», написанном в начале 1908 г. По словам старца, отвечавшего на вопрос молодого человека по имени Матвей о происхождении божественного начала, «богостроитель — это суть народушко». Общее убеждение марксистов-эмпириокритиков состояло в том, что трансцендентное существует только в пролетарском

коллективизме — именно коллективизм соединяет в себе лучшие свойства человечества. «В высшем коллективном единстве человечества пролетариат должен был стать подлинным «универсальным классом», воплотившим в жизнь предложенные буржуазным индивидуализмом положительные элементы, которые теперь иссякли»¹³. При всех различиях политических взглядов тех, кто сотрудничал с журналом «Правда», в ядре позитивистской мифологии пребывало нечто единое для всех тех, кто разделял «опытное» мировосприятие. Позитивисты сами стремились раскрыть свои теоретические предпосылки, чтобы отличать себя от модернистов (=сторонников метафизики). Напомним, что модернисты не были противниками научного позитивизма, который необходим в ограниченном пространстве науки. Однако в «Правде» не могли — даже теоретически — согласиться с подобной трактовкой, ибо для примкнувших к этому направлению общественно-политической мысли всякое самоограничение науки означало философский проигрыш идеалистам в споре о сущностях мира и человека.

Критика позитивизма как мировоззрения «пошлости»

Вернемся к публикации Дмитрия Мережковского¹⁴. Его критика обрушилась на позитивизм, отрицавший всякое сверхчувственное начало. К прежним аргументам добавились новые наблюдения: в Европе позитивизм «только делается», а в Китае уже представлен религией. Мережковский обратил внимание на азиатскую сущность «религии без Бога»: «Несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность. Есть то, что есть, и ничего больше нет, ничего больше не надо». С горечью он писал: «Европа идет в Китай». Побеждает «Серединное царство, царство вечной середины, вечной посредственности, абсолютного мещанства». Побеждает идеал позитивизма: «Здешний мир — все, и нет иного мира, кроме здешнего. Земля — все, и нет ничего, кроме земли. Небо — не начало и конец, а безначальное и бесконечное продолжение земли. Земля и небо не будут едино, как утверждает христианство, а суть едино. Величайшая империя земли и есть Небесная империя, земное небо»¹⁵.

Сталкиваются социализм и анархизм. По мнению Мережковского, эти две силы в наибольшей мере стремятся заменить существующий общественный порядок. Но во имя чего? Социализм мечтает заменить власть меньшинства властью большинства, но при такой замене неизбежна победа мещанства. Анархизм отрицает всякую

внешнюю власть «во имя абсолютной свободы, абсолютной личности, — этого начала всех начал и конца всех концов». Социализм, как религия, полагается на социальное творчество, в нем он видит будущее человечества, но не видит при этом, что тем самым «включает в себя дух вечной середины, мещанства, неизбежное следствие позитивизма, как религии, на котором и сам он, социализм, построен»¹⁶.

Личный бунт интеллигента обусловлен давлением сверху, со стороны самодержавного строя, и снизу — со стороны «темной народной стихии». Марксисты — тоже интеллигенты, считал Мережковский, и даже добавлял: они «превосходнейшие люди», народ любят. Но «когда говорят о «железном законе экономической необходимости», то кажутся свирепыми жрецами Маркса-Молоха, которому готовы принести в жертву весь русский народ»¹⁷.

У Хама — три лица. Первое — «лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви». Второе — «лицо православия, воздающего кесарю Божие, той церкви, о которой Достоевский сказал, что она в «параличе»». Третье лицо — «лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц»¹⁸.

В ответ на заметки Максима Горького в большевистской газете «Новая Жизнь» (1905) Бердяев опубликовал статью «Революция и культура» (1905), в которой подверг жесткой критике взгляды пролетарского писателя на природу мещанства¹⁹. Бердяев утверждал, что в истории России не были созданы всенародные культурные традиции, а потому сохраняется конфликт между личностью и обществом, между свободой и необходимостью. Революция в России несет в себе не только справедливость, но и отрицание культуры, и задача интеллигенции — противостоять разрушительному воздействию социальной стихии на все то благородное, возвышенное, что создали предшественники. Между тем, рассуждения Горького в газете «Новая Жизнь» играют на руку самым темным силам страны, не заинтересованным в сохранении культуры как факта личного творчества, личной независимости.

Рассуждения М. Горького очень слабы, политически невежественным и просто неумны, прежде всего неумны, но они имеют симптоматическое значение <....>. В крупной все же индивидуальности Горького как бы олицетворяется все, что есть противокультурного в русской революции. Тут уже чувствуется не только праведное восстание против социальной несправедли-

вости, но и несправедная злоба против культуры, против всего благородного и вечно-ценного, тут хамские чувства вплетаются в социальный бунт. Я не могу назвать статьи Горького иначе, как хулиганством в самом подлинном и глубоком значении этого слова²⁰.

Культ *надличного* в мировоззрении позитивизма ведет к тому, что воспеваемый Горьким «Человек» оказывается лишь средством, но не целью: «Горький пытается оправдать всякое насилие и жестокость, над человеком учиненные, и ставит канарейку выше человека, признает большую за ней самооценку. «Человек» является предельной идеей Горького, последней его мечтой и любовью, и во имя человека этого допускается всякое бесчеловечье, всякое изуверство, духовное и физическое, всякое надругательство над культурными ценностями, над великими вещами, над благородными именами и идеями. Религия человеческого, только человеческого, отвергающая ценности абсолютные и вечные, всегда приводит к тому, что на человека смотрят лишь как на средство»²¹. Бердяев сформулировал свое Кredo так: «Абсолютная ценность человеческой личности может быть признана лишь религией ценностей сверхчеловеческих. Безбожие больше дает канарейке, чем человеку»²².

Обнажая это расхождение в мировоззрении, Бердяев осознавал, что для Горького мещане не те, кого считает мещанами сам Бердяев:

Что говорит Горький в своих статьях «о мещанстве»? Кто мещане? Те, которые прячутся в «темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики... печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии». «Мещанин любит философствовать, как лентяй — удить рыбу, он любит поговорить и пописать об основных проблемах бытия, — занятие, видимо, не налагающее никаких обязательств к народу»... Мещанин — «индивидуалист, это также верно, как нет козла без запаха». Мещане — Л. Толстой и Достоевский. Мещане — русская интеллигенция. Мещанство — религия, философия, эстетика, да, в сущности, и наука, мещанство — гуманизм, мещанство — заповедь «люби ближнего своего, как самого себя», мещанство — все индивидуальное и свободное, все культурное и утонченное. Что же не мещанство, что ему противопоставляется? Культ силы, поклонение рабочему классу, как факту, как победоносной стихии, злоба против индивиду-

ального творчества, отрицание культурных ценностей, взгляд на человеческую личность, как на средство и орудие²³.

Итак, мещанин для Горького — всякий индивидуалист, исповедующий мотивы свободного творчества, будь то философия или эстетика; по мнению Бердяева, пролетарский писатель зачислял в разряд «мещан» и всю русскую интеллигенцию, ибо она не исповедовала культ силы, культ стихии, культ рабочего класса. У Бердяева — свое представление о «мещанстве», никак не совпадающее с мнением Горького: слово — одно и то же, а смысл — противоположный:

И нужно восстановить истинное значение слов. *Мещане те, которые по духовной своей бедности временное ставят выше вечного, абсолютные ценности предают за благоустроенное и удобное царство мира сего* (здесь и далее курсив мой — А.Ю.), злобствуют против благородной и великой культуры, против гениев и творцов, против религии, философии и эстетики, против абсолютных прав личности и беспокойства ее, мешающего им окончательно устроиться. Мещане те, что строят вавилонскую башню, в которой не остается места для религиозной жизни, всегда отражающей антиномичность и таинственность бытия. Есть в мире святые вещи и только мещанство — хамство может поднять на них свою руку. Это надвигающееся мещанство, враждебное всему истинно-благородному, индивидуальному, творческому и внутренне-мятежному, должно быть отрезано от очистительной правды демократической революции, и мы должны поднять против него голос во имя свободы и ценностей сверх-человеческих²⁴.

Н.А. Бердяев увидел опасность революции в том, что на месте одного неуважения к правам личности при самодержавии будет действовать другое, не менее преступное, отношение к культурным и духовным ценностям. О чем, собственно, вещает большевистская газета «Новая Жизнь», говорит революционный писатель Горький и пишет «самоновейший инквизитор» В.И. Ленин в проекте «полицейской организации литературы»²⁵.

Развернутую критику мещанства с позиций модернизма дал Н.А. Бердяев и в статье «Демократия и мещанство», опубликованной в одиннадцатом номере «Московского еженедельника» за 1906 г. Само название уже говорило за себя: демократия как власть большинства — что это, победа большинства, а значит, и мещанства?

Однако в демократии нельзя не видеть вечную правду и признание человеческого достоинства! Как быть? Бердяев считал, что демократия только тогда достигнет этой заветной цели, когда приблизится к идеалу анархизма, к идеалу безвластия.

Демократия должна совершить до конца свою ломку насильственного, бесчеловечного социального и государственного иерархизма, должна освобождать от рабства у материальных предметов. Но во имя чего? Мы говорим: во имя свободного, безвластного иерархизма лиц человеческих, органически подчиненных началу сверхчеловеческому, во имя ценностей, вышших, чем человек, и определяющих значение человека²⁶.

Религия позитивизма, марксизма смотрит на демократию совершенно иначе: цель — самообожествление человека через удовлетворение его материальных потребностей.

Грядущее мещанство говорит: во имя самообожествления человека, самоудовлетворенности его, во имя благ человеческих, признанных высшими и более ценными, чем блага сверх-человеческие, чем ценности божественные, истинно благородные и культурные. Человек цель, а не средство, лицо его имеет значение абсолютное. Эта истина великая, но не последняя, не конечная истина²⁷.

Каков человек, отвергающий сверх-человеческие ценности?

Человек, отвергнувший все сверх-человеческие ценности, не пожелавший уже поклониться святым храмам, вечным книгам, великим именам, прекрасным предметам, не благоговеющий перед красотой и благородством, перед мудростью, перед вечностью, открывавшейся в живой истории, человек, обоготворивший себя, признавший «человеческое» своей последней святыней, есть небытие, пустота и мещанство²⁸.

Мещанин отвергает всякую сверх-обыденную реальность, свято верит в то, что на этом свете есть только, что видят глаза, то, что можно потрогать руками; остальное знать не надо. Отсюда пошлость есть коллективный (социальный) опыт банальности — небытие, пустота, отсутствие всякого творчества.

<...> корень мещанства в умалении ценностей, в постепенном превращении великого в малое и в ничто, мировой трагедии — в мещанскую драму, комедию и наконец в пошлый фарс. Истинно освобождающийся, антимещанский бунт, великая революция духа лежит гораздо глубже, неизмеримо радикальнее. А от современных «человекобогов», от обожествляющих себя человек очень пахнет мещанством, и часто ощущается около них рождение фарса. Пахнет мещанством от надоевшего, банального «демонизма». Несет запахом мещанства от социал-демократического «демонизма», мечтающего отделаться от вечности, от Бога и устроить временное, обоготворяющее себя человечество, смерти все же навеки подвластное, не от рабства освобожденное, а от благоговения и благородства²⁹.

Модернисты полагались на эстетику как на главное оружие против самодержавия рассудка и мещанской трезвости. Но тут вновь возникала проблема демократической справедливости: доступна ли эстетика пролетариату? Модернистов и так упрекали в элитарности, в том, что они далеки от масс трудящихся. Бердяев вынужден был объяснять, что «никто из нас не писал против пролетариата, в котором мы хотим видеть только личности человеческие, а лишь против «идеи пролетариата», классовой мистики, истинно мещанской и безличной идеи».

Итак, важнейшим элементом пошлости/мещанства, согласно модернистской философии, является социальность, превращающая личность с ее сверхличностными запросами в придаток обезличивающей идеи. Коллективное начало в духовном смысле подавляет личность, делает ее несамостоятельной, лишает ее творчества. Пошлом в мещанстве всегда имеет коллективные формы. В этих формах подавления нет места для личного Бога, зато обожествленным оказывается самовлюбленный человек.

Критика модернизма как «мещанского» мировоззрения

Критика модернизма со стороны позитивистского лагеря прозвучала вместе с выходом в свет «Очерков философии коллективизма» в 1909 г. Это был мощный залп по модернистам. Привлечены были главные силы: Луначарский и Горький³⁰.

Статья А.В. Луначарского называлась «Мещанство и индивидуализм». В ней автор сосредоточился на проблеме соотношения личного

и коллективного «я». Что способствует развитию: самоизолированное, самоотчужденное «я» или могучий коллектив — коллективный гений труда? Истинная красота раскрывается только в коллективном творчестве! И потому пролетариат есть высшая форма освобождения от узости личного сознания, которому недоступны горизонты всего общественного класса.

Коллективный, обобществленный труд прошлого предстоит перед живым трудом в форме могучего механизма, полного своеобразной красоты, ибо там красота, где целесообразность и сила. Гений человеческого коллектива воплотился в этой машине, которой руководит рабочий. Живой труд вводит, пока необходимый, связующий момент в широко развернувшемся, волшебном по своей богатой производительности сотрудничестве во времени и пространстве. Кроме того пролетарий в несравненно большей степени, чем ремесленник, ощущает свою связь со всемирным производством, свою зависимость от всемирного рынка — это вырабатывает в нем неслыханную для среднего мещанина широту кругозора³¹.

Кто мешает продвижению по пути общественного прогресса? Как ни странно — тоже «средний» человек. Такой, который не видит этой коллективной широты нового класса, но уповает на свое узкое пространство жизни, индивидуальное бытие. Пролетариат разворачивает проповедь «мелкого экономизма, т.е. перспективами реального улучшения положения рабочего, путем создания прочных профессиональных союзов не для борьбы с капитализмом как таковым — это «утопия» и какое дело «личности» рабочего до отдаленного и сомнительного грядущего? — а для соглашений, как силы с силой, для компромисса, для постепенного движения в царство гармонии интересов и социального мира».

Широта классовая, всемирная миссия заменяются мелким эгоизмом:

Это мещанский разврат, бьющий на индивидуалистические инстинкты, стремящийся подменить великую миссию пролетариата классовым эгоизмом в самом мелком и пошлом смысле, придать организациям пролетариата характер простых для выторговывания и выпрашивания подачек, — наиболее опасная форма мещанского влияния на пролетариат³².

Развращает пролетариат и анархизм, прививая ему «индивидуалистическое настроение, расшатывая чувство солидарности».

Единственным выходом из мещанства является «обобществление труда, приводящее к обобществлению средств производства».

Мещанство — синоним индивидуализма.

А.В. Луначарский повторил свою мысль, что человек — существо природное, без всяких метафизических оснований. Но человек — природно-незавершенный вид живого организма: ему не хватает социализации, чтобы стать совершенством. Раз так, то человеку может помочь только общество людей, объединенных максимально широкими интересами.

Человеческий организм есть прекрасное полусовершенство. Мы не знаем в мире ничего более изумительного и радостного, чем человек с его колоссальными возможностями. Его гибкое тело, его светлый ум, горячее чувство, порывистая воля, его способность к наслаждению и борьбе — все это обещает нам дивное существо, по крайней мере, в наших собственных глазах³³.

На этот раз Луначарский не стал сгущать краски — не стал говорить о том, что произойдет с природно-незавершенным человеком, если он не захочет социализации, не захочет стать частью общего движения по пути прогресса. Но все же одну оговорку Луначарский себе позволил: «великие люди более люди, более нормальные представители нашего вида, типа, чем заурядные люди»³⁴. В чем же тогда суть зла, порождающего заурядных людей? Луначарский не говорил о зле, избегал это метафизическое определение, но указывал на источник заурядности: это дисгармония биологического и социального развития.

Заурядный человек — калека, а не норма, это организм, задавленный и исковерканный властной и неприспособленной для него средой и уже зараженной порочной наследственностью <...> Для выделения настоящих великих людей и вообще людей прообраз будущего и по тому самому учителей жизни, братьев пролетариата, я не вижу другого критерия, чем критерий биологический, совпадающий в конечном счете с критерием социальным³⁵.

«Калека» (=заурядный человек) ни в чем не виноват, — виновата внешняя среда, которая не смогла дать природному организму более

совершенный путь развития. Неколлективистская среда, в которой правят эгоистические интересы, не воспитывает человека, но уродует его. Надо уничтожить внешнюю (неколлективистскую) среду обитания, чтобы позволить человеку обрести достойный природно-социальный вид. Зла как внутреннего выбора человека нет вообще. Зло — это внешний мир, зараженный порочной наследственностью. Гармония природного и социального наступит в результате внешней смены общественных отношений — и человеческий организм из «прекрасного полусовершенства» станет наконец полноценной частью общего совершенства — всегда общественного.

Крупная, благодаря счастливым условиям (внешним! — А.Ю.), хорошо правильно, развивавшаяся в детском возрасте индивидуальность, не уместается в рамках современного мещанского общества, налагающего на личность сплошь и рядом чрезмерный труд, протягивающего во все стороны тысячи досадных преград, калечащего человека разрозненностью коллектива (не моралью! — А.Ю.), между тем, как дальнейшее нормальное развитие возможно лишь в коллективе объединенном <...> Настоящим выходом из этого положения может быть лишь тот естественный коллективизм, за который борется пролетариат³⁶.

Луначарский развивал мысль о «прекрасном полусовершенстве»: стремление человека к счастью — факт прежде всего биологический. В силу этого природный организм стремится обладать внешним миром, миром предметов. Это стремление определяется естественным эгоизмом. Но во внешней сфере оказываются не только вещи, но и люди, общение с которыми может доставлять еще большую радость. Луначарский не стал объяснять, как именно от естественного эгоизма человек переходит к социальной адаптации, которая радуется новой возможностью счастья. Он лишь постулировал этот переход как естественный, — ведь не может же человек не любоваться другим счастливым человеком!? Это коллективное счастье — венец человеческого совершенства:

Само представление о счастливом человеке, о счастливом человечестве приобретает значительную эстетическую ценность, заражая психику своеобразным подъемом, отражением сильных и гармонических чувств. Представление о родственной нам и столь небезразличной для нас борьбе за это счастье

со всеми ее перипетиями глубоко волнует искреннего эгоиста, у которого в сердце ярко и быстро отражаются состраданием и сорадованием судьбы людей, которых он любит такой же эстетической любовью, какую любит природу или предмет искусства, только соответственно повышено, ибо ни природа, ни искусство не совмещают в себе столько возможностей, как человек. Эта эстетическая симпатия, могучая в подвижной и сильной душе «человека во весь рост», делает его уже самого по себе существом в огромной степени общественным. Чем выше его ум, чем больше в состоянии обнять его духовный взор, тем *социальнее* (курсив Луначарского — А.Ю.) его личность, и тем более безобразным будет казаться ему все препятствующее развитию счастья сочеловеков. Этот путь эстетической симпатии к прекрасному, к возможности счастья в человеке может и должен при нормальных условиях привести к социализму, как к ясному и разумному идеалу сотрудничества людей, взаимопомощи их в деле развития друг в друге и в самих себе красоты, силы, разума, счастья, ибо человек человеку наслаждение³⁷.

Тогда и возникает не личное (всегда крайне несовершенное!), а «видовое самосознание», по определению Луначарского. Это самосознание не имеет никаких метафизических оснований, потому что оно природное, «факт огромной биологической важности». Вид, как и человек, проявляет инстинкт самосохранения — «биологическая основа всякого индивидуализма».

Но человек, развивая в себе органы чувств, ум, двигаясь по пути индивидуальному, частному, частнособственническому, исказил в себе первичный «образ биологический», ибо стал рассматривать себя как самодостаточную самость, имеющую метафизические основания. Человеку предстоит вернуться к биологической основе — к подсознательному! К чувству природы, к инстинкту самосохранения! К единению с биологическим видом!

Рост видового самосознания есть великий процесс возвращения сознания к биологической подсознательной истине. Конечно, дело здесь пойдет не о самоотречении личности, не о возвращении к рабству ее по отношению к видовым инстинктам, но о гармоническом слиянии, о высокой эстетике жизни, которая научит личность выше всего ценить развитие мощи, красоты и счастья вида, как целого³⁸.

В сознании социалиста биологический вид и передовое общество в идеале должны совпасть, осуществить гармонию. Луначарский признался, что «мы видим в человечестве и отрицательные, враждебные прогрессу элементы, но если они стоят вне развивающегося коллектива, вне передового класса и во вражде к нему, то ведь они стоят фактически и вне вида». Что же тогда делать с теми, кто несходен с большинством и не хочет идти по пути слияния биологического вида с социальным организмом? Более осторожно, чем прежде, он вновь указал на возможность отвести «уродов»: «Вид не есть конгломерат всех особей, он осуществляет себя лишь в развитии, его уроды, его больные порождения отменяются <...>»³⁹.

Как борется мещанство (в понимании Луначарского) с растущим коллективизмом передового класса? Два оружия применяются: «неизменный эгоизм» и разные формы мистицизма.

Нечего удивляться поэтому, что концентрация интеллигенции в России, стремление ее эмансипироваться от идеологии пролетариата совпадает с расцветом мерзкого сенсуализма и жалкого мистицизма, при чем то и другое часто сплетается в причудливые и отвратительные комбинации⁴⁰.

В силу большой культуры Луначарский осознавал, что выдающиеся ученые и художники, пусть и индивидуалисты, но «в деле общечеловеческом» побеждают мещанство своим творчеством «в строительстве культуры»...

В отличие от Луначарского, А.М. Горький в статье «Разрушение личности» полагал, что любое индивидуальное творчество — ничто по сравнению с коллективным. Он считал, что подлинный процесс образования «Я» аналогичен возникновению эпического героя⁴¹. Но это, пожалуй, единственное расхождение между ними — во всем остальном мы видим концептуальное единство. Та же идея о вреде недоколлективности и социальной раздробленности, в результате развития которой появляется самодовлеющее частное «Я». Мещанское творчество — это жалкое биение маленького существа в темной клетке; это существо не допускает даже мысли о расширении своего опыта. Любой индивидуалист — мещанин по природе. Любой мещанин оправдывает свою борьбу с народом своей индивидуальностью.

А.М. Горький высмеивал русскую интеллигенцию в исторических экскурсах.

Пессимизм гимназистов, усомнившихся в смысле бытия и рассуждающих о «мировой тоске», о религии, о Боге — это тоже мещанст-

во, ибо в своем бессилии оно, вместо движения в сторону к большей социализации, ищет анархию и мистику как самооправдание своего бессилия. Истерика — это распад личности, а не ее собрание.

Признаки истерического состояния легко открыть у всех современных идеологов индивидуализма, будут ли это мистики, анархисты, христиане типа Мережковского и типа Свенцицкого, для всех их одинаково характерна чрезмерно легкая возбудимость психического аппарата, быстрая смена его возбуждений, настроения угнетающего свойства, отрывочный ход идей, социальная тупость и, непосредственно рядом с нею, настойчивое стремление больного обратить стонами и криками своим внимание окружающих на него, на его, в большинстве случаев, вымышленные болевые ощущения⁴².

Увлечение философией Ницше — предательство Чернышевского, Лаврова, Михайловского, Плеханова. Горький тонко уловил этот переход в настроениях молодежи, когда она стала украдкой читать труды великого немецкого философа, будто стесняясь, что кто-нибудь это заметит («боясь оскорбить своих учителей, старых радикалов»). Это случилось почти сразу после выхода первого номера журнала «Вопросы философии и психологии» в 1892 г.⁴³

Что же ставит в вину Горький братьям-писателям? Прежде всего, уход от общественного контекста, от социальных интересов в «загадки индивидуального бытия». Иначе говоря, вина их в том, что вместо борьбы за судьбы прогрессивного человечества они заняты искусством, свободным от этих страстей: «...главное для них — искусство, свободное, объективное искусство, которые выше судеб родины, политики, партий, и вне интересов дня, года, эпохи». Сам Горький в такое искусство решительно не верит. Нельзя допустить для психически здорового человека состояние, при котором он «сознательно или бессознательно не тяготел бы к той или иной социальной группе, не подчинился бы ее интересам». Нет подлинного творчества вне его объективной приверженности к той или иной социальности! И чем больше эта социальность, чем шире она, тем крупнее художник, выражающий своим творчеством масштаб человечества.

Русский писатель духовно пал. Лишенный идеи, он оказался в тенетах мещанства. Горький зло и остро комментирует модные увлечения писателей, в том числе и мистический анархизм:

Это грустное явление (уничуждение социал-демократической личности — А.Ю.) может быть объяснено только тем, что гг. писатели невольно подчинились гипнозу мещанства, которое осторожно пробираясь ко власти, отравляет по дороге всех и все. Это — упадок социальной этики, понижение самого типа русского писателя. И наиболее грустно, и наиболее тяжело видеть, как пена мещанского приboя ко храму литературы захлестывает, душит такой крупный талант, как Леонид Андреев. Лишенный руководящей идеи, питающийся неосознанным и полным страха ощущением мира, еще недавно враждебный мещанству, этот писатель в рассказе «Мои записки» является перед нами литератором школы Георгия Чулкова, исповедуя знаменитый «мистический анархизм», эту сумбурную «философию» на редкость бесталанного человека, эти бессвязные бредни микроскопической, мещанской души. Видя недавнего врага своего в столь близком духовном соседстве с человеком, подобным Чулкову, мещанство, наверное, ликует — победа! Оно уже давно нашло Ахиллесову пятю Л. Андреева, — его слишком большую жажду славы⁴⁴.

Писатель перестал быть зеркалом мира! Идея отражения — самая существенная в объективистской концепции Горького. Он протестовал против низведения мировых проблем человечества на личностный уровень: для него этот уровень — горшее мещанство.

О чем говорит современный литератор?

«Что есть жизнь? — говорит он. — Все есть пища смерти, все! И хорошее, и дурное, содеянное тобой, исчезнет со смертью твоею, человек. Все равно и все — равно ничтожны пред лицом смерти». Слушая эти новые слова, мещанин одобрительно кивает головою. «Так, не стоит творить жизнь и бесполезно стараться изменить ее, добро и зло — равноценны. И зачем искать смыслы дней? Примем и полюбим их такими, каковы они есть, наполним их всеми наслаждениями, доступными нам, и они будут легко и приятно поглощаться нами». И храбро преступая кодекс морали своей — уложение о наказаниях уголовных, — мещанин наполняет дни свои грязью, пошлостью, творит маленькие, гадкие грешки против тела и духа человеческого и — блаженствует⁴⁵.

Писатель жаждет великих образов русской матери, русской женщины — эпических образов, а вместо этого видит в литературе... порнографию:

С поразительной быстротою мещанство, одолевшее писателей, заставило их изнасиловать женщин всех возрастов и во всех степенях родства <...> Эта эпидемия порнографии, поразившая мозги наших литераторов, развилась так быстро, и в таких грубых формах, что ошеломила честных людей, — не все же они побиты на смерть! — и до сей поры, очевидно, они не могут собраться с силами, чтобы протестовать против грязи, которою усердно пачкают русскую девушку, женщину и мать⁴⁶.

Как же бороться с этим порочным наваждением? Что противопоставить литературному мещанству? Горький выдвинул идею уничтожения «лишних людей»... в литературе, разумеется. Сначала следует изобразить во всех деталях образ жизни индивидуалиста, подобного Климу Самгину, а потом показать всему белому свету его несостоятельность, ничтожность, бессмысленность — литературно убить... Так он оказался близок Луначарскому, столь откровенно говорившему об «уродах» человечества. «Задача литературы уничтожить этих людей или, насытив их бодростью, воскресить к жизни активной» — писал Горький.

Творит не личность — творит человечество: у Горького нет морали как проблемы метафизической. Откуда она возьмется? От Бога, что ли? Так Бога нет! А что же тогда зло? Индивидуализм — самое откровенное проявление мещанства (=зла).

Жизнь человечества — творчество, стремление к победе над сопротивлением мертвой материи, желание овладеть всеми ее тайнами и заставить силы ее служить воле людей для счастья их. Идя к этой цели, мы должны в интересах успеха ревностно заботиться о постоянном развитии количества и качества живой, сознательной и активной психофизической энергии мира. Задача данного исторического момента — развитие и организация по возможности всего запаса энергии народов, превращение ее в активную силу, создание классовых, групповых и партийных коллективов⁴⁷.

Итак, мы видим, что пошлость и мещанство в устах модернистов — это безликое коллективное начало, поработщающее своими утилитар-

ными требованиями и стремлением во что бы то ни стало подчинить индивидуальность групповому, классовому — любому иному надличному механизму; по мнению же позитивистов, пошлость и мещанство как раз наоборот — индивидуальное начало, узкое, мелкое, жалкое, не способное возвыситься вместе с человечеством над личным опытом, вливаясь в опыт классовый, партийный. С точки зрения позитивистов, всякий, кто пишет о *психологических проблемах* личности, превращается в идеолога мещанства и пошлого обывателя. С точки зрения модернистов, всякий, кто забывает о правах личности, утверждая ценности надличные, оправдывает существующий пошлый и мещанский порядок вещей, убивающий личность — самое ценное что есть в человечестве.

1913 год:

**письмо М. Горького коллективу Художественного театра.
Спор о свободе творчества**

24 сентября 1913 г. газета «Вечерние известия» сообщила читателям об экстраординарном событии в общественной жизни, — в газете «Русское Слово» за 23 сентября Максим Горький опубликовал открытое письмо коллективу Художественного театра с требованием снять с постановки спектакль по роману Федора Достоевского «Бесы». С этого момента в газетах развернулась большая дискуссия о свободе творчества, о том, можно ли запрещать в искусстве что-либо, допустима ли самоцензура и т. д. Выступили почти все известные писатели, художники, философы, общественные деятели. В самой постановке вопроса о самоцензуре⁴⁸ была идея о *преимущественных правах* общественности над свободой личности; Максим Горький определил это первенство как социальную педагогику, без которой нельзя обойтись в русском обществе. Постановку «Бесов» он назвал социально «вредной». «Вечерние известия» не только пересказывали идеи Горького, но и, как многие газеты того времени, цитировали письмо, чтобы точнее передать авторскую мотивацию.

Письмо расходилось по всей стране, вызывая горячие споры. И это не мудрено — ведь Горький критиковал самый прогрессивный театр в России:

Очевидно, г. Немирович знает, что есть публика, которой забавно будет видеть неумную карикатуру на Тургенева в годовщину тридцатилетия его смерти и приятно посмотреть на

таких дьяволов революции, каков Петр Верховенский, или на таких «мерзавцев своей жизни», каковы Липутины и Лебядкины; ведь, глядя на них, очень легко и удобно забыть, что были и есть люди честные, бескорыстные, а несомненно, что ныне многие нуждаются в этом забвении, и вот Художественный театр послужит этой нужде, поможет дремлющей совести общества заснуть крепче. Мы живем в стране с пестрым населением в 170 миллионов людей, говорящих на полусотне языков и наречий; наш нищий народ выпивает водки почти на миллиард ежегодно и пьет все больше. Не здесь ли один из источников все растущего хулиганства, которое в существе своем та же «карамазовщина»? Пора подумать, как отразится это озеро яда на здоровье будущих поколений. Не усилит ли дикое пьянство темную жестокость нашей жизни, садизм деяний и слов, нашу дряблость, наше печальное невнимание к жизни мира, к судьбе своей страны и друг к другу? И вот в интересах духовного оздоровления, необходимо, как мне кажется, определить социально-воспитательное значение тех идей, которые Художественный театр предполагает показать нам в образах. Нужно ли это увечное представление? Я уверен, что нет — оно вредно. Это представление — затея сомнительная эстетически и безусловно вредная социально...⁴⁹

Уже на следующий день, в той же газете, были опубликованы письма писателей Владимира Короленко и Семена Юшкевича. Короленко с пониманием отнесся к Горькому, не приемлющему болезненности писательской фантазии автора «Бесов» («Творчество Достоевского, полное изломов и надрывов, передающее тончайшие нюансы человеческой души, но не зовущее к идеалу, по понятиям Горького, некультурно. Может быть!»). Но Короленко настаивал на том, что творчество Достоевского *уже вошло* в культурное сознание людей, стало неотъемлемой частью любого писателя, включая Горького. Короленко довольно точно определил суть спора в тех нравственно-эстетических категориях, которые активно обсуждались в 1903–1905 гг.: «...мне кажется, что *утилитарная точка зрения* (курсив мой — А.Ю.) Горького, я бы сказал, земная, — для меня не убедительна»⁵⁰.

Семен Юшкевич, сочувствовавший письму Горького, отмечал, что художник «является лишь звеном в цепи, и никогда не в состоянии оторваться от общества, не испытав во всей силе его влияние»⁵¹. Он «должен помнить, что истина и интересы культуры должны быть на

первом месте. Театр — это рупор, голос которого в тысячу раз сильнее голоса одного человека, но ему так же общи и обязательны законы, как и художнику. Как же ни приветствовать призыв Горького и его требование, чтобы театр ставил пьесы, которые ведут к совершенствованию и культуре?»⁵²

В этих двух первых откликах уже можно увидеть разделительную линию: или ты признаешь надличное содержание культуры (в виде «законов» и иных безличных контентов), или ты преодолеваешь рамки дозволенного и уходишь в область сверхличностную, творческую и потому совершенно свободную от любого диктата...

Хроника обсуждения

25 сентября в газете «Утро России» были опубликованы три отклика на письмо Максима Горького. Все они, в той или иной мере, выражали несогласие с пролетарским писателем, но у каждого при этом была своя позиция. О. Савинич назвал свою публикацию «О здоровом духе», явно пародируя пафос письма Горького. Это тем более любопытно, что о нездоровых личностях, которые не впишутся в процесс развития нового человечества, писал Луначарский, не скрывавший печальной судьбы этих «неудачников», если власть над обществом окажется в руках истинно «здоровых людей», заботящихся о всем человечестве.

В гигантской фигуре нашего великого душеведа, заслонившей сейчас всю современную литературу и, конечно, давно и безнадежно отцветшую литературу самого М. Горького, последний узрел чрезвычайную... социальную педагогическую опасность. То ли нужно сейчас России, что мы находим в произведениях Достоевского?⁵³

В этой полемической заметке обращалось внимание на то, что Горький предлагает *полную реорганизацию* культуры на новых началах: в интересах всего человечества следует отобрать полезные плоды культуры, а вредные отбросить.

Автор цитировал Горького и комментировал этот тезис:

Перед нами огромная работа внутренней реорганизации не только в социально-политическом смысле, но и в психологическом. Мы должны тщательно пересмотреть все, что уна-

следовано нами из хаотического прошлого и, выбрав ценное, полезное, бесцветное и вредное отбросить, сдать в архив истории». И, конечно, прежде всего, сдать в архив истории «бесценного и вредного» Достоевского. А что Достоевский бесценен и вреден и подлежит незамедлительной сдаче в архив истории, М. Горький подтверждает летучим критическим обзором всего творчества Достоевского. Точно летучий отряд при усмирении, вихрем пронесится он по всему Достоевскому и от бедного «злого гения нашего» (определение М. Горького) остаются одни жалкие обгорелые головешки. Если попытаться выбрать из письма М. Горького все слова, которыми он определяет творчество Достоевского, то окажется, что это «пасквиль», «темное пятно», «хулиганство», «садизм», «мазохизм», «гнилой яд» и т.д.

Что же будет, если Достоевского в самом деле сдадут в архив? Этот вопрос возвращал читателя к полемике модернистов и позитивистов о природе пошлости.

Никакой литературы. Никаких гениев. По-видимому, по Горькому, сейчас России не до литературы и не до гениев. «Никто не станет отрицать, что на Руси снова наступают дни, требующие дружного единения умов и воли, крайнего напряжения всех здоровых сил нашей страны» (цитата из письма Горького — А.Ю.). Ну вот видите, где уж тут время копаться в «бесформенной и пестрой несомненно русской душе» Федора Карамазова! Где уж тут время заниматься так называемыми «высшими вопросами духа», которые у нас, на Руси, ничего не внося в этику, не улучшая наших отношений друг к другу, являются только красноречием, отвлекающим от живого дела». Ну их, эти «высшие запросы»! В архив! Ату их! А если вам все-таки кажется, что какая-то художественная литература, даже и в дни, «требующие дружного единения умов и воли», нужна, то ясно, что нужна литература, имеющая обязательно светлый фон и безусловно полезная с социально-педагогической точки зрения⁵⁴.

Автор заметки увидел противоречие в словах и мыслях Горького: ведь пролетарский писатель позволял себе в своих произведениях жестокие сцены насилия, грубости, сквернословия. Однако внешняя грубость в описании того, как живут люди «на самом деле» — ничто

в сравнении с ложными вопросами духа, которые разлагающе воздействуют на людей, заставляя их искать высший духовный смысл. Таково оно — «органическое представление у М. Горького о здоровом духе», заключал автор.

В этом же номере газеты приводилось короткое интервью корреспондента газеты «Вечерние известия» с писателем М. Арцыбашевым. И вновь — в самом основании суждения о позиции Горького — звучит модернистский мотив неприятия утилитарной морали, морали здоровых нервов и сытого желудка:

В приписке к своему письму Горький так определяет свою задачу: «Я убежден, что проповедь со сцены болезненных идей Достоевского способна только еще более расстроить и без того нездоровые нервы общества». Этим достаточно определено все его мирозерцание и все его устремления. Здоровые нервы да сытый желудок, а все остальное — от лукавого: одно «уродство» и больше ничего. Я помню, как один правоверный социал-демократ сказал мне: «Зачем вы занимаетесь вопросами любви? У нас в программе этот вопрос давно решен!..» Конечно, для человека, у которого решение всех вопросов бытия находится в его «программе», не только Достоевский, а и закон всемирного тяготения — ни к чему. Одно беспокойство и расстройство нервов.

«Долой Достоевского!» — с таким провокационным названием (и в том же номере газеты «Утро России» от 25 сентября 1913 г.) была опубликована заметка французского философа русского происхождения Александра Койранского. Заглавие заметки он объяснял тем, что так могло бы быть названо само письмо Горького. Суть социальной педагогики, по мнению Койранского, сводится к запрету постановки «Бесов», а раз так, то надо быть последовательным — и потребовать «торжественного сожжения на костре всего, что написал Достоевский». Так был заявлен протест против утилитаризма, протест против чечевичной похлебки «социальной педагогики», которая измеряет ценность и полезность писателя в соответствии «с преходящими требованиями общественной гигиены»⁵⁵. Надличное здесь прямо угрожает сверхличному лишением права на жизнь.

26 сентября 1913 г. в газете «Утро России» было опубликовано открытое письмо М. Горькому от коллектива Московского Художественного театра (утвержденное 24 сентября 1913 г.). В этом письме

противопоставлены «общественная совесть», как ее понимал Горький, и «высшие запросы духа», отвергаемые тем же Горьким.

Нас не то смущает, что Ваше письмо может возбудить в обществе отношение к нашему театру, как к учреждению, усыпляющему общественную совесть, — репертуар театра, в целом, за 15 лет вполне ответит на такое обвинение. Но нам тяжело было узнать, что М. Горький в образах Достоевского не видит ничего, кроме садизма, истерии и эпилепсии, что весь интерес «Братьев Карамазовых» в Ваших глазах исчерпывается Федором Павловичем, а «Бесы» для Вас не что иное, как пасквиль временно-политического характера и что к великому богоискателю и глубочайшему художнику Достоевскому Вы предъявляете обвинение в растлении общества. Наша обязанность, как корпорации художников, напомнить, что те самые «высшие запросы духа», в которых вы видите лишь праздное «красноречие, отвлекающее от живого дела», мы считаем основным назначением театра. Если бы Вам удалось убедить нас в правоте Вашего взгляда, то мы должны были бы отречься от искусства, как утратившего свою цель. В то же время мы должны были бы отречься и от всего лучшего в русской литературе, отданного служению именно тем самым «запросам духа»⁵⁶.

В том же номере газеты была опубликована заметка «Леонид Андреев contra М. Горький». В ней сообщалось, что Леонид Андреев собирается защищать Достоевского. Он не согласен с узкими параметрами оценки творчества великого писателя. Значение таких творцов культуры, как Достоевский и Толстой, состоит в том, чтобы определять мировые и общечеловеческие проблемы, а не служить интересам современного общественного движения.

27 сентября петербургская газета «Речь» опубликовала статью «М. Горький и Художественный театр. От нашего московского корреспондента». Автор публикации под псевдонимом «Чужой» рассказал много интересного и загадочного о письме Максима Горького. Корреспондент заставил читателя задуматься над странностями всей этой истории. Он отметил, что артистическая корпорация поначалу составила резкий ответ писателю, но потом, после двух дней острых дебатов, представила на суд общественности ответ сильно смягченный. Между тем, резкий ответ поддерживала большая часть труппы. Значит, были аргументы и для компромисса. Но главное не в этом, — реакция Горького настолько запоздала, что это само по себе не могло не удивлять:

В кругах, близких к Художественному театру, между прочим, обращают внимание на одну подробность в письме Максима Горького. Она между прочим говорит, что, подражая Художественному театру, Незлобинский театр⁵⁷ поставит «Идиота». Между тем, названный театр уже давно сыграл «Идиота» в сценическом приспособлении Ф.Ф. Комиссаржевского, — в минувшем сезоне. Спектакль этот обратил внимание, о нем писали во всех московских газетах. Трудно таким образом предположить, чтобы Максим Горький, не относящийся безразлично к вопросу об инсценировке романов Достоевского, мог тогда пропустить мимо внимания факт этой постановки. В названных кругах поэтому скорее склоняются к мысли, что то открытое письмо, которое опубликовано на днях, было написано много раньше, вероятно, вскоре после того, как стала известна мысль Художественного театра инсценировать «Бесов». Но почему-то тогда письмо осталось в письменном столе автора. И только теперь Горький дал ему ход. Почему именно теперь решил он опубликовать письмо, — на этот счет в театральных кругах различные догадки⁵⁸.

Какие именно «догадки» были в театральных кругах, автор не сообщил. Но при этом читатель вправе знать, что если бы Горький хотел отменить постановку спектакля в самом деле, то надо было выступать с протестом в «минувшем сезоне»: «По крайней мере сам Максим Горький мог бы тогда питать надежду, что протест подействует, что Художественный театр пересмотрит свое решение и откажется от «Бесов». Вряд ли было бы так, потому что Художественный театр думал долго и осторожно, прежде чем решил постановку «Бесов». Но у автора-то протеста могла бы быть надежда на такой практический результат. Публикуя же письмо с таким опозданием, только теперь, он, конечно, и сам не может рассчитывать на какой-нибудь практический результат. Спектакль почти готов, на него затрачена масса художественных усилий целой группы лиц. Все это заставляет особенно удивляться тому, что Горький, сначала задержав свой протест, затем все-таки его опубликовал, и в такое неподходящее время»⁵⁹.

27 сентября 1913 г. в газете «Русские ведомости» был опубликована реплика под названием «“Бесы” и г. Горький». Автор этой заметки увидел в письме Горького умонастроение не писателя, а цензора, убежденного, что практически любое литературное произведение опасно для общества, ибо люди, как нравственно падшие существа, могут неправильно понять те или иные идеи, сделать неправильные

выводы... Литература, как вид искусства, в сознании Горького, имеет прямое и необратимое воздействие на человека, — это ли не странно?

Я прочитал письмо г. Горького, направленное против постановки «Бесов» в Художественном театре, и мое внимание более всего остановила одна фраза: «Кто знает, не влияла ли инсценировка Карамазовых на рост самоубийств в Москве?» <...> В самом деле, если один роман, только один, способен повернуть читателя к забвению сильнейшего из всех инстинктов, — инстинкта самосохранения, — если число самоубийств в Москве возросло из-за постановки «Карамазовых» на сцене Художественного театра, то другое литературное произведение может сразу изменить тенденции самоубийцы, вернув его к инстинкту жизни, заразив его радостным стремлением к счастью, к труду, к общественному служению, ко всем добродетелям мира. <...> Никто так глубоко не убежден во «внезапности» литературного влияния, как цензор. Карамазовщина порождает самоубийства, — долой карамазовщину, не допускать ее на сцену. «Лето» и «Мать» проводят какие-то идеи, — запретить «Лето», сжечь все экземпляры «Матери». Это логично, и, если признать внезапность литературного влияния, иначе поступать нельзя. <...> литературное или сценическое произведение имеют быстрое и особенно сильное действие потому, что читатель не стоек, что он — нравственная слякоть, тряпка, колеблемая ветром во все стороны. И если даже «Мать» удержит его от самоубийства, а «Лето» заставит работать, то насколько упорна будет эта работа? Стоит ли радоваться сохранению жизни субъекта, который завтра же может вновь пойти в Художественный театр и покончить с собой? Бедный, несчастный г. Горький, убежденный, что он пишет для нравственной мрази!⁶⁰

29 сентября в газете «Русское слово» было опубликовано письмо Д.В. Философова под названием «Опасный путь». Он согласился с Горьким в том, что возможно и не стоило ставить спектакль по роману Достоевского. «Но Боже, — писал он, — к какому ужасающему средству прибегает он для «оздоровления» русской интеллигенции! Это — метод “Великого инквизитора”»⁶¹. Как один из ярких представителей модернизма, Философов удивлялся тому, как Горький докатился до признания одной «из самых ужасных форм насилия — насилия над свободой слова». Да, свобода «вещь опасная». Но никакие «злоупотребления ею не могут поколебать основного принципа:

свобода священна». Письмо Горького, считал Философов, обладает своей значительностью, но оно обесценено призывом к насилию: «Лучше вредные пьесы, нежели цензурный намордник. И очень жалко, что Горький закончил свое благородное письмо призывом к своеобразному цензурному запрещению. Он совершил великий грех против свободы слова».

30 сентября 1913 г. в газете «Руль» была опубликована статья А. Адуева «Горький против Достоевского»⁶². Автор согласился, что роман Достоевского «Бесы» — пасквиль: «ожесточенный, несправедливый пасквиль на молодую Россию бурной эпохи семидесятых годов во всех ее проявлениях, от утонченного аристократа и эстета Тургенева до озлобленных нигилистов-нечаевцев»⁶³. Но... Горький «ставит вопрос шире и глубже, и от «Бесов» переходит к Достоевскому в целом». Ошибка «социальной педагогики» заключается в том, что с ее помощью Горький предлагает «путем запрета бороться с тлетворным влиянием вредных книг и театральных зрелищ».

Социально-воспитательное значение художественной литературы невелико на самом деле: «Не “Свадьба Фигаро” сделала великую Французскую революцию».

Словом, «Бесы» вряд ли могут угрожать дальнейшим историческим судьбам России, и нам незачем мешать Немировичу-Данченко занимать публику инсценировкой этого гениального памфлета, которому за давностью лет можно, пожалуй, даже простить его клевету. Лишь бы эта инсценировка не была антихудожественна...

8 октября 1913 г. в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» была опубликована большая подборка мнений ведущих писателей о письме Максима Горького. Публиковались даже их подписи — чтобы не было сомнений в подлинности слов. В преамбуле к публикации давалась довольно резкая оценка творчества Горького за границей и его сентябрьского письма: «Последняя выходка г. Горького — публичный протест против Достоевского — вызвала кое-где справедливое негодование и возмущение, кое-где — иронический смех»⁶⁴.

Первым в этой подборке был А.И. Куприн. Он уловил причинно-следственную связь письма и общественной деятельности Горького: «Причиной вмешательства Горького в постановку «Бесов» Достоевского я считаю его слишком долгую причастность к партии с.-д. От этого он привык на все смотреть под известным углом зрения и во всем искать и видеть тенденциозность (курсив мой — А.Ю.). Высту-

пление Горького было бы понятно со стороны какого-нибудь партийного деятеля, а не крупного русского писателя. Письмо Максима Горького является бестактным и по отношению к Художественному театру, и к публике, чтущей Достоевского»⁶⁵.

Что касается самой инсценировки «художников», то, если считать, что типы Достоевского вредны на сцене, тогда, значит, они вредны и в литературе вообще. Ведь от сцены до литературы один шаг; но тогда нужно изъять Достоевского и из библиотек, — того Достоевского, который сумел прозреть все глубины русской души, который сумел их выявить с удивительным мастерством! Это — абсурд.

Затем высказался писатель и поэт А.Н. Будищев. Он не соглашался с Горьким в характерной для писателей модернистского лагеря стилистике, в которой существенны такие фигуры речи, как «гордый бунт», «пламень и мятеж», «трясины косности» и т.д.

Нет таких условий и нет такого положения, когда труды гения оказались бы вредными и служили бы попятному движению человеческой мысли. А Достоевский без сомнения гений. И как гений, он всегда прогрессивен. В самой основе своего духа он пламя и мятеж, гордый бунт от земли до неба, с дымом и пеплом потрясающий болотные трясины косности. Когда же такие писатели являются вредными? Я не знаю другого, более революционного писателя, чем Достоевский.

В словах Будищева о революционности Достоевского звучали модернистские мотивы и главный среди них — неприятие пошлости как «болотной трясины».

Революционность Достоевского — несомненный факт, если считать, что личность в сверхличностной перспективе определяет собой духовный вектор развития всего человечества. Но Достоевский — совершеннейший реакционер, если, как Горький, видеть в личности только отражение общественных процессов, если в личности нет ничего, кроме вторичности, определяемой факторами надличного процесса.

Для Г.Г. Ясинского был существенен такой вопрос: «Разве Тургенев и Достоевский не согрели преемственно лучами своего гения и дарование самого Горького?». При этом он высказал весьма смелую догадку: «...у Максима Горького раздвоенная душа, как это быва-

ет у писателей с нетвердой волею, подпадающих под деспотическое влияние той или иной, правой или левой, цензуры»⁶⁶. Ясинский по существу так же, как и Куприн, увидел причину беспокойного письма Горького в том, что он стал «рабом злободневных течений, в которых не всегда даже разбирается, пишет под страхом исключения из партии и усердно зарывает в этом мусоре свое яркое самородное дарование».

Популярный в то время беллетрист И.Н. Потапенко признался, что у него осталось «жуткое» впечатление от письма. Писательская фантазия увлекла его в мыслимое будущее, где Максим Горький стал министром, при чем «чего угодно», это не важно.

И я увидел, что в трескучие морозы на перекрестке улиц жгут для общего пользования не дрова и не торф, а томы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Белинского, Добролюбова, жгут немилосердно, во всех концах России, по приказанию г. министра М. Горького, жгут писателей, некогда осмелившихся мыслить иначе, чем М. Горький, и заколачивают досками входы в театры, осмелившиеся ставить пьесы, не удостоившиеся цензурного штемпеля М. Горького.

Скорее примирительным, чем ругательным, было письмо Д.С. Мережковского. Он явно не хотел резко критиковать Горького. Его больше раздражал Художественный театр, который, обращаясь к Достоевскому, не способен подняться в своем искусстве над простейшим реализмом до более высокого реализма — религиозного. О письме Горького он высказался кратко: «Горький неправильно подошел к вопросу и, конечно, ничего не отстоял, а ведь Горький имеет правду, которою мог бы преодолеть ложь Достоевского — я говорю о вере Максима Горького в освобождение России»⁶⁷.

Федор Сологуб не скрыл от читателя, что письмо Горького произвело на него тягостное впечатление, «как и всякое другое покушение на свободу творчества»⁶⁸. Сологуб обратился к аргументу, который мог воспринять только тот, кто схожим образом думал о святости свободы личности. Горькому были чужды всякие разговоры о терзаниях души как о факте конституциональном. Он бы с отвращением отвернулся от таких слов Федора Сологуба:

Жестокое заблуждение думать, что слово может быть вредно. Величайшее общественное благо искусства в том и состоит, что в нем выражается стремление человеческого духа к свободе. Сомнительная польза, которая могла бы быть достигнута

запрещением художественного произведения, парализуется развратом общественной совести, — внушением мысли, что высокие создания духа могут быть подвергаемы гонениям.

Свое мнение высказали также А.М. Ремизов, С.А. Венгеров.

Ф.Д. Батюшков обратил внимание на то, что в Максиме Горьком социальный педагог «слишком выдвигает утилитарные задачи искусства»⁶⁹. Заключал список тех, кто отправил письма в редакцию газеты, Р.В. Иванов-Разумник.

Прекрасно знавший историю общественного движения в России, он увидел прямую связь между письмом Горького и дискуссией 1905 г. между позитивистами и модернистами о природе мещанства :

Когда-то в 1905 году — М. Горький в целом ряде статей ожесточенно нападал на Льва Толстого и Достоевского, *считая их «мещанами» русской литературы* (здесь и далее курсив мой — А.Ю.)... Это печальное выступление забылось, к тому же его можно было слегка извинить, — М. Горький ходил тогда в марксистских шорах. Но вот, почти десять лет с тех пор уже прошло, а он все еще стоит на прежнем месте, все по-прежнему идет на Достоевского. И с каким оружием идет на него! С оружием общественной цензуры, с черной проскрипционной книгой, со словом не только осуждения, но и запрета. Достоевский вреден; его не надо ставить на сцене. Еще один шаг, — и Горький станет протестовать и против издательств, печатающих сочинения Достоевского. Это недостойно ни М. Горького, ни русской литературы. Кто против враждебных идей хочет бороться *внешней силой* (начиная от штыков и кончая запретами — разница тут только в степени), тот не верит или недостаточно верит в силу своих целей, тот бедно и бледно верит в силу своей веры. Неужели же это судьба и М. Горького?

1 октября 1913 г. в газете «День» была опубликована заметка «М. Горький и Художественный театр», в которой содержалась рефлексия по поводу всего опубликованного в прессе. И вот тут оказалось, что мнения видных деятелей культуры, писателей модернистского лагеря, отвергавших ложный пафос Горького, не повлияли на ту молодую Россию, которая не переставала мечтать о революции. Напротив, молодежи хотелось поддержать Горького, ибо царское правительство не разрешало ему вернуться в Россию, а критика изгнанного революционного писателя рассматривалась как неблагоприятная в отношении

будущей революции.

10 ноября 1913 г. в газете «Утро России» были опубликованы два материала о публичном диспуте 9 ноября в аудитории Политехнического музея, посвященного роману «Бесы» Достоевского и его инсценировке в Художественном театре. Вечер был устроен редакцией журнала «Маски».

Первым выступил В.Г. Сахновский. Он дал яркую характеристику творчества Достоевского, но раскритиковал Художественный театр за неудачную постановку: «...театр взял из Достоевского только то, что наиболее легко может быть усвоено, легко понято толпой»⁷⁰. Потом выступили М.М. Бонч-Томашевский, Ф.Ф. Комиссаржевский, А.Н. Вознесенский и др. Аудитория бурно реагировала на любые слова о письме Горького, многие в зале не давали говорить тем, кто критиковал это письмо: «...когда г. Абрамович начинает в резком тоне говорить о Горьком <...>, аудитория поднимает страшный шум и шиканье».

Марк Криницкий опубликовал в том же номере газеты заметку под названием «“Бесы” о “бесах”». В ней писатель описал свое впечатление от публичного диспута. Ему очень не понравилось, что никто никого не хотел слушать: «Отстаивали Достоевского с пеной у рта, бия себя, кулаком в грудь. В ответ неслись протесты, крики, свист, шум и гам, — вскакивающие и размахивающие фигуры, искаженные нетерпимостью лица. С обеих сторон вырываются непарламентские выражения. Ораторы заявляют о «совершенном духовном убожестве части нашего общества». С мест публики им кричат о намеренном искажении текста письмо Максима Горького».

Один эпизод Криницкий выхватил из хаоса, чтобы показать, насколько поддержка Горького была сильнее в зале, чем в периодической печати: «Н.Я. Абрамович, спокойный, но бледный, презрительно цитирует выдержки письма. Мужчина среднего роста, лысый и с длинной бородой, вскочив с места и потрясая кулаком, кричит: “Максим Горький отсутствует. Вы можете нападать смело!” Его поддерживают дружными аплодисментами под робкое шиканье незначительной части зала. Чувствуется, что победил Горький. Тень писателя, не имеющего права въезда на родину, на момент встает перед слушателями».

Председатель собрания, Сергей Глаголь, пытался умиротворяющим жестом руки снять напряжение в аудитории, но собравшиеся в зале настаивали на том, что «нельзя защищать Достоевского, потому что прав Горький, называющий его оплотом реакции. И Горький прав потому, что он страдает в изгнании».

Криницкий сочувственно описал обращение к публике неизвестного человека, которого многие просто не захотели услышать:

<...> он говорит столько же словами, сколько и неподдельной страстной дрожью голоса, говорит, всеми жестами кричит:

— Ведь это же и есть то самое попрание свободы, за которую стоят защитники Максима Горького. Не надо нам зажимающей глотку цензуры во всех ее видах. Ведь это же насилие над творчеством! Достоевский — поэт униженных и оскорбленных. Он настоящий и подлинный демократ. Но он, в то же время, искатель вечной истины. Да, он искал и видел бесов, и он нашел их не в узком мещанском круге, а в водовороте интеллигентских страстей. Нет, мы еще не умеем ценить подлинной свободы, мы верим только в ярлыки и, рабы всегда, рабы по натуре, мы заслужили свое рабство.

Вновь выступил Сергей Глаголь, пытаясь примирить враждующие стороны: «В доме повешенного не говорят о веревке. *Мы отравлены проклятием все мерить на политическую мерку* (курсив мой — А.Ю.). Надо быть прежде всего людьми и людьми»⁷¹...

Свои впечатления от состоявшегося диспута Марк Криницкий подытожил так:

И дико, и странно было слышать одинаково и «защиту» великой тени гениального писателя, и быть свидетелем рокового непонимания. Казалось, что нами вновь и вновь *овладевает бес упрощенного восприятия жизни и быстрого и прямолинейного решения наболевших и сложных вопросов* (курсив мой — А.Ю.). Не об таких ли бесах всю жизнь болел и толковал Достоевский. Но он не выгнал их, а только распугал. И в диком и странном танце они крутились теперь, как и в былые дни, над нашими глазами. При всем уважении к личности и таланту узника острова Капри чувствовалось, что все-таки не он и не его прямолинейная доктрина призваны изгнать бесов из русской жизни. Не так-то легко выбросить Достоевского из нашего прошлого и настоящего. Здесь какой-то мучительно затянувшийся узел нашей жизни. И когда он развяжется и кто его развяжет — пока неизвестно.

11 ноября 1913 г. в газете «Столичная молва» был опубликован материал Сергея Глаголя «Искусство за неделю», в котором он вновь

сказал о негативном влиянии политики на сознание русской культуры, упомянув при этом не дебаты в Политехническом музее, а лекцию В.П. Потемкина в Педагогическом собрании. В диспуте, состоявшемся после лекции, вновь возник яростный спор о письме Горького. И вновь проявили себя горячие сторонники социальной революции в России:

Вот, например, лекция В.П. Потемкина в педагогическом собрании и последовавшей за нею диспут, обратившийся в пронытие (так в тексте — А.Ю.) писателя как клеветника на молодую Россию, пасквильанта русской революции и проповедника обскурантизма. Никогда, должно быть, мы не опомнимся. Никогда не перестанем все мерить политикою, к каждому явлению подходить с точки зрения его партийной окраски? Нам мало, должно быть, что теперь, нанимая машиниста на паровоз, железная дорога прежде всего требует от него политической благонадежности, а какой он машинист, это вопрос второстепенный!.. А не то ли же самое звучит и в отношении Достоевского за то, что он будто бы написал в «Бесах» пасквиль на русскую революцию?! Все забыто: и глубокий психологический анализ, и прозорливость человека, заглянувшего в самую суть внутренней жизни, и мука, которую переживал писатель, охваченный клубком собственных внутренних противоречий. Все забыто и все снова измерено партийным аршином...⁷²

Сергей Глаголь постарался защитить Художественный театр от политических обвинений:

Поставив «Бесов», театр тщательно вымел со сцены вся политику, какую только возможно, и сосредоточил интерес на психологии действующих лиц. И что же?! Театр сейчас обвиняют в мракобесии, в подыгрывании реакции, в оплевывании всего, что для русского общества должно быть святым. Доходят до того, что винят театр за его высокую художественность. Как смеет он поднимать искусство на такую высоту, сосредоточивать на искусстве внимание общества, когда оно должно бороться за свои попранные права?!

В своей заметке автор затронул очень болезненную сферу в сознании интеллигенции из позитивистского лагеря — самоцензуру и

ранимое отношение к любым фактам разоблачения, даже после того, как было раскрыто предательство Азефа.

Что и как раскрыто в человеческой душе, — это нас не интересует. Главное — чья взята душа. Если вообще, то пожалуйста, а нашу — не тронь. Если завтра большой писатель нарисует картинку того, как мерзавец мужчина, обманув красотой своих речей, увлечет за собою девушку ребенка, надругается над нею и, не оглянувшись, пройдет мимо ее трупа, валяющегося в грязи, нас прежде всего займет вопрос: кто обличен. Если гвардейский офицер — великолепно. Доктор или адвокат — туда сюда, но если террорист, то разве это можно? Это пасквиль, донос и пр.!! Для нас революционер все еще душка. Мы все еще думаем, как институтки, что достаточно хотеть хорошего и светлого, достаточно стремиться к нему, чтобы сейчас же сделаться и хорошим и светлым. И это после всех предательств и Азефов! Воистину все те же бесы владеют нами и создают все тот же чертов водевиль.

Как свидетельствовала публикация в газете «Русские ведомости» за 19 ноября 1913 г., у Горького нашлись сторонники в Париже среди левой интеллигенции⁷³ — несмотря на приверженность духу свободы, она поддержала запретительный тон отшельника с Капри.

Ответ Максима Горького: мещане, циники и нигилисты

В статье «Еще о «карамазовщине»» пролетарский писатель дал ответ своим критикам, не согласившись ни с одним из высказанных замечаний. Горький демонстрировал, что письмо вышло из-под его пера не случайно, а закономерно. Он ни о чем не пожалел, и уж тем более не собирался сдаваться.

Начальное звено всех его рассуждений — признание мещанства во всякой личности, стремящейся к культурной и правовой автономии. Вторичность такой личности и первичность надличностных структур («народ», «человечество») — формула оппонирования тем, кто критиковал его за попытки утвердить общественную цензуру.

Некоторые замечания газетных критиков его задели лично:

<...> один литератор приписал мне намерения крайне свирепые. Он говорит, что если бы я был министром, то сжег бы

Достоевского. Министром я не надеюсь быть. Не сожгу, ибо русскую литературу люблю и ценю не менее почтенного литератора. Он очень громогласно объявил городу и миру о своем безграничном свободолюбии, но каждый раз, когда я слышу такие объявления, мне хочется спросить объявителя:

— А вы от чего желаете освободиться? Не от всех ли обязанностей человека и гражданина? Ибо русское понимание «последней свободы» почти всегда скрывает за собою стремление от деяния к созерцанию, от культуры — к дикости и варварству. Горький не против Достоевского, а против того, чтобы романы Достоевского ставились на сцене⁷⁴.

Максим Горький считал, что одно дело — читать Достоевского, и другое — «видеть образы его на сцене, да еще в таком талантливом исполнении, как это умеют показывать артисты Художественного театра»⁷⁵. В чем же разница? «В книгах для внимательного читателя ясны и реакционные тенденции Достоевского, и все его противоречия, все те страшные натяжки, которых никому другому не простили бы» — писал он.

Горький подвергал сомнению один из главных тезисов Достоевского — о ценностном приоритете индивидуальности (в образе ребенка) в сравнении с любой безличной идеей, претендующей на высшее добро и высшую справедливость: «Всматриваясь в словоблудие Ивана Карамазова, читатель видит, что это — Обломов, принявший нигилизм ради удобств плоти и по лени, и что его “неприятие мира” — просто словесный бунт лентяя, а его утверждение, что человек — “дикое и злое животное”, — дрянные слова злого человека. Читатель видит также, что Иваново трактирное рассуждение о “ребеночке” — величайшая ложь и противное лицемерие, тотчас же обнажаемое самим нигилистом в словах: “Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних”. Ближний — это и есть ребенок, человек, который завтра унаследует после нас все доброе и злое, совершенное нами на земле, а если Иван не понимает, как можно любить его, — значит, все, что он говорит о жалости к “ребеночку”, — сентиментальная ложь. “Весь мир познания не стоит слезок ребеночка” — говорит *нигилист*, но читатель знает, что это — тоже ложь. Познание есть деяние, направленное к уничтожению горьких слез и мучений человека, стремление к победе над страшным горем русской земли»⁷⁶.

Итак, на сцене, в отличие от процесса чтения, возникает театральный обман, переносающий зрителя из области мысли в темную область эмоций и чувств, в область гипноза и внушения, не допускающей спо-

ра, рефлексии: «...на сцене зритель видит человека, созданного Достоевским по образу и подобию “дикого и злого животного”. Но человек не таков, я знаю»⁷⁷.

Что же происходит на сцене? Все отрицательные свойства русского человека, которые собрал и изобразил Достоевский, приобретали, благодаря талантливой игре актеров, большую «убедительность и завершенность, чем на страницах книг». В этом Горький и видел социальный вред постановки: «Я считаю это социально вредным, ибо человек — не «дикое и злое животное», и он гораздо проще, милее, чем его выдумывают российские мудрецы. А протест общества против того или иного литератора одинаково полезен, как для общества, которому пора осознать свои силы и свое право борьбы против всего, что ему враждебно, так и для личности»⁷⁸.

Горький продолжал говорить, что вредная художественная литература в самом деле существует, даже если ее творец не только талантлив, но и гениален: «Не Ставрогиных надобно ей (публике — А.Ю.) показывать теперь, а что-то другое. Необходима проповедь бодрости, необходимо духовное здоровье, деяние, а не самосозерцание, необходим возврат к источнику энергии — к демократии, к народу, к ответственности и науке»⁷⁹.

В ответе многочисленным критикам, собратьям по перу, он занял бескомпромиссную позицию: все писатели, талантливые и даже гениальные — всегда меньше, чем страна и народ, всегда духовно ничтожнее, и об этом не следует забывать: «И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все вы, господа, если вам угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее — значительнее, дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина, не говоря обо всех нас»⁸⁰.

Именно это различие масштабов страны и отдельной личности (в ценностной оценке) давало Горькому основание наделять модернистов, его злейших врагов, свойствами, которые имели смысл только в рамках позитивистской модели объяснения.

Горький полагал, что модернист и циник — это синонимы.

Он утверждал, что «модернизм» и «цинизм» — одно и то же.

Для него очевидно, что модернизм — это современная пошлость. Пошлость нигилистов...

Попробуем разобраться в логике такого усмотрения сущности в понятийных сферах литературного позитивизма.

В 1908 г. Горький написал программную статью «О цинизме». Не зная контекста, можно подумать, что писатель занялся морализаторством и стал учить тому, как избежать всякого рода неверия в высокие идеалы. Ан нет! Никакого морализаторства в этой статье нет, — это

программное обличение *всего* модернизма как явления культурной и общественной жизни.

Исходный мотив рассуждений все тот же — «народ есть неиссякаемый источник энергии, единственный способный претворить возможное — в необходимое, все мечты — в действительность»⁸¹.

Все понятия, о которых уже шла речь, выстраивались им в определенный ряд, выражавший собой единую сущность: мещанство, цинизм (как вариант: «пессимизм»), нигилизм.

Первично мещанство — оно прячется от действительности в разных уголках, которые Горький определял так: «Бог, метафизика и цинизм». Цинизм — вторичен по отношению к мещанству, ибо это средство, а не цель: таким оружием защищаются от напора «исторической справедливости» те, кто не признает за организованной в класс и в партию массой людей права на более высокую ступень развития в сравнении с возможностями отдельной личности. Видя старания модернистов в обосновании новой эстетики, не сопряженной с передачей личных прав безличному коллективу, Горький отождествлял «цинизм» с проповедью «новой красоты». Он так и писал: «Цинизм является перед людьми в пестрых одеждах «новой красоты». Красота для пролетарского писателя — в образах народных, в мечтах человечества. В творчестве отдельной личности не может быть подлинной красоты, ибо «мелкие души» не способны ни на что, кроме своих детских забав.

<...> отовсюду смотрят полуслепые, гнойные глаза нищеты, везде разеваются ее задранные лохмотья, со всех сторон тянутся за милостыней тысячи грязных, костлявых рук — какая красота! В хаосе полумертвого от голода тела, в черном вихре рубищ, вертится обожженный развратом и болезнями циник, с бессильными мускулами, с размягченными костями, с безумной, предсмертной жаждой острых наслаждений и тусклыми глазами на желтом лице под голым черепом, это — «новая красота»? Он ходит по городам, как мародер по полю битвы, как вор по кладбищу, и говорит:

— Служу красоте!

И становится на колени перед кучей пестрых пустяков, прячется от безобразия окружающего за грудой жалких выдумок — тут рисуночки, игрушечки, статуэточки, изящные книжечки — маленькие плоды напряженного труда мелких душ. Вся эта мелочь, сделанная наскоро, ввиду сильного спроса, заполняет комнаты и души циников, ослепляя глаза пестро-

той красок, оглушая звоном пустых фраз, приятно раздражая тупые нервы своей пряностью <...> «Новая красота», говорят циники, углубляясь в созерцание мелочей и стараясь забыть, что красота бессмертная — в любви, а не похоти, в деянии, а не в покое — в росте духа человеческого, в воплощении мечты. Раскололи мещане маленькие души свои на мелкие кусочки и все более раскалывают их — и живут в рознице, плененные крошечными забавами своими⁸².

Любое обнажение своего «Я» как факта, конституирующего реальность, означало для Горького «цинизм» — непризнание красоты надличной, общечеловеческой, народной.

Горький высмеивал «циников», деливших людей на героев и толпу: «Мещанин привык делить людей на героев и толпу, но толпа исчезает, превращаясь в социалистические партии, а они грозят стереть с лица земли маленькое мещанское «я»; мещанин зовет героя на помощь себе — приходит вороватое и жадное существо с психологией бешеного кабана или российского помпадура»⁸³.

Циник иногда апеллирует к стыду и совести, но он не догадывается, что эти понятия не от метафизики производны, — они суть «память вида» или рода человеческого.

Горький уловил, что для писателей модернистского направления была важна «последняя свобода» как возможность освободить себя от гнета традиции и обыденности:

— Ищу последней свободы! — торжественное возвещает он, проповедуя и демонстрируя однополюю любовь. А насилуя мальчиков, провозглашает возрождение эллинской красоты и философствует на тему о том, что природа создала женщину, преследуя свои цели, но эти цели — узы и цепи для человека, а потому...

— Долой узы!

Цинизм, в его понимании, это пренебрежение к подлинным источникам духа, которые таятся в глубинах классового, партийного, народного «Мы». Зло модернистов заключается в том, что они стремятся, по выражению Горького, к «разобществлению личности»⁸⁴.

Истинный индивидуализм в будущем, он — за социализмом, он не может быть достигнут человеком наших дней и он — не

по фигуре ему, как рыцарские латы не по фигуре горбуну. Не «Я», но — «Мы» — вот начало освобождения личности!⁸⁵

Итак, мещанство — это всякий осознанный индивидуализм, цинизм — это средство защиты себя от любых коллективистских начал жизни, нигилизм — отрицание этих начал как фундамента в построении нового социалистического общества. Мещанин не может не быть циником, циник не может не быть нигилистом: такова нехитрая философия Горького, категорически не верившего в возможность личности быть личностью (до построения социалистического общества).

В конфликте вокруг письма Горького столкнулись противоположные позиции — позитивистов и модернистов. Но были и те, кто выполнял роль своеобразного теоретического буфера, — это неонародники, с которых, собственно говоря, и началась история вторичной концептуализации понятия «мещанство». Именно народники в России породили интерес к проблеме мещанства, сделав ее центральной для всех идейных направлений.

Неонародничество: генезис понятия «мещанство»

Неонародничество осуществило рефлексию своего опыта борьбы с самодержавием в 60–80-х гг. XIX в., произвело редукцию, оставив в своем политическом, философском багаже самое ценное, без чего нельзя обойтись. Одним из самых ярких представителей этого направления был Р.В. Иванов-Разумник. Он писал в Предисловии к своему сборнику статей «Литература и общественность» (1910): «И пусть погибло старое народничество, как временное и переходящее общественное учение: оно не может не возродиться в новых формах, углубляющих и расширяющих понимание вечной истины, лежащей в его основе». Такой вечной истиной для неонародников была идея о двуединстве реальной личности и блага народа: «Человеческая личность — с одной стороны, благо народа — с другой стороны, являлись с давних пор такими вечными ценностями для русской общественности, для русской литературы; громадное и мощное течение русской общественной мысли — народничество, от Герцена и до Михайловского — имело своим стержнем эту вечную ценность»⁸⁶.

Неонародничество вступало в дискуссию и с позитивизмом, и с модернизмом, обнажая таким образом не только несовпадение взгля-

дов, но и те смежные области теории, в которых проявлялось согласие, совпадение взглядов и с теми, и с другими.

Иванов-Разумник писал о пограничном состоянии публицистики нового народничества: между эпигонами марксизма, «с безнадежно упрощенным и уплощенным социалистическим методом в руках», для которых определение «упадочное мещанство» завершало анализ произведения, и наследниками старого «декадентства», для которых литература — «это они и только они, они цель всего предшествующего и зерно всего будущего»⁸⁷.

Что, по мнению Иванова-Разумника, не принимают новые народники, в творчестве модернистов? Прежде всего — мистицизм как концептуальную основу культуры сверхличности. Никакого мистицизма, когда речь идет о реальной личности, укорененной в текущей жизни! Никакого сверхчеловечества, никаких чудес духовного преобразования! Цель исторического движения — установление гармонии между реальными интересами личности и реальным благом народа. Иванов-Разумник определял позицию нового народничества как «реализм» в отличие от символизма, который он приписывал модернистам, правда, оговариваясь, что реалисты и символисты хорошо вооружились в борьбе друг с другом сильными сторонами друг друга.

Неонародническая концепция «имманентного» человека исключала модернистскую трактовку сверхличности, в этом отрицании запредельного было желание приобщиться «к подлинной плоти мира, к жизни, к живому человеку, к народу, к человечеству, — «и приобщение не в словесных схемах, а в живой, действенной работе, не в словах, а в деянии»⁸⁸.

Что, по мысли Иванова-Разумника, отличало неонародников от позитивистов-марксистов? Категорическое неприятие тезиса о вторичности личности в сравнении с такими понятиями, как народ, природа, человечество. Гармония индивидуума и социума зиждется на примате личного, индивидуального бытия, которое не может быть подавлено надличными структурами, ибо у них нет преимущественных прав, кроме права помогать личности выражать себя во всех сферах ее реального, а не мнимого бытия. Иванов-Разумник настаивал на том, что отцы-основатели народнической философии, А.И. Герцен и Н.К. Михайловский, обосновали подлинный индивидуализм, при котором главенство личности в их теории не противоречит обществу, ибо его интересы обязаны формироваться на реальной почве индивидуализма.

Да, это несомненно: глубокий раскол между народниками и марксистами есть в основе своей раскол социально-этический.

Центральный вопрос о социальном и этическом значении и положении человеческой личности, различное понимание не только роли этой личности в истории, но и ее значения в святая святых всего мировоззрения, в нашей теодицее и, выражаясь по аналогии, в нашей антроподицее — вот та преграда, которая стоит между народничеством и марксизмом, вот основа второго великого раскола русской общественной мысли⁸⁹.

Доводя свою мысль до отточенной формулы, Иванов-Разумник писал о радикальном расхождении «любителей народа» со стороны народничества и со стороны марксистов: «Индивидуалистическое общественное учение и анти-индивидуалистическое общественное учение были и будут двумя несводимыми друг к другу воззрениями реалистической части русской интеллигенции»⁹⁰.

Но почему анти-индивидуалистическое общественное учение вызывало у него протест гораздо больший, чем мистические упражнения модернистов? В позитивизме марксистов Иванов-Разумник отчетливо видел ограниченность и неспособность измерить человеческий дух какой-нибудь другой «линейкой», кроме экономико-материалистической:

Что же не могут понять могоканы ортодоксального марксизма? Они не понимают, что их социально-экономический критерий бессилён проникнуть в глубь явлений, что есть вещи навеки недоступные для их плоского, поверхностного измерения, что никакими сложнейшими социально-экономическими формулами не передать и не объяснить простейшего вопроса философии: зачем жизнь, зачем смерть? Они не хотят понять того, что социально-экономический критерий остается в своей силе, но что сверх него и за ним неизбежен другой критерий — этический, философский, религиозный. <...> Вы будете беспомощно лепетать, что Достоевский — «мелко-буржуазный» разночинец, а Толстой — «крупно-буржуазный» дворянин? Пусть так; это отметил еще за четверть века до вас Михайловский и в этом есть доля истины; но дальше? Дальше идти вы не можете, а потому и утверждаете, что дальше ничего нет и ничего не нужно; в этом и заключается наша марксистская истина. Во всем этом ясно сказывается та основная черта марксизма, о которой мы говорили выше: пренебрежение к глубокой, неповторяемой, *индивидуальной человеческой личности*, к ее жгучим и болезненным запросам, к ее внутренней сущности. Личность

эта вырастает на социальной почве, но глубочайшие этические запросы этой личности могут быть объяснены только этическими и философскими критериями⁹¹.

В отличие от позитивистов, Иванов-Разумник ставил вопрос о смысле жизни и считал его важнейшим вопросом в философии. Он ясно демонстрировал различие между двумя направлениями, обращенными своими ценностными приоритетами к целям Человечества: «Целью исторического процесса является Человечество, — говорят позитивисты-объективисты, — земное устроение его; история имеет трансцендентный смысл лишь по отношению к человеку, но имманентный — по отношению к Человечеству, которое идет к ясной объективной конечной цели, к блаженной жизни в будущем золотом веке. Цель исторического процесса лежит в Человеке, — говорят «имманентные субъективисты» (которые могут быть и мистиками и позитивистами, но не могут мириться с объективно-трансцендентной целью, лежащей вне человека); история не имеет никакого объективного смысла, но вкладываем в нее великий субъективный смысл, имманентный ко всякому человеку, который и является самоцелью»⁹².

По мнению Иванова-Разумника, нет никакой объективности вне человека, нет никакого объективного процесса вне человека, нет никакой объективной истины вне человека, — смысл создает человек сам, и его бытие таково, каково полагание смысла (узкое или широкое): «...смысл жизни создаем мы сами, что от нас зависит расширить свой мир до пределов вселенной или низвести его до комочка грязи, что объективный смысл жизни не нужен для того, кто субъективно осмысливает свою жизнь»⁹³.

Расхождения и сближения неонародничества с позитивизмом и модернизмом видны в рассуждениях Иванова-Разумника о судьбе понятия «мещанство», которое первым концептуально осмыслил А.И. Герцен. Из простого обозначения городских обывателей выросло фундаментальное понятие о смысле человеческой деградации. Герцен верил страстно в не-мещанский путь развития России и не верил в Европу, которая, по его мнению, утонула в мещанстве. Мещанство — «это смерть общества, начало его разложения». Формально оно возникает с развитием капитализма и становлением буржуазного (потребительского) общества, но Иванов-Разумник категорически возражал против такого сужения теории Герцена, видевшего мещанство явлением, прежде всего, всеобщим, а не только буржуазным.

В этом пункте — важнейшее расхождение между позитивистами и модернистами. Если исходить из мысли, что Герцен был противником буржуазии и в ней только видел мещанство как способ существования, то тогда грех мещанства — в изначальном индивидуализме. Если же находить в теории Герцена расширенное понимание мещанства, как это делал Иванов-Разумник, то тогда грех мещанства — в утилитаризме, в подавлении личности. Так своеобразно Герцен стал *родоначальником* толкования мещанства и в теориях модернистов, и в теориях позитивистов.

Иванов-Разумник обвинил Максима Горького в том, что тот сознательно изменил герценовский (расширительный) смысл «мещанства» в свою пользу. Рецензент «Мещан» в «Русском богатстве» даже отметил, что у Горького «мещане» имеют исключительно «сословное значение»! Впрочем, тот же рецензент высказал сомнение в отношении расширительного толкования этого понятия. Иванов-Разумник отметил, что и понятие «индивидуализм», едва ли не впервые осмысленное Герценом и Михайловским, часто употребляется в негативных контекстах: как «эгоизм» или «анти-общественный принцип».

Между тем, Герцен и Михайловский рассматривали «индивидуализм» как «диаметральную противоположность мещанству»: это положительное понятие было необходимо теоретикам народничества, чтобы показать еще и еще раз, что в основе их теории — утверждение о «главенстве личности и ее интересов, при необходимом синтезе ее с обществом»⁹⁴.

Суммируя свои возражения марксистам и Г.В. Плеханову лично, Иванов-Разумник писал: «Мещанство, характерное для буржуазии, распространяется на все другие классы, на все общество — такова была мысль Герцена»⁹⁵.

В борьбе с позитивистами и модернистами в области искусства новые народники видели себя как единственный проект будущего, не затемняющий, а проясняющий смысл человеческого существования. Но этот смысл роковым образом открывался только в буферной зоне конфликта между эстетиками-декадентами и сторонниками «чистого» демократизма — только в конфликтных тисках была осязаема перспектива неонародничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1907 г. Р.В. Иванов-Разумник опубликовал двухтомное исследование под названием «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.». В этом исследовании автор пришел к выводу, что

современная общественность разделена на два лагеря: немногочисленных нищешанцев в виде декадентов, религиозных романтиков (для которых разрыв с обыденностью и есть выражение духа философии Ницше), и многочисленных реалистов, марксистов, утверждавших, как это делал М. Горький, что русская интеллигенция (сама по себе узость) есть выражение мещанства. Историю русской общественной мысли Иванов-Разумник трактовал как борьбу личности с мещанством (от декабристов до Достоевского). Основное содержание общественной мысли XIX в. он сводил, будучи сторонником неонародничества, к утверждению прав личности, к утверждению человеческого достоинства (Иванов-Разумник Р. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1911. Т. II. 3-е изд., дополненное. С. 496–520).

² Мережковский Д. Мещанство и русская интеллигенция // Полярная Звезда. 1905. № 1 (15 декабря). С. 32–42.

³ Мережковский Д. Грядущий Хам // Полярная Звезда. 1905. № 3 (30 декабря). С. 185–192.

⁴ Бердяев Н. Революция и культура // Полярная Звезда. 1905. № 2 (22 декабря). С. 146–155.

⁵ Горький М. Заметки о мещанстве // Новая жизнь. 1905. № 1 (27 октября); № 4 (30 октября); № 12 (13 ноября); № 18 (20 ноября).

⁶ Там же. С. 63–69.

⁷ В диссертационном исследовании А.Л. Семеновой «Русская философская публицистика начала XX века» (на соискание ученой степени доктора филологических наук), защищенном в 2012 г. в Санкт-Петербургском государственном университете, подробно рассматриваются основные дискуссии между «толстыми» журналами, в том числе между «Новым Путем» и «Вопросами Жизни» с одной стороны, и журналом «Правда» — с другой. В 2010 г. была опубликована ее монография «Русская философская публицистика XX века. Утопия радикального обновления» (Великий Новгород, 2010). В специальных работах исследовательницы, ранее опубликованных, подробно рассматриваются острые полемические ситуации, связанные с философской деятельностью как модернистов, так и позитивистов. Укажем на некоторые основные ее специальные работы: Русская публицистика 1900-х гг.: религиозный аспект критики мещанства // Вестник Санкт-Петербургского Ун-та. Сер. 9. 2008. С. 339–345. Вып. 4. Ч. II; она же. Интерпретация идей Л.Н. Толстого в публицистике идеалистов (журналы «Новый Путь», «Вопросы Жизни») и позитивистов (журнал «Правда») // Вестник Санкт-Петербургского Ун-та. Сер. 9. С. 299–305. Вып. 2; она же. Русская публицистика 1900-х годов: этический аспект критики мещанства // Вестник НовГУ. Сер.: История. Филология. 2009. Вып. 3. С. 447–453 и др.

⁸ Максимов Д. Новый Путь // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С. 129–254; Корецкая И.В. «Новый Путь». «Вопросы Жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские

издания. М., 1982. С. 179–233; Махонина С.Я. Русская легальная журналистика начала XX века (1905 – февраль 1917) (опыт системного исследования) // Из истории русской журналистики начала XX века / Под ред. Б.И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 5–49; Ермичев А.А. «Проблемы идеализма» и «Очерки реалистического мировоззрения» — полемика о социальном идеале // Философия и освободительное движение в России: Межвузовский сборник / Под ред. А.А. Ермичева, С.Н. Савельева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. С. 167–184; Гловели Г.Д. «Социализм науки»: мебиусова лента А.А. Богданова. М., 1991; Колеров М.А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». СПб., 1996; Ермичев А.А. Реализм марксистствующего позитивизма // Философия реализма: Из истории русской мысли: Сб. статей / Под ред. А.Ф. Замалева. СПб., 1997; Сато М. А.А. Богданов и создание нового человека: взгляды большевиков на человека и вселенную // Новый мир истории России: Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки / Под ред. Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита. М., 2001; Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: Учебное пособие. М., 2002; Замалева А.Ф. Философия и русская журналистика // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 3. С. 48–52; Гловели Г.Д. «Разнополшарные» философы // Вестник Международного института А. Богданова. 2005. № 2 (22). С. 43–81; Ванюков А.И. «Вопросы Жизни» — журнал 1905 года // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 93–101.

⁹ Семенова А.Л. Русская философская публицистика начала XX века. С. 75–77.

¹⁰ Колеров М.А. Не мир, но меч. С. 32–39.

¹¹ Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М., 2013. Эмпириокритики особенно активно критиковали плехановскую «вещь в себе», считая, что таким образом возникает предмет веры, метафизика кантовского направления мысли. По их мнению, материя познается в опыте, а не постулируется как нечто запредельное опыту, ибо тогда материя становится отвлеченной идеей: непроверяемой и потому в основе своей метафизической (Стейла Д. Указ. соч. С. 226–227).

¹² Там же. С. 256.

¹³ Там же. С. 263.

¹⁴ Статью «Грядущий Хам» (1905) Д. Мережковский соединил со статьей «Мещанство и русская интеллигенция» и перепубликовал в 1906 г. под тем же названием. В нашем исследовании мы опираемся на расширенный текст статьи «Грядущий Хам» 1906 г.

¹⁵ Мережковский Д. Грядущий Хам // Интеллигенция — Власть — Народ: Антология. М., 1992. С. 85–86.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ Там же. С. 117–118.

¹⁹ Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. 1905. № 2 (22 дек.). С. 146–155.

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ Там же. С. 149–150.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же. С. 150–151.

²⁴ Там же. С. 152.

²⁵ Там же. С. 154.

²⁶ Бердяев Н. Демократия и мещанство // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis: Опыты философские и литературные (1900–1906 г.)*. СПб., 1907. С. 412–413.

²⁷ Там же. С. 413.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 413–414.

³⁰ Помимо Луначарского и Горького в сборнике были опубликованы и другие статьи: Вернер И. Наука и философия. С. 9–34; Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 35–42; Базаров В. Материал коллективного опыта и организация его формы. С. 143–218.

³¹ Луначарский А. Мещанство и индивидуализм // *Очерки философии коллективизма. Сборник первый*. СПб., 1909. С. 326.

³² Там же. С. 328.

³³ Там же. С. 330.

³⁴ Там же. С. 331.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 332.

³⁷ Там же. С. 333.

³⁸ Там же. С. 335.

³⁹ Там же. С. 336.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Горький А. Разрушение личности // Там же. С. 356.

⁴² Там же. С. 383.

⁴³ Там же. С. 384.

⁴⁴ Там же. С. 388–389.

⁴⁵ Там же. С. 394.

⁴⁶ Там же. С. 397.

⁴⁷ Там же. С. 397.

⁴⁸ Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция. 1905–1914. // *Вопросы философии*. 1990. № 10. С. 52–66.

⁴⁹ *Вечерние известия*. 1913. 24 сентября.

⁵⁰ *Вечерние известия*. 1913. 25 сентября.

⁵¹ *Вечерние известия*. 1913. 25 сентября.

⁵² Там же.

⁵³ Савинич О. О здоровом духе // *Утро России*. 1913. 25 сентября.

⁵⁴ Там же.

- ⁵⁵ Койранский А. «Долой Достоевского!» // Там же.
- ⁵⁶ Открытое письмо М. Горькому – Московский Художественный театр. 24-го сентября 1913 г. // Утро России. 1913. 26 сентября.
- ⁵⁷ Театр Незлобина – частный театр, созданный в 1909 г. режиссером и актером К.Н. Незлобиным.
- ⁵⁸ Чужой. М. Горький и Художественный театр (От нашего московского корреспондента) // Речь. 1913. 27 сентября.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Игнатов И. «Бесы» и г. Горький // Русские ведомости. 1913. 27 сентября.
- ⁶¹ Философов Д.В. Опасный путь (письмо в редакцию) // Русское слово. 1913. 29 сентября.
- ⁶² 30 сентября 1913 г. в газете «Речь» был также опубликован «Дневник художника» А.Н. Бенуа, в котором он сказал, что Горький «дешевит реальную ценность» сегодняшнего дня, и делает это, как «ярмарочный шарлатан».
- ⁶³ Адуев А. Горький против Достоевского // Рувль. 1913. 30 сентября.
- ⁶⁴ О выпаде г. Горького против Достоевского. Мнения писателей // Биржевые ведомости. 1913. 8 октября (вечерний выпуск).
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Утро России. 1913. 10 ноября.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Глаголь С. Искусство за неделю // Столичная молва. 1913. 11 ноября.
- ⁷³ Белоруссов. Отклики жизни. О формах общественной борьбы // Русские ведомости. 1913. 19 ноября.
- ⁷⁴ Горький М. Статьи. 1905–1916 гг. Пг., 1917. С. 166.
- ⁷⁵ Там же. С. 167.
- ⁷⁶ Там же. С. 168.
- ⁷⁷ Там же. С. 166–167.
- ⁷⁸ Там же. С. 167.
- ⁷⁹ Там же. С. 170.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 66.
- ⁸² Там же. С. 74.
- ⁸³ Там же. С. 77.
- ⁸⁴ Горький М. О современности // Там же. С. 101.
- ⁸⁵ Горький М. О цинизме // Там же. С. 80.
- ⁸⁶ Иванов-Разумник Р. Предисловие // Литература и общественность: Сб. статей. СПб., 1910. С. VII–VIII.

⁸⁷ Иванов-Разумник Р. Заветное: О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Петербург: Эпоха, 1922. С. 16–17.

⁸⁸ Там же. С. 119.

⁸⁹ Иванов-Разумник Р. Литература и общественность. С. 109–110.

⁹⁰ Там же. С. 110.

⁹¹ Там же. С. 113–114.

⁹² Там же. С. 208.

⁹³ Там же. С. 215.

⁹⁴ Там же. С. 42.

⁹⁵ Там же. С. 119.

ИЗ ПИСЕМ А.Ю. ГАЛУШКИНА М.Ю. ЛЮБИМОВОЙ 1996–2014 гг.

*Вступительная заметка, публикация и комментарии
М.Ю. Любимовой (Россия, Санкт-Петербург)*

Мое очное знакомство с Александром Юрьевичем Галушкиным состоялось без малого четверть века назад. Я только начала серьезно заниматься археографией и приехала в Москву поработать с рукописями Евгения Замятина. Позвонила ему, попросила его о встрече. Мне уже были известны его публикации и постоянный интерес к замятинскому наследию.

Саша стал постоянным научным консультантом (на общественных началах) Российской национальной библиотеки во всех проектах, касавшихся жизни и творчества Е.И. Замятина. Через его руки прошли десятки тысяч книг и периодических изданий, тысячи архивных дел. Не было такого вопроса, на который бы он не ответил.

Саша знал цену «добытого факта»: поиски некоторых документов продолжались десятилетиями. В своих докладах и статьях он перечислял всех, кто ввел в научный оборот документы, высказал оригинальную концепцию, упоминал тех, кто ему помогал в поисках. Поэтому очень болезненно воспринимал, если кто-либо из коллег поступал иначе.

Знакомство переросло в совместные научные проекты и в дружеские отношения на расстоянии. Встречались не часто, но писали друг другу много. Обращались друг к другу по имени, позднее перешли на «ты».

Какой бы темой он не занимался, как только позволяло время, он с явным удовольствием возвращался к своему герою. Работал азартно, радовался непосредственно, по-детски каждому вновь открытому документу, факту. В условиях цейтнота в наших совместных проектах любил повторять: «Прорвемся!». И мы, действительно, благодаря его невероятной трудоспособности успевали сдать очередную публикацию в срок.

Саша был скромен, немногословен, о его личных делах я узнавала случайно от наших общих знакомых.

Я безусловно доверяла Саше и в человеческих отношениях, и в работе. Его отличало редкое в наше время сочетание качеств — высокий профессионализм и порядочность. Мне imponировали его демократизм и ответственная гражданская позиция. То, что сокровенной темой его исследований была личность Евгения Замятина, Сашу достаточно хорошо характеризует.

Признаюсь, поначалу в нашей работе меня иногда раздражала Сашина неторопливость, с годами я поняла причину этой неспешности. Он не допускал возможности ошибиться при публикации и комментировании архивного документа. Он предпочитал отложить его введение в научный оборот до выяснения всех вопросов. Он должен был увидеть документ *de visu*, в какой бы части света он не находился, и только тогда его публиковал.

В начале девяностых годов мне порой казалось, что на творчество Замятина Саша смотрит глазами Виктора Шкловского, которым Саша в тот период активно занимался. Постепенно мое опасение прошло.

Последний наш проект «Новые материалы Евгения Замятина. Подготовка тома в серии «Литературное наследство»» остановился... Его вдохновителем и научным редактором был Саша. Все связующие нити участников были в его руках...

В моем архиве сохранились Сашины письма. Часть из них публикуется ниже.

В них звучит его неповторимый «голос», голос неутомимого труженика, «добывающего» исторический документ и вводящего его в научный оборот. Письма позволяют почувствовать тот бешеный ритм, в котором он работал.

Письма № 1–4 — компьютерный набор, с подписью-автографом А.Ю. Галушкина, отправлены почтой, письма № 5–18 отправлены электронной почтой.

1.

15.11.96

Москва

Дорогая Марина!

Давно что-то не было от Вас известий. Как поживаете? Все ли в порядке? Так что — книга Ваша многострадальная¹ опять отодвигается? Очень жаль. Но зато — нет худа без добра — опять появляется

время для доработки комментария и каталога — — — *

Вот что я могу сообщить о Вашем сюжете с Домом Герцена. Очевидно, это все-таки февраль 1928 г. — именно 3 февраля 1928 г. на заседании Секретариата ЦК обсуждался вопрос «О помещении для Федерации советских писателей» (РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 113. Ед. 593). Протокол я сам не видел; описано по картотеке повесток заседаний. А 3 августа 1928 г. Совнарком принял постановление о передаче ФОСП дома № 52 по ул. Воровского (см.: На литературном посту. 1928. № 18. С. 78).

Очень хотелось бы — пока есть время — посмотреть полный текст Вашей книги (и тексты, и комментарии). Возможно ли это (в компьютерном виде)?

Сажину публикацию я отослал, но выяснилось, что время еще есть: так что будет ему и библиографии кусок, и, может, что-нибудь еще².

По поводу списка участников конференции: я бы добавил Р. Янгирова (рассказал бы о кино), С.И. Субботина (про 1917 — 18 гг.). Конечно, нужно поляков: J. Salajczykowa, A. Gildner, из англичан: A. Mayers (Глазго), R. Russels, J. Graffy (Лондон), M. Tejerizo (Глазго), A. Barratt, из голландцев — J. Van Vaak; из немцев — H. Lampl, из американцев — L.B. Cooke и жена его O.M. Cooke (Техас); не забудьте про Мальмстада. Из питерцев — не попробовать ли старушку С.М. Хентову, специалистку по Шостаковичу. Думаю, что надо — хотя бы и чисто формально — пригласить А.Н. Стрижева. Срочно сообщите мне, чьих координат у Вас нет — я попытаюсь разыскать и послать приглашения от Вашего имени³.

Есть у меня к Вам и одна просьба. В РНБ вышли две книги, которых в Москве не достать: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. (1917–1995) / Сост. Г.В. Михеева. 2-е изд. СПб., 1996; Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России. Вып. 1 / Сост. Н.М. Балацкая и др. СПб., 1996. Буду очень признателен, если поможете мне их достать. Остальные издания, кажется, я не пропустил. А что с Вашими попытками доставания старых изданий РНБ (Вы упоминали указатель по печати 1917 года и указатель по однодневным изданиям)? Получается чего?

Наша общая любимица Т.Т. Давыдова⁴, автор книг: Современная киргизская повесть: (Уроки Ч. Айтматова). Фрунзе: Адабият, 1989. 107 с.; Проза Средней Азии и Казахстана. М.: Знание, 1989. 64 с. — вместе с А. Тюриным⁵ тиснула какие-то письма Замятина в «Новом мире», № 10⁶ (я еще не видел).

Кажется, все. Жду Вашего ответа. Срочного — по поводу приглашаемых на конференцию.

Счастливо. До скорой встречи в Питере. Большой привет Вашей замечательной семье.

Александр Галушкин.

125047, Москва, ул. 1-ая Миусская, д. 20, кв. 11.

Телефон: 250-01-31

* Синтаксис под Замятина⁷

Обратите внимание на конверт⁸.

2.

21.08.97

Москва

Дорогая Марина!

Надеюсь, Вы уже вернулись из Вашего «прекрасного далека» под Печорами⁹. К сожалению, как Вы могли заметить, мы с друзьями не только не навестили Вас, но, к сожалению, даже до Питера не добрались. Но я, как всегда, собираюсь. Жду ответа на мой отчет от Сороса, после чего станет понятно, дают ли мне денег на Париж и когда. Если мой Париж отложится на весну, то в конце сентября — начале октября буду в Питере. Очень, по крайней мере, надеюсь.

Поскольку Вы были в отпуске, не уверен, что Вы читали мой и Леонида материал в «Русской мысли» о Замятинских чтениях¹⁰. Высылаю его в подарок. Экземпляр Вашего каталога¹¹ в «Новое литературное обозрение» передал. А в «Независимой», наверно, сам напишу¹².

У меня к Вам два весьма важных вопроса.

Первый — существуют ли уже микрофиши замятинских рукописей из Колумбийского архива в РНБ или нет?¹³ Для меня это более чем важно. Если уже да, и они доступны, то я срочно выезжаю в Питер и сверяю тексты (слава Богу, доработка сборника замятинской критики¹⁴ еще не закончена, деньги на издание только-только перевели).

Второй вопрос — на какой стадии инициатива сборника как бы по материалам конференции¹⁵. У меня уже есть солидное предложение: кусок прижизненной русскоязычной библиографии Замятина (не меньше 5 листов)¹⁶, а также — или какие-то кусочки критики, или статья о цензурных преследованиях Замятина до и после революции (на материале «На куличках», «Мы» и «Атиллы»). Очень жду от Вас ответа. Или сам позвоню в 10-х числах сентября. За время, что мы не виделись, особо значительного ничего не напечатал. Но — подготовил 5 листов диссертации, которую — дай Бог! — по осени и буду защищать¹⁷. Вот будете меня ругать тогда!¹⁸

Счастливо! Привет Вашей замечательной семье.

Александр Галушкин

125047, Москва, ул. 1-ая Миусская, д. 20, кв. 11.

Телефон: 250-01-31

3.

27.09.97

Москва

Дорогая Марина!

Спасибо за большое и обстоятельное письмо, которое прочел с удовольствием (за исключением, конечно, строк о бедах, которые постигли Вас на ниве сельского хозяйства и промышленного строительства). По поводу Ваших предложений об издании библиографии в ГПБ буду думать — мне все-таки хотелось бы ее видеть составной частью книги.

Возник у меня к Вам очень важный текстологический вопрос. В письме Замятина к жене от 24 октября 1929 г. есть фраза: «Вчера в 6 веч<ера> Горький отбыл. “Письмо в ред<акцию>” — кажется, не буду печатать» (Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. Ч. 1. С. 360). В свое время же я сделал выписку с совсем другим смыслом: «не будут печатать»; этот смысл более близок к контексту. Не могли бы Вы это проверить — очень важно!

Выяснилось ли что-нибудь с американскими микрофишами. Ждать их или нет?

А пока — очень хотелось бы от Вас узнать, какие из ксерокопий замятинских статей из Бахметевского архива у Вас есть. Вы обещали мне этот перечень выслать, но или забыли, или он не дошел. У меня большие сомнения в некоторых прочтениях А. Тюрина.

Виделся с Геллером, который был проездом из Тамбова в Москве. Говорит, в Тамбове на сей раз было хуже, чем в прошлый¹⁹. Представляю. Но выпустили они на сей раз уже четырехтомник — не знаю как Вам, а мне страшно (кстати, там еще один кусок моей библиографии — иноязычная критика о Замятине)²⁰. Очень Леонид хорошо о нас вспоминал, и опять много хороших слов было сказано о Вас и о Вашей работе. Сборник наш Лозаннский в конце года появится²¹.

Как всегда у меня к Вам несколько библиофильских просьб, маловероятных в осуществлении, но — кто знает, может быть, кто-нибудь из ГПБшных старушек уже не очень нуждается в изданиях, в которых нуждаюсь я (за «Одnodневные газеты» уж как я Вам благодарен). Это, в первую очередь: Русские советские писатели. Поэты. Т. 2, 3 (ч. 1), 5, 7 и — Русские писатели. Прозаики. Т. 1–3, 6, 7 (1), а также — указа-

тель по «Печати 1917 г. Ч. 1–3». Поспросайте — вдруг чудо случится.

Заранее благодарен Вам за хлопоты, Ничего в замятиноведении, кажется, не произошло. Есть в Москве хорошее издательство «Согласие», которое любит издавать толстые и престижные Собрания сочинений русских писателей (Георгий Иванов в 3 томах, Гайто Газданов в 3 томах, Ходасевич в 4 томах, Записки Л. Чуковской об Ахматовой в 3 томах и пр.). Не поговорить ли с ними о небольшом 4-томнике Замятина (с избранными письмами!). Напишите, что думаете. Это было бы не академическое — а «недоакадемическое» или «пре-академическое» и очень приличное собрание.

А в «Московском рабочем» дела очень плохи, хотя Т.Т. Давыдова и не признается в этом.

Ну, жду от Вас ответа.

Счастливо.

Александр Галушкин

125047, Москва, ул. 1-ая Миусская, д. 20, кв. 11.

Телефон: 250-01-31

4.

26.02.98

Москва

Дорогая Марина!

Во-первых — примите в подарок наш Лозаннский сборник и порадитесь. Мелочь, а приятно. (Хотя, впрочем, моих текстов в нем листов на 7 — не такая уж мелочь). Напишите, когда сможете, как Вам это показалось.

Я наконец-то добрался до сборника замятинской критики, который откладывать дальше некуда. Посему и высылаю Вам обещанные тексты и дискету. Могу также выслать позднее и другие набранные в компьютере тексты, чтобы Ваш архив также не тратил попусту силы и средства. Предполагаемое содержание сборника прилагается. Посылаю это содержание также, чтобы Вы сообщили мне, рукописи каких еще статей есть у вас, в новом Бахметевском архиве²². Я должен довольно быстро решить, в какой редакции их давать.

Убиваться на текстологию не нужно. Главное — выявить окончательный текст и убрать все ошибки, которые напластовались Л. Замятиной, А. Тюриным²³, редакторами и корректорами разных времен и народов. Предыдущие редакции можно использовать только в тех случаях, если в них сохранились интересные смысловые разночтения — их хотелось бы привести в комментариях.

Очень надеюсь, что не сильно Вас «нагружаю» (как сейчас говорят). Заранее очень благодарен Вам за помощь, без которой не мыслю себе окончание работы над сборником.

Надеюсь, Вас не очень затруднит три моих просьбы, связанные с передачей питерских посылок питерцам же. Первый из адресатов — Кудрявцев Владимир Борисович. Его телефон: 541-12-77; звонить лучше около 22.00. К сожалению, я не знаю телефонов или адресов Александра Эткинда и Михаила Золотоносова. Но Вы, я помню, поминали их как своих знакомцев.

Я поставил теперь дома факс, — если у Вас есть возможность что-то срочно передать, можно им пользоваться. Есть у меня и E-mail, но, кажется, это Вам пока не нужно.

Жду от Вас письма или какого-либо сообщения. Буду звонить в середине следующей недели. Ох, времени на все осталось совсем не много.

Искренне Ваш

Александр Галушкин

125047, Москва, ул. 1-ая Миусская, д. 20, кв. 11.
Телефон/ Факс: 250-01-31

5.

31 декабря 2003 г.

Дорогая Марина!

Сердечно поздравляю с Новым Годом и Рождеством!

Желаю счастья и творческих успехов.

Надеюсь переписываться и видаться в этом году будем чаще, так как новую Вавилонскую башню — «Красное колесо» (Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда за 1917–22 годы объемом около 70 авторских листов) я сдаю в издательство, и стану много свободнее.

Всего хорошего

Ваш Александр Галушкин

PS: Аргентинский режиссер со мной связался²⁴.

6.

9 июня 2005 года

Дорогая Марина!

Надеюсь, этот Ваш адрес действующий.

Как Ваши дела? Представляю, в каком Вы сейчас замоте в связи с юбилеем²⁵.

А я все мучаюсь со своей книгой.

Один из томов, наконец, вышел: 704 стр. петитом и 126 иллюстрациями и именованным указателем на 4,5 тыс. фамилий. Ну, можете себе представить. Другой том на стадии сверки, выйдет в августе, и только тогда два тома будут продаваться.

Так что вопрос, который хотел задать через Вас Вашей коллеге Г.В. Михеевой (или О.Е. Кургановой), написавшей статью про Т.И. Немчинову в словаре сотрудников РНБ, еще актуален.

Вот в чем он: авторы статьи раскрывают псевдоним «Интеллигент из народа» в «Известиях» как принадлежащий именно Немчиновой, в то время как Масанов приписывает его И. Бланку.

Этим псевдонимом подписан целый цикл статей в «Известиях», так что он очень важен для меня.

Не могли бы Вы узнать, на чем основывается их расшифровка?

Был бы очень признателен.

Очень устал, и хочу в Питер просто как турист. Может, осенью (ранней! ранней!) и выберусь.

Пишите, я скоро очнусь к нормальной жизни.

Ваш

Александр Галушкин.

7.

24 ноября 2005 г.

Дневники и всякого рода «частная литература», советского периода, кстати, меня очень интересуют. Сейчас в основном это читаю.

Кстати, что у Вас с Кроленко²⁶? Очень интересуется.

В Питере раньше поздней весны не буду.

Рад за Ваши семейные успехи: особенно поражает Валентина, а ведь я помню как она под стол...

Будем в контакте. Дружить приятно.

Ваш Александр Галушкин.

8.

1 марта 2008 г.

Марина, привет!

Простите (или прости — так давно не виделись, что уже забыл), что не ответил.

Замотался после приезда и позабыл. Я буду в Питере с 10-го по 17-е и забегу поболтать и все обсудить.

В принципе — почему бы и нет, но до октября я смогу участвовать только тем, что пошлю текст (электронный) или свои копии (для набора) и пр. Мне к маю надо закончить главу в американский проект по сов<етской> критике, к лету — сдать дневник Эйхенбаума, к сентябрю — свою книгу + сборник статей + докторская.

Увы! Обсудим все при встрече.

До скорого
Ваш АГ

9.

12 декабря 2011 г.

Марина, спасибо! Прости, что не отвечаю, но все три месяца не могу оторваться от дел: заявки и отчеты (именно сейчас, до 15-го) по грантам, юбилей «ЛН» (включая выставку в Гослитмузее²⁷, которую почти единолично сделал я). Вернусь к жизни 20-го дек<абря>. Спасибо за материалы.

Будем соединять в «колбасу», еще мои сотрудники дополнительно поищут в РГАЛИ и пр. След<ующий> год у нас окончательный и ударный²⁸. Всего хорошего.

АГ

10.

2 февраля 2012 г.

Марина, привет!

Получил от Казакова книгу²⁹ — самые лучшие поздравления! И полиграфически, и по содержанию — очень хорошо! Пока только пробежался, не вчитываясь. Но и сразу видно, что глубоко и широко, с неожиданными интертекстуальными экскурсами, эрудицией и пр.

Не порадовала манера Кертис³⁰ ссылаться через голову публикатора на архивный документ. Львиная доля документов по «Мы» и «делу»³¹, которые я нашел и напечатал, цитируются ею без каких-либо ссылок, как собственные открытия³².

Жаль, что вы не дали действительно первый развернутый русскоязычный отклик на «МЫ»:

З.Ж. [Журавская З.Н.]. Сатира на коммунизм // За свободу! — Варшава, 1925. — 27 апреля (№. 110). — С. 3. Редкий, но в моей библиографии был описан.

О нашем проекте: к концу февраля закончу с эпистолярной подборкой. Уже около 9 а.л., еще жду материалов, не столько объемных, сколько экзотичных. Начнем вбивать с «Атиллою», надо ведь еще смотреть московские материалы в ГАРФ. Виделся с Геллером, обещал порыться в Париже.

Я пока допускаю перепечатки только в случаях: фрагментарной публикации (пусть даже обширная, но цитата), в случаях единственной публикации в относительно редком издании (Ruslit triquarterly, Stanford slavic studies), и, конечно, в таких случаях, как переписка с Ремизовым, из которой напечатано только 25%, пусть и в «Русской литературе»³³).

Подумай и ты.

Пишу Кукушкиной³⁴ по поводу крошек в ПушДоме, и ты с ней поговори по поводу материалов «вокруг» Замятина (в Союзе писателей и не только).

Есть ли у тебя возможность ксерокопировать газетные материалы из эмигрантской печати 1930–1940-х гг. Надо бы набрать несколько материалов.

Твой АГ

11.

20 февраля 2012 г.

Марина, привет!

Как прошла презентация?³⁵ — ты ничего не написала.

Жду сводный файл по Атилле — уже пора идти в ГАРФ.

В ГРМ в фонде Кустодиева — разве нет пп. Замятина?³⁶ Куда они делись (в ИМЛИ — почти 15 пп. Кустодиева).

Скоро пошлю сводный файл по переписке, уже около 10 а.л. Надо начинать комментировать.

Всего-всего.

Твой АГ

12.

7 марта 2012 г.

Марина, где ты? Все ли в порядке?

От тебя давно не было информации. Я жду материалы суда и пр. Тексты эмигрантской печати, о которых я писал, уже перепечатывались, пока отбой. Новых писем Замятинских уже около 120 шт.³⁷, и все находятся и находятся (Дикому³⁸, напр., не все напечатаны и пр.).

Нам нужно еще к декабрю изобразить — но очень убедительно — весь аппарат ко всем 30 (не менее) а.л. тома: предисловия, комментарии и пр. Жду. Твой АГ

13.

28 марта 2012 г.

Марина, пришли копии писем Замятина из Лебедяни: 6 штук!³⁹ Ох, и молодцы же мы с тобой! АГ

14.

30 ноября 2012 г.

Марина, прости, что молчал: отчет написан, зарегистрирован и пр. Всего около 20 стр<аниц>. Через четыре часа повезу бумажную его версию с приложением рукописи, которая ДОСТИГЛА заявленного объема в 45 а.л. (одних писем — почти на 20 а.л.). Сiju еще, комментирую и пр., чтобы состав адресатов и авторов писем был бы еще более представительный. Ответ дадут на основании 3-х экспертных заключений к марту 2013 г. Так вот.

Твой АГ

15.

24 октября 2013 г.

Марина, привет!

Богдановой я все почти (осталось 2 статьи дочистить) послал⁴⁰, все в порядке. И готов, наконец, заняться нашим томом.

Как бы ни сложилась судьба РАН — мы, конечно, найдем издателя, тем более на такую книгу.

Мне обещают поддержать в одной французской организации поездку на пару недель в Париж для работы в архиве. Хороший повод снять последние вопросы по ВДИС⁴¹ и проверить еще несколько возможных мест хранения замятинских материалов.

Буду держать...

Спасибо тебе.

Статью можешь вставить на сайт РГНФ, но только ты — под своим логином и пр.

Твой АГ

16.

24 октября 2013 г.

Слушай, тут на канале «Культура» опять хотят круглый стол по «Мы» (программа «Наблюдатель»). Уговорить их подождать твоего приезда?⁴²

Я в Москве буду, увидимся. Гончарова прекрасная!⁴³

Про РАН⁴⁴ — мы сами знаем ее пороки и достоинства, а я как старый ИМЛИец — особенно. Но смертью не лечат.

До скорого. Про ТВ напиши побыстрее.

АГ

17.

23 января 2014 г.

Марина, привет!

Ура мне и всем нам — грант на исследования в Париже я получил. Давненько я не выезжал, со всеми своими ремонтами, разводами и пр. Так что к осени рукопись реально закончить.

Твой АГ

18.

2 марта 2014 г.

Чувства разделяю, сам потомок хохлов — правда, с XVII в. в Россию переехавших⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заведующая отделом рукописей Российской национальной библиотеки Л.И. Бучина и я готовили публикацию писем Е.И. Замятина к жене Л.Н. Замятиной за 1906–1931 гг. и другие рукописи, хранившиеся в РНБ. Л.И. Бучина также составила каталог всех выявленных документов, связанных с Замятиным. См.: Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / РНБ; редколлегия: В.Н. Зайцев и др.; сост.: Л.И. Бучина, М.Ю. Любимова; предисл. и коммент. М.Ю. Любимовой; каталог подгот. Л.И. Бучиной; подгот. текста: Л.И. Бучина, М.Ю. Любимова. СПб.: Изд-во РНБ, 1997 (Рукописные памятники; Вып. 3. Ч. 1–2).

² Валерий Николаевич Сажин вместе с Юрием Александровичем Клейнером выпускали ежеквартальник русской филологии и культуры «Russian Studies». Мы с Сашей предложили редакторам журнала посвятить отдельный номер Замятину. Саша подготовил большую подборку документов о «деле Б. Пильняка и Е. Замятина» и библиографию,

которые значительно превышали допустимые объемы. Материалы, подготовленные Райнером Гольдтом, Н.Ю. Грыкаловой, И.А. Доронченковым, Д.И. Золотницким, Т.Д. Исмагуловой, Е.Ю. Литвин, В.А. Тунимановым, Р.М. Янгировым и Сашей, пришлось разделить на две части, они были опубликованы во втором и третьем номере журнала за 1996 год. См.: Галушкин А.Ю. Из истории литературной «коллективизации» // *Russian Studies*. 1996. Т. 2. № 2. С. 437–478 (При участии О.В. Быстровой и Е.Ю. Литвин); Галушкин А.Ю. Материалы к библиографии Е.И. Замятина // Там же. № 3. С. 368–413.

³ Кроме Р.М. Янгирова, никто из перечисленных исследователей в конференции участия не принимал. О конференции см.: Любимова М.Ю. Международная научная конференция «Рукописное наследие Е.И. Замятина. Проблемы изучения и публикации» // *Информация РНБ*. 1997. № 3. С. 1–7.

⁴ С московским литературоведом Татьяной Тимофеевной Давыдовой мы познакомились в Лозанне на симпозиуме «Е. Замятин: Биография. Мифы и реальность»; он проходил 1–3 декабря 1996 г. в Лозаннском университете по инициативе профессора Леонида Михайловича Геллера.

⁵ Александр Тюрин работал в Бахметевском архиве, занимался транскрибированием рукописей Замятина, участвовал в их публикации. См. в частности: Замятин Е. Сочинения. Мюнхен: А. Neimans Buchvertrieb und Verlag, 1988. Т. 4: Проза; Киносценарии; Лекции; Рецензии; Литературная публицистика; Статьи на разные темы / Под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова при участии А. Тюрина; вступ. ст. Б. Филиппова; Замятин Е. Записные книжки / [Составление, вступит. ст., примеч. Ст. Никоненко и А.Н. Тюрина]. М.: Вагриус, 2001 и др.

⁶ «...Я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь»: Письма Е.И. Замятина разным адресатам / Публ. Т.Т. Давыдовой и А.Н. Тюрина; вступ. ст., перевод с англ. и коммент. Т.Т. Давыдовой // *Новый мир*. 1996. № 10. С. 136–159.

⁷ Три тире вместо трех точек Замятин широко использовал в своих произведениях.

⁸ Письмо пришло в конверте отеля «Élite» в Лозанне, где мы жили во время конференции. Сохранилась фотография, на которой в холле этого отеля Саша беседует с Леонидом Геллером.

⁹ В 1989 г. наша семья купила небольшой деревенский дом с большим участком в полутора километрах от Псково-Печерского монастыря в деревне Козье Загорье. Каждый год мы с мужем Владимиром Дмитриевичем Савицким и дочерью Валентиной выезжали туда на лето.

¹⁰ См.: Галушкин А.Ю. Замятинские дни в Санкт-Петербурге // *Русская мысль*. 1997. № 4178, 12–18 июня. С. 16; Геллер Л. О болезни, боли, быте и борьбе: Книга писем Евгения Замятина // Там же. С. 16–17.

¹¹ Речь идет о каталоге: Евгений Иванович Замятин: 1884–1937: Каталог выставки: Из фондов Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургской театральной библиотеки (СПб ТБ), Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства (СПб ГМТ и МИ), Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова (БДТ), частных собраний / Науч. ред.: Е.В. Бархатова, Л.И. Бучина; сост.: П.В. Дмитри-

ев, М.Ю. Любимова, Л.И. Шишова, Н.Н. Школьный. СПб.: Изд-во РНБ, 1997.

¹² Это намерение не было реализовано.

¹³ Российская национальная библиотека и Бахметевский архив Колумбийского университета (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University in the City of New York) договорились об обмене микрофильмами с рукописей Е.И. Замятина. Куратор Бахметевского архива Эллен Скаруффи содействовала этому проекту.

¹⁴ Речь идет о подготовке сборника критической прозы: Замятин Е. Я боюсь: Лит. критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и коммент. А.Ю. Галушкина. М.: Наследие, 1999.

¹⁵ После конференции «Рукописное наследие Е.И. Замятина. Проблемы изучения и публикации» (1997) обсуждалась идея издания сборника докладов ее участников. 2–4 ноября 1999 г. в РНБ состоялась еще одна международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» (См.: Любимова М.Ю. Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» // Информация РНБ. 1999. № 11. С. 1–8). Ее материалы и легли в основу издания: Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации / РНБ; редкол.: В.Н. Зайцев и др.; сост.: М.Ю. Любимова; науч. ред.: Л. С. Гейро. СПб.: Изд-во РНБ, 2002. Саша не участвовал в конференции, но опубликовал в сборнике переписку Замятина с К.И. Чуковским (1918–1928). См. подробнее: Туниманов В.А. Новое о Замятине // Русская литература. 2003. № 4. С. 241–248.

¹⁶ Попытка опубликовать эти материалы в издательстве РНБ не была реализована. После проверки всех источников *de visu* сотрудниками РНБ И.С. Зверевой и О.В. Куль Саша передал ее для публикации в Тамбовский университет им. Г.Р. Державина профессору Л.В. Поляковой. См.: Галушкин А.Ю. Материалы к прижизненной библиографии Е.И. Замятина. (1908–1936) // Творческое наследие Евгения Замятина. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2003. Т. XI. С. 196–251.

¹⁷ В этом году Саша защитил в РГГУ кандидатскую диссертацию «Дискуссия о Б.А. Пильняке и Е.И. Замятине в контексте литературной политики конца 1920-х — начала 1930-х гг.».

¹⁸ Так получилось, что я оказалась в Москве в день защиты, 26 декабря 1997 года. Естественно, пришла в РГГУ его «поругать» и с удивлением обнаружила, что ему присваивают кандидатскую степень, а не докторскую.

¹⁹ В 1994 г. в Тамбове состоялись Вторые международные Замятинские чтения. Материалы чтений опубликованы в изд.: Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня / Под редакцией Л.В. Поляковой. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 1994. Ч. I, II. В сентябре 1997 г. состоялись Третьи международные Замятинские чтения. Материалы чтений вошли в изд.: Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня / Под редакцией Л.В. Поляковой. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 1997. Кн. III, IV, V, VI.

²⁰ См.: Галушкин А.Ю. Материалы к зарубежной библиографии Е.И. Замятина (1925–1995) // Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня / Под редакцией Л.В. Поляковой. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 1997. Т. III. С. 159–201.

²¹ Новое о Замятине: Сборник материалов / Под редакцией Л.Геллера. М.: МИК; Universite de Lausanne, Faculte de Lettres, 1997. В сборнике две Сашины публикации: «Дело Пильняка и Замятина»: Предварительные итоги расследования» (С. 89–146) и «Возвращение» Е. Замятина: Материалы к библиографии [1986–1995]» (С. 203–324).

²² Речь идет о микрофильмах с рукописей Замятина из Бахметевского архива.

Людмила Николаевна Замятина после смерти мужа готовила его рукописи к изданию, в частности сборник эссе и критической прозы: Замятин Е. Лица. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

²³ Один аргентинский режиссер собирался снимать фильм о Е. Замятине, хотел приехать в Россию. Но до нас с Сашей так и не добрался.

²⁴ В 2005 г. в Петербурге праздновалось двухсотлетие со дня основания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Я тогда была заведующей этим отделом.

²⁵ В Отделе рукописей РНБ хранятся дневники директора издательства «Academia» А.А. Кроленко. Фрагменты из них были опубликованы. См.: Е. И. Замятин в дневниках А. А. Кроленко / Вступ. ст., публ. и коммент. И. В. Дацюк // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации: С. 271–293. Фрагменты дневников были использованы также в публ.: Переписка Н.П. Акимова с А.А. Кроленко. 1932–1967 гг. / Вступ. ст. И.В. Дацюк, С.А. Кроленко; публ. и коммент. И.В. Дацюк // Акимов — это Акимов! СПб.: Изд-во РНБ, 2006. С. 148–178.

²⁶ Выставка «Золотой фонд»: К 80-летию «Литературного наследства» открылась в Государственном Литературном музее 1 ноября 2011 г.

²⁷ В 2010–2012 гг. под Сашиним руководством группа российских специалистов работала над научным проектом «Е.И. Замятин: Новые материалы и исследования (подготовка тома в серии «Литературное наследство»)». Проект получил поддержку Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): Проект № 10-04-00190а. Саша сумел привлечь к этому проекту широкий круг российских и зарубежных специалистов разных специальностей.

²⁸ Саша поздравляет меня с выходом изд.: Замятин Е.И. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / Сост., подгот. текста, публ. коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. Мы с Джулией Куртис предлагали Саше принять участие в подготовке первого научного издания романа «Мы», но в 2010–2011 гг. он был занят другими проектами. В процессе подготовки рукописи он оперативно отвечал на все возникающие у нас вопросы.

²⁹ При переводе с английского фамилии Kurtis издатели передавали ее в одном случае — Куртис, в другом — Кёртис.

³⁰ «Дело Пильняка и Замятина» (1929 г.).

³¹ Саша в своих работах (докладах и статьях) всегда скрупулезно отмечал заслуги предшественников и требовал того же от коллег. Но формат издания, ограниченный объем и сжатые сроки выпуска не позволили сохранить весь подготовленный Джулией Куртис комментарий к ее статьям. Возникли некоторые недоразумения, о них я сообщила Саше.

³² См.: Письма Е. И. Замятина к А. М. Ремизову // Русская литература. 1992. № 1. С. 176–179; публикатор В.В. Бузник.

³³ Старший научный сотрудник Института русской литературы РАН Татьяна Алексеевна Кукушкина.

³⁴ 9 февраля 2011 г. в Институте русской литературы РАН состоялась презентация книги: Замятин Е.И. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. См.: Без подписи [Любимова М.Ю.]. Отдел рукописей // РНБ-информация. 2012. № 2. С. 22–23.

³⁵ В рукописном отделе Государственного Русского музея в фонде художника Бориса Михайловича Кустодиева хранятся письма Е.И. Замятина.

³⁶ 26 марта 2012 г. Саша сообщил мне: «Чем больше копаюсь, тем больше вижу, сколько зеванули публикаторы <...>. Одних замятинских писем уже около 150».

³⁷ Актер и режиссер Алексей Денисович Дикий (1889–1955).

³⁸ В Лебедянском краеведческом музее хранятся письма Е.И. Замятина писателю В.Г. Лидину.

³⁹ Имеется в виду работа Ольги Владимировны Богдановой по составлению сб.: Е.И. Замятин: pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: Антология / Сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. статья Е.Б. Скороспеловой. СПб.: НП «МОПО “Апостольский город — Невская перспектива”», 2014 (Русский Путь). В сборник, до выхода которого Саша не дожид, вошли две его публикации: «Письмо Е. Замятина А. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Замятина в 1922–1923 гг.» (С. 122–141) и «К “допечатной истории” романа Е. Замятина “Мы” (1921–1924)» (С. 404–414).

⁴⁰ Парижский архив: Bibliotheque de Documentation Internationale Contemporaine, (Nanterre, France).

⁴¹ В телепередаче (транслировалась 24 декабря 2013 г.) участвовали Саша и Иван Никитич Толстой; я не участвовала.

⁴² Выставка Н.Н. Гончаровой «Между Востоком и Западом» проходила в Третьяковской галерее (на Крымском валу) с 16 октября 2013 г. по 16 февраля 2014 г.

⁴³ Мы обсуждали судьбу отдела «Литературное наследство» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, который возглавлял Саша, в связи с проводившейся реорганизацией Российской академии наук.

⁴⁴ Я очень близко к сердцу приняла украинские события 2014 года, начиная с появления «вежливых человечков» в Крыму. Обычно мы с Сашей не касались политики, но я не удержалась и написала Саше о своем тревожном состоянии.

Е.Ю. Литвин (Россия, Москва)

МОЙ УЧЕНЫЙ ДРУГ

Мы познакомились с Сашей Галушкиным в середине 1980-х годов, когда он пришел заниматься в Отдел рукописей ИМЛИ. Его интересовали фонды Е.И. Замятина и В.Б. Шкловского. Спустя три года его приняли в штат Института. И он попал в Отдел советской литературы, где образовалась группа, готовившая хронику литературной жизни России 1920-х годов. Группой руководила Л.А. Скворцова.

Саша горячо взялся за дело и во многом преуспел, но впоследствии группа распалась, и работа прервалась. Однако, она стала для него хорошей школой для подготовки в будущем двухтомной «Литературной хроники Москвы и Петрограда 1918 по 1924 год», очень основательного научного издания. Саша работал активно, напряженно, два года был главным редактором журнала «De Visu». В №10 за 1993 год в этом журнале помещена моя публикация «Из альбома Глеба Алексеева» (С. 35–38).

Саша работал самозабвенно, увлеченно, отдавая много сил изданию произведений Е.И. Замятина, который надолго стал его главной научной темой.

Несмотря на напряженную работу, Саша Галушкин не чуждался общественно-политической жизни. Вспоминаю осень 1990-го года, когда я встретила Сашу у памятника Юрию Долгорукому на сборе подписей за избрание мэром Москвы Г.Х. Попова. А уже в последние годы принимал активное участие в демократических митингах и шествиях.

Не со всеми он был дружелюбен, многие считали его недобрим и закрытым человеком. Я этого никогда не чувствовала, и хотя бывали случаи, когда мы не во всем соглашались друг с другом, это никак не сказывалось на наших дружеских отношениях.

В ИМЛИ Саша в некотором смысле был «белой вороной» в плане огромной работоспособности, что выглядело определенным укором немалому числу сотрудников Института. Когда на Ученом совете ИМЛИ его утверждали на должность Заведующим Отделом «Литературного наследства», он прошел буквально на грани фола — одним или двумя голосами.

За неполные пять лет заведования «Литературным наследством»,

Саша поднял его из руин, в которых оно оказалось после ухода из него старейшин и основателей этого уникального научного издания: И.С. Зильберштейна, С.А. Макашина и других. Саша содействовал созданию электронной версии Литнаследства, собирал данные обо всех авторах, печатавшихся в издании.

Последние три или четыре года мы с Сашей оказались соседями по проживанию. Наши дома находились в 10 минутах хода друг от друга. Он обратился ко мне с предложением публикации переписки Е.И. Замятина с П.Е. Щеголевым для замятинского тома «Литературного наследства», предоставив ксерокопии автографов, так как я в это время уже не служила в ИМЛИ. Работу я выполнила. Саша ее отредактировал и даже заплатил мне неплохой гонорар, что сейчас большая редкость.

Когда я узнала о кончине Саши по вине врачей больницы АН, во мне все оборвалось. На прощание с ним в ИМЛИ пришло очень много людей.

В квартире Саши я побывала на девятый день после его смерти. Познакомилась с его двоюродной сестрой, живущей в Болгарии.

Смерть Саши Галушкина — огромная потеря для его друзей и русской филологической науки. Светлая ему память.

В заключение я хочу дать свое стихотворение, посвященное памяти Саши.

Уходят лучшие из нас,
Нам остается их оплакать.
И это будет верным знаком,
Что истончается запас

Людей достойных и умелых,
Все понимавших — «что почем»,
Погубленных плохим врачом,
Упорных, мужественных, смелых...

25 июля 2014 — 26 декабря 2015.

БАРАБАНЩИК СТАРОГО СОСТАВА

У всех митингов, шествий и прочих сборищ последнего времени есть одна интересная особенность. Сколько бы ни пришло людей, какая бы ни была густая толпа, всегда встретишь либо друзей, либо знакомых. Поначалу подобное удивляет, а затем привыкаешь. И быстро начинаешь замечать, что эти же лица постоянно мелькают на вернисажах, книжных ярмарках Non/Fiction, лекциях в Гоголь-центре, короче говоря, там, где обычно и собираются все те, кого не так давно власть объявила «пятой колонной».

Летом 2013, в канун оглашения заведомо несправедливого приговора одному из самых непримиримых оппозиционеров, возмущенная толпа горожан высыпала в центр, где с каждой минутой нарастал вой и криканье сирен, а дежурное гавканье мегафонов закладывало уши привычным абсурдом: «Граждане! Освободите проход! Вы мешаете проходу других граждан!» В тот раз я там оказался без своей компании, просто находился неподалеку, а тут такие дела начались.

Полюбовавшись на красные наклейки с фамилией «Навальный», которыми были облеплены все автомобили у здания Госдумы, я протиснулся вглубь толпы, так как рядом уже началось традиционное «винтилово» и первую партию попавшихся под руку поволокли в автозаки, а мне сегодня хотелось еще и домой попасть.

Почти сразу я наткнулся на Оксану, дочь моей давней знакомой. Она стояла в небольшой группке людей, видимо, добрых ее приятелей, и вела какой-то непринужденный и, судя по всему, веселый разговор. Мы обменялись приветствиями, и тут я случайно взглянул на одного из ее спутников, крупного, рыжеватого человека, он стоял вполоборота ко мне, практически спиной, с интересом вглядываясь туда, где закручивался какой-то стремительный водоворот из омоновцев и мирных граждан.

И моментально, за секунду, я его узнал. Но на всякий случай, а то мало ли, решил спросить:

— Оксана! — прокричал я, пытаюсь переорать вдруг разом завывшие автомобильные сигнализации, — скажите, вашего знакомого не Александр зовут?

— Да, — охотно подтвердила та, тоже на пределе громкости, — именно так и зовут!

— Галушкин? — чтоб уж быть уверенным до конца, уточнил я.

— Да, точно, это Саша! Саша Галушкин! — завершила Оксана, — Вы его, что, знаете?

— Я с ним в одной школе учился! — сообщил я, и как будто у кого-то могли возникнуть сомнения в сроке, зачем-то добавил, — давным-давно!

— Саша, Саша! — тут же принялась трясти его за плечо Оксана, — Оказывается, тут с тобой в одной школе учились!

Он тотчас обернулся, с удивлением посмотрел на меня, мы обменялись рукопожатием, я представился, хотя было видно, что он меня не помнит. Конечно, не помнит. Тут своих кровных родственников не признаешь, когда вокруг такой бедлам творится, а он меня видел полтора раза, причем сто лет назад.

— Мы с вами учились в одной школе! — сходу объявил я, — На Затонной. Вы в десятом, я — в седьмом!

Он согласился, но видно было, что еще больше удивился.

— У вас русский и литературу вела Татьяна Ивановна, — продолжал я надирать, выкладывая дела давно минувших дней. — Она всегда вас в пример ставила! Очень гордилась, что вы на журфак поступили!

— Да, точно, Татьяна Ивановна! — с явным облегчением произнес он, видимо в этот момент перестав подозревать во мне афериста. — Мы давно не виделись с ней, как она?

— Умерла несколько лет назад! — почти крикнул я. — Вы знаете, она очень тяжело умирала. Мы всем нашим классом пришли ее хоронить.

— Не знал... — смущенно и сокрушенно покачал он головой. — Как жаль. Я ее очень любил.

— Да и она часто про вас вспоминала! — заверил его я. — Всегда говорила, что никто лучше Саши Галушкина не писал сочинения!

Мы немного постояли молча, наблюдая за происходящим. Подъехало еще несколько автозаков, нам были видны лишь их крыши. Красными наклейками уже были украшены двери и окна первого этажа Госдумы. Отряды Омона буквально рядом врубались в толпу, выхватывая очередную добычу. Чем-то все действие стало смахивать на фильм «Александр Невский». В роли псов-рыцарей здесь выступали сотрудники охраны правопорядка, а в роли народных масс — сами народные массы. Псы-рыцари так вошли в роль, что особо не церемонились с пленными. Кого-то вели, заломив за спину руки, кого-то

тащили за руки и за ноги, некоторых просто волокли по асфальту за свободную конечность, без церемоний.

— Как же вы меня узнали? — вдруг повернувшись ко мне, спросил он, — ведь столько лет прошло? Это же невозможно!

— Лет прошло? — переспросил я, и быстро в уме подсчитал, — ну да, действительно, тридцать пять! Не знаю, как-то сразу взял и узнал. Гляжу — Саша Галушкин стоит. Вы ведь почти и не изменились с тех пор!

А как мне было ему сказать, что я его вообще-то и не забывал? Что он, сам того не подозревая, после той истории осени семьдесят седьмого, принял участие в моей судьбе?

Все дело в том, что Саша Галушкин в нашей школе был особенным учеником. И не потому, что лучше всех писал сочинения. И не потому, что был главным ответственным за наш музей Алексея Шумавцова, героя-подпольщика. И даже не потому, что играл на барабанах в школьном ансамбле.

Он был поразительно взрослым. Отличаясь от сверстников не столько внешностью, сколько манерой держаться. В нем была какая-то именно взрослая солидность. Причем в этом не было ничего наигранного, как часто случается в таком возрасте. Просто было понятно, что он таким и родился, этот широкоплечий, большеголовый парень. Серьезным, основательным, степенным, со всеми без исключения державшийся с достоинством. Он никогда заодно со всеми не гоготал над всякой коллективной чушью, да и сам не отпускал плоских шуток, не привлекал к себе внимание стандартными идиотскими выходками. Короче говоря, если бы не школьная форма, его легко можно было принять за учителя.

А вот что касается учителей, Саша Галушкин пользовался среди них таким уважением, что мне ничего подобного видеть не доводилось. Могу утверждать, что наши педагоги сами искали его расположения. И все их разговоры с ним, что довелось мне невольно подслушать, были, как говорится, на равных.

Когда произошла та моя история, Саша Галушкин уже закончил школу и поступил на факультет журналистики МГУ, написав вступительное сочинение на пятерку. Эта пятерка была причиной особой гордости нашего классного руководителя Татьяны Ивановны. Она мне так и сказала, в середине сентября, когда я зачитал при всем классе свое первое в жизни сочинение, воображая себя эдаким Джеромом Джеромом.

— Да... — вздохнула тогда Татьяна Ивановна, — тут можно одно посоветовать. Тебе бы у Саши Галушкина поучиться свои мысли на бумагу переносить.

Еще раз вздохнула и вклеила тройку в журнал.

А где-то через неделю Саша Галушкин и сам появился в школе. Зашел поболтать с нашим завучем, Надеждой Ивановной. Вот вы можете вообразить дружбу со школьным завучем? Да еще с такой, как наша Надежда, которая мало того, что с воплями забегала на каждой перемене в мужской туалет, запрещая курить и драться, так еще и заставляла всех мальчиков коротко стричься. А вот Саша Галушкин умудрялся поддерживать с ней легкие, приятельские отношения. Чудеса, да и только.

Я столкнулся с ними в фойе первого этажа, в одной руке у меня была гитара, в другой — усилитель. Мы тогда решили организовать ансамбль, благо старый состав уже школу покинул. На репетициях, что устраивались нами уже третью неделю, мы фальшиво, но задорно играли разнообразные шлягеры, выворачивая усилители на всю, чтоб было красиво. И конечно, мы всех раздражали своим грохотом, особенно преподавателей музыкальной школы, занятия которой начинались в десятке-другом классных комнат в вечерние часы. Кроме того, домой мы никогда не торопились, а ведь за нами нужно было еще и школу на замок закрывать. Короче говоря, одни проблемы.

Вот почему Надежда Ивановна, которая прохаживалась с Сашей Галушкиным чуть ли не под ручку, ведя с ним непринуждённую беседу, заметив меня, да еще с гитарой, моментально отвлеклась и чрезвычайно оживилась.

— Так! Очень хорошо, что ты здесь! А ну, стой-ка! Ты куда это собрался, опять репетировать? Хочу сказать, я уже устала жалобы по поводу всей вашей дружной компании выслушивать! А тут еще эта журналистка, хамка бесцеремонная, взяла, и к директору вломила. Мало нам проблем, сейчас только статьи в газете не хватает!

Дело в том, что к нам на репетицию вдруг заявила тетка, корреспондент из «Московского комсомольца». Шла себе по улице, как тут услышала из окон звуки нашей какофонии и решила лично взглянуть на молодые дарования. А после того, как мы ей с чувством слабаки из «Крестного отца» и еще что-то, такое же проникновенное, тетка натурально прослезилась и поинтересовалась, может ли она чем-либо нам помочь, учитывая ее работу в столичной газете.

Мы, моментально смекнув, что в обличии работника прессы к нам пожаловала золотая рыбка, тут же перестали из себя корчить комсомольцев-бессребреников, волнуясь и перебивая друг друга, принялись перечислять те вожделенные предметы, без которых никогда не стать заметными, ни то что на мировом уровне, а даже в своем районе.

Институт мировой литературы РАН.
Отдел Библиографии, источниковедения и истории науки. 1988.
Слева направо, стоят: Ольга Авдеева, Нина Дикушина, Александр Галушкин,
Надежда Сивашенкова, неустановленное лицо, Людмила Скворцова,
неустановленное лицо, Константин Поливанов.
Сидят: Ирина Озерная, Андрей Рогачевский. Фотография Давида Фельдмана

Те же. Второй справа: Давид Фельдман. Фотография Андрея Рогачевского

На постаменте памятника М.В. Ломоносову.
Второй курс МГУ. 1978/1979.
Вместе с Н.И. Ажгихиной и И.Е. Прохоровой

В университетском дворе, у памятника М.В. Ломоносову.
Первый курс МГУ. 1978. В руках — дебютный альбом группы «Yes»
Обложка альбома «Yes», американское издание (1969)

Начало 1980-х

Пятый курс МГУ. Конец октября 1981

Коммунистическому городу — образцовую связь

Высокое качество услуг — гарантировано

Если вы заглянете в книгу жалоб и претензий работников этого отдела, то прочтете немалое число благодарности в адрес связистов. Отличают клиентов уют и чистоту помещений, внимательность и максимум квалифицированного обслуживания персонала.

449-е отделение в течение ряда лет неизменно остается в числе передовых социалистического соревнования среди коллективов Черемушкинского узла связи. Переодически Краснознамя многократного ордера присуждалось именно этому отделению, потому что его работники были самыми качественными в качестве работы самым лучшим.

Конечно, успех работ определяется отношением к делу, с высоким качеством работы. Здесь трудятся во-первых, люди, с высокой чувством ответственности за порученный участок работы. Такая коллективность от каждого требует выполнения своего обязательства, поэтому не все могут выдержать требования сплоченного, дружного, индифференцированного коллектива. Это подтверждается и примером. В 1975 году в отделение приехали новые звонки. Какое сразу почувствовали кадры связи звонков в их отношении

к делу. Стала развиваться и работа в звонке по обслуживанию. Именно в этот год коллектив не получил и переодически Краснознамени. Полностью становилась серьезным. Неожиданно нововведения не ждали считаться ни с традициями коллектива, ни с его высочайшим авторитетом. По весточкам некоторого времени нововведения, или как их называют в отделении «случайные люди» все-таки ушли.

Отделение было открыто в 1968 году, четверть работников в нем сегодня — ветераны. Шестнадцать работников носят звание ударников коммунистического труда. Почти все в коллективе кадры, с большим трудовым стажем. Конечно, искренняя привязанность к своему делу, отличное знание специфики работы определяют общий успех всего коллектива 449-го отделения.

Успешно трудятся в коллективе такие работники, как М.А. Кузнецова, Савкина и Ренна. В адрес этих связистов поступают звонки благодарности. Дружный, дружный коллектив и 449-м отделением связи и во время юности звонков среднего отделения узла.

А. ГАЛУШКИН,
слушатель школы при МГУ им. Ленинского.

Возможно, газета «Московский связист» (?). 1976 или 1977

ВЫСТАВКА-СМОТР И ЕЕ ЗАДАЧИ

С 13 июля в фойе Белого зала фирмы была организована выставка-смотр иркутских производственных предприятий промышленности Московского объединения Государственной и зарубежных фирм и предприятий. Эта выставка-смотр завершилась очень представительным совещанием 16 июля, на котором помимо представителей Государственной коммерческой службы, руководства и работников приехали издалека иркутские фирмы, приглашенные работники Госплана, Министерства легкой промышленности РСФСР, Загорского НИИ иркутского Министерства просвещения РСФСР и института дошкольного воспитания детей, городского комитета партии и горкома профсоюза Главного управления и управления торговли.

Совещание имело своей целью подвести итоги работы производственных предприятий ирландских ирландских фирм, на первом этапе пятилетнего года и деление на недостатки в развитии, а следовательно, в удовлетворении спроса населения и наметить меры по расширению и обобщению ассортимента ирландских, улучшению их качества.

ЖИЗНЬ — ЗНАЧИТ ТРУД

Надежда Борисовна Павлова. Добрые, дружные морщинистые глаза на круглых щеках, спонсированные, живая быстрая речь. Как вдохновенно, интересно говорит она в любимых книгах: «Петр-1», А. Толстого, «Обжора» Давыдовского, исторические повести Тихонова. И бесконечно стала она на трудном своем посту. В 1973 году Надежда Борисовна стала заведующей складом.

И. Л. Талыкина, заведующая отделом политэкономических товаров, так говорит о коллективе склада и его руководителе:

— Работа склада № 88 года была ровной. На протяжении последних пяти лет — с 1973 года — коллектив побеждает в соревнованиях, бой посуды складов не покинул, не пропустил ни одной цит. Это коллектив, обусловлен сплоченностью коллектива и решительностью руководителя — заведующей складом Н. В. Павловой. Дисциплина, рвение, любовь, искренность и обязательность в отношении с покупателями, постоянная воспитательная работа руководителем не может не гарантировать хороших результатов.

Красноречиво свидетельствует о высоком качестве работы Н. В. Павловой — знак «Звезда» 3-й степени, успеха 88-го склада (используя на увеличение количества обслуживаемых секций на 4). Ее сотрудники, коллектив горят о ней:

— Надежда Борисовна всегда заботилась, никогда не позволяла горю, никогда не жалуете на трудности, работает, не знает сна. Она сумела зарыть своей любовью и профессия и дочь, которая сейчас, заведует секцией в одном из московских магазинов.

Сам Надежда Борисовна — человек удивительно скромный. Означает и свой труд, и свой наделенный пост обычным:

— Трудный от слова труд. Легким он не бывает, где бы человек ни работал.

Это ее работа, ее человечество, выражение ее отношения к жизни. И, пожалуй, Н. В. Павловой не скажешь точно и верно, как складов. И Л. Талыкина: «Все, что есть лучшего и человека, — все в ней».

А. ГАЛУШКИН.

На международном олимпийском комплексе в Ивацине

СТРОИТЕЛИ ОЛИМПИЙСКОГО КОМПЛЕКСА В ИВАКИНЕ

В начале апреля прошлого года вблизи деревни Ивацино был заложен первый камень в торжественной обстановке в большой административной стройке — международного молодежного лагере. Сегодня на этом месте уже выросли различные по форме и назначению здания корпуса благоустроенной. До конца ближайшего административного объекта осталось около 500 кв. м. Строится здесь нарядные бытовые условия — камешники, плазменные, бетонники — всем тем, кто дал слово справиться с поставленной задачей? Ушли ли в прошлые трудности и невзгоды первые недели в месяцы работы на ударной комсомольской стройке?

А БЕЗ ВОДЫ...

Приветно летним утром выйти на открытые на свежий воздух и бежать по проделанной от росы траве к дальней вышке, чтобы там умяться, согреться с теплой олимпиадой. Или, если от дождя, поблещать в таком же виде, а может быть и в другом, в воде из потопленного вала. Так делают, например, заместители начальника по быту административной стройки В. М. Горбанев. Но почему-то не могут разделить его романтически восторженные работы, болельщики студенческих трудовых отрядов Ивана Ивановича в Рыбных Ишмухаметов, старшего И. Кузнецов, члены бригады, которую возглавляет Валентин Давыдовский, а многие другие рабочие. Не нравится им то, что так упорно не добывают воду из уральских вышек, а из всей большой стройки обзавестись лишь два крана. О душевном же здесь молчат, не призывают. Странно ли сказать? Может быть, им не хватает чувства романтики? Нет, скорее это говорит о необходимости многих времени, которое строители сейчас на все это. И, конечно, о необходимости жить и работать в немыслимых производственных условиях. А вода — есть, — бьются по пути бойцы ССО в прибрежной в долине мал Капшама, спешат стать в очередь у колоды. Без всякого на соборной олимпиаде «бескомпромиссно» и жидкой излучает колоды на знойном олимпийском «Валта-Волга», который вел, что «без воды в нас олимп, а не в тигр».

В ТЕСНОТЕ... И В ОБИДЕ

Около значительной процентов работников на строительстве олимпийского лагеря живут в тесноте, обиде и вразнообразии обстановки. И только в одном из них — в халкидонском, можно жить полноценно. Правда, если не обращать внимания на полные выходы, тараканов, нередко появляющиеся

с чувством голода — ведь buffet обещан, в котором рабочие получают удовольствие. Но почему-то бьются задержит по непонятным причинам. Ну а живущим в двух корпусах обещан в Лобье в 10-этажных условиях мешать не приходится. Хотя человек может приехать по мосту. В мае 1977-году приехали студенты — административной Л. З. Понюшина, был след дом, в котором и отделе под жилье строителям два подвала. Поместится сюда около ста человек, если пользоваться лишь в августе, в ноябре — воду, а так — уже в мае выехать в гора. Но дом и сейчас не построен, потому что в нем даже не успели установить buffet.

Казаюсь, что Дмитровский жилищно-строительный комбинат, сотрудничающий № 2, предоставляет не только последние условия в нем свои изделия, но и впереди не допустить подобной безобразия. Тем более, что новое здание обещают на начало строить рядом со старым. Следить же в эксплуатации предполагалось к началу минувшего года. Но строители получили еще шесть месяцев. Обещанное выложить до декабря, но и сейчас не все вет корпуса выданы, а доподлинно поступит ли строитель, нет также уверенности — об этом слышно. Во многих комнатах в стенах докрасиваются дождевые дождевики. А ведь в таком случае это повлечет около двусторонней стеной.

Немалою — всего на два летних месяца — пришлось работать в развлекательной промышленности студентов в разном выделении шпорочками ползочни они к своему будущему жилищу. И как-то сразу невозможно сказать, ведь, жалко выходя, ушла в гитара. Слободнев смотрела на мир разбитыми стеклами неяркие дни, в которых слышался пламенный колодезист, стул, ког-де, с трудом открывалась дверь. Тяжко размылись ребята по доминии, заветная олимпиада к концу лета, а жизнь в гитара не было великой, швар, да-

же обманчивых тощак. Но не подумай, что студенты надеются жить в умине. Не такой это народ!

— Вам эту мебель, — но без порождая директа комсомольского студенческого строительского отряда Игорь Никитин, похвалавая на стол, табуристы. — мы доставали и обновили сами, так как на складе нам сказали, что положим только тумбочки. А куда-то шло-то трудностей много. Многие из них при желании ответственно за наш быт все можно легко устроить.

Но тут Игорь прервал речь то бодрый голос: «Ладно, комсомол, который жаловаться. Попробуйте сами, не на курорт поехали!» Да, ребята старались не замечать всех этих «мелочей». Очень часто они вспоминали о своих друзьях в М. И. Голубчик, который говорил: «Не надо всех условностей. Слав был когда-то в студенческом строительном отряде Ребята слула бы романтикой, да некто пообещал выехать всегда. Кто вперед ее и тайге, в болотах, в тундре, но мужной работе, в некоторых — в холостяцком переулке, когда-то не удерживали по их вове. Вот и выходит, что поговаривают эти тощак да не в обиде не всегда себя оправдывает».

ХЛЕБ ДА СОЛЬ

Эти слова красивой русской вязью выведены над входом в столовую стройки, в соответствии обязательная которой говорится, что предприятие работает под девизом «Высокое качество обслуживания советского человека — гарантируем!» Как же выполняются эти гарантии? Лучшее слово, конечно, это знают те, кого возмущает столовая обстановка. И. А. Тауровский, комсомольский молодежный бригады А. А. Александров, студентки И. Ивановой, П. Ишмухаметова и многие другие строители жаловались: «Кухонной мы ни разу не видели. Совсем нет очереди. Наполнен олимпийский гардероб. Чудо по тому случаю, что порой мы вынуждены сидеть в шпалетных столовых. Из авиалайнера определяли лишь один отъездок с работы столовой олимпиады «Ян ампла, не хороше!» Так себе. А особенно много жалоб на то, что в столовой нет очереди. А ведь этой столовой вышестоящий орган вынужден разрешить закупить из по рыночным ценам. Почему же очередь до сих пор не закупилась? На этот вопрос пошел один из столовых С. М. Понюшина ответил: «На было их

мат, а закупить по рыночным ценам нам невозможно. Очередь всегда обходится. Например, если тут не только в магазинах, но и в магазинах брать на себя список хлопоты. Легче ведь взорвать олимпиаду, чем в магазине. Составлять очередь не морочит себе голову и закупку/портю, а кому-то привозят мясо. Пусть бы водили мякнелю а корпию дойти на закупку на мясо!»

Немалая задача, чтобы руководство стройки не интересовалось работой столовой. В конце 1977 года — год выезда — в результате постройки в административной штаба стройки выехали «культуры» на их необходимость увеличения количества столовых в рыночных продуктах, культуры хозяйства предприятий рабочих бригад. Но не все же дело в этом.

Вот, например, в столовой не видна, можно в нем установить котельную, совсем нет коммунальных бригад. В А. Тер-Симоняна, директоре Умийского треста столовых, категорически заявил: «Для столовой административной стройки необходимо не только убирать, но и готовить пищу. Поэтому нужно устанавливать котельную. А вот строители делают, что мешают очень, скажу, олимпийским. И, конечно, вернется больше, чем столой Тер-Симоняна, явно предвзятым для печати».

Рабочие же о объекте бывающих условия судят объективно. И того хорошего, что сделано руководством стройки, не отрицают. С большим уважением относятся они к коллективу Студенческого университета, который регулярно снабжает их самыми лучшими товарами. Не строители организуют этот товарок, который хорошо обслуживает. Умийский продюсер и два московских торговых организации Спиритовый комсомольский бригады И. В. Букова, бригады волонтеры И. В. Букова, бригады И. В. Давыдов и И. П. Левочкин рассказали о том, что на стройку очень часто привозят продукты, где можно купить интересные книги. Желания книги бывают здесь, то есть на стройку очень часто привозят продукты. Эти книги, конечно, бесплатные, но это событие для многих рабочих, особенно для студентов на Филиппинском. Несмотря на это в последнее время строительных есть еще масса нарушений. Устраивая их, будто гарантийный фонд, что нежелательный олимпийский закон будет построен законно.

А. ГАЛУШКИН, студент факультета журналистики МГУ.

дующих изданий наибольшую важность имели два: вышедшее в Риме в 1478 г. с картами, гравированными Арнольдом Букингем, и другое — в 1482 г., напечатанное в Ульме. Карты к нему были вычерчены бенедиктинским монахом Дони. Все последующие издания Птолемеевой Географии были воспроизведены с одного из этих изданий.

«Начавшаяся уже во Пв. до н. э. оскудение духа научного исследования имело своим последствием то, что Птолемей явился завершителем этой науки на долгий ряд последующих веков,— пишет Юлиан Кулаковский в своей «Карте Европейской Сарматии» (Киев, 1899).— И

труд его нашел для нас значение последнего слова античной науки в области географии».

Значителен вклад Птолемея в физику, особенно в таком ее разделе, как «оптика»; написанный им 5-томный трактат считался утраченным, но в 1801 г. был найден полный перевод с арабского.

Эпоха великих открытий, начавшаяся с Колумба, по необходимости заставила устареть Птолемея, но общие принципы математической проекции карты заключали в себе великую истину, которую восприняла европейская наука.

Г. Алексеев

1235 В 1235 году в городе Пальме на острове Майорка родился Раймунд Луллий. Он создал «логическую машину», которая является предком современной ЭВМ.

750 лет со дня рождения

Вот уже несколько веков вокруг фигуры средневекового испанского философа и писателя Раймунда Луллия не утихают споры. Католический фанатик и миссионер, ратовавший за возобновление крестовых походов, он в то же время — оригинальнейший мыслитель, предтеча современной логики, создатель «логической машины» — предка современных ЭВМ. Выступая почти всю свою жизнь против арабской культуры, мусульманства, он явился одним из родоначальников европейской арабистики, ввел в университеты Европы преподавание многих восточных языков. Луллий — и основоположник национальной каталанской литературы, поэт и прозаик, впервые ставший писать на каталанском языке. Около 300 произведений Луллия дошло до нас (20 томов).

О самом Раймунде Луллии мы знаем немного. Уже при жизни «озареннейшего учителя» (как по средневековой традиции называли Луллия) вокруг его имени складывались легенды. И то, что мы знаем, слишком похоже на легенду. С молодых лет Раймунд Луллий вел светский образ жизни, занимая при дворе арагонского короля почетную

должность королевского стольника (одно из его любовных приключений стало даже сюжетом неоконченной повести Толстого «Аллага»). Затем, гласит предание, его посетило «божественное видение», как и полагается в легенде, это превращает его жизнь, он оставляет двор, поселяется на пустынной горе Мирамир и посвящает себя богу.

Построенная по «архитипическому» образцу средневековых жизнеописаний, эта биография дает все же одну дату: очевидно, с конца 60-х гг. XIII в. Луллий начинает разрабатывать свою философскую систему, без разбора которой нельзя говорить о Раймунде Луллии в целом.

Главный философский труд Луллия — книга «Великое искусство» (опубликована в 1480 г.). Луллий стоял на почве средневекового реализма, считавшего, что общие понятия, идеи реально существуют и предшествуют единичным вещам. Идеи определяют движение и отношения предметов. Следовательно, действительность можно познать «в обход» действительности — через уяснение законов и отношений понятий, «божественную тайну» можно

Памятные книжные даты. 1985. М., 1985. С. 42—44.

С инскриптом А.Ю. Галушкина:

«Это тоже написал я, А.Ю. Галушкин, забытый литератор 80-х годов XX века».

Из библиотеки В.В. Нехотина

Виктор Шкловский диктует своему литературному секретарю
Александру Галушкину. Переделкино. 1984.

Фотографии Игоря Пальмина

Пояснение А.Ю. Галушкина: «Я приступил в 1983-м. Фото назвал “Дирижер,
пианист и слушатель (на полу)”» (запись в ФВ 7 марта 2013).

На полу – спаниель Амка

В. Ш. и Ш. Ш. - ЗАПИСИ отдельных разговоров. Июнь 1988 - 06/1988

В. Ш. не удалось собрать вновь библиотеку после того, как он почти все распродал в (). Он говорит: - У меня в голове все книги, Ш. Ш. и Ш. Ш. библиотеки. Когда диктуешь - они (книги) урывают в голове разные вещи, они кричат.

Все уехали. На даче остался один В. Ш.
- Я остался, как пельте, которое повесили - и уши.
Чуть поспать:
-... как зловещий эпитет...

Хочу спросить: И в литературе? - Конечно, нет. Но все-таки очень страшно, и я никак не могу привыкнуть: яму руку человеку, который помнит, как начали над Маяковский (и они начали вместе с ним), мог видеть Толстого (но, как это же страшно, - не увидел), знал Нахдельштана, Платонова... Кажется, не удалось, если однажды он сказал: помню как-то с Туркелевичем... Это все так не делало. (в 20х он еще как А. Ф. Коэн. Наверное, так же удивлялся его рассказам тогда). В голове живу: как будто два Ш. Ш.: один, которого я хорошо знал по немурной литературе, по СПОЯБ-у, Ш. Ш. - формалист, лебедь и т. д. И другой Ш. Ш. - сегодняшний, которого я знаю только месяц и в котором все не очень привычно. Ш. Ш. спорит между собой, Ш. Ш. описывает Ш. Ш. Интресные диалоги. Серьезно и Завершение, этот и тот мир (и конечно говорить уже ш. ш. описаниями) - удивление светлых дней, пародии, автопародии, сходящиеся и расходящиеся прутья (в разных системах). И - для эффектного конца, необходимые самим Ш. Ш. описания: Дав-Кидел и Свячо Ниссо...

Разговор с Фрейдом. Более, чем короткий.
- Не люблю.
Спрашиваю, какие книги прележали у Ш. Ш. к Фрейд.
- Не люблю.

После разговора с Чеховым:
- Я ведь тоже Немецкий. В теории литературы. Как-то у меня все сразу получилось. Я поступил в Университет, к Вейсбергу, который занимался уже не литературой, хотя сам этого не знал. Он издал. Социальная критика. Меня спросили (а экзаменов): почему я выбрал ш. ш. описания факультета. Я ответил (просто): хочу сделать новую теорию прозы. И сделал.

Вместе с однокурсниками Светланой Свицуновой (на ее дне рождения)
и Владимиром Нехотиным.
20 марта 1990

Венция. Остров Мурано. Начало 2000-х

20 марта 1997

Барселона. Конец 1990-х

В Государственном
литературном музее.
С Л.М. Турчинским. 2004.
Фотография Сергея Филиппова

На работе, в отделе «Литературное
наследство» (ИМЛИ).
Апрель 2012.
Фотография Стефано Гардзонио

В хинкальной на Масловке.
С Михаилом Одесским, Давидом Фельдманом, Моникой Спивак.
15 марта 2014. Фотография Оксаны Киянской

Москва.
6 мая 2012

Москва.
10 октября 2012

При подготовке выставки к 80-летию «Литературного наследия»
в Государственном литературном музее. Ноябрь 2011

Швейцария.
Начало 2000-х

Последняя фотография.
20 июня 2014

Швейцария.
Начало 2000-х

Благодарим за предоставленные фотографии
Елену Тинчеву, Игоря Пальмина, Ирину Озерную, Светлану Свистунову,
а также всех авторов сборника и сотрудников ИМЛИ,
участвовавших в их подборе и атрибуции.

И вот после того, как золотая рыбка из «Московского комсомольца» старательно записала последнее мудреное слово «ревербератор», она отправилась напрямик к директору, женщине сухой и малопривлекательной, которая почему-то в это позднее время еще торчала в школе и домой не торопилась.

Что у них там произошел за разговор доподлинно не известно, но судя по достаточно скудным сведениям, директриса заявила, что коль журналистке этой так уж хочется поддержать молодые таланты, то пусть она на свои кровные и покупает им всю эту аппаратуру, так как у школы таких денег отродясь не водилось. И если вдруг даже и найдется вся эта несусветная сумма, есть еще куда денежки потратить, на другие, более благородные цели. А что касается этих с позволения сказать музыкантов, так они все до единого троечники и хулиганы, которые всем давно осточертели. Играют какую-то сплошную похабень, к тому же есть подозрения, что они на своих репетициях еще и курят. А значит, недалек тот час, когда они запалят школу.

После этого случая, предубеждение, которое испытывала по отношению к нам школьная администрация день ото дня только крепло. Другими словами, ждать, когда нам дадут пинка под зад со всей нашей музыкой, осталось недолго.

И видимо этот час пробил, потому как Надежда Ивановна повернулась к Саше и произнесла:

— Слушай, ты же в музыке понимаешь? Ну вот в этой, современной. Будь добр, послушай этих охламонов. Давай так, если тебе не понравится, я их сегодня же со всеми этими гитарами из школы выпровожу. Пусть у себя в квартирах бедлам учиняют. Хотя мне и так понятно, что гнать нужно.

А Саша Галушкин сразу согласился, он же барабанщиком в старом составе был, эти ребята неплохо играли, даже по-английски пели кой-чего.

Но что может сказать приятель завуча, да еще который так на меня сейчас смотрит, покровительственно и свысока? Понятное дело, будет на ее стороне. Тем более, он хоть и будущий, но журналист, а у меня уже была возможность убедиться, что вмешательства журналистов в частную жизнь человека имеют последствия фатальные.

Но с другой стороны он все же наш брат, музыкант, к тому же вчерашний школьник, чем черт не шутит, а вдруг? И я, подхватив усилитель с гитарой одной рукой, свободной потянул Сашу Галушкина за рукав:

— Правда, пойдем послушаешь, чего уж нас сразу гнать-то!

Тут Саша скосил глаза на мои пальцы на своем рукаве и очень холодно произнес:

— Это что еще за фамильярности? Я такого обращения не люблю!

Ничего себе, какие мы важные! Слово-то еще какое откопал - фамильярности! Конечно, кто я для него, такого серьезного и взрослого, да еще студента МГУ? А уж тем более такого, что сочинения на пятерки там пишет. Нахальный салажонок, которого требуется для начала поставить на место, а заодно помочь Надежде всю нашу кофлу спровадить подальше. Эх, похоже, я своим порывом только все испортил!

Мы поднялись на третий этаж, где в классе русского и литературы меня уже дожидались трое остальных участников квартета. При виде нашей процессии они заметно сконфузились, а когда Надежда Ивановна объяснила цель визита, то и вовсе приуныли. Но делать нечего, мы быстро подключились, кое-как настроились и начали.

Одну медленную, одну быструю и снова медленную. Мы хоть и сыграли чистенько, но без куража, какой уж там кураж, когда настроение похоронное. Не успели все это затеять, только и жили, что от репетиции до репетиции, а нам — от ворот поворот. Закончили мы, усилители выключили, гитары сняли, стоим, ждем вердикта.

— И что скажешь? — поджав губы, поинтересовалась Надежда Ивановна и обернулась к Саше, — лично меня не впечатлило!

Ну, все понятно, сейчас он, конечно, тоже заявит, что и его не впечатлило, тем более из-за этой моей бесцеремонности с его рукавом можно начинать провода сматывать, да гитары зачехлять.

И вдруг Саша произнёс:

— Да нет, Надежда Ивановна, зря Вы так. Они хорошо играют, мне понравилось. А через год вообще могут настоящей группой стать. Вам только сыгранности, ребят, не хватает, но это наживное!

Тут мы сразу офонарели, а больше всех, конечно же, Надежда. Она какое-то время вопросительно смотрела на Сашу, видимо, надеясь, что он скажет, что пошутил, делала ему страшные глаза, но тот и не думал поддаваться. Наоборот, поднялся со своего места, подошел ко мне и сказал:

— Ты гитару не бросай, если лениться не будешь, сможешь настоящим музыкантом стать.

И они отправились на выход. В дверях Надежда обернулась и отчеканила:

— Ладно, так и быть, репетируйте. Но не чаще трех раз в неделю. А то я чувствую, вы учиться совершенно перестали.

Еще шаг сделала и под занавес все-таки свою ложку дегтя добавила:

— Учтите, до первого замечания! А если кого с сигаретой застану, тому на следующий год никакого девятого класса, в ПТУ пойдет, как миленький!

На ноябрьские мы отыграли первый концерт и дальше уже выступали на всех огоньках и танцах у старших классов. Следуя совету Саше Галушкина, я не ленился, играя на гитаре каждую свободную минуту. К весне я был признанным гитаристом не только в нашем дворе, но и в паре соседних. И когда летом я случайно попал в один пионерский лагерь, меня там с распростертыми объятьями приняли в ансамбль играть на соло-гитаре. Лагерь оказался от медицинского института, из-за чего я стал врачом, потом мой сын стал врачом, может быть врачом станет и моя внучка.

И вот через тридцать пять лет, я стою рядом с Сашей Галушкиным, а вокруг людей хватают, народ скандирует: «Позор!», сирены воют, сигнализации, а мне так хочется ему сказать, что, если бы не он, вся моя жизнь могла пойти совершенно по-другому. Но ничего говорить не стал, все эти воспоминания казались в тот момент совсем неуместным, не говоря уже о том, что и ему могло показаться это странным, если не больше. Во всяком случае, времени полно, еще успею. А уж когда я все про него разузнал и понял, чем он всю жизнь занимается, каким он оказался известным, авторитетным литературоведом, мне страшно захотелось потрепаться с ним о Замятине, о Шкловском и о еще о многом другом.

Мы сразу стали переписываться, среди всего прочего я сообщил ему, что в середине восьмидесятых в реанимационном отделении где я тогда работал, несколько суток провел Сергей Макашин, с которым Саша начинал работу в «Литературном наследстве». Рассказал, как, пользуясь тем, что Макашин был в ясном сознании, я пытал его своими вопросами сутки напролет. Как мы говорили с ним о Бунине, о Трифонове, о Солженицыне. Как он поведал мне, что сидел в двух лагерях — немецком и советском. Еще я рассказал Саше, что когда Макашина подлечили и перевели из реанимации в отделение, на прощание Сергей Александрович пожал мне руку и сказал:

— Теперь-то я спокоен за ваше поколение!

С Сашей Галушкиным я виделся еще пару раз, причем тоже на протестных акциях. Когда мы с ним столкнулись у Замоскворецкого суда, где слушалось «болотное дело», то, пользуясь случаем, я все же рассказал ему о том, как он спас от разгрома наш школьный ансамбль. Рассказал и о слове «фамильярность», которым он тогда меня осадил.

Он страшно развеселился и начал в этой толпе кричать своей спутнице:

— Моня, Моня, ты только послушай, каким я оказывается был надменным типом!

Но тут из стоящего рядом автобуса выскочили омоновцы и как всегда принялись за свое, сбивать с ног, лупить дубинками, ломать и тащить. Нас раскидало, я долго потом крутил головой, но его уже не нашел.

Саша умер через несколько месяцев после нашей последней встречи. На панихиде говорили много слов, а я так и не решился выйти и сказать, что лишь у единиц есть доблесть уметь стоять на своем, не поддаваться, не прогибаться под ситуацию и обстоятельства. Именно они и меняют нашу жизнь. Во всяком случае так, как смог изменить мою, этот не по годам взрослый, большоголовый парень.

III .

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А.Ю. ГАЛУШКИНА (1981–2016 гг.)*

Составитель М.А. Фролов (Россия, Москва)

І. Книги

1. **Замятин Е.** Избранные произведения: Повести; Рассказы; Сказки; Роман; Пьесы / Сост. А.Ю. Галушкин. М.: Советский писатель, 1989.

2. **Шкловский В.** Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / Сост. А.Ю. Галушкин и А.П. Чудаков; подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина. М.: Советский писатель, 1990.

3. **Шкловский В.** Сентиментальное путешествие / Вступ. ст. Б. Сарнова; [подгот. текста А.Ю. Галушкина]. М.: Новости, 1990.

4. **Журналы «Вестник литературы» (1919–1922), «Летопись Дома литераторов» (1921–1922), «Литературные записки» (1922):** Аннотированный указатель [содержания] / Отв. ред. А.Ю. Галушкин; сост. А.Ю. Галушкин, Г.А. Гриханова, Н.С. Дворцина, Л.А. Скворцова; предисл. А.Ю. Галушкина. М.: Наследие, 1996.

5. **Хабиас (Оболенская) Н.** Собрание стихотворений / Изд. подгот. А.Ю. Галушкин и В.В. Нехотин; вступ. ст. В.В. Нехотина [при участии А.Ю. Галушкина]; коммент. А.Ю. Галушкина и В.В. Нехотина. М.: Совпадение, 1997.

* Список представляет собой автобиблиографию А.Ю. Галушкина 1981–2014 гг., отредактированную и дополненную по материалам его личного архива. Первая публикация (с небольшими сокращениями): Новое литературное обозрение. 2015. № 131. С. 239–244 (в составе блока материалов «In memoriam», посвященного памяти ученого).

6. **Chklovski V.** Troisieme Fabrique / Trad. du russe et présenté par V. Pozner et P. Lequesne; texte établi par A. Galouchkine; notes par A. Galouchkine et V. Pozner. Paris: L'Esprit des Peninsules, 1998.

7. **Замятин Е.** Я боюсь: Литературная критика; Публицистика; Воспоминания / Сост. и коммент. А.Ю. Галушкин; подгот. текста А.Ю. Галушкина и М.Ю. Любимовой. М.: Наследие, 1999.

8. **Шкловский В.** Еще ничего не кончилось... / [Сост. А.Ю. Галушкин]; предисл. «Приговоренный смотреть...» А.Ю. Галушкина; коммент. А.Ю. Галушкина и В.В. Нехотина. М.: Пропаганда, 2002.

8a. **Szkłowski W.** Jeszcze nie wszystko skończone... / Przełożył: Aleksandra Berkiet, Jolanta Skrunda; redakcja naukowa: Danuta Ulicka; „Skazany na patrzanie...” (przedmowa Aleksandra Gałuszki); przypisy A. Gałuszkin, V. Nehotin. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia; Wydawnictwo Akademickie SEDNO, 2016.

9. **Литературная жизнь России 1920–х годов: События. Отзывы современников. Библиография.** Т. 1, ч. 1: 1917 – 1920 гг. / [Предисл. «От составителей» А.Ю. Галушкина]; отв. ред. А.Ю. Галушкин; сост. Л.Е. Борисовская, О.В. Быстрова, А.Ю. Галушкин, Л.И. Голубева, Г.А. Гриханова, В.А. Дроздов, К.М. Поливанов, С.И. Субботин, Г.П. Трефилова, О.М. Ушакова, О.С. Фигурнова, Т.И. Янкевич. М.: ИМЛИ РАН, 2005 (2-е изд. М., 2006).

10. **То же.** Т. 1, ч. 2: 1921 – 1922 гг. М., 2005 (2-е изд. М., 2006).

11. **«Литературное наследство» за 80 лет:** Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы. В 5 кн. Кн. 1 / [Предисл. «От редакции» А.Ю. Галушкина]; отв. ред. А.Ю. Галушкин; библиогр. ред. Е.Д. Лебедева при участии О.Я. Алексеевой; сост. А.Ю. Галушкин, Ю.Г. Кондратьева, Е.Д. Лебедева, Г.П. Манчха, Е.Н. Никитин, Г.А. Петрова, Л.Н. Подгуг, М.А. Фролов при участии Е.В. Михайлова и М.И. Трепалиной. М.: ИМЛИ РАН, 2012 (Лит. наследство. Т. 104).

II. Статьи, публикации, рецензии, интервью

12. **Концепция и опыт литературы** [Рец. на кн.: Компанеев В. Художественный психологизм в советской литературе (1920–е годы). Л., 1980] // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 226–236.

13. **Пределы документалистики** [Рец. на кн.: Янская И., Кардин В. Пределы достоверности. М., 1981] // Вопросы литературы. 1982. № 7. С. 218–223.

14. **Возможности интерпретации** [Рец. на кн.: Яновский Н. Виктор Астафьев. М., 1982] // Вопросы литературы. 1983. № 10. С. 216–222.

15. **Доктор Кульбин:** [О Н.И. Кульбине] // Медицинская газета. 1986. 13 июня.

16. **«У стихов особая судьба...»:** [О Е.Г. Полонской] // Медицинская газета. — 1987. 16 янв.

17. **«Интересна каждая жизнь...»:** [О И.А. Оксенове] // Медицинская газета. — 1987. 25 сент.

18. **[К 100–летию со дня рождения Б.М. Энгельгардта]** // Памятные книжные даты. 1987. М.: Книга, 1987. С. 69–70.

19. **Замятин Е.** Встречи с Кустодиевым / Вступ. ст., примеч. и публ. А.Ю. Галушкина // В мире книг. 1987. № 6. С. 36–39, 46–49.

20. **Замятин Е.** Воспоминания о Блоке / Послесл., подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина // Юность. 1988. № 5. С. 73–77.

21. **«Вечный отрицатель и бунтарь»:** Е. Замятин — литературный критик / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина // Литературное обозрение. 1988. № 2. С. 98–112. **То же** (на венг. яз.): Szovjet Irodalom (Budapest). 1988. № 12. S. 164–188.

22. **Замятин Е.** Чехов; Мученики науки / Публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // Литературная учеба. 1988. № 5. С. 75–84.

23. **[Письмо в редакцию:** О судьбе своего коммент. к кн.: Замятин Е. Избранные произведения. М., 1989] // Книжное обозрение. 1989. 27 окт. С. 4.

24. **Замятин Е.** Рассказы и заметки / Вступ. зам. и публ. А.Ю. Галушкина // Русская речь. 1989. № 3. С. 47–59.

25. **Еще раз о письме Горького в газету «Накануне»** // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. Вып. 2. М.: Наука, 1989. С. 256–261.

26. **Замятин Е.** Автобиография; История одного города: [Пьеса]; Из набросков к пьесе; Приветствие Мейерхольду от «Фиги» / Публ., вступ. зам., коммент. и послесл. А.Ю. Галушкина // Странник. 1991. Вып.1. С. 11–30.

27. **Неизвестный документ** [заявление М.А. Булгакова об исключении его из Всероссийского союза писателей, 2 окт. 1929 г.] // Наше наследие. 1991. № 3. С. 79.

28. **Лицом к лицу с Молохом:** Пастернак о январском процессе 1937 года / Предисл. Л. Флейшмана; публ. и примеч. А.Ю. Галушкина // Независимая газета. 1991. 17 дек.

29. **Пильняк Б.** Статьи. 1922–1929 / Предисл., подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина // Возвращение: [Сб.]. Вып.1. М.: Советский писатель, 1991. С. 249–266.

30. **Четыре письма Виктора Шкловского** // Странник. 1991. Вып. 2. С. 75–80.

31. **От редакции** // De Visu. 1992. № 0 («нулевой»). С. 3–4. В соавт. с А.И. Коняшовым. Без подп.

32. **Замятин Е.И.** Письмо А.К. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Е.И. Замятина в 1922–1923 гг. / Публ., сопроводит. текст и примеч. А.Ю. Галушкина // De Visu. 1992. № 0 («нулевой»). С. 12–23.

33. **Неудавшийся диалог:** (Из истории взаимоотношений формальной школы и власти) // Шестые тыняновские чтения. Рига; М.: [б. и.], 1992. С. 210–217.

34. **«Я, сильный человек, бессилён»:** [Письмо В.Б. Шкловского к М.С. Шагинян от 21 сентября 1971 г.] / Вступ., примеч. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // Культура. 1993. 23 января.

35. **Неизвестное письмо:** [В.Б. Шкловского к М. Горькому, весна 1922 г.] / Предисл. и публ. А.Ю. Галушкина // Независимая газета. 1993. 23 января.

36. **Дневник дневников** [Рец. на кн.: Лукницкий П. Встречи с Анной Ахматовой. — Paris, 1991; Пришвин М. Дневники. — М., 1991; Чуковский К. Дневник. — М., 1991] // Открытое образование. 1993. Январь (№ 1). С. 6. Подп.: Александр Галкин.

37. **Шкловский В.Б.** Письма М.Горькому (1917–1923 гг.) / Примеч. и подгот. текста А.Ю. Галушкина // De Visu. 1993. № 1. С. 28–46.

38. **Новые материалы к библиографии В.Б. Шкловского** // De Visu. 1993. № 1. С. 64–77.

39. **В защиту свободы печати:** «Газета–протест», «Слову — свободу!», «Щит» // De Visu. 1993. № 4. С. 80–83.

40. «Пастернак да Пастернак, а о РАПШе ни полслова» [Интервью] / Беседу вел Н. Александров // Независимая газета. 1993. 10 июня. Совм. с А.И. Розенштромом (Коняшовым).

41. **Маяковский на рубеже XXI века** (19 — 21 мая 1993 г., Москва): [Отчет о конференции] // De Visu. 1993. № 7. С. 81–83. В соавт. с Л.Ф. Кацисом.

42. «Наступает непрерывное искусство...»: В.Б. Шкловский о судьбе русского авангарда начала 1930-х гг. / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. А.Ю. Галушкина // De Visu. 1993. № 11. С. 25–38.

43. **К истории личных и творческих взаимоотношений А.П. Платонова и В.Б. Шкловского** // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. Сб. М.: Современный писатель, 1994. С. 172–183.

44. **Виктор Шкловский. Статьи. Письма** / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.Ю. Галушкина // Тыняновский сб.: Пятые тыняновские чтения. Рига: Зинатне; М., 1994. С. 279–297.

45. **К «допечатной» истории романа Е.И. Замятина «Мы»** (1921–1924) // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman = Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. P. 366–375 (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).

46. **Письмо в редакцию** [О А.В. Белинкове] // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1995. № 4104. С. 17.

47. **Первый в постсоветской России** [О журнале «De Visu»] // Библиография. 1995. № 3. С. 41–44. Совм. с А.И. Розенштромом (Коняшовым).

48. **Куприн А. Левее левого** / Публ. и вступ. зам. А.Ю. Галушкина // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1995. № 4106. С. 10–11. **То же** (на фр. яз.): Lettres Russes (Paris). 1998. № 23. P. 2–3.

49. **Бабель И. На станции** / Публ. и вступ. зам. А.Ю. Галушкина // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1996. № 4113. С. 10–11.

50. **Замятин Е. Отец и благодетель** / Публ. и вступ. зам. А.Ю. Галушкина // Русская мысль = La pensee Russe (Paris), 1996. № 4114. С. 10–11.

51. «**В дни создаваемого ада...**»: Из публицистики Федора Сологуба 1918 г. / Предисл. и публ. А.Ю. Галушкина // Русская мысль = La pensee Russe (Paris) 1996. № 4145. С. 11–12.

52. **«Так жили поэты...»:** Неакадемические заметки об «академических пайках» // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1996. № 4152. С. 11–12; № 4153. С.11–12.

53. [Комментарии к статье **«О формализме и формалистах», 1927 г.**] // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Согласие, 1996. С. 500–502.

54. **Die ruckgewonnene Literatur:** Die Russische Literatur zwischen 1900 und 1920 in den Zeitschriften der Perestrojka–Epoche // Russland, wohin eilst du? Perestrojka und Kultur. Dortmund, 1996. Bd. 1. S. 403–409.

55. **Имажинисты: Лицом к лицу с НКВД** // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 55–64. При участии К.М. Поливанова.

56. **Из истории «литературной коллективизации»** // Russian Studies = Etudes Russes = Russische Forschungen. 1996. № 2. С. 437–478. **То же** (в отрывках): Тамбовская жизнь. 1997. 13 сент. (под загл.: Говорят участники Замятинских чтений в Тамбове).

57. **Материалы к библиографии Е.И. Замятина [1937 – 1985]** // Russian Studies = Etudes Russes = Russische Forschungen. 1996. № 3. С. 368–413.

58. **Якобсон Р.** Очередные задачи науки об искусстве / Публ. и послесл. А.Ю. Галушкина // Материалы Международного конгресса «100 лет Р.О. Якобсону» = Contributions to the International Congress «Roman Jakobson Centennial». М.: РГГУ, 1996. С. 17–19. **То же:** Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 3–7.

59. **Ф. Сологуб и Е.И. Замятин: Переписка** / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Ю. Галушкина и М.Ю. Любимовой // Неизданный Федор Сологуб: стихи, документы мемуары. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 385–394.

60. **«Имя горькое соженной Хабиас...»:** Нина Оболенская – героиня и жертва русского авангарда // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1997. № 4174. С. 11–12. Совм. с В.В. Нехотиным.

61. **Литературная Россия 1920-х гг.** [О работе над проектом «Летопись литературной жизни России 1917-1929 гг.»] // Вестник гуманитарной науки. 1997. № 2. С. 90–93.

62. **Замятинские дни в Санкт–Петербурге** // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1997. № 4178. С. 16.

63. **Материалы к зарубежной библиографии Е.И. Замятина.** (1925 – 1995) // Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 1997. Кн. III. С. 159–201.

64. **Сергей Есенин и «Современная Россия»: Новые материалы** // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. М.: Наследие, 1997. С. 488–492. (Есенинский сборник. Вып. III).

65. **У Зеленой Стены: Евгений Замятин в «задержанной эмиграции»** // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1997. № 4191. С. 10; № 4192. С. 10; № 4193. С. 10; № 4194. С. 10.

66. **После Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922–1923 гг.** // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 г. — СПб.: Алетейя, 1997. С. 237–244.

67. **Пародия как судьба: «Акоитист» Николай Хориков** // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1997. № 4198. С. 12; № 4199. С. 12.

68. **«Дело Пильняка и Замятина»:** Предварительные итоги исследования // Новое о Замятине: Сборник материалов. М.: МИК, 1997. С. 89–146.

69. **«Возвращение» Е. Замятина:** Материалы к библиографии (1986–1995) // Там же. С. 203–324.

70. **[Рецензия на кн.:] Ermolaev H. Censorship in Soviet Literature, 1917–1991.** — Lanham; Boulder; New York; London, 1997 // Новое литературное обозрение. — 1997. № 28. С. 420–423.

71. **Из протоколов литературного кружка «Современники».** (1923 – 1924) / Вступ. ст. и публ. А.Ю. Галушкина // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исследования и материалы. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 245–264.

72. **«Мне по пути с добычей...»: Поэт — «оригиналист» Альвэк** // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1998. № 4216. С. 13.

73. **«Люминизм» Вениамина Кисина** // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 8–12.

74. **Из истории издания книг Евгения Замятина** // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honour of Wojciech Zalewski. Stanford, 1999. P. 177–191 (Stanford Slavic Studies. Vol. 20).

75. **Виктор Шкловский и Роман Яacobсон. Переписка (1922–1956)** / Предисл., подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина // Роман Яacobсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГУ, 1999. С. 104–135.

76. **Еще раз о причинах разрыва В.Б. Шкловского и Р.О. Яacobсона** // Там же. С. 136–143.

77. **Головокружение от неудач:** Спецзаписка ОГПУ об отношении советских писателей к И.В. Сталину // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 104–110.

78. **Безработный еретик: Евгений Замятин — член Союза советских писателей** // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 1999. № 4285. С. 13.

79. **Над строкой партийного решения:** Неизвестное выступление В.В. Маяковского в ЦК РКП (б) // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 108–130. **То же** (с испр. и доп.): Творчество В.В. Маяковского в начале XX века: Новые задачи и пути исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 509–539.

80. **«Вы, вероятно, знаете поэта О.Э. Мандельштама...»:** Николай Бухарин об Осипе Мандельштаме // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 2000. № 4321. С. 13.

81. **«И так, стоя на костях, будем трубить сбор...»:** К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1928 — 1930 гг. // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 136–158.

82. **Два неизвестных письма Марины Цветаевой** // Русская мысль = La pensee Russe (Paris). 2000. № 4336. С. 13. Совм. с Л.А. Мнухиным.

83. **Андрей Платонов — И.В. Сталин — «Литературный критик»** // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: Наследие, 2000. Вып. 4. С. 815–826.

84. **Сталин читает Пастернака** // В кругу Живаго: Пастернаковский сборник. Stanford, 2000. P. 38–65 (Stanford Slavic Studies. Vol. 22). **То же** (с испр. и доп.): Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 650–672.

85. **[Комментарии]** // Тынянов Ю.Н., Шкловский В. Проза / Сост. и предисл. В.И. Новикова; коммент. Б.О. Костелянца, А.Ю. Галушкина, В.В. Нехотина. М.: СЛОВО / SLOVO, 2001. С. 725–765 («Пушкинская библиотека»).

86. [Note] // Šklovskij V. Zoo o lettere non d'amore / Trad. M. Zalambani; note di A. Galuškin e V. Nechotin. Palermo: Sellerio, 2002. P. 159–166.

87. **Е.И. Замятин и К.И. Чуковский: Переписка.** (1918 – 1928) / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб.: Рос. нац. библиотека, 2002. С. 193–239.

88. **Из переписки Виктора Шкловского** / Публ. А.Ю. Галушкина // Тарусские страницы. Вып. 2. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2003. С. 392–395.

89. **Материалы к прижизненной библиографии Е.И. Замятина.** (1908–1936) // Творческое наследие Евгения Замятина. Кн. XI. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2003. С. 196–251.

90. «...кто забудет Блокову кровь?»: Неизвестный некролог Б. Пильняка / Публ., предисл. и коммент. А.Ю. Галушкина // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. С. 180–183.

91. **1920–е: Премия vs конкурс: Александр Галушкин о литературных отличиях пореволюционных лет** // Критическая масса. 2006. № 2. С. 35–42.

92. **К истории «сменовеховского движения»** // Русский Берлин: 1920–1945. Международная научная конференция, 16–18 декабря 2002 г. М.: Русский путь, 2006. С. 20–38.

93. **Из истории литературного авангарда в Ленинграде: Группа «Непокой»** // Хармс – авангард: Материалы международной научной конференции «Даниил Хармс: авангард в действии и отмирании», 14–18 декабря 2005 г. Белград: Изд-во филол. фак-та Белградского ун-та, 2006. С. 419–424.

94. **Из разысканий об О.Э. Мандельштаме:** 1. О.Э. Мандельштам в дневниках И.Н. Розанова (1921–1922); 2. Неизвестная рецензия на книгу «О природе слова» (1922); 3. К истории издания книги «Стихотворения» (1928) // «Сохрани мою речь...». Вып. 4. Ч. 1. М.: РГГУ, 2008. С. 173–182.

95. **[Письма К.И. Чуковского Е.И. Замятину** / Публ. и коммент. А.Ю. Галушкина // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 14: Письма. 1903–1925. М.: Терра – Книжный клуб, 2008.

96. [Письма К.И. Чуковского Е.И. Замятину, В.Б. Шкловскому / Публ. и коммент. А.Ю. Галушкина] // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 15: Письма. 1926–1969. М.: Терра — Книжный клуб, 2009.

97. «Объявить несуществующим»: [Письмо Е.И. Замятина в Совнарком / Предисл. и публ. А.Ю. Галушкина] // Новая газета. 2009. 4 февраля.

98. Слишком «Новое о Маяковском»: [К 50-летию постановления ЦК КПСС о «Литературном наследстве»] // Новая газета. 2009. 3 апреля.

99. Замятин Евгений Иванович (1884–1937): [Избр. библиография за 1914–2003 гг.] // Русская литература конца XIX — начала XX века: Библиографический указатель. Т. I (А–М). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 587–595.

100. Из истории редакционного архива «Литературного наследства»: к 80-летию основания издания // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 41–47.

101. Роскина Н. Наша редакция / Предисл. А. Галушкина; публ. и коммент. М. Фролова // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 391–399.

102. «Литературное наследство»: страницы истории. Из архива С.А. Макашина (К 80-летию основания издания) / Публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина; вступ. зам. А.Ю. Галушкина при участии М.А. Фролова; коммент. М.А. Фролова (раздел 1) и А.Ю. Галушкина (разделы 2–4) // Русская литература. 2011. № 2. С. 63–98.

103. Архивы представляют [Выставка «Золотой фонд»: К 80-летию «Литературного наследства»] // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 120–121.

104. От какого наследства мы отказываемся: [Интервью] / Беседу вела Е. Дьякова // Новая газета. 2011. 12 августа.

105. К 80-летию «Литературного Наследства». С.А. Макашин. «О “Литературном наследстве”» / Предисл., публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина; коммент. М.А. Фролова // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. Книга 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 963–986.

106. Шкловский Виктор Борисович // Московская энциклопедия. Том 1: Лица Москвы. Кн. 5 (У–Я). М.: Фонд «Московские энциклопедии», 2012. С. 443–444.

107. **Виктор Шкловский в 1913 году** // 1913. Слово как таковое. К юбилейному году русского футуризма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. С. 204–211.

108. **Письмо Е. Замятина А. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Замятина в 1922–1923 гг.** // Е.И. Замятин: pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: Антология / Сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой; вступ. статья Е.Б. Скороспеловой. СПб.: «Апостольский город — Невская перспектива», 2014 (Серия «Русский Путь»). С. 122–141 (перепечатка публикации 1992 г.).

109. **К «допечатной истории» романа Е. Замятина «Мы» (1921–1924)** // Там же. С. 404–414 (перепечатка публикации 1994 г.).

110. **Галушкин Александр Юрьевич: [Биографическая справка]** // Там же. С. 932–933.

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

**БИБЛИОТЕКА
«ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»**

Новая серия. Выпуск 1

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ
СТАТЬИ. ПУБЛИКАЦИИ. МЕМУАРЫ**

Памяти А.Ю. Галушкина

Компьютерная верстка

А.З. Бернштейн

Подписано в печать 05.12.2016

Формат 60×90¹/₁₆

Усл.-печ. л. 25,0

Тираж 500 экз.

Заказ 1993

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-9208-0604-1

9 785920 805041

**ИМЛИ РАН
Москва 2017**